

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 8

Самара
Издательство «Универс групп»
2010

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Самарского государственного университета*

УДК 159.9 (092)

ББК 88

П86

Рецензент

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии
личности МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАО
В.А. Петровский

Редакционная коллегия:

Агафонов А.Ю., Шпунтова В.В.,
Березин С.В., Лисецкий К.С., Павлова Е.А.

П86 **Психологические исследования** : сборник научных трудов.
Выпуск 8 / под ред. К.С. Лисецкого, В.В. Шпунтовой. – Самара :
Изд-во: «Универс групп», 2010. – 356 с.
ISBN 978-5-467-00214-9

Восьмой выпуск сборника содержит статьи, написанные студентами, аспирантами, соискателями и преподавателями факультетов психологии Самарского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного университета. Данное издание включает в себя работы теоретического и эмпирического характера, отражающие современное состояние науки в таких отраслях как психология познания, социальная, семейная психология, психология развития и педагогическая психология, психология здоровья и клиническая психология, психология личности, практическая психология и психотерапия, психология искусства, психология труда.

Сборник ориентирован на студентов, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется новыми исследованиями в психологии.

УДК 159.9 (092)

ББК 88

*Выражаем благодарность выпускникам заочного отделения
психологического факультета 2009 года*

ISBN 978-5-467-00214-9

© Авторы, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ.....	6
<i>Агафонов А.Ю., Куделькина Н.С., Ворожейкин И.В.</i> Феномен неосознаваемой семантической чувствительности: новые экспериментальные факты (статья 1).....	6
<i>Агафонов А.Ю.</i> Понятие «сознание»: нужно ли определение?	26
<i>Карпинская В.Ю., Ворожейкин И.В.</i> Семантическая обработка информации при неосознанном восприятии автостереограммы	34
<i>Козлов Д.Д., Доронина К.Ю.</i> Обобщенные регрессионные модели в психологии: пример исследования фиксированной установки	38
<i>Литягина Е.В.</i> Феномен понимания с точки зрения студентов-психологов: обзор рефлексивных эссе.....	60
НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	67
<i>Алирзаева С.М., Ушмудина О.А.</i> Досуговый характер употребления молодежью наркотических веществ	67
<i>Бакуштова Е.В.</i> Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной психологии.....	71
<i>Канунникова Ю.С., Ушмудина О.А.</i> Особенности поведения в конфликте студентов с различной оценкой образовательной среды	86
<i>Трофимова Н.А.</i> Взаимосвязь социального интеллекта и интенсивности виртуального общения	100
НАПРАВЛЕНИЕ 3. СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	109
<i>Самыкина Н.Ю., Гайдуллина Т.В.</i> Особенности родительско-детских отношений в семьях студентов	109
НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	116
<i>Ахмадеева А.Д.</i> Формирование личности близнецов.....	116
<i>Самыкина Н.Ю.</i> Влияние родительского отношения на успешность ребенка младшего школьного возраста.....	123

<i>Панина Е.С.</i> Влияние конфликтогенеза на доверительные отношения между родителями и детьми юношеского возраста: лонгитюдное исследование	129
<i>Ушмудина О.А.</i> Психологические условия предупреждения наркотической зависимости студентов.....	134
НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Березин С.В.</i> Зависимость. Созависимость. Партнерство	157
<i>Ежова О.Н.</i> Здоровый человек: реальность или миф?.....	168
<i>Зоткина Е.А.</i> Особенности образов «здоровья» и «болезни» (на примере женщин, перенесших мастэктомию при раке молочной железы)	189
<i>Лисецкий К.С.</i> Психокосметология. «Тайм.-реверс» эффект... ..	197
НАПРАВЛЕНИЕ 6. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....	
<i>Гусева Е.С.</i> Особенности представлений о личности в православном богословии.....	211
<i>Заманаева Ю.В., Бурина Е.А., Скачкова А.Л.</i> Психологические механизмы переживания жизненных «обретений».....	224
<i>Козлов Д.Д., Брегидова К.Е.</i> Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность прогноза оказания помощи	235
<i>Литягина Е.В.</i> Духовность и наркомания: психологический аспект	267
<i>Серебрякова М.Е.</i> Роль ценностно-смысловой сферы личности в обеспечении личностной саморегуляции	275
<i>Титенков А.В., Зоткин Н.В.</i> Влияние состояния любви на самоактуализацию личности	284
<i>Шалаева Н.Ю.</i> Другой человек как зеркало проекции.....	292
<i>Шпунтова В.В.</i> Становление ценностей личности: раннее детство – подростковый возраст	301
НАПРАВЛЕНИЕ 7. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ.....	
<i>Березин С.В.</i> Пространство мифа – пространство бессознательного	314

НАПРАВЛЕНИЕ 8. ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА	326
<i>Литягина Е.В.</i> «Ящик для письменных принадлежностей» Милорада Павича: контент-анализ, проведенный студентами-психологами	326
НАПРАВЛЕНИЕ 9. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА	337
<i>Шейнис М.Ю.</i> Изучение доминирующих мотивов профессиональной деятельности государственных служащих	337
<i>Шейнис М.Ю.</i> Исследование влияния типа базового образования на эффективность профессиональной деятельности после переквалификации	342
АВТОРЫ	351

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

*А.Ю. Агафонов, Н.С. Куделькина,
И.В.Ворожейкин*

Феномен неосознаваемой семантической чувствительности: новые экспериментальные факты (статья 1)

*Исследование проводилось при поддержке РФФИ
(грант № 10-06-00169-а, рук. проф. А.Ю. Агафонов)*

1. Введение

В когнитивной психологии накоплено значительное количество экспериментальных данных, демонстрирующих впечатляющие возможности неосознаваемой обработки информации. В ряде исследований показано, что информация, в том числе, семантической природы, может с высокой эффективностью перерабатываться без ее осознания, а результаты такой переработки при этом прямо влияют на эффекты работы сознания, связанные с текущей когнитивной деятельностью (Агафонов, Куделькина, 2009; Филиппова, 2006; Фаликман 1999; Карпинская, 2008; Marcel, 1983; Forster, Davis, 1984; Plaunt, 2005; Livesay, Burgess, 1998; Pecher, Zeelenberg, Raaijmakers, 1998, Dehaene, 1998 и др.).

В настоящее время ведется активный поиск механизмов «когнитивного бессознательного», а также исследуются процессы взаимодействия между сознанием и неосознаваемым. В русле этого поиска главные проблемы, требующие решения, могут быть сформулирова-

ны следующим образом: Зачем осознавать, если человек способен неосознанно обрабатывать информацию вплоть до семантического уровня? Каким образом происходит взаимодействие осознаваемого и неосознаваемого в познавательной деятельности?

Для экспериментального изучения неосознаваемых когнитивных образований достаточно часто используется методика прайминга. Феномен прайминга заключается во влиянии, как правило, неосознаваемого стимула на последующие реакции испытуемого (ассоциативные реакции, сенсомоторные реакции и т.д.). В большинстве проведенных экспериментов обнаружены лишь локальные эффекты влияния неосознаваемой информации на результативность когнитивной деятельности. Т.е., чаще в центре внимания находятся воздействия единичных неосознаваемых стимулов.

Известно лишь незначительное число исследований, посвященных проблеме информационной переработки массива неосознаваемых стимулов (*Balota, Paul, 1996; Smith, Besner, Miyoshi, 1994; Stolz, Besner, 1997; Davelaar, Coltheart, Besner, Jonasson, 1978; Joordens, Becker, 1997; Gordon, 1983; Cheesman, Mirkle, 1995; Bodner, Masson, 1995; McKoon, Ratcliff, 1995; Bussche, Segers, Reynvoet, 2007*). Но даже имеющиеся разрозненные экспериментальные факты позволяют предположить, что, вполне вероятно, существуют специфические механизмы целостного неосознаваемого анализа информационного массива. Однако до сих пор не получено удовлетворительных ответов на многие ключевые вопросы. Какие когнитивные механизмы обеспечивают информационный анализ массива неосознаваемой информации? Насколько широко может анализироваться информация на неосознаваемом уровне? Идет ли речь только о влиянии предшествующего, неосознанно воспринятого стимула (прайма) на последующий в серии (См. *Balota, Paul, 1996*), или же допустимо говорить о целостном бессознательном анализе множества стимулов? Каким образом неосознанно выявленные закономерности в информационном массиве влияют на когнитивную деятельность? Описанное ниже исследование, возможно, поможет получить ответы на эти вопросы.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

2. Терминология.

Когнитивная задача – тестовое задание (анаграмма).

Прайм – неосознаваемый стимул, предваряющий решение когнитивной задачи.

Экспериментальная ситуация – одно из состояний независимых переменных.

Экспериментальное условие – особенности прайм-стимуляции в рамках одной экспериментальной ситуации.

Валидный прайм – неосознаваемое слово, значение которого соответствует правильному решению когнитивной задачи.

Невалидный прайм – неосознаваемое слово, значение которого не соответствует правильному решению когнитивной задачи.

Позитивный прайминг-эффект – положительное воздействие прайма на эффективность когнитивной деятельности.

Негативный прайминг-эффект – отрицательное воздействие прайма на эффективность когнитивной деятельности.

3. Гипотезы.

При выдвижении гипотез мы руководствовались следующей логикой. В исследованиях, проведенных ранее, установлено, что прайминг-эффект (влияние неосознаваемого стимула на решение задачи) может быть негативным или позитивным. Если неосознаваемое воздействие является валидным для решения актуальной задачи (релевантно ей по семантическому содержанию), то это облегчает решение, если наоборот – затрудняет. Но, если на неосознаваемом уровне информация анализируется серийно, а не изолированно, то вероятно, прайминг-эффект может зависеть не только от валидности отдельного стимула, но и от опыта неосознаваемой обработки предшествующей серии прайм-стимулов. Т.о., степень выраженности позитивного/негативного прайминг-эффектов может выступать эмпирическим маркером процессов неосознаваемой обработки серии стимулов.

1. С увеличением числа валидных праймов в экспериментальной серии усиливается позитивный прайминг-эффект валидного прайма. (Если человек несколько раз подряд неосознанно получает правильную подсказку, то она все больше влияет на процесс решения).

2. Негативный прайминг-эффект становится менее выраженным с возрастанием числа невалидных праймов в серии. (Если человек несколько раз подряд неосознанно получает неправильную подсказку, то она все меньше влияет на процесс решения).

3. Позитивный прайминг-эффект валидных праймов выражен меньше, когда валидным праймам предшествует серия невалидных. В свою очередь, негативный прайминг-эффект невалидных праймов выражен больше, когда им предшествует серия валидных.

4. Эксперимент 1. Влияние характера прайма и организации прайм-серии на эффективность когнитивной деятельности.

4.1. **Цель:** определить зависимость эффективности решения когнитивных задач (анаграмм) от характера прайм-стимула (валидный, невалидный), а также в зависимости от местоположения прайма в прайм-серии.

4.2. Методика.

4.2.1. **Испытуемые.** В эксперименте приняли участие 100 человек обоих полов в возрасте от 17 до 55 лет, имеющих нормальное или скорректированное до нормального зрение. Испытуемые были включены в пять экспериментальных групп по 20 человек в каждой.

4.2.2. **Стимульный материал и процедура.** В эксперименте использовались анаграммы, «кодирующие» слова, состоящие из пяти букв. Все слова были существительными в единственном числе и имели высокую частоту встречаемости. Прайм-стимулы представляли собой слова, состоящие из пяти букв. Праймы либо соответствовали (валидный прайм), либо не соответствовали (невалидный прайм) слову-отгадке анаграммы. Валидный прайм являлся словом-отгадкой анаграммы. Например, перед анаграммой «аоккш» (отгадка – «кошка») появлялся прайм – слово «кошка». В случае несоответствия, слова-праймы были подобраны так, что они не имели семантического

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

или лексического сходства со словом-отгадкой анаграммы. Например, перед анаграммой «аоккш» (отгадка – «кошка») появлялся прайм – слово «берег». Все слова, выступающие в качестве невалидных праймов, имели высокую частоту встречаемости в речи.

Стимульный материал предъявлялся на экране монитора. Нажатие испытуемым кнопки сопровождалось звуковым сигналом. Использовалась специально разработанная программа, которая позволяла задавать последовательность визуальных стимулов и фиксировать время сенсомоторной реакции.

В качестве зависимых переменных выступали: а) время решения когнитивной задачи (анаграммы); б) наличие индивидуальных затруднений при решении анаграмм, субъективно осознаваемые как «неспособность угадать слово».

Основными независимыми переменными являлись: характер прайма (валидный, невалидный); а также характер предшествующих праймов в серии. Последняя переменная имела ряд вариаций в соответствии с пятью экспериментальными ситуациями.

Экспериментальная ситуация 1: перед первыми 20-тью анаграммами предъявлялись валидные праймы; последующие 20 (с 21-ой по 40-ю) анаграмм предварялись невалидными праймами. Таким образом, в данной ситуации решению когнитивных задач предшествовали: валидные праймы, выступающие в серии первыми (условие «**В**»); невалидные праймы, выступающие в серии вторыми после валидных (условие «**ВН**»).

Экспериментальная ситуация 2: последовательность предъявления праймов была противоположной: сначала решались 20 задач с невалидными праймами, а затем 20 других задач – с валидными. Решению задач предшествовали: невалидные праймы, выступающие в серии первыми (условие «**Н**»); валидные праймы, выступающие в серии вторыми после невалидных (условие «**НВ**»).

Экспериментальная ситуация 3: все 40 анаграмм решались с валидными праймами. В данном случае решению анаграмм предшество-

вали: валидные праймы, выступающие в серии первыми (условие «В»); валидные праймы, следующие за серией валидных (условие «ВВ»).

Экспериментальная ситуация 4: все 40 анаграмм решались с невалидными праймами. Решение задач предваряли: невалидные праймы, выступающие в серии первыми (условие «Н»); невалидные праймы, выступающие в серии вторыми после невалидных (условие «НН»).

Экспериментальная ситуация 5 (контрольная): все 40 анаграмм решались без прайм-стимуляции. Здесь возможно выделить два случая: серия из 20 анаграмм, решаемых первыми (условие «К»); серия из 20 анаграмм, решаемых после того, как уже решены предыдущие двадцать (условие «КК»).

Таким образом, независимая переменная «характер предшествующих праймов в серии» имела шесть вариаций: «Н», «В», «ВВ», «ВН», «НН», «НВ». Два контрольных условия: «К», «КК».

Процедура строилась следующим образом. Испытуемому на экране предъявлялось слово-прайм. Время предъявления составляло 25 мсек. Для того чтобы прайм не осознавался испытуемым, сразу после его предъявления экспонировалась «маска» в виде хаотически расположенных линий. Толщина и цвет линий «маски» соответствовали таковым в прайме. Время зрительной маскировки составляло 50 мсек. Затем через 500 мсек после маскирующего изображения предъявлялась анаграмма. Анаграмма оставалась на экране монитора до момента ее решения. Как только испытуемый находил решение анаграммы, он нажимал на клавишу клавиатуры. Фиксировалось время реакции в мсек. После решения задачи экспозиция анаграммы прекращалась, затем испытуемому предлагалось еще раз нажать на клавишу, для того чтобы подтвердить свою готовность к решению следующей задачи.

Первичные данные обрабатывались при помощи описательных статистик. Для подтверждения достоверности результатов были применены: t – критерий Стьюдента для независимых выборок, а также χ^2 Пирсона. Для оценки динамики эффективности решения задач использовался метод регрессионного анализа – полиномиальная регрессия. Применялась программа StatSoft Statistica версия 6.0.

4.2.3. Результаты и их обсуждение.

Был обнаружен выраженный позитивный прайминг-эффект при решении задач с валидными праймами (условие «В»). Этот эффект, во-первых, выражался в том, что задания, которым предшествовали валидные праймы, решались существенно быстрее по сравнению с заданиями без праймов (условие «К»). Среднее время решения анаграмм с валидными праймами оказалось достоверно меньшим по сравнению с тем же показателем для задач без прайм-стимуляции ($t(1204)=6,65, p<0,01$). (См. Рис.1).

Во-вторых, в процессе решения задач с валидными праймами у испытуемых практически не возникало затруднений. В то время, как решая задачи без праймов (контрольное условие), испытуемые отмечали большее количество субъективных затруднений ($\chi^2(1)=8,86; p<0,001$).

Рис. 1. Среднее время решения задач с валидным праймом и при отсутствии прайм-стимуляции

В свою очередь, при решении задач с невалидными праймами (условие «Н») был обнаружен выраженный негативный прайминг-эффект. Он проявлялся в значимом увеличении времени решения задач, которые предварялись невалидными праймами по сравнению со временем решения задач без прайм-стимуляции (условие «К») ($t(947)=5,93, p<0,001$). (Рис. 2).

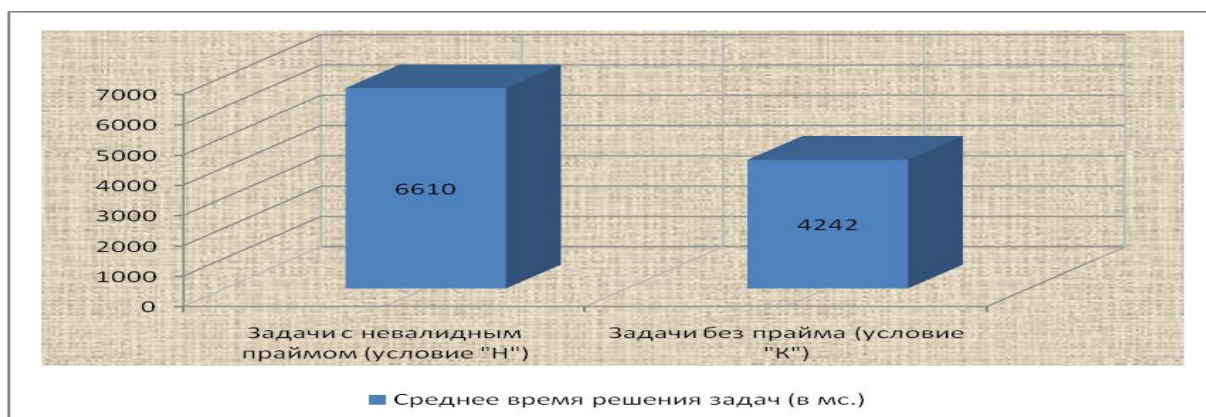

Рис. 2. Среднее время решения задач с невалидным праймом и при отсутствии прайм-стимуляции

Также в случае решения задач с невалидными праймами отмечалось увеличение числа субъективных затруднений по сравнению с ситуацией решения задач без праймов. Различия между выборками по данному параметру достоверны ($\chi^2(1)=30,44$; $p<0,001$).

Следует особо отметить, что эффективность решения анаграмм при неизменном характере прайм-стимуляции заметно меняется от первой задачи к последующим. Так, при решении задач с невалидными праймами время их решения убывает от первой половины экспериментальной серии (задачи №№ 1-20: условие «Н») ко второй (задачи №№ 21-40: условие «НН») ($t(1010)=7,92$, $p<0,001$) (См. Рис. 3).

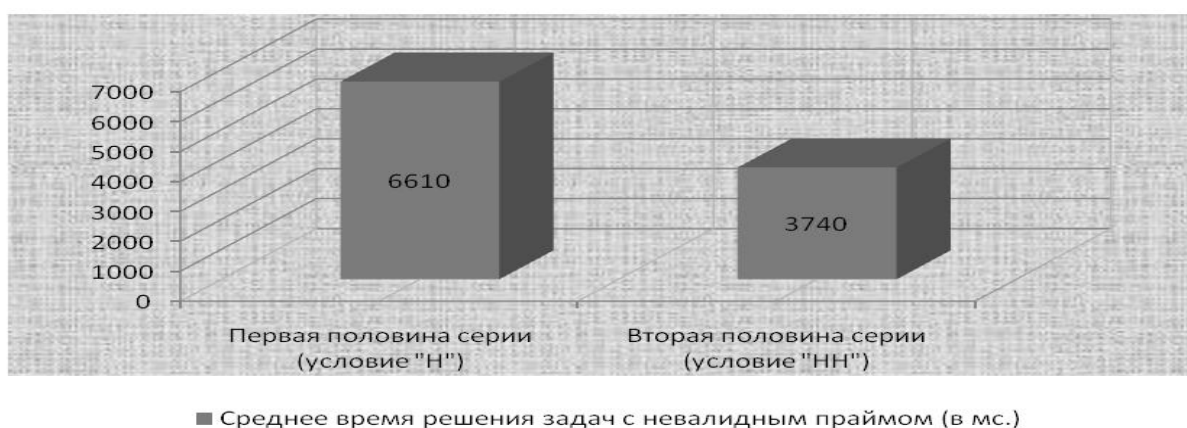

Рис. 3. Среднее время решения задач с невалидными праймами в первой и во второй половинах экспериментальной серии

Также присутствует выраженная динамика количества субъективных затруднений при решении задач с невалидными праймами.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

Частота возникновения затруднений сокращается от первой половины экспериментальной серии ко второй ($\chi^2(1)=14,55, p<0,001$).

Таким образом, можно констатировать заметное повышение эффективности решения задач с невалидными праймами по ходу экспериментальной серии. Этот факт не является рядовым и не может быть объяснен как элементарный эффект научения. Основанием для такого заключения являются результаты сравнения динамики времени решения задач и числа возникновения субъективных затруднений при невалидных праймах (условия «Н» и «НН») и при отсутствии прайм-стимуляции (условия «К» и «КК») (Рис. 4).

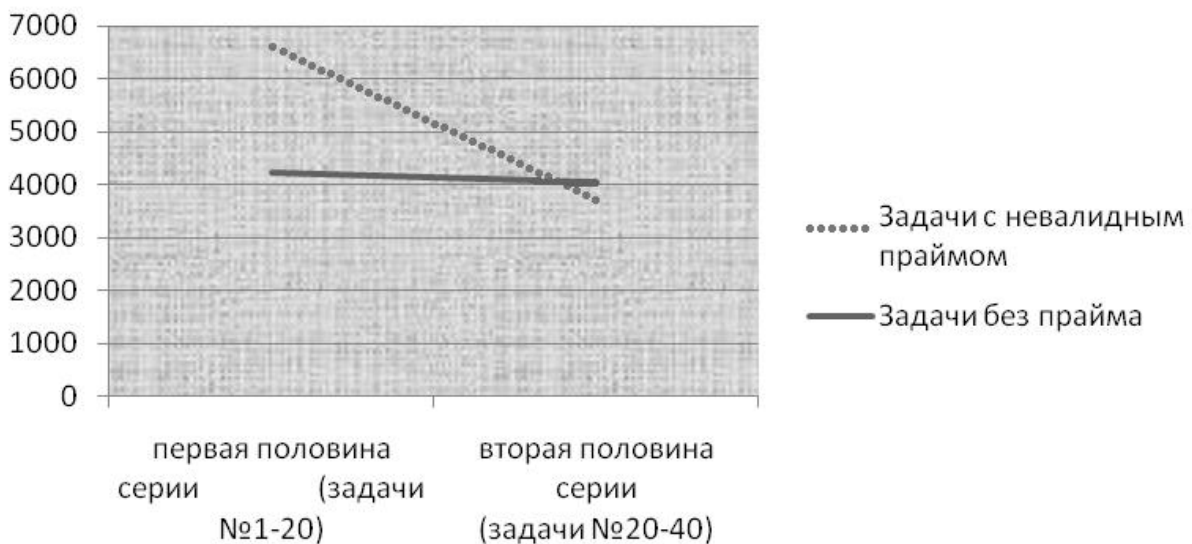

Рис. 4. Динамика эффективности решения задач с невалидным праймом и без прайм-стимуляции

В отсутствие прайм-стимуляции среднее время решения задач в первой половине экспериментальной серии лишь незначительно больше аналогичного показателя во второй половине той же серии ($t(646)=0,67, p=0,50$) (См. Рис. 6). Также незначимо при отсутствии прайм-стимуляции различаются показатели субъективных затруднений от первой ко второй половине экспериментальной серии ($\chi^2(1)=0,63, p=0,42$).

То обстоятельство, что научение незначительно повлияло на эффективность решения задач, по всей видимости, объясняется следую-

щими обстоятельствами. В эксперименте использовались достаточно простые задания, решение которых занимает всего несколько секунд. Кроме этого, отсутствовал общий для всех задач алгоритм решения: «разброс» букв в каждой последующей анаграмме отличался от предыдущей случайным образом.

Что же означает выявленное приращение эффективности решения задач с невалидными праймами по ходу экспериментальной серии, если этот факт не может быть интерпретирован как тривиальный результат научения? Невалидный прайм, первоначально оказывающий сильное «тормозящее» влияние на эффективность решения задач, постепенно перестает «мешать» процессу решения задач. Время решения во второй половине экспериментальной серии с невалидными праймами не имеет достоверных отличий от времени решения задач во второй половине экспериментальной серии без прайм-стимуляции ($t(675)=1,84, p=0,19$). Этот результат подтверждает исходное предположение о том, что степень воздействия неосознаваемой информации на текущую когнитивную деятельность сознания зависит не только и не столько от характера самой этой информации (напомним, что характер прайма в данном случае на протяжении всей экспериментальной серии был неизменен – все праймы были невалидными), сколько от характера предшествующей серии подобных воздействий.

Обнаруженный экспериментальный факт показывает, что величина прайминг-эффекта при неизменном характере прайм-стимуляции способна варьироваться в весьма существенных пределах. Логично допустить, что повышение эффективности решения задач с невалидными праймами во второй половине экспериментальной серии произошло вследствие снижения «чувствительности» к прайм-стимулам, что, по существу, означает негативную адаптацию к неосознаваемой невалидной информации. При этом, чтобы регуляция уровня неосознаваемой чувствительности или иначе, восприимчивости к неосознаваемой информации, стала возможной, должны быть прежде реализованы следующие когнитивные действия, определяющую в данной ситуации логику микрогенеза осознания: а) прайм-

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

стимул должен быть неосознанно воспринят и семантически обработан; б) задача, непосредственно следующая за праймом, должна быть решена; в) результат решения должен быть соотнесен с воспринятым праймом для оценки степени его валидности по отношению к актуально решаемой когнитивной задаче; г) должен быть неосознанно произведен статистический анализ валидности серии неосознаваемых воздействий по отношению к решаемым тестовым заданиям.

Только после этого возможна регуляция силы воздействия последующего прайма на эффективность решения задачи. О том, что речь идет именно об оценке валидности всей серии событий, а не отдельного прайма, свидетельствует тот факт, что снижение «тормозящего» влияния прайма происходит не скачкообразно от первой задачи ко второй, а нарастает постепенно. Более детальный анализ динамики эффективности решения задач проводился при помощи регрессионного анализа (Рис. 5).

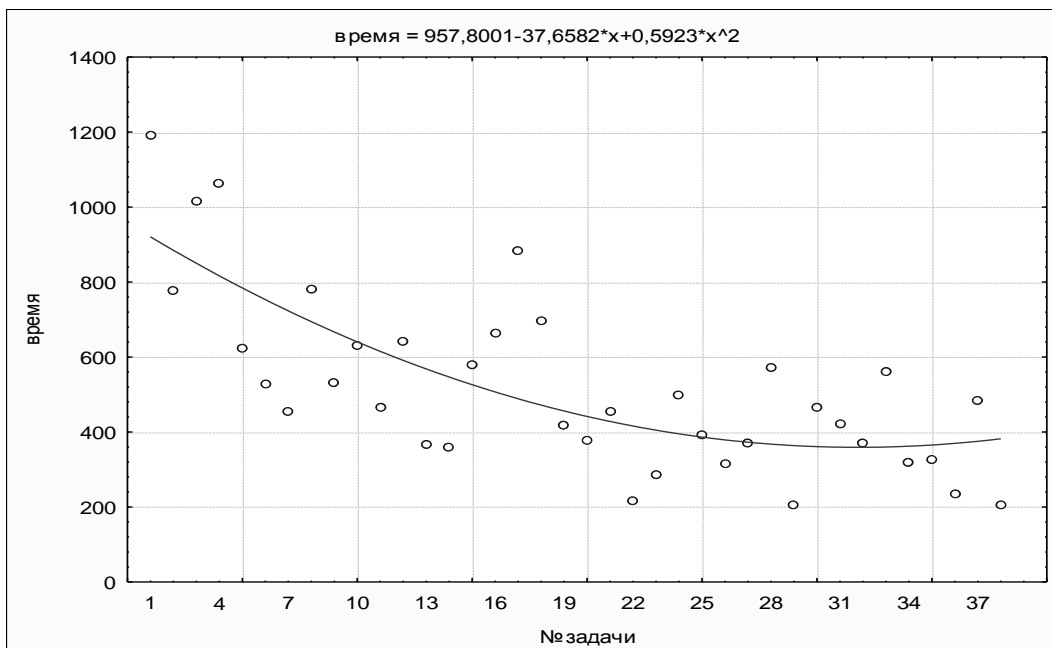

Рис. 5. Время решения задач с невалидными праймами

Для сравнения приведем динамику времени решения задач в контрольной группе (без прайминга) (Рис. 6).

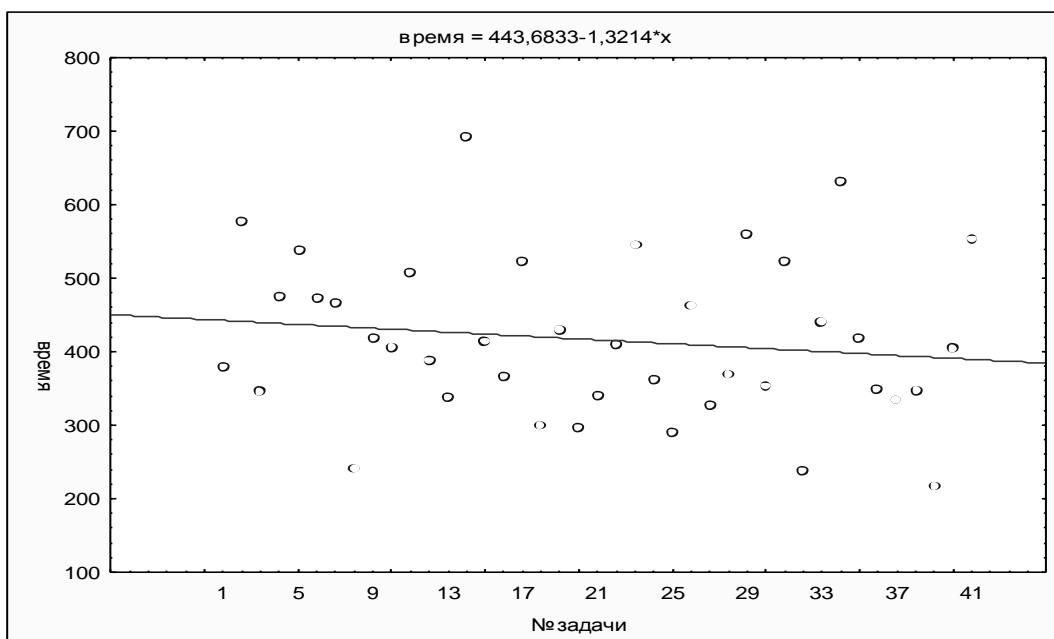

Рис. 6. Время решения задач без прайма

При решении задач с валидными праймами также есть положительная динамика эффективности. По мере увеличения количества задач, время их решения сокращается, однако данная зависимость не столь выражена как в случае с невалидными праймами. Различия во времени решения задач от первой ко второй половине экспериментальной серии прослеживаются лишь на уровне тенденции ($t(1258)=2,07, p=0,03$).

Если сравнивать динамику времени решения задачи от первой ко второй половине экспериментальной серии при валидных праймах с контрольными условиями, то, на первый взгляд, различия мало заметны (Рис. 7).

Однако более детальный анализ показывает, что динамика повышения эффективности решения задач при валидных праймах не является равномерной как в контрольной группе. Это наглядно демонстрируют результаты регрессионного анализа (Рис. 8).

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

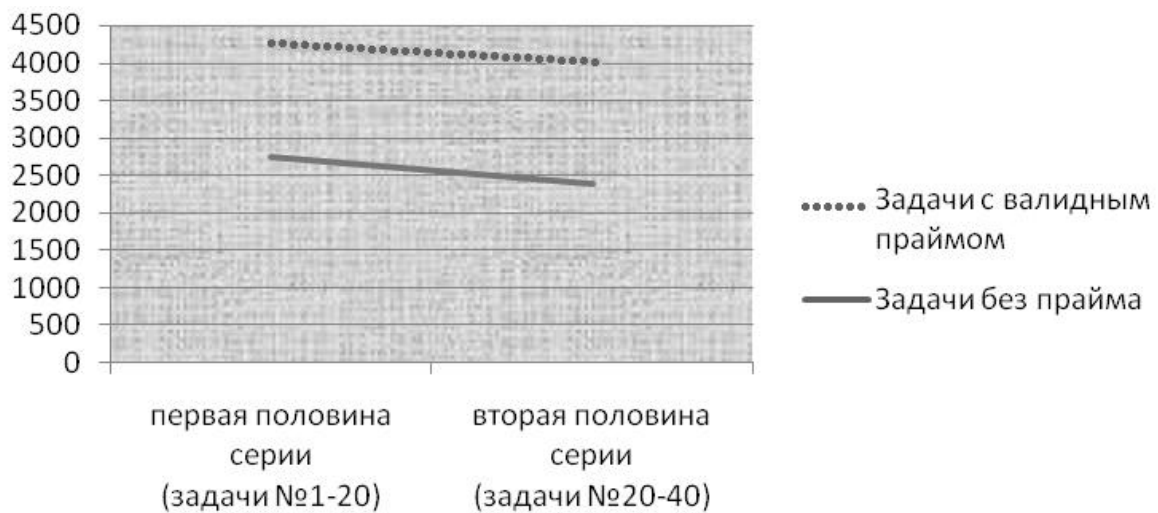

Рис. 7. Динамика эффективности решения задач с валидным праймом и без прайм-стимуляции

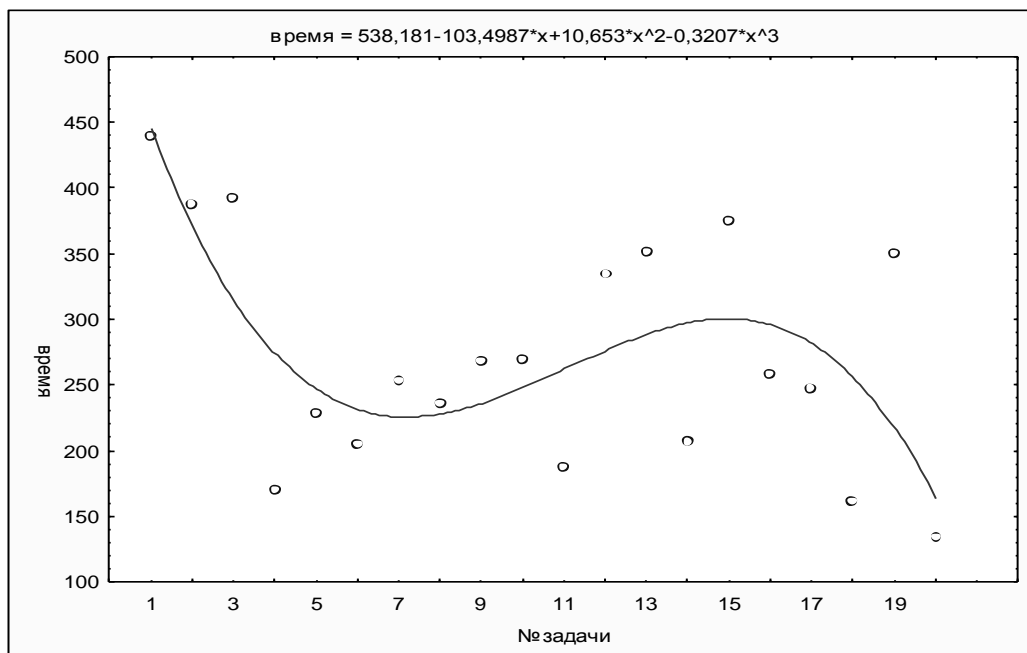

Рис. 8. Время решения задач с валидным праймом

Начиная решать задачи (при валидных праймах) с эффективностью сравнимой с той, что наблюдается в контрольной группе (без прайминга), испытуемые уже на четвертой задаче сокращают время решения почти в два раза и сохраняют достигнутую эффективность с незначительными колебаниями до конца экспериментальной серии (колебания времени решения во второй части экспериментальной серии не достигают порога статистической значимости). Время решения задач при валидных праймах как в первой, так и во второй половинах

экспериментальной серии значительно отличается от соответствующих показателей в контрольной группе.

Опять же важно подчеркнуть, что стремительное повышение эффективности решения задач с валидными праймами в первой половине экспериментальной серии (первые двадцать задач) не является следствием научения, так как в контрольной группе динамика эффективности носит более ровный, линейный характер. Данный экспериментальный факт согласуется с ранее предложенным объяснением: увеличение степени влияния неосознаваемой информации на результаты текущей когнитивной деятельности обусловлено неосознаваемой оценкой валидности серии предыдущих воздействий.

Отдельной линией анализа полученных результатов является выявление особенностей влияния прайма на решение задач, когда валидным праймам предшествует серия невалидных (Рис. 9).

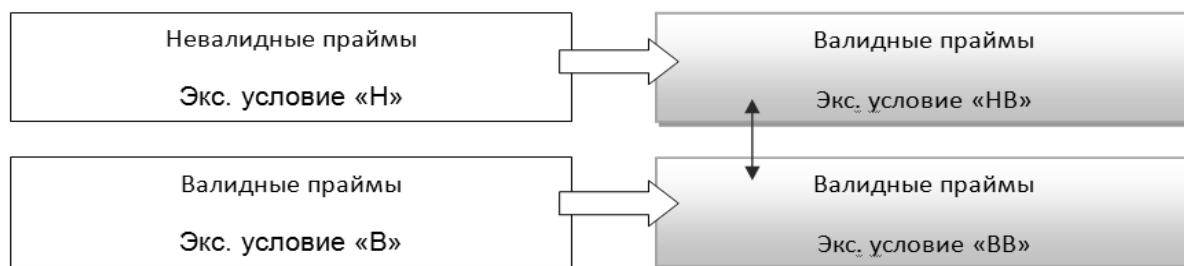

Рис. 9. Схема последовательности предъявления праймов в сравниваемых экспериментальных группах

В результате анализа было установлено, что позитивный прайминг-эффект при валидных праймах выражен в меньшей степени, когда валидным праймам предшествовала серия невалидных (условие «НВ»), чем, если валидным праймам предшествовали валидные (условие «ВВ») ($t(754)=4,65, p<0,001$).

Также при решении задач с валидными праймами, которым предшествовала серия невалидных, имеют место субъективные затруднения. При этом если валидные праймы следуют за валидными, субъективные затруднения не встречаются.

Таким образом, можно предположить, что валидный прайм оказывает меньшее влияние на результаты когнитивной деятельности, когда предшествующие неосознаваемые стимулы в серии были «оце-

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

нены» как невалидные. Данную трактовку также подтверждает более детальный анализ динамики эффективности решения задач с валидными праймами, когда им предшествовала серия невалидных (условие «НВ») по сравнению с ситуацией, когда применялись только валидные праймы (условие «ВВ»). Задачи решаются достоверно дольше только в первой части экспериментального условия «НВ» (задачи с 21-ой по 30-ую) по сравнению с аналогичными показателями для условия «ВВ» ($t(423)=4,82, p<0,001$).

Во второй половине экспериментальной серии (задачи с 31-ой по 40-ую) среднее время решения при условии «НВ» приближается ко времени при условии «ВВ» (нет достоверных различий между «НВ» (вторая половина) и «ВВ» (вторая половина)).

Можно отметить, что валидные праймы, которые следуют сразу после невалидных (условие «НВ» (первая половина)), практически не оказывают позитивного прайминг-эффекта на решение задач. В данном случае среднее время решения задачи не имеет достоверных отличий от характерного для контрольной группы (без прайминга), но уже во второй половине значительно сокращается (Рис. 10).

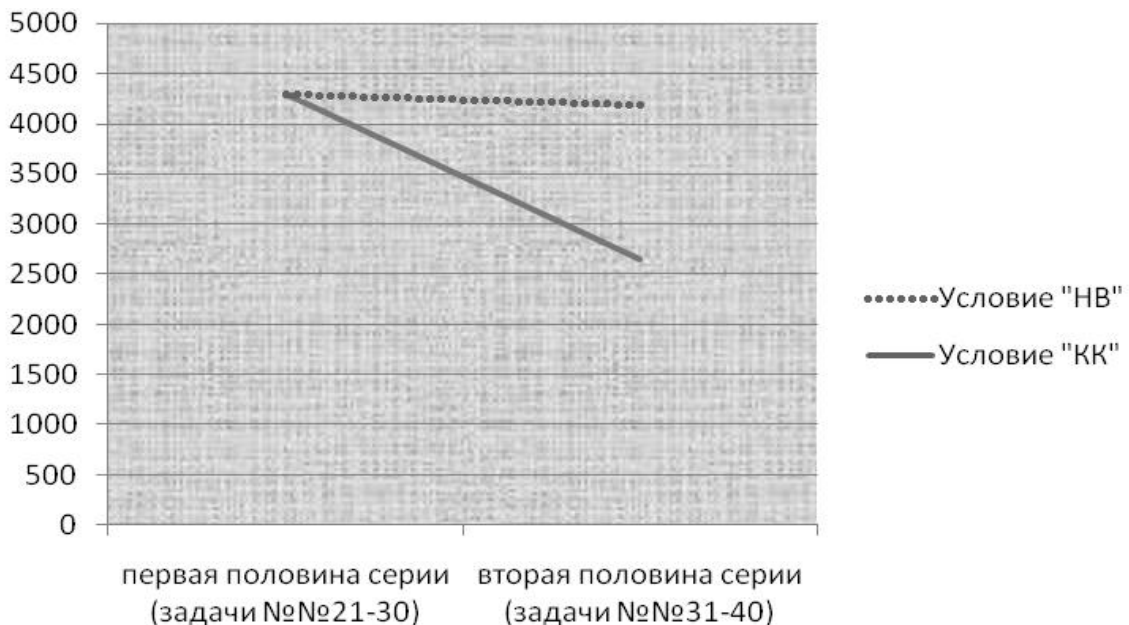

Рис. 10. Динамика эффективности решения задач при условиях «НВ» и «КК» в первой и второй половинах экспериментальной серии

Более детально динамику эффективности решения задач при условии «НВ», можно наблюдать на графике, полученном в результате регрессионного анализа (Рис. 11).

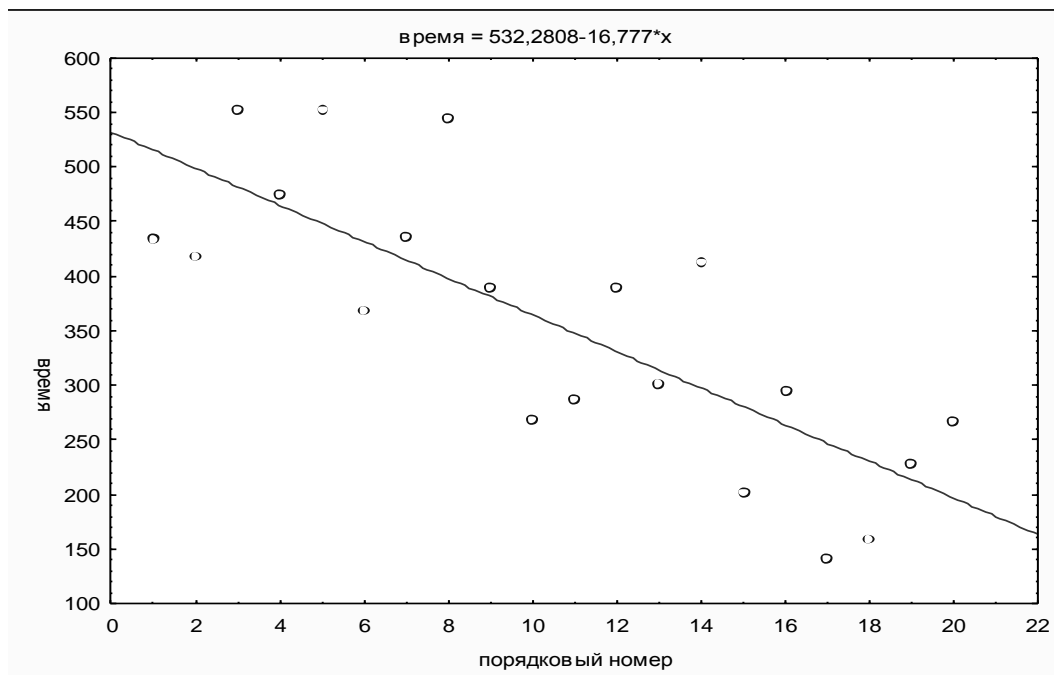

Рис. 11. Среднее время решения при условии «НВ»

Эффективность решения задач при условии «НВ» возрастает линейно. Эти данные еще раз демонстрируют изменение в процессе решения задач восприимчивости к прайм-стимуляции в зависимости от полученного неосознаваемого опыта. При экспериментальном условии «НВ», когда серия невалидных праймов предшествовала валидным, в ходе решения первых двадцати задач произошло снижение «чувствительности» к данному классу неосознаваемых воздействий. Далее (с 21-ой задачи) появляются валидные праймы, но «чувствительность» к ним априорно снижена, поэтому первое время они не оказывают выраженного позитивного прайминг-эффекта. В процессе дальнейшей деятельности и, соответственно, по мере увеличения числа валидных праймов в серии, «чувствительность» к ним вновь постепенно возрастает, и уже после десяти задач с валидными праймами эффективность решения приближаются к уровню, который был установлен в ситуациях, когда все праймы в серии были валидными (т.е., при условиях «В» и «ВВ»).

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

Исходя из предположения о возможности изменения «чувствительности» к неосознаваемой информации на основании оценки степени ее валидности, невалидные праймы должны оказать более выраженный «тормозящий» эффект на решение когнитивной задачи в том случае, когда они идут в серии после валидных (условие «ВН») по сравнению с действием невалидных праймов при однородном характере прайм-стимуляции (условие «НН») (Рис. 12). Логично предположить, что в случае «ВН» «чувствительность» к праймам возросла в связи с неосознаваемой оценкой их как валидных, а вновь появившиеся невалидные праймы, являясь ложными подсказками, затрудняют поиск решения, соответственно увеличивая время решения.

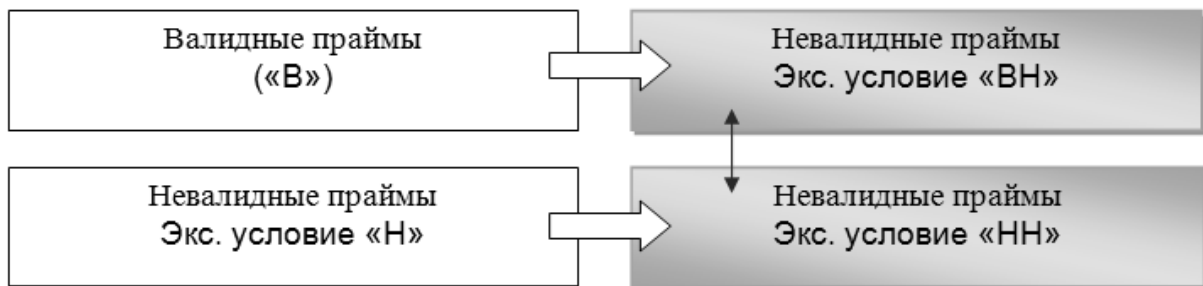

Рис. 12. Схема последовательности предъявления праймов в сравниваемых экспериментальных группах

Результаты сравнительного анализа подтвердили это предположение. Действительно, время решения анаграмм при экспериментальном условии «ВН» оказалось значительно большим по сравнению со временем решения при условии «НН» ($t(870)=6,09$ $p<0,001$).

Затруднения при решении задач чаще возникали при экспериментальном условии «ВН» по сравнению с условием «НН» ($\chi^2(1)=8,75$; $p<0,001$).

Таким образом, эффективность решения задач с невалидными праймами в случае, когда им предшествуют задачи с валидными праймами, значительно ниже, чем таковая при решении задач с невалидными праймами на протяжении всей экспериментальной серии. Это находит свое проявление как в увеличении времени, затрачиваемого на решение задачи, так и в увеличении случаев субъективных затруднений.

Более детальный анализ динамики времени решения задач при экспериментальных условиях «НН» и «ВН» показывает, что достоверные различия между этими группами характерны только для первой половины экспериментальной серии (задачи с 21-ой по 30-ую), и эти различия фактически отсутствуют во второй ее половине (задачи с 31-ой по 40-ую) (Рис. 13).

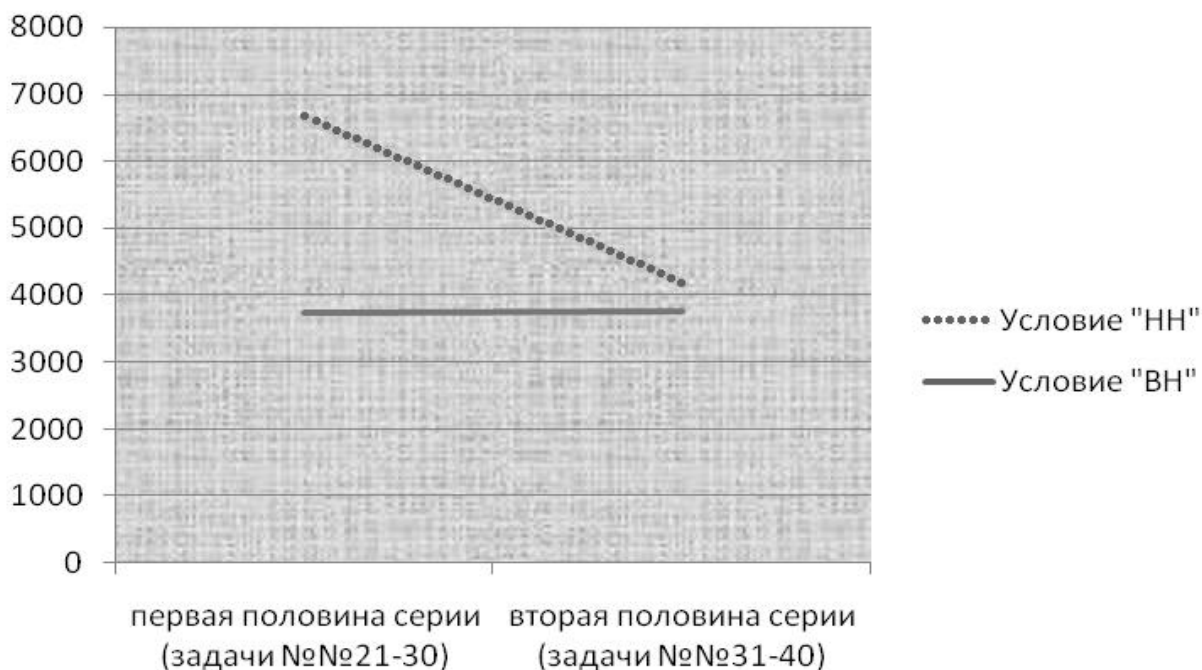

Рис. 13. Динамика эффективности решения задач при условии «НН» и «ВН» в первой и во второй половинах экспериментальной серии

Таким образом, можно предположить, что в процессе решения предшествующей серии задач с валидными праймами произошло повышение «чувствительности» к праймам, поэтому впервые возникающие невалидные праймы в этой же серии оказываются максимально «вовлеченными» в процесс поиска решения и сильно «задерживают» нахождение верного слова-отгадки (так как сами по себе являются ошибочными решениями). По мере появления новых невалидных несознаваемых воздействий ко второй половине экспериментальной серии происходит снижение «чувствительности» к ним, поэтому время решения приближается к характерному для задач с невалидными праймами.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

Результаты эксперимента позволяют сделать следующие выводы:

1. Наличие неосознаваемого стимула, семантически релевантного решению когнитивной задачи, значительно сокращает время ее решения. В то время как наличие неосознаваемого невалидного прайм-стимула увеличивает время решения задачи. Позитивный и негативный прайминг-эффекты демонстрируют наличие семантической обработки неосознаваемой информации, а также влияние результатов такой обработки на эффекты осознания. (Справедливости ради следует заметить, что сам по себе факт неосознаваемой семантической обработки не является новым в когнитивной психологии).

2. С увеличением числа валидных праймов в экспериментальной серии усиливается позитивный прайминг-эффект. В то время как негативный прайминг-эффект становится менее выраженным с возрастанием числа невалидных праймов в серии. Этот экспериментальный факт показывает, что результаты неосознаваемой обработки информации зависимы от предшествующего неосознаваемого опыта. Кроме этого, неосознаваемая обработка массива информации тесно связана и с результатами текущей когнитивной деятельности. Исходя из этого, есть основания предполагать, что в функциональной структуре сознания есть особые механизмы, ответственные за оценку валидности актуально неосознаваемой информации, прогноз априорной вероятности для последующей неосознаваемой информации и изменение степени влияния этой информации на работу сознания.

3. В случае оценки серии неосознаваемых воздействий как валидных, «доверие» к этой информации и степень «чувствительности» к ней возрастают, что приводит к усилению позитивного прайминг-эффекта каждой последующей валидной прайм-подсказки в серии.

4. Обнаружено, что негативный прайминг-эффект в случае невалидности прайма на протяжении экспериментальной серии снижается. Т.е., «тормозящее» влияние ложной подсказки на решение задачи постепенно уменьшаться. Это происходит в результате оценки серии

как невалидной и снижения степени «включенности» неосознаваемых воздействий этой серии в процесс поиска решения тестовой задачи.

5. Экспериментальные данные показывают, что позитивный прайминг-эффект валидных праймов выражен меньше в случае, когда валидным праймам предшествует серия невалидных. Этот факт может быть объяснен тем, что степень «включенности» прайма в процесс поиска решения снижается в результате оценки предыдущей серии как невалидной и «ожиданием» невалидности последующих праймов серии.

6. Установлено, что негативный прайминг-эффект невалидных праймов выражен больше, когда невалидным праймам предшествует серия валидных. Вероятно, это происходит в связи с тем, что степень «включенности» прайма в решение когнитивной задачи к моменту появления невалидных праймов высока в связи с оценкой предыдущей серии как валидной.

Литература

1. *Куделькина Н.С., Агафонов А.Ю.* На что способно «когнитивное бессознательное»? // Психологические исследования: сб. науч. тр. Выпуск 7 / Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2009 .

2. *Карпинская В.Ю.* Принятие решений при предъявлении иллюзорных стимулов // Третья международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов в 2т. Москва, 20-25 июня 2008 г. – М.: Художественно-издательский центр, 2008. Т.1. С. 290-291

3. *Фаликман М.В.* Эффект мигания внимания // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 14. Психология. 1999. № 1

4. *Филиппова М.Г.* Исследование неосознаваемого восприятия (на материале многозначных изображений) // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / Под ред. В.М. Аллахвердова. СПб., 2006. С. 167.

5. *Balota D., Paul S.* Summation of Activation: Evidence From Multiple Primes That Converge and Diverge Within Semantic Memory // Jour-

nal of Experimental Psychology: Learning, Memory, Cognition. 1996. Vol. 22. № 4. P. 827-845.

6. *Dehaene S., Naccache L., Koechlin E., Mueller M.* Imaging unconscious semantic priming // Nature. 1998. Vol. 395.

7. *Marcel A.J.* Conscious and unconscious perception: an approach to relation between phenomenal experience and perceptual processes // Cognitive Psychology, 15. 1983. Vol. 15. P. 197-237.

8. *Plaunt D.C.* Semantic and Associative Priming in a Distributed Attractor Network // Proceedings of the 17th Annual Conference of the Cognitive Science Society. Hillsdale, 2005.

А.Ю. Агафонов

Понятие «сознание»: нужно ли определение?

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, поддержанного РГНФ (рук. проф. А.Ю.Агафонов)

Смысл научной деятельности заключается в решении проблем. Если считать решением научной проблемы новое знание, ответ на некоторый вопрос, то определение понятия никогда не является возможным решением. Определение понятий, возможно, имеет значение для логики, однако для эмпирических наук – это псевдопроблема. Иначе говоря, это не *научная* проблема, которая могла бы заслуживать внимания и требовать специальных усилий по ее разрешению.

Если бы даже существовала эффективная технология определения понятий, прежде всего, теоретических, мы бы не узнали больше, чем мы знаем, поскольку нас, главным образом, интересует природа исследуемых явлений, т.е. их причинные основания, а не сами эти явления. Другими словами, по-настоящему научной проблемой является проблема объяснения феноменов.

Понятие «сознание»: нужно ли определение?

Между тем, считается, что сложности, которые испытывают психологи, изучая сознание, обусловлены существующей терминологической неопределенностью, если не сказать, путаницей, характерной для данной области исследований. Разнообразие авторских определений делает малопродуктивной профессиональную полемику, во всяком случае, не способствует интеграции накопленного опыта и выработке общей позиции. Ситуация осложняется не столько наличием множества концептуальных подходов относительно одного и того же явления, сколько принципиальными различиями в трактовке самого понятия «сознание»: одним и тем же термином зачастую обозначаются разные феномены. Пожалуй, А. Бэн был не далек от истины, когда утверждал, что «сознание – самое запутанное слово в человеческом словаре» [Бэн, 1902, с. 13]. Под словами А. Бэна, вероятно, мог бы подписаться и создатель первой научной школы, изучавшей сознание, В. Вундт, который сам признавал хитроумность предлагаемой дефиниции предмета психологии, науки, представляющей собой, по замыслу Вундта, «новую область знания». Отвечая на вопрос о том, что изучает психология, Вундт сначала говорит: «...состояния сознания, их связь и отношения», но тут же указывает, что «хотя это определение и кажется неопровержимым, однако оно ... делает круг. Ибо, если спросить вслед за тем, что же такое сознание, состояния которого должна изучать психология, то ответ будет гласить: сознание представляет собой сумму сознаваемых нами состояний» [Вундт, 2002, с. 7]. Едва ли данное определение проясняет, что такое сознание и является ли оно чем-то иным по сравнению с состояниями, в которых человек что-либо осознает.

Другой классик психологии сознания, основатель функционализма – У. Джемс в результате, надо полагать, напряженных интеллектуальных поисков фактически капитулирует, отказывая феноменологии сознания в онтологическом статусе. На вопрос «существует ли сознание?» – кстати, в данной формулировке вопрос резонный – Джемс, по существу, дает отрицательный ответ. Чем не решение проблемы?

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

(Справедливости ради надо сказать, что до этого Джемс высказал несколько замечательных идей о работе сознания).

Но, то – ранняя история психологии сознания, ее стартовый этап развития, когда терминология только начинает складываться и проблема экспликации, казалось бы, могла бы иметь определенное значение для установления взаимопонимания в профессиональной среде и координации исследовательских усилий. Можно было ожидать, что рост научно-психологического знания за XX столетие обнаружит хотя бы островки твердой почвы. Отнюдь. Так, уже в нынешнем веке исследователи, занятые проблемой сознания, с грустью признаются: «...Мы не имеем сколь-нибудь строгого определения понятия «сознание». Сознание не только неопределимая, но и свободная система» [Акопов, 2002, с. 34]. (Следствием принятия позиции индетерминизма, кстати говоря, является невозможность описания принципов функционирования сознания, т.е. изучения сознания в естественнонаучном русле).

«Сознание», хотя и рассматривается как ключевой психологический термин, но, вместе с тем, подчеркивается его многозначность. Не одно определение сознания не может считаться конвенциональным, притом, что таких определений множество [См. Аллаxвердов, 2005, с. 181]. В обширном и показательном обзоре, подготовленном Г.В. Акоповым, приведены и проанализированы несколько десятков определений понятия сознания от вполне традиционных («целостный образ действительности...» [Акопов, 2002, с. 25], «сознание есть осознание действий и его обстоятельств...» [Там же, с. 28], «сознание есть оперирование знанием...» [Там же, с. 29] и т.п.) до весьма экзотических («сознание человека есть свойство пространства и времени его головного мозга» [Там же, с. 26]). В подавляющем большинстве случаев эти определения настолько размыты, что понять, о чем идет в них речь решительно невозможно. (Это справедливо в той или иной степени в отношении любых определений, если они вводятся вне объяснительных конструкций, т.е., если они не соотносятся с решаемыми проблемами). Такие определения скорее представляют собой выска-

Понятие «сознание»: нужно ли определение?

звания, требующие, в свою очередь, дополнительного истолкования, поскольку включают в себя другие неопределенные или плохо определенные понятия. Поэтому стремление к однозначному определению понятия грозит регрессом в бесконечность.

В психологии, наверное, как ни в какой другой науке определению понятий придается, чуть ли не решающее значение, а спор о словах часто подменяет собой спор по существу решаемых проблем. Мы до сих пор не имеем традиции номиналистской интерпретации понятий. Функция номиналистских определений в отличие от эссенциалистских, как их дифференцировал К. Поппер, заключается в экономии языковых средств. Другими словами, научное определение должно строиться не слева направо, а, наоборот, справа налево. Как отмечал К. Поппер: «Современная наука начинает с определяющей формулы и ищет для нее краткое обозначение. Поэтому научный взгляд на определение «Щенок – это молодой пес» предполагает, что определение представляет собой ответ на вопрос «Как мы будем называть молодого пса?», а вовсе не ответ на вопрос «Что такое щенок?» [Поппер, 1992, с. 18]. Таким образом, если следовать номиналистскому подходу, решение задачи определения понятия дает, как мне представляется, единственный выигрыш – краткость научной речи. Термин – это, по сути, заменитель, сокращенный вариант текста, его редуцированная версия, которая используется в рассуждении. Поэтому, вопреки мнению В.М. Аллахвердова («...о терминах договориться в принципе невозможно» [Аллахвердов, 2006, с. 100]), использование понятия в определенном условном значении вполне может стать результатом принятой конвенции, но, возможно, лишь в узком кругу научного сообщества, где достигнуто согласие относительно сути и важности решаемой проблемы.

На мой взгляд, главным является не вопрос «Что такое сознание?», а «Что делает сознание?» При этом даже интуитивно понятным ответом на этот вопрос является утверждение: «Сознание обеспечивает осознание собственного Я и окружающей реальности». Как оно обеспечивает это осознание – тема дискуссии. Поэтому разговор о

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

сознании можно начинать сразу с обсуждения того, как происходит осознание, не испытывая беспокойства по поводу того, что термины не определены строго, ведь терминологическая строгость не гарантирует строгости знания и, напротив, отсутствие терминологической определенности ничему не мешает. Например, для понятия точки нет словарного определения: это базовое и неопределяемое понятие геометрии. И мне представляется это замечательным: понятие, которое принципиально не определяемо и ничего не обозначает в реальности, – поскольку точка является еще и идеализированным объектом, – лежит в основании строгой научной дисциплины! Многие понятия физики также не имеют определений, являются исходными понятиями, которые вводятся в объяснительных целях по мере необходимости¹. Как ни парадоксально, до знакомства с самим понятием нужно знать, что это понятие означает.

Задача определения понятий, думаю, разрешима, если обсуждению подлежат не понятия, а вполне конкретные проблемы, соотносимые с самой изучаемой реальностью. (В некотором смысле, научная проблема – это факт, требующий научного объяснения или объясненный неудовлетворительным образом). Еще раз подчеркну: *следует обсуждать не определения понятий, а требующие решения научные проблемы и их возможные решения*. Если достигается согласованное понимание сути проблем, о терминах можно договориться. При отсутствии осознания проблемы, о терминах можно и вовсе не договариваться, т.к. сама по себе договоренность не прибавляет никакого знания.

Стоит добавить: для того, чтобы обсуждение было осмысленным необходима система координат, в рамках которой, используемая тер-

¹ «...В нынешнем естествознании, – утверждает, например, Б.В. Гнеденко, – время – исходное и неопределимое понятие» [Гнеденко, 1996, с. 6]. Ему вторят В. Григорьев и Г. Мякишев: «...Самые основные, элементарные понятия ... удовлетворительным образом не пояснить. Особенно, если они непосредственно не воспринимаются нашими органами чувств. Именно к таким фундаментальным понятиям относятся электрический заряд и электромагнитное поле. При знакомстве с ними в школе часто происходит следующее: сначала их просто не понимают, потом привыкают к самим понятиям и используют их, не отдавая себе отчета во всей глубине содержания» [Григорьев, Мякишев, 1973, с. 103].

Понятие «сознание»: нужно ли определение?

минология принималась бы за технический язык, на котором строятся объяснительные схемы. Условность такого языка не должна восприниматься как действительно серьезное затруднение, если понятия расценивать лишь как обозначения онтологических образований, рассматриваемых в теории (например, феномен осознания) или же гносеологических средств (к примеру, понятия «сознание» или «механизмы сознания»), которыми эта теория оперирует. Такая система координат задается соотношением понятий.

В отличие от определения понятий, установление отношений между понятиями представляется мне важной подготовительной процедурой, облегчающей взаимопонимание. Можно согласиться с Р. Пенроузом, который считал любое возможное определение сознания неверным и предпочитал описывать аспекты сознания, а, по сути, некоторые функциональные характеристики, к которым относил: осознание или восприятие, целеустремленность, понимание, интеллектуальность [См. Большое, малое..., 2008, с. 101]. При этом Р. Пенроуз, описывая эти аспекты или характеристики, признавался: «...хотя я не могу определить эти термины, я могу утверждать наличие некоторых отношений или связей между ними» [Там же, с. 102]. Мне думается, что такая точка зрения выражает свидетельство в пользу условного характера семантического содержания понятий. Очень близкую позицию относительно определений понятий занимал Р. Карнап, говоря о, так называемых, «правилах соответствия»¹.

Попробую задать исходную систему координат, своего рода терминологический каркас.

В каждый момент времени человек что-то осознает из воспринимаемой реальности и содержания своего актуального ментального

¹ Р. Карнап писал: «...Невозможно дать операциональное определение... понятиям теоретической геометрии. То же самое верно и для всех теоретических понятий физики. Строго говоря, не существует никаких «определений» таких понятий. Я предпочитаю не говорить об «операциональных определениях»... Я называю их «правилами соответствия» или, проще, «согласующими правилами» [Карнап, 1971, с. 315, 316]. Говоря о «правилах соответствия» Р. Карнап имел в виду соответствие терминов наблюдаемым фактам.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

опыта. Осознание – это следствие той деятельности (активности или работы) сознания, которая никогда не бывает содержанием осознания, никогда не является осознанным переживанием [Агафонов, 2007]. Таким образом, можно различать *осознание (awareness)* как эффект или как эмпирический факт субъективного переживания какого-либо воздействия или внутреннего состояния и *сознание (consciousness)* как теоретический термин, которым обозначается психическое устройство или аппарат, как конструкция, так и функционирование которого никогда не переживаются чувственно, и могут быть только теоретически реконструированы. Иначе говоря, строение и функции сознания как гносеологического, а не онтологического образования могут быть описаны в теории в целях решения какой-либо проблемы, относящейся к феномену осознания.

Сознание – часть бессознательной психики, в состав которой кроме сознания входит *память* и *когнитивное бессознательное*. Последнее можно объединить с сознанием, обозначив эту структуру «*бессознательным разумом*». Можно, конечно, использовать и другие термины, однако принципиальным является выделение именно трех психических сфер, как бы они не назывались. Условно я их обозначаю:

1. мнемическая сфера;
2. сфера когнитивного бессознательного (продукты которого не осознаются);
3. сознание, порождающее эффекты осознания.

Это разделение опирается на следующие функциональные различия:

1. Память хранит всю информацию ранее воспринятую и запомненную субъектом до момента текущего настоящего.

2. Когнитивное бессознательное генерирует все возможные идеи относительно реальности.

3. Сознание проверяет на реальности идеи когнитивного бессознательного и благодаря осознанию способно элиминировать ошибки, совершаемые бессознательным. Т.о., сознание способно решать две задачи, которые не способно решать когнитивное бессознательное.

Понятие «сознание»: нужно ли определение?

(Притом, что когнитивное бессознательное, казалось бы, способно решать любые задачи [См. Агафонов, Куделькина, 2009]). Сознание а) задает вопросы когнитивному бессознательному, т.к. не осознав вопроса нельзя получить ответа, и б) проверяет варианты решения, предлагаемые когнитивным бессознательным. Сознание – это посредник между когнитивным бессознательным и реальностью. Сознание выполняет исключительно техническую функцию. Понятно, что такое представление о функциональной роли сознания требует детализации, а главное, – экспериментальной проверки.

Литература:

1. *Агафонов А.Ю.* Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. – Самара, 2007.
2. *Агафонов А.Ю., Куделькина Н.С.* На что способно «когнитивное бессознательное»? // Психологические исследования: сб. науч. тр. Вып. 7 / под ред. А.Ю. Агафопова, В.В. Шпунтовой. – Самара, 2009.
3. *Акопов Г.В.* Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. – Самара, 2002.
4. *Аллахвердов В.М.* Вечно зеленеющий предмет психологии на фоне сухой теории // Методология и история психологии. Т.1. Вып. 1. 2006.
5. *Аллахвердов В.М.* Сознание // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М., 2005.
6. Большое, малое и человеческий разум / Р.Пенроуз, А.Шимони, Н. Картрайт, С.Хокинг. – СПб., 2008
7. *Бэн А.* Психология. М., 1902.
8. *Вундт В.* Введение в психологию. – СПб., 2002.
9. *Гнеденко Б.Ф.* Конструкция времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Ч.1. Междисциплинарное исследование. – М., 1996.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

10. Григорьев В., Мякишев Г. Силы в природе. – М., 1973.
11. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. – М., 1971.
12. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М., 1992.

В.Ю. Карпинская, И.В. Ворожейкин

Семантическая обработка информации при неосознанном восприятии автостереограммы

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ
(грант № 10-06-00169-а)*

Данное исследование является продолжением цикла экспериментов, направленных на изучение неосознанного восприятия автостереографических изображений.

Ранее мы исследовали влияние автостереограмм на скорость лексического решения, неосознанное восприятие автостереографического изображения при решении арифметических задач [Четвериков, Карпинская, 2009].

Полученные экспериментальные данные свидетельствуют о возможности воспринимать содержащееся в автостереограмме изображение без осознанной деятельности по смене фокуса глаз. Точно так же как и другие типы прайминга-без-осознания предъявление автостереограммы, содержащей ответ, приводит к ускорению решения задачи. Кроме того, возможно, что при неосознанном восприятии автостереограммы происходит не только перцептивная, но и семантическая обработка материала, что, в свою очередь, требует дополнительных исследований.

Такого рода дополнительное исследование было проведено Красильщиковым Дмитрием под руководством В.Ю. Карпинской.

Семантическая обработка информации при неосознанном восприятии ...

Основная задача исследователей заключалась в том, чтобы определить, существует ли семантическая обработка неосознаваемой информации, предъявленной в виде автостереограммы.

Метод. Анаграмма – это случайная перестановка букв какого-то слова. Например, для слова «слон» анаграммами являются «слно» и «нолс». В данном эксперименте анаграмма закодирована в качестве 3-х мерного изображения в стереограмму. Используется задача выбора одного из двух ответов, один из которых является решением скрытой анаграммы, а другой – слово, содержащее такое же количество букв, как и слово – ответ. Предполагается, что на результаты окажет влияние не только само присутствие стереоизображения, но и значение, которое в нем заключено. В эксперименте приняли участие 22 человека, – 7 мужчин и 15 женщин. Большинство испытуемых в возрасте 20-27 лет.

Данный эксперимент проводился с использованием компьютера. Каждому испытуемому предлагалось сначала заполнить данные о себе, а потом перейти к основному этапу.

Автостереограмма с анаграммой находилась посередине экрана, варианты ответов располагались ниже. Испытуемый при помощи клавиши «вверх-вниз» выбирал ответ. При выборе ответа на экран слайд менялся. Размер стереограммы составлял 1215x547 пикселей, над каждой стереограммой написан порядковый номер (например, 5 из 20).

Инструкция испытуемым: «Здравствуйте! Прочтите, пожалуйста, этот текст внимательно.

Ход эксперимента состоит в следующем.

На экране Вы увидите автостереограмму и два слова. Автостереограмма – это рисунок, при простом взгляде на который неясно, что нарисовано, а если сфокусировать зрение особым образом, то выступает 3-х-мерное изображение.

В каждой стереограмме в качестве такого изображения используется 4-х-буквенная анаграмма – перестановка букв какого-то 4-х буквенного слова. Например, для слова «слон» могла бы использоваться

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

анаграмма «сноло» или «снол». Слова на экране являются ответами на скрытую анаграмму (один верный ответ, другой – неверный).

Ваша задача, не пытаясь разглядеть трехмерное изображение, не меняя фокус глаз, выбрать ответ, который, по Вашему мнению, соответствует разгадке зашифрованной анаграммы. Из двух ответов всегда один правильный. Следуйте своей интуиции. Если у Вас возникли вопросы, задайте их экспериментатору».

После проведения эксперимента каждый испытуемый возвращался на главную страницу с текстом: «Спасибо за участие. Результаты этого эксперимента мы вышлем Вам по почте».

Контрольный эксперимент был проведен позднее Чесноковой Верой под руководством В.Ю. Карпинской. Испытуемые (двадцать человек, 20-32 года) следовали той же инструкции в аналогичных условиях. Вместо анаграммы в автостереограмме было скрыто изображение квадрата, никакого отношения к решению и выбору ответа подобная картинка не имела.

Результаты. Для всех испытуемых было посчитано количество правильных ответов. Вероятность выполнения гипотезы статистически значимая (Тест χ^2 , χ -squared = 19.7484, $df = 1$, p -value = 8.834e-06). Полученные результаты свидетельствуют о том, что автостереограмма с зашифрованной анаграммой может быть успешно решена испытуемым, хотя условия задачи не осознаются. Ответы в контрольной группе были близки к случайному распределению.

Выводы. Результаты проведенного эксперимента согласуются с уже проведенными экспериментами (Карпинская В.Ю., Четвериков А.А.). Полученные данные свидетельствуют в пользу того, что при неосознанном восприятии автостереограммы происходит не только перцептивная, но и семантическая обработка материала. При этом оказывается возможным решение задачи, без осознания условий.

На сегодняшний день основным вопросом является механизм и уровень неосознанной обработки автостереограммы. Такой эффект может иметь несколько объяснений. Например, процесс восприятия

Семантическая обработка информации при неосознанном восприятии ...

скрытого в автостереограмме изображения можно рассмотреть с точки зрения выделения сигнала на фоне шума. С другой стороны, мы можем иметь дело с кратковременной неосознаваемой самим испытуемым фузией, когда фокусировка глаз на короткое время, при перемещении, моргании соответствовала восприятию трехмерного изображения. Еще одним, самым невероятным объяснением может служить гипотетическая способность нашего мозга просчитывать все возможные варианты осознания предъявленных стимулов, в том числе и находящиеся в «другом измерении», при ином фокусе глаз.

Проверке этих гипотез мы и планируем посвятить следующие исследования в восприятии автостереографического изображения.

Литература

1. *Карпинская В.Ю., Четвериков А.А.* Неосознанное восприятие автостереографического изображения при решении арифметических задач // Всероссийская конференция. Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях. 13-15 мая, Нижний Новгород, 2009, С. 66-68.

2. *Карпинская В.Ю., Четвериков А.А.* Влияние автостереограмм на скорость лексического решения // Психологические исследования: сборник научных трудов. Выпуск 7 / под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой. Самара, 2009, С. 91-97

3. *Карпинская В.Ю., Четвериков А.А.* Неосознанное восприятие значения случайно-точечных автостереограмм // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции 23-25 апреля «Дружининские чтения – 2009», С.47-50.

Д.Д. Козлов, К.Ю. Доронина

Обобщенные регрессионные модели в психологии: пример исследования фиксированной установки¹

Аннотация: В статье анализируется место математического моделирования в системе методов психологии. Приводятся основные идеи метода наименьших квадратов, лежащего в основании большинства методов математического моделирования в общественных науках. Раскрывается сущность метода обобщенных регрессионных моделей (ОРМ) как объединения методов регрессионного и дисперсионного анализов. На примере экспериментального исследования фиксированной установки показывается, как использование метода ОРМ позволяет обнаружить дополнительные эмпирические факты и проверить гипотезы в тех случаях, в которых методы сравнения центральных тенденций и корреляционный анализ не позволяют этого сделать.

Ключевые слова: математическое моделирование, обобщенные регрессионные модели, метод наименьших квадратов, установка.

1. Методологические и математические основания обобщенных регрессионных моделей.

1.1. Математическое моделирование в системе психологического знания.

В основании любого научного знания² лежат факты. Как любой научный факт, психологический факт представляет собой некоторое

¹ Авторы выражают признательность д.пс.н., профессору каф. общей психологии СамГУ Агафонову А.Ю. и к.т.н., доценту каф. высшей математики СГАУ Белашевскому Г.Е. за ценные комментарии и замечания в процессе подготовки статьи.

² Мы исходим из естественнонаучного представления о знании, соответствующего англоязычному термину science. Мы полагаем, что академическая психология не является гуманитарной дисциплиной, в которой изучаются феномены, а

явление, для которого определены условия его возникновения и методы его обнаружения при соблюдении этих условий. Как следует из сказанного, любой научный факт не существует вне теории, которая характеризует эти условия и методы. Тогда развитие научного знания можно описать как последовательное развитие и конкуренцию теорий, претендующих на возможно более полное описание и объяснение наблюдаемой фактологии. Механизм развития любой теории в науке – это поиск новых и опровержение существующих фактов. Для доказательства закономерности и неслучайности явлений, обнаруживаемых в опыте при использовании валидных методов измерения (т.е. для превращения явления в научный факт), используются математические методы. Традиционные методы психологического исследования (методы сравнения центральных тенденций и корреляционный анализ) вполне пригодны для этой цели. Установление научных фактов достаточно для проверки содержательной модели (т.е. теоретических построений). Зачем же тогда дополнительно выводить математическую модель, в чем смысл такого занятия для психолога-исследователя? Отметим по крайней мере пять причин в пользу использования математических моделей в психологии.

1. Математическое моделирование позволяет исследовать совместное влияние и взаимодействие нескольких переменных одновременно, т.е. позволяет дать целостное объяснение и интерпретацию для нескольких фактов одновременно.

2. Математические модели позволяют оценить величину взаимосвязи переменных, т.е. дают основания не только для качественного, но и количественного описания и дальнейшей интерпретации.

3. Методы математического моделирования являются более мощным исследовательским инструментом в том смысле, что позволяют обнаружить более тонкие различия даже в тех случаях, где применение традиционных для психологического исследования методов

не явления, и используются герменевтические методы, а не наблюдение и эксперимент.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

не позволяет обнаружить статистически достоверные результаты (этот факт будет проиллюстрирован ниже в настоящей работе).

4. Динамическая математическая модель¹ позволяет описать некоторое явление не только как *факт*, но и как *процесс*. Только понимание логики процесса позволяет сформулировать полноценные причинные гипотезы, перейти от исследования *предикторов* к пониманию иногда скрытых *причин* наблюдаемых явлений (Капрара, Сервон, 2003).

5. На основании математической модели возможно построение прогноза в отношении будущего, а также оценка точности и достоверности такого прогноза.

Более подробный анализ теоретических и методологических аспектов математического моделирования можно найти в работах Мышкиса (2007), Советова и Яковлева (2001), Самарского и Михайлова (2001) и др.

1.2. Метод наименьших квадратов: ключевые идеи.

В общем виде математическая модель выражает взаимосвязь между зависимыми и независимыми переменными в виде системы уравнений вида $y=F(X)$, где y – зависимая переменная, X – вектор независимых переменных, F – функция произвольного вида. Динамические системы в большинстве случаев описываются системами дифференциальных уравнений². Знание функции взаимосвязи переменных позволяет вычислить (предсказать) значение зависимой переменной по известным значениям независимых переменных, включенных в уравнение (входящих в модель).

В психологии математические модели никогда не дают совершенно точного прогноза в силу погрешностей измерения, «зашумленности» данных, влияния неучтенных переменных и т.д., а также в си-

¹ Не все математические модели являются динамическими.

² Идея о необходимости исследования динамических систем в психологии через их описания дифференциальными уравнениями впервые высказана Куртом Левиним (Левин, 2000).

лу вероятностного характера самих моделей. Тогда точное значение для каждого i -го случая можно выразить в виде уравнения:

$$y_i = F(X_i) + e_i, \quad (1)$$

где e_i – ошибка модели, индивидуальный вклад всех неучтенных в модели факторов в значение y_i .

Целью метода наименьших квадратов является нахождение такой функции $F(X)$, чтобы величина ошибки e была по возможности наименьшей. С математической точки зрения это может быть выражено как поиск такой функции $F(X)$, для которой сумма квадратов ошибок модели

$$\sum_i e_i^2 = \sum_i (y_i - \hat{y})^2, \quad (2)$$

где $\hat{y} = F(X_i)$, была минимальной.

Метод не накладывает никаких ограничений на вид функции $F(X)$. Так, линейная модель, лежащая в основании метода множественной регрессии, может быть выражена уравнением

$$y_i = C + \sum_j b_j x_j + e_i. \quad (3)$$

Взаимодействие двух переменных может быть описано путем добавления в модель (3) слагаемых вида

$$b_{jk} x_j x_k, j \neq k. \quad (4)$$

Аналогично можно описать взаимодействия переменных более высокого порядка. Дополнительная нелинейность вводится добавлением нелинейных членов либо другими нелинейными преобразованиями, однако общая идея всех методов регрессионного анализа (РА) остается неизменной.

Для оценки качества регрессионных моделей используются коэффициент множественной детерминации (КМД) $R^2 = D_{\hat{y}} / D_y$, коэффициент множественной корреляции (КМК) $R = \sqrt{R^2}$, а также уточненные КМД и КМК, в формулы которых вносится поправка на количество переменных в модели, что позволяет снизить побочное влияние

шума на оценку качества модели [Филатов, 2006; Гусев, 2000]. Значимость КМД как соотношение двух дисперсий определяется по F-критерию. Статистическая значимость каждого из b -коэффициентов (достоверность отличия коэффициента от нуля) определяется по одновыборочному t-критерию Стьюдента.

Расписав дисперсии в формуле КМД и сократив в них общий знаменатель, получаем:

$$R^2 = \frac{D_{\hat{y}}}{D_y} = \frac{\sum_{i=1}^N (\hat{y}_i - M_{\hat{y}})^2}{N-1} = \frac{\sum_{i=1}^N (y_i - M_{\hat{y}})^2}{\sum_{i=1}^N (y_i - M_y)^2} = \frac{SS_{\hat{y}}}{SS_y}, \quad (5)^1$$

где M_y – среднее значение (математическое ожидание) для переменной y , $M_{\hat{y}}$ – среднее значение оценок переменной y по значениям функции $F(x)$ (т.е. оценки по модели).

На основании свойства аддитивности дисперсии, а также учитывая формулы (2) и (5), основную модель, описываемую уравнением (1), можно также представить в виде $D_y = D_{\hat{y}} + D_e$, или, избавившись от знаменателей дисперсий, в виде

$$SS_y = SS_{\hat{y}} + SS_e. \quad (6)$$

Последняя формула полностью совпадает с основной формулой дисперсионного анализа (ДА), в которой общая (total) дисперсия раскладывается на внутригрупповую (within group, wg) и межгрупповую (between group, bg) дисперсии:

$$SS_{total} = SS_{bg} + SS_{wg}. \quad (7)$$

Аналогично, КМД² в ДА равен

¹ SS в данном случае – принятое сокращение для обозначения суммы квадратов (от англ. sum of squares).

² При описании дисперсионного анализа обычно говорят просто о коэффициенте детерминации, а не о КМД, хотя в случае многофакторного и многомерного ДА

$$R^2 = \frac{SS_{bg}}{SS_{total}}, \quad (8)$$

что совпадает с выражением (5). Собственно, в основании ДА лежит все та же линейная модель (3) с включением переменных взаимодействия факторов, аналогичных (4) [Гусев, 2000]. Однако если в РА все переменные являются количественными, то в ДА все независимые переменные являются категориальными. Это позволяет объединить методы РА и ДА в единый класс математических моделей, получивших название обобщенных регрессионных моделей (ОРМ), и использовать показатели КМД и КМК, а также их уточненные значения, как основные показатели качества таких моделей. К тому же исходные допущения о нормальности распределения всех переменных и гомогенности дисперсий для зависимых переменных одинаковы для методов РА и ДА (более подробное обсуждение допущений, необходимых для проведения ДА, см. у Гусева (2000) и Гласса и Стэнли (1976)). Теперь основные уравнения, лежащие в основании ДА, можно переписать в форме, принятой для РА. Так, основное уравнение однофакторного ДА

$$y_i = M_x + (M_j - M_x) + e_i,$$

где M_x – среднее значение для всей эмпирической выборки, M_j – среднее значение в j -й группе, к которой принадлежит i -е наблюдение, эквивалентно выражению

$$y_i = C + b_j + e_i. \quad (9)$$

Тогда в случае одной категориальной переменной, разбивающей всю выборку на m независимых групп, и n количественных независимых переменных значения зависимой переменной y_i , могут быть выражены следующим образом:

$$y_i = C_0 + b_j + \sum_{k=1}^n b_k x_k + \sum_{k=1}^n b_{jk} x_k + e_i, j = 1..m, \quad (10)$$

по смыслу это именно коэффициент **множественной** детерминации. Во всех случаях мы используем термин КМД для сохранения единой терминологии.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

где коэффициенты b_j отражают независимый вклад категориальной переменной в объяснение (дисперсии) зависимой переменной, коэффициенты b_k – независимый вклад количественной переменной, коэффициенты b_{jk} – вклад взаимодействия категориальной переменной с количественной переменной. Значимость коэффициентов может быть также оценена по t-критерию, а общая значимость всей модели – по F-критерию. Общая доля объясненной дисперсии зависимой переменной, равная КМД¹, показывает объяснительную силу модели в целом, а отношение дисперсии значений каждого слагаемого к дисперсии зависимой переменной (а также стандартизированные β -коэффициенты) – вклад каждой переменной или их взаимодействия в отдельности.

Аналогичные соображения можно обобщить на любое количество категориальных переменных, а также включить в модель произвольную нелинейность для количественных переменных.

1.3. Область применения ОРМ

ОРМ позволяют исследовать зависимость количественной переменной от набора переменных любой природы (как количественных, так и категориальных), выраженной в произвольной форме.

В случае, если зависимая переменная является категориальной, а независимые – количественными, то в психологии традиционно используется метод дискриминантного анализа. Однако с математической точки зрения дискриминантный анализ аналогичен многомерному ДА, поскольку в его основании лежит все та же линейная модель (3), в которой зависимые и независимые переменные меняются местами [StatSoft, 2001]. Это означает, что дискриминантный анализ, по сути, является методом, обратным многомерному ДА, и, соответственно, после проведения дискриминантного анализа его результаты можно также представить в форме, традиционной для ОРМ. Таким образом, единственный класс задач, для которых ОРМ принципиаль-

¹ более корректным будет использование значения уточненного КМД

но не применимы, – это случай, в котором **все** переменные являются категориальными. Однако для случая бинарных переменных существуют методы логистической регрессии, в которых переменная отклика (зависимая переменная) выражает вероятность того, что бинарная переменная примет то или иное значение, и которая основывается на той же линейной модели (3).

Во всех остальных случаях ОРМ являются гибким исследовательским инструментом. Значения КМД, F и t-критериев позволяют обосновать несколько методов для поиска наилучшей возможной модели и исключения из нее всех статистически незначимых (т.е. описывающих скорее шум, чем реальные зависимости) переменных [см. подробнее *Наследов*, 2004; StatSoft, 2001]. Таким образом, исследователь, использующий методы ОРМ, в некотором смысле подобен человеку, складывающему пазл: из множества кусочков-переменных ему необходимо сложить целостную картинку, при этом отложив в сторону все ненужные элементы и не упустив ни одной значимой переменной из первоначального набора.

Дальнейшее развитие методов ОРМ заключается в возможности использования различных функций, минимализирующих потери (а не только квадратичных ошибок в соответствии с формулой (2)). Другое направление современного развития ОРМ – метод моделирования структурными уравнениями [*Митина*, 2008].

2. Метод ОРМ в исследовании фиксированной установки

2.1. Постановка проблемы

Д.Н. Узнадзе определяет установку как целостное состояние субъекта, «которое предвещает появление определенных фактов осознания или предшествует им» [*Узнадзе*, 1966]. В его экспериментах фиксированная установка формировалась путем повторного предъявления окружностей разного размера, где правая окружность всегда была больше левой. После 10-15-кратного предъявления стимульного материала испытуемому в качестве целевого стимула предъявлялись

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

равные окружности. Приблизительно у 70% испытуемых возникала иллюзия контраста: левый круг казался больше правого. Небольшой процент испытуемых составляли те, кто продолжал воспринимать стимульный материал адекватно или демонстрировали появление иллюзии, полностью соответствующей установочной серии (там же).

Дальнейшие исследования Узнадзе показали, что установочная серия может оказывать воздействие независимо от модальности, производимый эффект сохраняется в условиях постгипнотической амнезии. Более того, установочный эффект, сформированный в одной модальности, обнаруживается также и в других модальностях (Узнадзе, 2001). Тем не менее, существуют границы подобного воздействия. Эффект восприятия «по контрасту» возникал в большинстве случаев предъявления неопределенного стимула, однако когда картинка была противоположной (контрастное соотношение стимулов установочной серии и целевого стимула), испытуемые безошибочно дифференцировали истинное соотношение размеров окружностей. При ассимилятивном соотношении целевого и установочного стимулов результаты в целом соответствовали классическим экспериментам, однако не были столь однозначными. Эти и другие экспериментальные факты, обнаруженные Узнадзе, позволили обосновать следующие гипотезы:

1. При ассимилятивном соотношении установочного и целевого стимулов наличие установочной серии приводит к большим ошибкам в восприятии целевого стимула.

2. Существует граница величины зрительного стимула, после которой влияние установочной серии перестает быть значимым.

Соответствующие эмпирические гипотезы имеют следующую формулировку:

1. При наличии установочной серии и ассимилятивного соотношения установочного и целевого стимулов меньшее количество испытуемых будут верно воспринимать различия в величине окружностей целевого стимула.

2. При увеличении разницы в величине окружностей целевого стимула влияние подобной установочной серии на осознание различий в величине окружностей целевого стимула будет уменьшаться, а после достижения некоторого «порогового» значения и вовсе исчезнет.

2.2. Процедура и методы исследования

Общая выборка исследования составила 100 человек в возрасте от 14 до 50 лет с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Вся выборка была также разделена на экспериментальную и контрольную группы ($N_1=N_2=50$) по критерию наличия или отсутствия установочной серии.

Для проведения эксперимента была использована компьютерная программа Subliminal Images. В качестве установочного стимула использовались всегда одинаковые пары окружностей, в которых правая окружность всегда была больше левой на 27 пикселей, или 7,128 миллиметров. Установочная серия представляла собой предъявление установочного стимула в хаотичном порядке в разных частях монитора с длительностью экспозиции в 300 мс. с интервалом между предъявлениями также в 300 мс. Установочная серия состояла из 100 предъявлений стимула, что соответствует общей длительности серии в одну минуту. Испытуемый располагался перед экраном монитора на расстоянии приблизительно 50 см. Во время стимуляции фоном служил белый экран.

Целевой стимул также представляет собой пару окружностей с подобным соотношением размера, однако не столь явно выраженным. Различие в размерах целевых стимулов, использованных в эксперименте и представленные в таблице 1, позволяют разбить всю выборку на пять подгрупп.

Таблица 1.

Разница между окружностями в контрольном стимуле
в пикселях и миллиметрах

Размер (пиксели)	Размер (миллиметры)
------------------	---------------------

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

1	0,264
3	0,792
5	1,32
7	1,848
10	2,64

При предъявлении целевого стимула испытуемым предлагалось сравнить величину окружностей. Если они воспринимались как разные, то регистрировался ответ, какая из окружностей представляется больше другой. В контрольной группе при отсутствии установочной серии испытуемые сразу отвечали на вопрос о соотношении размеров окружностей после предъявления целевого стимула. Количество испытуемых в каждой из подгрупп в контрольной и экспериментальной группах было одинаковым (n=10).

2.3. Результаты: использование критерия χ^2 Пирсона

Исследование имеет классический двухфакторный дизайн вида 2x5. Действительно, различие стимула (зависимая переменная) зависит от наличия установочной серии (категориальная переменная, две градации) и величины различий между окружностями в целевом стимуле (категориальная переменная, 5 градаций). Однако и зависимая переменная – различие величин окружностей в целевом стимуле – является также номинативной (две градации: есть различие и нет различия). Таким образом, в данной ситуации критерий χ^2 Пирсона является безальтернативным. Однако в данном случае мы сможем проверить только независимое влияние каждого фактора, в то время как вторая сформулированная гипотеза предполагает их взаимодействие.

Полученные результаты ставят под сомнение нашу первую гипотезу. В экспериментальной группе 66% испытуемых верно указали различия в целевом стимуле, в то время как в контрольной группе таких испытуемых оказалось лишь 48% ($\chi^2(1)=3,305$; $p=0,069$). Среди всех 100 испытуемых, принявших участие в эксперименте, не оказа-

лось ни одного (!), кто сделал бы неверный вывод о соотношении окружностей в целевом стимуле, т.е. ни одного, у кого бы проявился контрастный эффект в восприятии. Влияние разницы в диаметрах окружностей целевого стимула оказалось существенно большим ($\chi^2(4)=15,34$; $p=0,004$). Вполне возможно, что, в соответствии с нашей второй гипотезой, различия между контрольной и экспериментальной группами должны быть неодинаковыми при разных параметрах целевого стимула, однако полученные результаты не позволяют проверить данное предположение. Единственный вывод, который мы можем сделать на данном этапе – это вывод о том, что наличие предварительной установочной серии с ассимилятивным соотношением стимулов оказывает положительное влияние на различение целевого стимула.

2.4. Результаты: реформализация экспериментального дизайна

Выходом из сложившейся ситуации, на первый взгляд, будет рассмотрение зависимой переменной как количественной. Действительно, можно рассматривать в качестве случая подгруппу испытуемых, и в качестве показателя верного различения подсчитывать количество (или процент) испытуемых, верно оценивших соотношение диаметров окружностей в целевом стимуле. Тогда оказывается возможным применение традиционного двухфакторного ДА. Однако в нашем случае это не выход: зависимая переменная оказывается измеренной только на одном случае (одной подгруппе), а потому ее дисперсия не определена – ДА попросту невозможен! Чтобы данный математический метод оказался применимым, необходимо создать выборку подобных экспериментов, повторив их хотя бы 10 раз – т.е. увеличив общий объем экспериментальной выборки хотя бы до 1000 (!) испытуемых¹.

¹ т.е. 10 подгрупп x 10 испытуемых x 5 разных целевых стимулов x 2 группы (экспериментальная и контрольная)

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

Другим возможным решением данной проблемы является рассмотрение одной из независимых переменных – различия в диаметрах окружностей в целевом стимуле – тоже как метрической. Тем не менее в данном случае независимые переменные оказываются измеренными в разных шкалах, и традиционные для отечественной психологии методы позволяют, как и в предыдущем случае, измерить лишь взаимосвязь пар переменных в отдельности. При этом мы теряем в информативности данных и получаем результаты с меньшим уровнем статистической значимости. Подобный анализ позволяет обнаружить сильную значимую корреляцию между величиной целевого стимула и верностью его восприятия ($r=0,768$; $t(8)=3,388$; $p=0,01$), однако влияние наличия предварительной установочной серии оказывается уже незначимым ($t(8)=1,273$; $p=0,239$). Таким образом, при использовании традиционных одномерных статистических методов подобная реформализация экспериментальных данных нецелесообразна. Вместе с тем как только мы переходим к ОРМ, ситуация меняется драматическим образом.

2.5. Использование ОРМ: результаты и обсуждение

Пусть y (Y) – количество испытуемых, верно решивших задачу на соотношение величин окружностей в целевом стимуле (зависимая переменная, количественная); x (фактор X) – разница в диаметре окружностей в целевом стимуле (независимая переменная, количественная); k (фактор A) – наличие предварительной установочной серии (независимая переменная, категориальная)¹. Тогда наша задача – определить характер взаимосвязи в модели

¹ Здесь строчные буквы указывают на обозначение переменных в уравнениях (количественное описание, математическая модель), а заглавные (в скобках) указывают на обозначения факторов в описании дизайна модели (качественное описание, теоретическая модель). Традиционно при описании моделей экспериментов действие факторов, формализованных через категориальные переменные, обозначают преимущественно первыми буквами латинского алфавита ($A, B, C...$), а действие факторов, которым соответствуют количественные переменные – преимущественно через последние ($X, Y, Z...$)

$$Y = F(X, A), \quad (11)$$

т.е. методом наименьших квадратов найти функцию

$$y = f(x, k), \quad (12)$$

наиболее точно соответствующую экспериментальным данным.

На первом этапе необходимо определить, какой характер может принимать данная зависимость, что позволит нам определиться с возможными слагаемыми в модели (11) и в соответствующем ей уравнении (12). Иными словами, нам нужно набрать детали конструктора, из которого потом мы будем собирать модель.

Во-первых, сформулированные нами гипотезы предполагают возможность как независимого влияния каждой независимой переменной, так и взаимодействие факторов. Простейшая модель, отвечающая данным условиям – это модель вида $Y = A + X + AX$. Далее, во второй эмпирической гипотезе мы предположили, что влияние взаимодействия факторов AX нелинейно – т.е. влияние предварительной установочной серии уменьшается при уменьшении разницы в диаметрах окружностей в целевом стимуле. Наиболее простой и распространенный способ ввести подобную нелинейность в модель – это возведение переменной в степень. В нашем случае достаточно ввести только вторую степень, так как квадратичной зависимости будет достаточно, чтобы в целом (с некоторой точностью) описать подобную зависимость. Введение степеней более высокого порядка нецелесообразно: хотя в большинстве случаев это позволяет получить более точные модели, на выборках небольшого объема они становятся очень чувствительными к шуму, а потому могут быть неверно проинтерпретированы¹. Таким образом, наша модель приобретает вид $Y = A + X + AX + AX^2$. Далее, у нас нет

¹ В целом, можно дать следующую рекомендацию: при построении регрессионных моделей следует стремиться к тому, чтобы количество наблюдений превышало количество коэффициентов в модели как минимум в 7-10 раз. В нашем случае это означает, что следует ограничиться рассмотрением моделей, включающих не более двух переменных. В противном случае повышается риск принять случайные особенности экспериментальной выборки за объективную закономерность.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

оснований считать, что зависимость Y от самого фактора X носит строго линейный характер, поэтому в модель следует добавить нелинейность и для него. Рассуждая аналогичным образом, приходим к окончательной формализации модели (11) в виде

$$Y = A + X + AX + X^2 + AX^2, \quad (13)$$

которой соответствует уравнение

$$y = C + b_k + b_1x + b_{2k}x + b_3x^2 + b_{4k}x^2, k = 1..2. \quad (14)$$

Несложно заметить, что уравнение (14) – это частный случай уравнения (10) с двумя «лишними» слагаемыми, описывающими дополнительную нелинейность модели.

Обратим внимание, что если в индексе коэффициента b стоит только число, то данный коэффициент связан с влиянием только фактора X , если в индексе стоит только k – то он связан только с влиянием фактора A , а если в индексе b -коэффициента стоит как число, так и индекс k , то такой коэффициент вносит вклад в объяснение взаимодействия двух факторов.

На втором этапе происходит поиск оптимальной модели, для чего могут использоваться методы пошагового включения, пошагового исключения и поиска лучших подмножеств.

Вывод об адекватности модели делается на основании следующих статистик:

1. статистическая значимость всей модели по F-критерию на заданном уровне;
2. статистическая значимость всех коэффициентов, входящих в модель, на заданном уровне;
3. относительно высокие показатели КМК и КМД.

Методы пошагового исключения, пошагового включения (с критическим значением для коэффициентов $p=0,1$), а также метод поиска наилучших подмножеств для моделей с разным числом переменных привели к одной и той же модели, включающей в себя только две переменные, соответствующие линейному независимому вкладу каждой переменной, т.е. в уравнении (14) статистически значимыми (на уров-

Обобщенные регрессионные модели в психологии: пример исследования ...

не $p < 0,1$) оказались только коэффициенты b_k и b_1 . Соответственно, итоговая математическая модель имеет вид

$$y = C + b_k + b_1x, \quad k = 1..2,$$

что соответствует теоретической модели

$$Y = A + X.$$

Для данной модели КМД=0,758, уточненный КМД=0,686, КМК=0,87, F=10,948, p=0,007. Статистические показатели для коэффициентов модели приведены в таблице 2, графическое представление модели показано на рис. 1.

Таблица 2.

Коэффициенты итоговой модели

Коэффициент	Наличие уст. серии	k	Значение коэффициента	β -коэффициент	t-критерий	p-уровень
C (константа)			2,897541		3,65745	0,008098
b_1			2,041418	0,767694	4,12676	0,004422
b_k	нет	1	-0,900000	-0,410365	-2,20592	0,063176
	есть	2	0,900000			

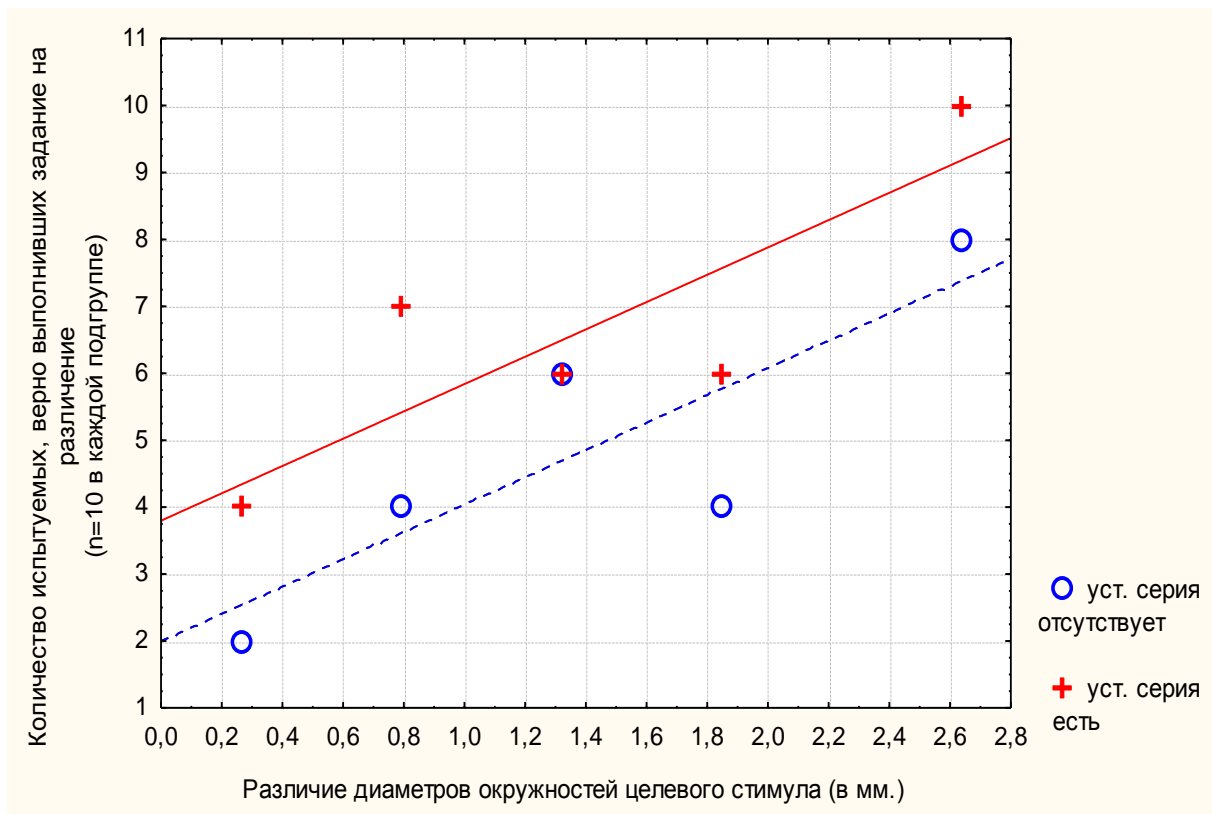

Рис. 1. Эмпирические результаты и графики регрессионных уравнений по результатам ОРМ

На первый взгляд, эти результаты всего лишь подтверждают полученные ранее. Тем не менее обратим внимание, что уровень статистической значимости для коэффициентов соответствует анализу исходных (см. п. 2.3 наст. статьи), а не агрегированных (см. п. 2.4) данных. Таким образом, на одних и тех же данных использование методов ОРМ позволяет получить результаты на более высоком уровне достоверности, т.е. эти методы являются более мощными. Фактически, при использовании методов ОРМ потеря информативности после агрегирования данных оказалась несущественной, в то время как для традиционных методов сравнения центральных тенденций и корреляционного анализа подобные действия снижают уровень статистической значимости результатов. Большая точность – это неспецифическое преимущество методов ОРМ.

Вместе с тем имеет смысл интерпретировать не только переменные, вошедшие в модель, но и те, которые были из нее исключены. Это означает, что, во-первых, взаимодействие факторов незначимо, а

потому наша вторая гипотеза о различной силе влияния установочной серии в зависимости от величины различий в целевом стимуле может быть обоснованно отклонена. Во-вторых, исключение из модели нелинейных членов означает, что зависимость успешности решения задачи на различение визуальных стимулов от величины этих различий носит характер, приближенный к линейному.

В случае линейных моделей $\beta_k = r_{x_k y} r_{\text{частн.}x_k y}$, и описывают уникальный вклад k -й переменной в объяснение дисперсии зависимой переменной, при этом выполняется условие $\sum_i \beta_i^2 = R^2$. Дополнительно учитывая свойства дисперсии и формулу (6), можно заключить, что:

1. построенная модель описывает 75,8% дисперсии зависимой переменной, которая наблюдается в полученных экспериментальных данных; при этом

2. на 58,9% разброс значений успешности решения задачи на различения целевого стимула зависит от величины различий в самом целевом стимуле и

3. на 16,8% этот разброс значений зависит от наличия предварительной установочной серии. При этом

4. 24,2% изменчивости зависимой переменной, наблюдаемые в эксперименте, остаются не объясненными.

Поскольку, как уже было отмечено, неуточненные значения КМД являются переоцененными, следует ожидать, что на уровне генеральной совокупности вклад каждого из факторов в объяснение зависимой переменной, равно как и общая доля дисперсии, объясненная всей моделью, будет несколько ниже.

Кроме того, модель может быть использована для построения прогнозов успешности решения аналогичных задач на основании полученных линейных уравнений: прогнозируемая успешность соответствует точкам, лежащим на регрессионных прямых на рис. 1.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

Характер разброса данных на рис. 1 показывает, что точки, соответствующие эмпирическим результатам, в каждой из групп лежат вдоль некоторой кубической параболы, поэтому можно предположить, что введение в модель нелинейности в виде третьей степени позволит получить более точную модель. Заметим, что такие рассуждения отчасти правомерны: такая модель действительно существует, включает в себя все степени переменной x до третьей включительно, объясняет 94,2% общей дисперсии, при этом общий вклад переменной различий в целевом стимуле возрастает до 77,3% (невероятно высокий показатель!). Графически эта модель представлена на рис. 2.

Однако, как уже было отмечено выше, содержательной интерпретации такая модель не подлежит по причине большой подверженности влиянию шума (случайных характеристик) на ее параметры (вследствие поиска большого числа коэффициентов на небольшом массиве данных). Тем не менее, и в данной модели все переменные, связанные с взаимодействием факторов, оказались незначимыми, что дает дополнительную уверенность в выводе о независимом влиянии данных факторов.

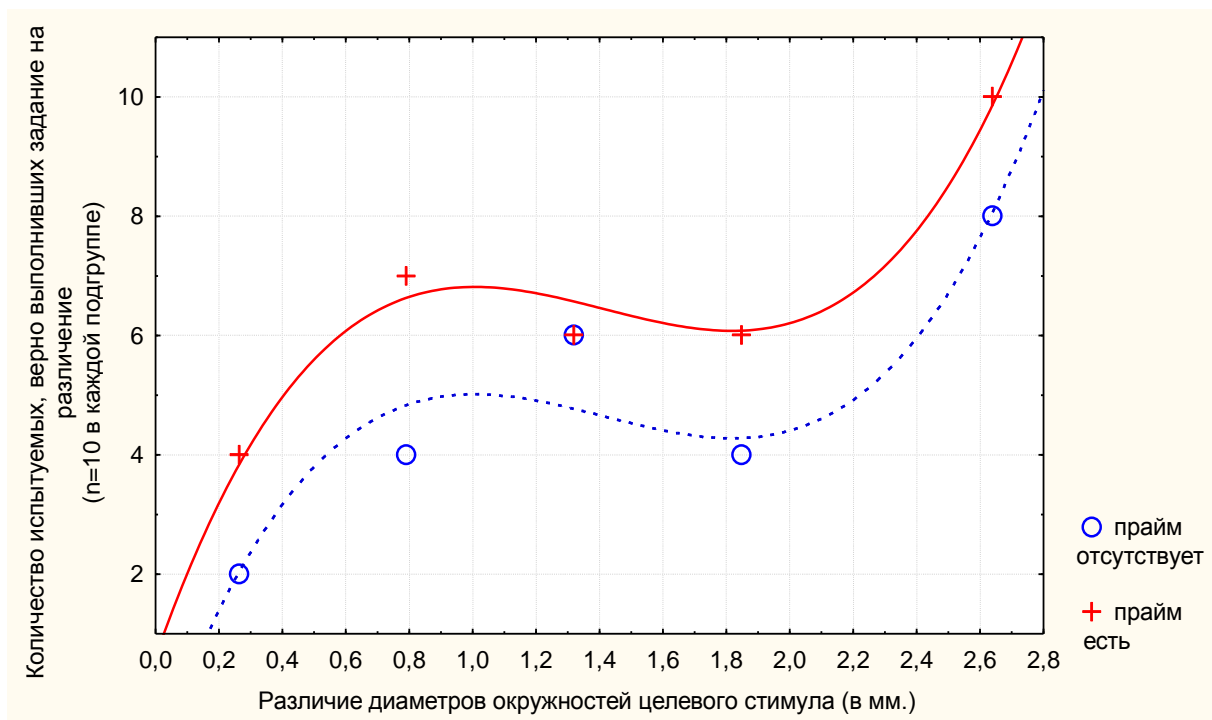

Рис. 2. Кубическая модель, построенная методами ОРМ на тех же экспериментальных данных

2.6. Общее обсуждение

Использование традиционных методов сравнения средних и корреляционного анализа позволило обосновать только один значимый результат: наличие предварительной установочной серии с ассимилятивным соотношением с целевым стимулом оказывает положительное влияние на эффективность различения разницы диаметров окружностей в целевом стимуле – факт, по большому счету, тривиальный. Использование методов ОРМ позволило обнаружить следующие эмпирические факты:

1. Влияние предварительной установочной серии с ассимилятивным соотношением с целевым стимулом на успешность решения задачи на визуальное различение величины объектов оказывается одинаково сильным независимо от объективно существующей разницы в величине сравниваемых объектов. Иными словами, такая зависимость носит характер, приближенный к линейной, однако есть основания предполагать, что существует некоторая нелинейность взаимосвязи, которую можно будет обнаружить на выборках существенно большего объема¹.

2. В решении задач на визуальное различение величины объектов объективные различия в размерах сравниваемых стимулов оказывают примерно в три раза большее влияние на успешность решения такой задачи, чем наличие предварительной установочной серии.

Отметим, что для обнаружения этих двух фактов методы ОРМ (или их дальнейшее развитие в виде моделирования структурными уравнениями [Митина, 2008]) являются безальтернативными (т.е. другие методы не позволят их обнаружить), и в этом состоит их специфическое преимущество.

¹ Вторая часть последнего предложения – это, конечно же, не эмпирический факт, а эмпирическая гипотеза для будущего исследования.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

Сопоставив полученные результаты с работами Д.Н. Узнадзе (1966; 2001), можно сделать вывод, что предварительное предъявление ассимилятивной установочной серии будет приводить к эффекту восприятия по контрасту при предъявлении целевого стимула только в том случае, если целевой стимул является действительно неопределенным (в случае равных окружностей). Даже если стимул по своим параметрам остается близким к неопределенному, но на самом деле таковым не является, предварительная ассимилятивная установочная серия начинает оказывать положительный эффект и увеличивает число случаев верной оценки величины сравниваемых стимулов. А это означает, что человек способен определить и дифференцировать даже небольшие различия в размерах объектов, даже в том случае, если сам факт такого различия им не осознается, при этом сама установочная серия оказывает одинаковое влияние как на осознаваемые, так и неосознаваемые механизмы работы психики и сознания.

Более развернутая интерпретация может быть дана с учетом обширных работ по исследованию прайминга как явления имплицитной памяти. Прайминг-эффект определяется как «явление имплицитной памяти, которое представляет собой либо (а) изменение скорости или точности решения задачи (перцептивной, мыслительной или мнемической), наблюдаемое после предъявления информации, связанной с содержанием или с контекстом этой задачи, но не соотносящейся прямо с ее целью и требованиями, либо (б) повышение вероятности спонтанного воспроизведения этой информации в подходящих условиях» [Фаликман, Койфман, 2005]. В более широком понимании прайминг можно определить как «влияние стимула на последующие осознаваемые реакции испытуемого... Прайм-стимул... может осознаваться, а может предъявляться и на неосознаваемом уровне» [Агафонов, 2007, с. 140-141]. В соответствии с приведенными определениями проведенное исследование установки может интерпретироваться как исследование прайминг-эффекта, однако процедура проведенного экспериментального исследования не в полной мере соответствует

Обобщенные регрессионные модели в психологии: пример исследования ...

экспериментальной парадигме исследования прайминг-эффекта, сложившейся в когнитивной психологии. Тем не менее, анализ литературы [Агафонов, 2003, 2007; Аллахвердов, 2003; Величковский, 2006] и полученных результатов позволяет предположить наличие некоторых общих механизмов, действие которых обнаруживается в экспериментах, направленных на изучение прайминга и влияния установки.

Более подробное обсуждение полученных результатов выходит за рамки настоящей статьи. Заинтересованный читатель может сам соотнести полученные результаты с анализом экспериментов Д.Н. Узнадзе и исследований прайминг-эффекта, обратившись к указанным выше работам, в которых дан прекрасный обзор исследований, посвященных исследованию имплицитной памяти и праймингу.

Литература

1. StatSoft, Inc. (2001). Электронный учебник по статистике. Москва, StatSoft. <http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm>
2. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. – Самара: ИД «Бахрах-М», 2007.
3. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Речь, 2003.
4. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. – СПб.: Речь, 2003.
5. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2-х тт. Т.1. – М.: Смысл : Издательский центр «Академия», 2006.
6. Гласс Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. – М.: Прогресс, 1976
7. Гусев А. Н. Дисперсионный анализ в экспериментальной психологии. – М.: УМК «Психология», 2000.
8. Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности. – СПб: Питер, 2003.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

9. *Левин К.* Теория поля в социальных науках.: пер. с англ. – СПб: Сенсор; Речь, 2000.
10. *Митина О.В.* Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений // Экспериментальная психология. – 2008. №1. – С. 131-148.
11. *Мышкис А.Д.* Элементы теории математических моделей. – М.: КомКнига, 2007.
12. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. – СПб: Речь, 2004
13. *Самарский А.А., Михайлов А.П.* Математическое моделирование. Идеи. Методы. Примеры. – М.: Физматлит, 2001.
14. *Советов Б.Я., Яковлев С.А.* Моделирование систем: Учеб. для вузов. – М.: Высш. шк., 2001.
15. *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. – М.: Наука, 1966.
16. *Узнадзе Д.Н.* Психология установки. - СПб.: Питер, 2001.
17. *Фаликман М.В., Койфман А.Я.* Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского Университета, серия 14, Психология, №3,4. – М.: МГУ, 2005
18. *Филатов А.Ю.* Конспект лекций по эконометрике. – Иркутск: ИГУ. – 2006.

Е.В. Литягина

Феномен понимания с точки зрения студентов-психологов: обзор рефлексивных эссе

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологическая профилактика наркомании в вузе»), проект 08-06-00391 а

Не претендуя на строго научный обзор проблемы понимания, предлагаем обзор рефлексивных эссе студентов-психологов пятого

курса психологического факультета, подготовленных в рамках дисциплины специализации «Психологическая герменевтика».

Студентам было предложено четыре темы по выбору, затрагивающих проблему понимания (см. табл.1), кроме этого, каждый мог предложить собственную тему в рамках обсуждаемой проблемы. Эссе не входило в число зачетных заданий, студенты выполняли эту работу по желанию. Из группы в 28 человек была сдана 21 работа. Определенное число полученных размышлений мы квалифицировали как формальные (таких работ оказалось 9, т.е. примерно 43 %). Видимо при их выполнении студенты преследовали цель избежать возможных санкций (хотя их не было и не могло быть; это было озвучено заранее), нежели действительно задуматься над поставленной проблемой. В основном эти работы содержали определения понимания, взятые из словарей и энциклопедий, без собственных размышлений по этому поводу. Ни одного эссе на свободную тему сдано не было. Количественное распределение студентов по темам эссе (с указанием количества «формальных» работ) приведено в Таблице 1.

Нам показалось удивительно, что третью тему «Можно ли научиться понимать, и, если – да, то как?» не выбрал ни один студент. Маловероятно, что она не была потенциально интересна, скорее всего, эта тема оказалась наиболее трудной, т.к. она ориентировала не просто на размышления, а на определенные практические рекомендации, разработку стратегии в обучении пониманию. Кто же, как не педагоги и психологи призваны помогать понимать себя и других, окружающий мир? Вот это и показалось нам удивительным: по прошествии пяти лет обучения ни один студент не взялся хотя бы поразмышлять на эту тему (хотя отдельные соображения содержались в студенческих эссе, написанных на другие темы).

Таблица 1

	Темы для размышления	Количество студентов, выбравших тему	Количество «формальных» работ
1.	«Зачем человеку понимать?»	11	6

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

2.	«Как можно понять другого и самого себя?»	7	2
3.	«Можно ли научить понимать, и, если – да, то как?»	0	0
4.	«Понимать – моя профессия (У. Голдинг)»	3	1
	Всего	21	9

Мы будем приводить выдержки из работ студентов без указаний на авторов этих строк (по предварительной договоренности). Возможно, какие-то фразы были заимствованы студентами при подготовке рефлексивных эссе из известных источников (как известно, все когда-то было уже сказано так или иначе...). ПРОПИСНЫМИ буквами выделены слова и фразы, которые мы хотели подчеркнуть в смысловом отношении. В итоге работы над полученными эссе получился текст, который включает соображения студентов по проблеме. Представляем его в виде более или менее целостного текста, так сказать, обобщенной точки зрения студентов-психологов на феномен понимания (в озвученных аспектах).

Как говорить, способность понимать лежит в основе существования человека – понимать действительность, природную и социальную, понимать других людей и самого себя, тексты культуры [*Брудный*, 2005].

Зачем человеку понимать? «Отвечая на этот вопрос в первый раз, я зашла в тупик, не понимая, зачем возникло само явление, сама необходимость и возможность понимать?» «Я не могу рассчитывать на возможность понять до конца что-либо на свете, я могу лишь надеяться, мечтать, что череда случайностей и уникальных совпадений подарит мне удачу понять... Если бы понимание было такой простой штукой, какой мы его привыкли считать, мы бы так не радовались, когда понимали пусть маленький, но кусочек себя и мира вокруг».

Понимание с научной точки зрения – это соотнесение полученной информации с собственным опытом, адаптация знаний к уже существующим. «С философской точки зрения, понимание – явление

невозможное, поскольку каждый человек замкнут в пределах самого себя, и понимание другого человека есть ни что иное, как **понимание самого себя**». «**ПОНИМАТЬ СЕБЯ** значит **ПОНИМАТЬ ДРУГИХ**». «Для того, чтобы не оценить, а понять, надо хорошо разобраться в своем поведении... Хотя многие говоря фразу: «Я тебя понимаю», на самом деле произносят просто слова».

«Стоит хотя бы вспомнить рекламу лекарства от простуды, в которой герой с лучезарнейшей и неуместнейшей улыбкой восклицает: «Я Вас понимаю!». Он радуется своей причастности к другому человеку, но радуется своему маленькому «пониманию». Но, естественно, он получает закономерный ответ: «Нет, вы меня не понимаете. Вы ведь не простужены!». В этой фразе – отражение СУТИ всей ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ – ПОСТАВИТЬ СЕБЯ НА МЕСТО ДРУГОГО НЕ ДОСТАТОЧНО, чтобы стать этим другим, начать чувствовать, как другой. Но даже если бы подобная метаморфоза была возможна, это бы мало приблизило нас к «пониманию» другого, потому что и в понимании самих себя мы не слишком преуспели».

«**Понимая другого** человека, мы понимаем его через призму самого себя. В основе мнения о Другом лежат собственные идеи и предположения, которые, разве что, могут быть точнее, чем у других...». Однако, «понимание – это не утопия, оно все-таки возможно, и оно предполагает определенный резонанс. Этот резонанс можно называть эмпатией, рефлексией, осмыслением, чем угодно... Удивительно то, что люди могут понимать, даже когда нет слов, просто находясь рядом. Для этого достаточно включиться эмоционально, и сам собой возникает резонанс...». Это про понимание между людьми.

«**Понимание реальности** в целом, это скорее все-таки адаптация нового к уже известному, постоянная категоризация явлений, называние явлений через уже названное». «**ПОНИМАНИЕ – это ТКАНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ**, основа существования в реальности, основа общения, совместимости, если так можно сказать, поскольку язык у нас один – тот, о котором мы «договорились». А совмести-

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

мость задана изначально, потому что мы живем в социуме, и уже очень давно...» Нашим предкам необходимо было «ПОНИМАТЬ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ». «ПОНИМАНИЕ – это СПОСОБ ОРИЕНТАЦИИ в пространстве реальности и в пространстве социума. Сама жизнь основана на том, что люди учатся понимать друг друга и самих себя». Интересно, что в этой фразе просматривается мысль об отделенности пространства реальности и пространства социума. Социум не реален? Возможно. Здесь находят свое воплощение идеи о нереальности реальности мира, созданного людьми, вопрос о реальности самой реальности (действительности), что такое реальность и т.д. В общем, есть над чем поразмышлять...

«Понимать – профессия каждого из нас... «ПОНИМАНИЕ – есть ЦЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ». Как этому научиться? Если не книги, то фильмы, передачи, весь внешний мир смыслов и знаков – вот что транслирует нам определенную модель понимания... Понимание – приобретение человека, осознающего себя как активного субъекта, жизнь которого – не цепочка случайностей, а осознанный выбор, за которым есть ответственность, но есть и свобода».

«Соединив ингредиенты вместе, мы получаем **ФОРМУЛУ ПОНИМАНИЯ**: Доверие к себе + Пребывание, присутствие с собой (другим) = Вероятность понимания... А значит, чем больше доверяешь себе и чем больше общаешься с собой (или с другим), тем обоснованнее твои надежды на везение под названием «Понимание».

«ПОНИМАНИЕ – уникальная и удивительная **ВОЗМОЖНОСТЬ ОЩУЩАТЬ СЕБЯ ЧАСТЬЮ ЦЕЛОГО**. Эта способность черпать в других то, чего не хватает в себе, делиться с другими тем, чего в избытке – вот пути понимания. Через него мы соприкасаемся с миром других людей, а они соприкасаются с нашим». «В процессе понимания человек ощущает внутреннюю связанность, организованность явлений». «Момент ПОНИМАНИЯ воспринимается нами как **ИНСАЙТ**, а первое открытие понимания как **ИНИЦИАЦИЯ**».

Феномен понимания с точки зрения студентов-психологов: обзор ...

«ПОНИМАНИЕ – это процесс, БЕСКОНЕЧНЫЙ по времени, у него не может быть конечной цели... Это качество, способность, умение, талант – сплошь ИЛЛЮЗИЯ, стоило бы сделать все, чтобы от него избавиться, ведь понимание постоянно расставляет нам ловушки». «Если мчаться в «поезде понимания» самого себя, можно сойти с ума. Лучше не понимать, а просто принимать себя, таким вот, дышащим... любящим... ненавидящим... думающим... (последнее слово лучше вычеркнуть, оно неминуемо ведет к извечным вопросам)». «Понимать других, как правило, вредно... Всему должен быть свой предел..., баланс, особенно такой хрупкой инстанции, как понимание – предел и пониманию себя, и пониманию других, и понятливости окружающих».

Есть еще одно определение. «ПОНИМАНИЕ – это особое психологическое СОСТОЯНИЕ субъекта (получается, вошел в состояние – повезло, а не вошел – пеняй на себя...), выражающее собой правильность принятого решения и сопровождаемое чувством уверенности в точности восприятия или интерпретации какого-либо события, явления, факта. Это способность видеть причинно-следственные связи. Ключевая фраза – причинно-следственные связи... В пору хоть закончивай эссе – ведь все понятно... Но мысль не остановить...»

«Приходит к психотерапевту человек, т.е. уже клиент: «Доктор, у меня рога не растут...». И с этим человеком и с таким началом психолог может выстроить диалог! А реакция нормального человека (психолог здесь отнюдь не подразумевается как «ненормальный»...)? Нормальный человек (читай – среднестатистический) покрутит пальцем у виска. Не исключено, что и психолог мысленно покрутит тем же пальцем, однако... Вопрос клиента – это ТЕКСТ (как отправная точка), который зачастую неточен, плохо сформулирован, бывает даже обманчив. С ТЕКСТОМ РАБОТАЕТ ПОНИМАНИЕ... Понять человека, который горюет по поводу невыросших рогов – несложно простому смертному, тем более психологу, он – личность эмпатичная... А вот урвать КОНТЕКСТ параллельно с ПОДТЕКСТОМ, т.е. понять истинную причину происходящего и увидеть существующие

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

связи ... – удел профессионала! Ведь только психолог может построить модель проблемы пришедшего к нему человека, разглядеть все нюансы и четко решить, что же следует предпринять клиенту, а потом двигать его в нужном направлении. Через выдвижение гипотез по ходу текста, наводящих вопросов и прочих приемчиков... психолог докапывается до истины...

В результате фраза «у меня не растут рога...» превращается в «я не настоящий мужчина...» (промежуточные этапы превращения позволю себе опустить). И почему бы психологу теперь не назваться волшебником...? Вот такая профессия...»

«Психолог понимает человека не лучше и не хуже, но по-другому. Он способен подняться над ситуацией, научить человека самому выбирать ПРАВИЛА ИГРЫ В ЖИЗНЬ, но первая его задача – создать такие условия, в которых человек лучше понял самого себя. Да, понимать самого себя – это все еще процесс, приносящий радость и вдохновение, понимать – само по себе интеллектуальное удовольствие, а «когда тебя понимают» – это по-прежнему счастье».

В заключение, хотелось бы отметить студентов, чьи рефлексивные размышления натолкнули на создание данной работы, с целью озвучить идеи и мысли для широкого круга читателей, интересующихся феноменом понимания. Это студенты пятого курса психологического факультета Самарского государственного университета выпуска 2008-2009 гг. – Екатерина Чукина, Наталья Букреева, Дарья Горновитова, Евгения Бессонова, Катерина Колмогорова, Надежда Трифонова, Иван Колетаев и др.

Литература

1. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005.
2. Психологический словарь / Под ред. В.Н. Копорулиной. Ростов н/д: Феникс, 2003.

НАПРАВЛЕНИЕ 2.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

С.М. Алирзаева, О.А. Ушмудина

Досуговый характер употребления молодежью наркотических веществ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологическая профилактика наркомании в вузе»), проект 08-06-00391 а

Среди актуальных проблем, стоящих сегодня перед российским обществом, на одно из первых мест все увереннее выходит проблема молодежной наркомании. По данным Минздрава России, около 70% подростков (как мальчиков, так и девочек) хотя бы один раз пробовали наркотические вещества. Среди современной молодежи появилось относительно новое течение – клубберы (от англ. clubber – человек, завсегда с клубных вечеринок). Именно в клубах зародились так называемые клубные, синтетические наркотики, которые на данный момент являются неотъемлемой частью современного клубного молодёжного общества и одной из главных угроз наркотизации.

Теоретический анализ психолого-педагогической (С. Даулинг, Э.Дж. Ханзян, Л.А. Богданович) и медицинской (И.Д. Даренский) литературы, показал несоответствие имеющихся исследовательских данных (Е.С. Меньшикова, Т. Лири, А. Хоффман) актуальному современному состоянию употребления наркотических веществ молодежью. Большинство исследований, посвящено влиянию наркотических веществ на различные личностные структуры уже на стадии сформированной зависимости, в то время как вопросы употребления

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

веществ, не попадающих под классификацию запрещенных (спайс, попперсы, грибы, семечки и т.д.), остаются без внимания.

Таким образом, обнаружена неисследованная область – досуговое употребление наркотических веществ, определение понятий досуговые и клубные наркотики; и их специфические особенности.

Целью нашего исследования являлось изучение досугового характера употребления наркотических веществ и отношения к наркотическим веществам молодежью на примере клубного образа жизни. В основе нашего исследования лежит предположение, что молодежь, ведущая регулярный клубный образ жизни, положительно относится и проявляет повышенный интерес к досуговым наркотикам, в отличие от «неклубной» молодежи.

Клубные наркотики – это группа веществ синтетического происхождения, оказывающих стимулирующее, угнетающее или галлюциногенное воздействие на центральную нервную систему, употребляющиеся преимущественно в ночных клубах. По сравнению с ними досуговые наркотики – более широкое понятие, включающее в себя клубные наркотики.

Исследование проводилось на студентах различных вузов города Самары с 1 по 3 курс, количество опрошенных составило 40 человек, в возрасте от 18 до 22 лет, мужского и женского пола. В исследовании применялись структурированная беседа и авторская анкета, направленная на выявление отношения к наркотикам, характера употребления, частоты употребления наркотиков

Выборка была разделена на 3 группы:

1) студенты, которые ведут клубный образ жизни (регулярно посещают клубы, поддерживают клубную систему ценностей, внешний вид характеризует их музыкальные предпочтения, имеют символизирующие татуировки, говорят на определенном сленге) и систематически употребляют наркотики, – в эту группу вошло 8 опрошенных мужского пола и 2 женского;

Досуговый характер употребления молодежью наркотических веществ

2) студенты, которые ведут клубный образ жизни (регулярно посещают клубы, поддерживают клубную систему ценностей, внешний вид характеризует их музыкальные предпочтения, имеют символизирующие татуировки, говорят на определённом сленге) и эпизодически употребляют наркотики, в эту группу вошло 6 опрошенных мужского пола и 4 женского;

3) студенты, которые посещают клуб не регулярно (или не посещают в принципе) и не употребляют наркотические вещества, группу составило 13 опрошенных женского пола и 7 опрошенных мужского пола.

При анализе результатов исследования отношения к наркотическим веществам обнаружено, что употребляющие студенты отмечают следующие ощущения: отрыв от реальности, расширение сознания, общительность, приятные ощущения, раскрепощённость, уход от проблем. Из них 50% выборки однозначно отметили негативное влияние наркотических веществ на здоровье, а не употребляющие студенты при ответе на аналогичный вопрос сразу давали отрицательный ответ. Таким образом, нами обнаружена следующая закономерность: молодежь с выраженным досуговым характером употребления наркотических веществ не имеет чёткого однозначного отношения к наркотикам. Это может быть объяснено принадлежностью респондентов к определенной субкультуре, встроенностью употребления в повседневную обыденную жизнь, кругом общения студентов, образом жизни, социальным статусом, а также личностно-психологическими особенностями: уровень инфантильности, личностная незрелость, конформность. В группе употребляющих 80% опрошенных основным местом употребления назвали клуб, что даёт некую конкретизацию мира клубного наркотика. В этой же группе 60% опрошенных в качестве преимущества клубных наркотиков отметили возможность не систематического употребления: «их можно то употреблять, то не употреблять, не чувствуя при этом дискомфорта». По мнению студентов такое употребление не вызывает физической зависимости. Опас-

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ность досуговых наркотиков как раз и заключается в отсутствии критичности к ним у употребляющей молодежи, так как физического привыкания не происходит, а психологическую зависимость диагностировать можно уже только по факту сформированной зависимости.

Таким образом, досуговое употребление выступает предпосылкой формирования наркотической зависимости. Во-первых, эта категория веществ не определяется студентами как наркотических, вследствие чего вопроса о привыкании или формировании психической зависимости просто не встает. Во-вторых, эти наркотики более социально одобряемы и поддерживаются извне (рекламные кампании, область отдыха, досуга и развлечений). Отметим, что среди причин употребления, на первое место выступила группа причин социального характера. В-третьих, характер формирования зависимости не столь очевиден. Первоначально сопровождая общение, отдых или другую деятельность, употребление в результате встраивается во все сферы жизни и деятельности студентов, постепенно структурируя и опосредуя не только сферу досуга, но и всю жизнь, заменяя и исключая все остальное. Анализируя характер употребления психо-активных веществ (ПАВ) в студенческой среде, отметим, что преобладающим является досуговое употребление, носящее эпизодический, случайный, неструктурированный характер, что связано с отсутствием сложившегося и выстроенного отношения к наркотическим веществам и употребляющим сверстникам, отсутствием критики к заболеванию, семантической несвязанностью смыслов «употребление» и «наркомания». Выбор ПАВ зависит от «моды» в референтной группе, экономической состоятельности студента, места употребления и последующего присутствия «под кайфом», а так же от индивидуально-психологических особенностей студента, но в меньшей мере, чем влияние ситуативных факторов.

Клубный образ жизни – это определённая система поведения, ценностей и правил: использование сленговых выражений, в том числе свои обозначения, названия наркотических веществ, употребление

Досуговый характер употребления молодежью наркотических веществ в связи с музыкальными предпочтениями. Таким образом употребление выступает составляющей клубной и танцевальной развлекательных культур, начинается с экспериментирования, в основном, в среде молодежи.

Перспективу настоящего исследования составляет следующий круг вопросов: описание динамики досугового характера употребления наркотических веществ, полинаркотическое употребление (смешения наркотических препаратов и алкоголя).

Литература

1. *Даулинг С.* Психология и лечения зависимого поведения. – М.: Класс, 2000.
2. *Лири Т.* Правила приёма психоделиков. – М.: Росмэн, 2004. С. 1-30.
3. *Самыкина Н.Ю., Ушмудина О.А.* Предупреждение наркотической зависимости в студенческой среде: монография. – Самара: Изд-во Универс групп, 2008. – 160 с.
4. *Ушмудина О.А.* Психологические особенности студенчества: кризисы и проблемы развития // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии», 2006. – № 4. – С. 125-131.

Е.В. Бакишутова

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной психологии

Психология больших групп является важнейшей в социальной психологии и рассматривается в ряде работ, но эмпирические исследования не так часты по ряду причин, самыми важными из которых выступает трудоемкость исследования, сложность определения доста-

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

точной выборки. Кроме того, достаточно проблематично в последнее время определять «внешние границы» этих групп, поскольку профессиональные, классовые и даже возрастные и половые группы динамично изменяются.

В социальной психологии большие группы принято разделять по такому критерию, как организованность (партии, союзы, организации – толпа, зрители, читатели и т.п.), устойчивость и долговременность существования (классы, нации – митинги, забастовки, аудитории и т.д.). Нас интересуют группы, сложившиеся в ходе исторического развития общества, занимающие определенное место в системе общественных отношений каждого конкретного типа общества [Андреева, 2002]. А.А. Радугин, О.А. Радугина определяют их как большие устойчивые организованные группы (наряду с малыми, диффузными и др.). Объективными предпосылками формирования таких групп является «сходство, близость условий жизнедеятельности людей, общность их потребностей, интересов, наличие связей, взаимодействий, совместной деятельности и обмена этой деятельностью, переживаний и т.д.» [Радугин, Радугина, 2006, с. 81].

Для дифференциации больших устойчивых групп используют следующие признаки: этнический (выделяются нации, народности); экономический, позволяющий вычленять социальные классы; политический, используемый для различения членов и сторонников политических партий и движений; профессиональный, формирующий группировки людей по виду и характеру труда, профессиональному образованию и уровню квалификации; религиозный, объединяющий приверженцев различных вероисповеданий; гендерный; возрастной; связанный с местом проживания [Соц. психол., 2002, с. 132]. Д. Ольшанский отмечает, что «большие социальные группы выделяются, с психологической точки зрения, в первую очередь на основе ведущей деятельности, которой заняты входящие в нее люди – по ее характеру, особенностям, разновидностям и т.д.» [Ольшанский, 1995, с. 116].

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной ...

Опираясь на Г.Г. Дилигенского, В.А. Соснин, Е.А. Красникова выделяют различия между большими группами по наличию совокупности общих признаков и по механизмам связей с общностью. Первый тип – это объединение людей, имеющих общий объективно существующий и социально значимый признак. Например, по демографическому признаку могут выделяться группы мужчин, женщин, поколение, молодежь, средний возраст, пожилые люди и т.д. Характеристика этих групп как социальных определяется их значимостью в жизни общества, ролью в системе общественных отношений. Эти группы по своему составу однородны, но именно по признаку их выделения. Второй тип характеризуется тем, что люди, их составляющие, сознательно стремятся к объединению. Примером этих групп являются партии, союзы, общественные движения, религиозные группы. По своему составу эти группы разнородны. По социально-психологическим характеристикам они более однородны, чем группы первого типа. Если в первом случае приоритетное значение имеет объективная сторона общности, то во втором – субъективная. Авторы отмечают, что речь идет о психологической общности, и субъективная общность не совпадает с объективной [Соснин, Красникова, 2004, с. 212].

Кроме того, Г.Г. Дилигенский выделяет три уровня развитости больших социальных групп – *типологический* (объединенные по социально значимым признакам люди составляют сумму индивидов, но не составляют психологического единства), *идентификационный* (члены группы осознают свою принадлежность к данной группе) и *интеграционный* (предполагает готовность группы к совместным действиям во имя групповых интересов). В.А. Соснин, Е.А. Красникова отмечают также важность такого фактора социально-психологической общности группы как «степень эмпиричности, непосредственности» отражения в сознании членов группы признаков, позволяющих идентифицировать свою группу и отделять ее от «чужих», то есть непосредственность некоторых идентификационных признаков, таких как признаки расы, языка, пола, остается очевидной, в то время как,

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

например, классовые характеристики не столь непосредственны в настоящее время, что усиливает неопределенность в классификации общностей. Кроме того, социальная мобильность и общее информационное пространство, создаваемое СМИ, снижает уровень сплоченности групп [Соснин, Красникова, с. 214].

В работе «Социальная психология в современном мире» отмечается ряд признаков, характеризующих большие группы. Во-первых, символические отношения с большинством представителей группы, порожденные сходством условий, образа жизни, ценностей и т.д., невозможность непосредственных контактов со всеми членами группы. Это качество сходно с типологическим уровнем сплоченности группы в классификации Г.Г. Дилигенского, т.е., «в ординарных обстоятельствах такие группы являются общностями лишь в сознании их участников...Причиной реальной консолидации групп, может, по-видимому, выступить лишь угроза самому их существованию» [Соц. психол., 2002, с. 138]. Вторая черта связана с исторической укорененностью больших групп, что обеспечивает упорядоченность и стабильность групповых ценностей и норм поведения. Очевидно, что это качество близко по своему смыслу идентификационному уровню. Но в «Социальной психологии...» подход более широкий к этому уровню, включает не только осознание принадлежности членами группы, но и контроль со стороны группы: «Контроль за их [нормы] соблюдением возложен на специальные институты в лице их официальных представителей, на их рядовых членов группы. Агентами этнической, поло-ролевой, религиозной, политической социализации чаще всего выступают члены ближайшего социального окружения. Ритуализированные, а потому «само собой разумеющиеся» нормы коллективного поведения настолько прочны и устойчивы, что могут сохранить регуляторную функцию не только после смены человеком некой большой устойчивой группы, но и после ее исчезновения» [Там же, с. 139].

Третья черта, характеризующая большие группы, связана с необходимостью существования групп, позволяющих провести процедуру

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной ... группового сравнения: дети-стариками, богатые-бедные, мужчины-женщины [Там же]. Данное качество, скорее, предваряет интеграционный уровень по Г.Г. Дилигенскому, поскольку совместная деятельность, особенно в пользу продвижения интересов группы, требует дифференциации своей группы от других, то, что Б.М. Поршнев называет принципом «они и мы», через которые всегда конституируются социально-психологические отношения [Поршнев, 1979, с. 88]. Он же, очевидно, одним из первых в отечественной психологии, определяет структуру социально-психологических явлений: психический склад и психический сдвиг. Под психическим складом Б.М. Поршнев понимает стойкие черты, которые «формируются через посредство обычаев, привычек, жизненных порядков... Нередко они усваиваются некритически, пассивно, но иногда критическое отношение к ним сламывается и преодолевается либо навязываемой системой идей, либо прямым принуждением» [Там же]. К психическому складу относятся самые разнообразные формы, поскольку устойчивые черты психического склада класса формируются иначе, чем устойчивые черты этнической общности. Разные авторы (Г.Г. Дилигенский, А.И. Горячева, Ю.В. Бромлей и др.) относят сюда социальный или национальный характер, нравы, обычаи, традиции, вкусы и т.п.) [Андреева, 1988]. Кстати, Г.М. Андреева полагает, что наличие таких социальных регуляторов как нравы, обычаи и традиции, отличает большие группы от малых, в которых нет таких регуляторов, с чем трудно согласиться, поскольку культура коллективной жизни обычно включает в себя указанные явления.

Психический сдвиг (то, что в работах разных авторов определяется как эмоциональная сфера) – настроения, подвижные и динамичные, «перекидывают мост от «истории состояний» к «истории событий» [Поршнев, 1979, с. 92]. В эмоциональную сферу психологии большой группы включают также потребности и интересы [Андреева, 1988], социальные чувства [Радугин, Радугина, 2006]. Ольшанский считает, что основу социально-групповой психологии составляют ос-

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

новные общие потребности, над которыми надстраиваются политические интересы и ценности группы, то есть – групповое сознание, характеризующее наиболее продвинутую часть группы, рафинированная, научная или публицистическая форма которого представляет собой уже идеологию, доступную политической элите данной большой социальной группы.

Существуют и другие модели структуры психологии большой устойчивой социально группы. Например, сообразно с общей психологией: *когнитивные* (коллективные представления, социальное мышление, общественное мнение и сознание, менталитет), *мотивационные* (общегрупповая мотивация, групповые потребности, ценности, интересы, цели, установки и идеалы), *аффективные* и *регулятивно-волевые групповые психические явления, деятельностьная сфера* [Соснин, Красникова, 2004].

Важной темой в контексте психологии больших устойчивых групп выступает проблема группового субъекта. В «Социальной психологии в современном мире» отмечается, что большие социальные группы могут выступать и субъектами межгруппового общения, что особенно отчетливо проявляется в условиях массовой коммуникации [Соц. психол, 2002, с. 139], поскольку субъектом может быть общность любого масштаба, включая все человечество [Брушлинский, 1996, с. 14]. Субъектность группы описывается тремя признаками: взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе как состояние преактивности; совместная активность по отношению к другим объектам или по отношению к себе самой; способность группы к саморефлексии, в результате которой формируются чувства «Мы» (как переживание своей принадлежности к группе и единения со своей группой) и образ-Мы (как групповое представление о своей группе) [Психол. индивидуальн., 2002, с. 53-54]. Группы характеризуются разной степенью выраженности всех трех признаков, а также доминированием одного из признаков в психологии группы, что вносит

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной ... различия в уровень субъектности групп, что проявляется и в их историческом развитии.

Наиболее развернуто этот аспект раскрывается в работах по политической психологии. В частности, Г.Г. Дилигенский пишет, что «наиболее полно черты субъектности выражены у тех групп, которые самым принципом, мотивами и целями своего объединения непосредственно вовлечены в общественную и политическую жизнь [Дилигенский, 1996, с. 275]. Автор отмечает, что субъектность национальных и социально-экономических больших общественных групп вызывает сомнения, поскольку «объективные» социальные группы не могут быть субъектом по той важной причине, что «имманентным качеством субъекта является способность осуществлять целеполагание и целенаправленную деятельность; чтобы выступать в роли «единицы действия», субъект должен обладать минимумом психологического единства, целостности» [Там же, с. 277]. Однако если выйти из рамок политической психологии, и рассматривать это положение в свете концепции А.В. Брушлинского, то указанная «несубъектность» групп может рассматриваться, прежде всего, как состояние преактивности. К совместной активности же можно отнести общение внутри группы и с другими группами, групповые действия (особенно в случае угрозы существованию группы), групповую солидарность (например, мужскую) и т.п.

Не оговаривая специально вопрос субъектности, Д.В. Ольшанский разделяет группы по уровню развития социально-группового сознания в соответствии с направленностью их активности. «Группа в себе» – группа, уже выполняющая в обществе определенные функции, еще не осознает этой роли и своего особого политического положения, и не может действовать в соответствии с этим. Развиваясь согласно своим потребностям, группа превращается в «группу для себя» с таким уровнем развития, при котором группа или часть ее представителей уже осознают особенности положения и роль своей группы в обществе, и начинают активно участвовать в социальных, прежде

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

всего политических процессах, направленных на изменение общественного устройства в соответствии с потребностями, интересами, ценностями данной группы. Д.В. Ольшанский считает возможным и третий этап развития группы – «группа для других», когда большая социальная группа, осознав свою взаимозависимость с другими группами, отказалась бы от установления своего монопольного политического господства и перешла к принципиально новому этапу построения «общенародного государства» [Ольшанский, 1995].

И.Р. Сушков полагает, что качество субъектности начинает обретаться совокупностью индивидов вместе с ощущением разделенности отношений. При этом «начинают формироваться групповые границы, создается образ прототипного представителя группы, появляются специфические групповые феномены и т.д. Возникают процессы, направленные исключительно на поддержание сформировавшегося единства и подчинение ему индивидуальных действий. В результате развиваются *активные групповые субъекты*, действия, эмоции и решения которых качественно отличаются от законов совокупности» [Сушков, 1999, С. 157]. Собственно говоря, именно разделенность психологических отношений И.Р. Сушков считает психологической основой появления группового феномена. В «Психологии взаимоотношений» выстраивается модель отношений между элементами социальной системы. Автор отмечает, что в основном, до 70-х годов XX века к познанию общественных образований применялись принципы индивидуальной психологии. Это характерно не только для отечественной психологии, но и американской (К. Левин, С. Аш, Л. Фестингер, М. Дойч, Дж. Тибо, Г. Келли). П.Н. Шихирев отмечает, что в противовес американскому подходу западноевропейские исследователи считают, что межгрупповые отношения не сводимы к межиндивидуальным и детерминируются положением группы в системе отношений с другими группами. Новизна современного подхода состоит в том, что группа рассматривается не как простая сумма, скопление ин-

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной ... дивидов, а как качественно своеобразное целое [*Соснин, Красникова, 2004, с. 236*].

Выйти за пределы индивидуальной парадигмы в социальной психологии позволила теория социальной идентичности Г. Тэджфела и теория социальной категоризации Д. Тернера, где одним из центральных в теории межгрупповых отношений выступает понятие межгрупповой дифференциации, используемое в связи с понятиями социальной категоризации, идентификации и сравнения. «Совокупность указанных когнитивных процессов, связанных с осознанием человеком своей принадлежности к одной из групп, отличной от других, является, по мнению Г. Тэджфела, минимальным условием установления позитивно валентных различий в пользу ин-группы, т.е. возникновения межгрупповой дискриминации в форме внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой враждебности ..., т.е. дифференциация психологических отношений к своей и другой группе» [*Соснин, Красникова, 2004, с. 251*]. В отечественной социальной психологии утверждение об универсальной природе внутригруппового фанатизма и внешнегрупповой враждебности не столь распространено. Большинство исследований рассматривают особенности межгрупповых отношений в производственных организациях и трудовых коллективах [*Агеев, 1983; Позняков, 1992; Сушков, 1988, 1999*]. В.А.Соснин, Е.А. Красникова отмечают, что «в качестве главного фактора детерминации межгруппового взаимодействия и восприятия рассматриваются характеристики совместной деятельности групп и возникающие на ее основе социальные связи и зависимости между ними» [*Соснин, Красникова, 2004, с. 254*]. Здесь, однако, речь идет о малых группах.

Проблема соотношения внутригруппового предпочтения, межгруппового сравнения больших групп рассматривается чаще всего в исследованиях межэтнических отношений. Рассматривая интегративные тенденции в межгрупповых отношениях, российские психологи выделяют такие феномены, как «межгрупповая аффилиация и референтность» (Агеев, Сыродеева), «межгрупповое единство» (Черны-

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

шов), «межгрупповая сплоченность» (Кузнецов), «толерантность» (Лебедева) [Соснин, Красникова, 2004, с. 254]. Авторы утверждают, что «Процессы межгрупповой дифференциации и внутригрупповой интеграции тесно взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Без внутригруппового обособления и внутригрупповой интеграции невозможно существование группы как психологической общности... Межгрупповая интеграция невозможна без предварительной дифференциации групп и внутригрупповой интеграции и предполагает ее» [Там же, с. 253]. Н.Л. Иванова, рассматривая социальную идентичность в целом, полагает, что существует тесная взаимосвязь между позитивной групповой идентичностью и межгрупповой толерантностью. Автор утверждает, что в настоящее время жители постсоциалистических стран демонстрируют высокую этническую (представитель этнической группы), гражданскую (житель страны), локальную (житель определенной местности) и низкую мировую (представитель широкого мирового сообщества) идентичность [Иванова, Мазилова, 2006]. Действительно, ситуация группового самоопределения сложна, особенно на постсоциалистическом пространстве, как в этническом, так и в социально-экономическом и политическом контекстах.

И.Р. Сушков пишет о том, что «Нашему внешнему взору наблюдателя предстают социологические отношения между элементами конкретного общества, официально выраженные в соответствующем праве, а реально проявляющиеся в общественной активности членов социологической системы. Но за всей этой активностью и законодательными актами априори стоят новые по своей природе психологические отношения, придающие социологическому импульс движения» [Сушков, 1999, с. 158]. Именно социально-психологическая составляющая общественных отношений придает последним «практически неограниченную устойчивость во времени, сохраняя их долго после физической смерти их биологического носителя» [Там же, с. 159]. Это чрезвычайно важно для понимания психологии больших групп, поскольку россияне, например, проживая последние годы в со-

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной ... стоянии реформ, ожидают наступления лучших времен, не осознавая, что политика – это проекция нашего ментального, которое изменяется крайне медленно, а без подобного изменения крайне затруднены и адекватные социальные, экономические и политические реформы.

Поскольку культурно-историческое своеобразие устойчивых больших групп складывается исторически, то и «подлинная природа» таких социальных общностей может быть вскрыта, прежде всего, только посредством историко-психологического анализа, через изучение ментальности группы. Однако Г.Г. Дилигенский, выделяя особенности существующей сегодня социально-психологической науки, говорит о том, что «механизмы взаимодействия и общения людей, их социализации, усвоения ими социальных норм, ценностей и т.п. интересуют ее в целом гораздо больше, чем исторически и социально определенное содержание изучаемых психических образований и поведения» [Дилигенский, 1996, с. 10]. Он подчеркивает, что «Социальная психология не особенно дружит с историей, она предпочитает в основном заниматься человеком вообще, а не конкретно-историческим человеком» [Там же, с. 11]. Нужно отметить, что изучение социальных представлений позволяет сегодня выявить особенности психологии россиян, как на индивидуальном, так и на социальном уровне. В работе К.А. Абульхановой были исследованы дефиниции современного сознания россиян. Типологический подход позволил выделить типы социального мышления, характерные для различных социальных групп. Основным результатом работы «явилось эмпирическое доказательство того, что у реальных социальных групп существует тип сознания по комплексу четырех параметров – представлению о связи я-общество, способности к проблематизации, характеру ценностей и оптимизму-пессимизму» [Абульханова, 1997, с. 28]. Таким образом, по типу социального мышления К.А. Абульханова выделяет и рассматривает в современном российском обществе такие группы как предприниматели (субъект-объектное сознание), интеллигенция (субъект-субъектное сознание), пенсионеры и рабочие (объект-

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

субъектное и объект-объектное сознание). Возможно, что расширение выборки выявило и другие социальные слои, но здесь важны именно типы социального мышления.

В других работах также мы встречаем попытки исследования социальной стратификации российского общества. Например, социолог Т.И. Заславская в качестве критерия вычленения социальной структуры рассматривает взаимосвязь двух измерений – социального (или вертикального) и культурно-политического (или горизонтального). «Первое измерение отражает иерархическую структуру общества. На его основе выделяются социальные слои, различающиеся уровнем социального статуса, масштабом и структурой используемых ресурсов, механизмами воздействия на трансформационный процесс. В основе же групп, образуемых с помощью второго измерения, лежит общность убеждений, культуры и интересов. Эта общность выражается в действиях, сознательно направляемых или опосредованно способствующих реализации разных сценариев общественного развития» [Радугин, Радугина, 2006, с. 103]. Возможно, что эти измерения не могут быть рассматриваемы как отдельные способы образования групп, поскольку, например, существуют группы, являющиеся пассивными участниками трансформационных процессов, однако, в этом как раз и проявляется их общность убеждений.

С позиций пересечения названных критериев выделяются наиболее существенные социальные группы, играющие различные социальные роли в современном российском обществе [Заславская, 2001]: 1) *Верхний слой общества (элиты и субэлиты)*, куда входят следующие группы: консервативно ориентированная часть бюрократической и военной элиты и субэлиты; группа новой экономической элиты; верхушка коммунистических сил; либеральная элита и группа, представленная людьми, активно сотрудничающими или принадлежащими к криминальному миру. 2) *Средние слои*: среднее звено бюрократии, бизнес-слой, состоящий из мелких и средних предпринимателей, профессионалы. 3) *Базовый и нижний слои*, включающие: представи-

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной ... телей бывшего советского среднего слоя; относительно адаптировавшихся к новым условиям рабочих, крестьян, служащих, и ту часть специалистов, которая не смогла удержаться в среднем слое и вынужденно спустившуюся в базовый; наименее образованных, социально слабых представителей базового и нижнего слоя. 4) *Андеркласс, или социальное дно*: люмпенизированная маргинально-периферийная группа; и широкое основание криминального мира [Радугин, Радугина, 2002, с. 107].

За десятилетие, прошедшее со времени исследования Т.И. Заславской, в нашем обществе вновь произошли трансформации и социальные роли перераспределились. Кажется, что сегодня олигархи, коммунисты, криминальная верхушка и военная элита не играют явной роли в политике, зато усиливается слой государственной бюрократии. Можно поставить под сомнение сохранение профессионалов или хотя бы специалистов и совсем очевиден уход из числа ведущих социальных групп либеральной элиты, которая в российской политике в очередной раз потерпела поражение.

Ю.В. Ширковым также предложена модель социальной стратификации современного российского общества (1997 г.) (но более прозрачная, нежели у Т.И. Заславской), в основе которой лежат два критерия – материальный уровень (степень независимости субъекта от обстоятельств) и культурный уровень (образование, эрудиция, выполняемая работа). В связи с этим выделяется пять групп. *Социальное дно*, характеризующееся низким материальным и культурным уровнем, ниже которого опуститься невозможно. *Новые русские*, не испытывающие материальных затруднений, но не отличающиеся высоким культурным уровнем. *Интеллигенция*, обладающая высоким культурным уровнем и низкими доходами; функция интеллигенции – поддержание социальных норм общества. *Элита* – группа, обладающая высоким культурным уровнем и высоким доходом; именно эта группа осуществляет социальное влияние. И, наконец, *резерв*, из которого пополняются разные группы в ходе социального влияния [Цит.по:

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Соц. психол., 2002, с. 141]. В этой классификации не выделяется средний класс, критерии выделения которого, действительно, вызывают большие затруднения. Трудно согласиться с существованием резерва, более вероятным кажется предположить социальные миграции представителей разных групп из одной в другую – с учетом изменения их материального состояния, которое подвержено изменениям скорее, нежели культурный уровень. Нельзя не учитывать еще и таких социально-психологических параметров, как общие групповые установки и ценности. При переходе из одной группы в другую, изменяются ли, скажем, ценности личности в соответствии с членством в новой группе, или же наоборот – изменение ценностей приводит человека в новую группу. Например, рабочий или интеллигент, становясь предпринимателем или государственным служащим, – насколько сохраняют менталитет рабочего и интеллигента?

Если же говорить об исторической психологии отдельно взятой большой социальной группы, то действительно, продолжительное исследование, особенно если говорить о зарождении группы, сложно, но оно возможно при анализе письменных источников. Мы полагаем, что весьма перспективным в этом случае выступает исследование психологии русской интеллигенции, по той причине, что спецификой этой группы выступает не отношение к таким зыбким и неустойчивым явлениям нашей жизни, как собственность и средства производства (как в случае с другими социальными классами или стратами), но весьма устойчивый во времени процесс самоосознания своего места в общественном устройстве и своей роли, или, скорее, предназначения в истории России, выраженная в большом количестве *текстов* на протяжении всей истории этой группы. То есть, интеллигенция – уникальная группа, деятельность которой связана с отражением этой деятельности и ее отрефлексированием в письменной продукции.

Интеллигенция, обладая рядом интеграционных для большой социальной группы признаков, остается уникальной и наиболее размытой социальной группой в прошлом и современном обществе. Специ-

Теоретические аспекты изучения больших социальных групп в социальной ...

фика ее в этом и состоит – в подвижности контекста, в которой осуществляется самоопределение и деятельность интеллигенции, по преимуществу оппозиционная к существующей власти. Мы имеем возможность в этой связи проследить как генезис группы, так и, возможно, ее разрушение (?) в настоящее время. Однако – означает ли это окончательное исчезновение интеллигенции из нашего настоящего и будущего, или ее существование как раз и заключается в распадах и расцветах?

Литература

1. *Абульханова К.А.* Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А.Абульхановой. – М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 7-37.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. – М.: МГУ, 1988.
3. *Брушлинский А.В.* Субъект, мышление, учение, воображение. – М. –Воронеж, 1996.
4. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. Уч. пособ. для ВУЗов. – М.: Новая школа, 1996.
5. *Донцов А.И.* О понятии «группа» в социальной психологии // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. А.Л. Свенцицкий. – СПб.: Питер, 2000.
6. *Емельянова Т.П.* Концепция социальных представлений и дискурсивная психология // Психол. журн., 2005. Т.26, №5. С.16-25.
7. *Заславская Т.И.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования, 2001. № 8. С. 6-8.
8. *Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б.* Психологические границы социальной идентичности и современные проблемы высшего образования // Ярославский педагогический вестник, 2006. № 2 [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.yvspu.yar.ru/vestnik/pedagogika_i_psichologiy/31_2](http://www.yvspu.yar.ru/vestnik/pedagogika_i_psichologiy/31_2).

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

9. *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. Уч. пособ. для вузов. – М., 1995.

10. *Поршнев Б.В.* Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979.

11. Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. – М., 2002.

12. *Радугин А.А., Радугина О.А.* Социальная психология: Учеб. для вузов. – М., 2006.

13. *Соснин В.А., Красникова Е.А.* Социальная психология: Учеб. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2004.

14. Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – М.: АспектПресс, 2002.

15. *Сушков И.Р.* Психология взаимоотношений. – М.: Академический проект, ИП РАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999.

Ю.С. Канунникова, О.А. Ушмудина

Особенности поведения в конфликте студентов с различной оценкой образовательной среды

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологическая профилактика наркомании в вузе»), проект 08-06-00391 а

Особые условия для развития личности студента создает развивающий характер образовательной среды. Согласно В.А. Ясвину, под образовательной средой понимается система влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении [Ясвин, 2001]. Развивающая образовательная среда – образовательная среда, которая способна обеспечивать комплекс возможностей для саморазвития всех субъектов образовательного процесса. Субъекты

Особенности поведения в конфликте студентов с различной оценкой ...

образовательного процесса (студенты, преподаватели, административно-управленческий корпус) организуют, создают образовательную среду, оказывая на нее постоянное воздействие в процессе функционирования, в то же время образовательная среда, как система, влияет на каждого субъекта образовательного процесса [Нагорнова, 2005].

Рубцов определял смысл образования как трансляцию социального опыта. Э.Н. Гусинский говорил, что образование – одна из составляющих социального окружения личности. По мнению В.И. Слободчикова, среда выступает совокупностью условий, обстоятельств, окружающей человека обстановки. Г.А. Ковалев в качестве структурных единиц образовательной среды выделил: физическое окружение, человеческие факторы и программа обучения. Представителями эколого-психологического подхода (В.А. Ясвин, В.И. Панов, Д.Д. Гибсон, Р. Баркер, С.Д. Дерябо, У. Бронфенбреннер) разработана система психолого-педагогического проектирования личностно-ориентированной развивающей среды [Самыкина, Ушмудина, 2008].

Проведенный анализ литературы по особенностям образовательного пространства, студенческой среды и конфликтного взаимодействия авторов (Б. Рубин, Ю. Колесников, Н.Ю. Самыкина, О.А. Ушмудина, Г.В. Акопов, О.А. Абдулина, Б.Г. Ананьев, А.В. Горбачева, О.Б. Чеснокова, В.Е. Столяренко, М.В. Каминская, Л.Е. Нагорнова, Е.С. Дьячкова, Дж. Доллард, Л. Дуб, Н. Миллер, М.А. Спиженкова) позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, образовательная среда является системой возможностей и условий, связанных с удовлетворением потребностей студента и трансформацией этих потребностей в жизненные ценности, что актуализирует процесс их личностного саморазвития. Во-вторых, конфликтное поведение является результатом внутренних/внешних противоречий между микросредой и самим человеком, зависит от характера его взаимоотношений с группами, членом которых он является, особенностей ситуации, в которые он включен. В-третьих, поведение студентов в конфликте является одной из форм проявления их активности в образовательной

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

среде. Такое поведение будет зависеть от субъективных оценок студентами типа и компонентов образовательной среды. Таким образом, образовательная среда рассматривается как фактор, влияющий на развитие студента.

Конфликтное взаимодействие в студенческой аудитории рассматривается в основном через межличностные разногласия. Не встречается описание конфликтных стратегий поведения, которые проявляются именно в образовательной среде. В основе нашего исследования лежит предположение, что особенности поведения студентов в конфликтной ситуации взаимосвязаны с их оценкой образовательной среды.

В рамках эмпирического исследования была проведена спецификация теста Томаса-Килмана для студенческой аудитории, диагностика образовательной среды В.А. Ясвина в модификации Л. Е. Нагорновой, направленной на выявление субъективных оценок студентами образовательной среды вуза.

По результатам шести первых диагностических вопросов в системе координат построено векторное пространство, позволяющее типологизировать и характеризовать конкретную образовательную среду [Ясвин, 2001]. Также в методике В.А. Ясвина, выделяется одиннадцать параметров, характеризующих образовательную среду: широта, интенсивность, осознаваемость, обобщенность, эмоциональность, доминантность, когерентность, активность, мобильность, устойчивость и модальность.

В исследовании принимали участие студенты Самарского государственного университета, Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С. П. Королева, Самарского государственного архитектурно-строительного университета и Самарского государственного медицинского университета, в возрасте от 17 до 22 лет, мужского и женского пола, социально-гуманитарных и естественных специальностей.

Особенности поведения в конфликте студентов с различной оценкой ...

В результате проведенного нами исследования было выделено 3 типа образовательных сред: карьерная образовательная среда, безмятежная образовательная среда, пассивная образовательная среда.

Первым анализируемым типом образовательной среды является карьерная, приведенная на рис. 1 и диаграмме 1.

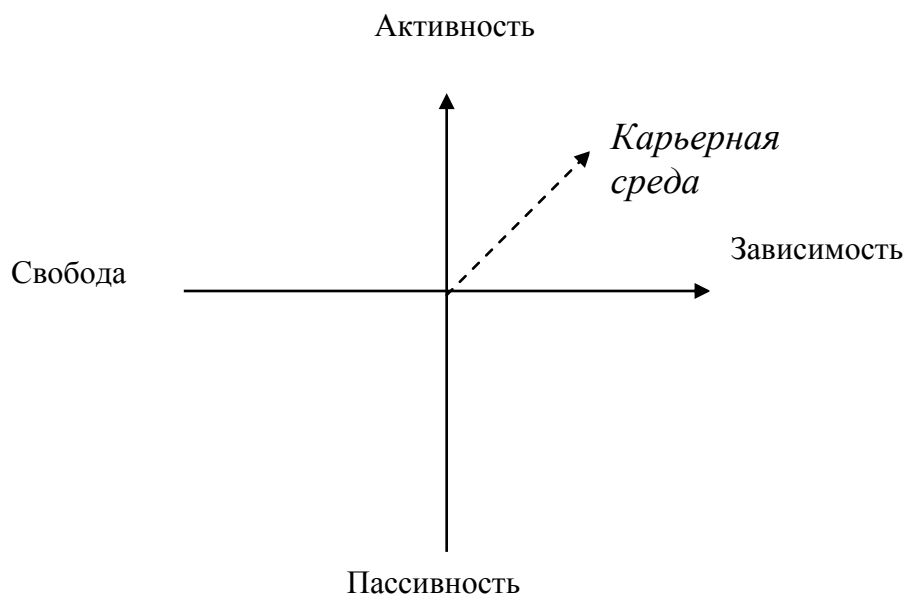
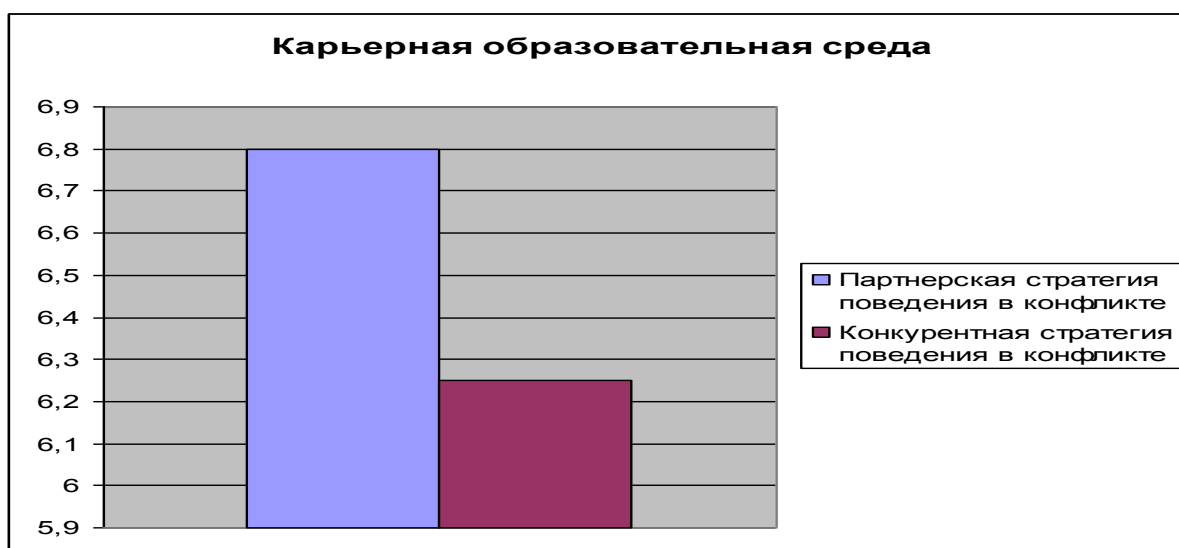

Рис. 1

Диаграмма 1

Карьерная среда ориентирована на различные внешние проявления, нежели на внутреннее содержание образовательного процесса.

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Возможны использования лозунгов, определенного этикета, саморекламы. Холодная расчетливость может сопровождаться здесь соответствующим упорством в достижении поставленных целей. Основными чертами личности, формирующейся в такой среде, являются фальшь и лицемерие – «искусная игра» и «точно пригнанная маска» (по Я. Корчаку), стремление к карьере за счет хитрости, подкупа, высоких связей и т.п. В карьерной среде формируется активная, но зависимая личность [Ясвин, 2001, с. 30].

По оценкам студентов дескриптов образовательной среды было выявлено, что для карьерной образовательной среды характерны партнерская и конкурентная стратегии поведения в конфликте. Доминирующей является партнерская стратегия поведения.

Второй выявленный тип образовательной среды – безмятежная, приведен на рис. 2 и диаграмме 2.

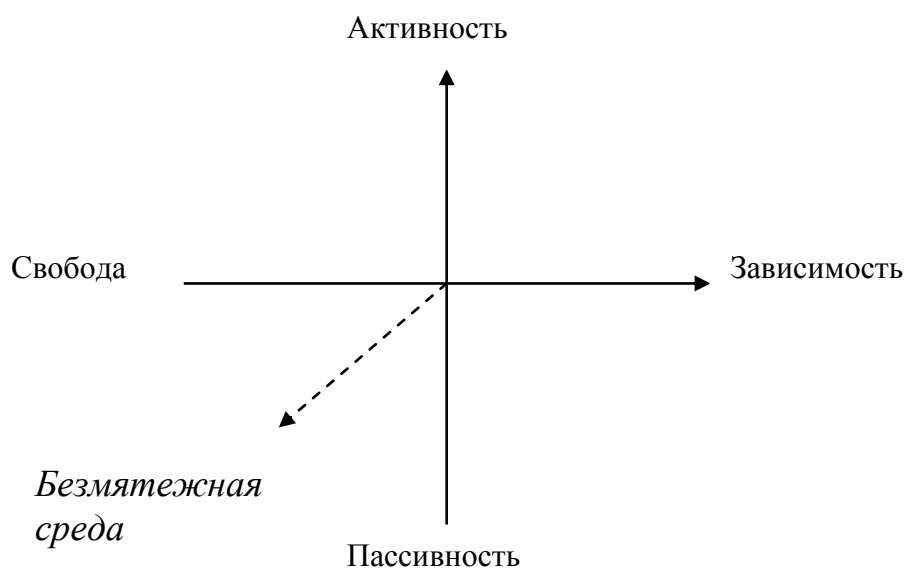

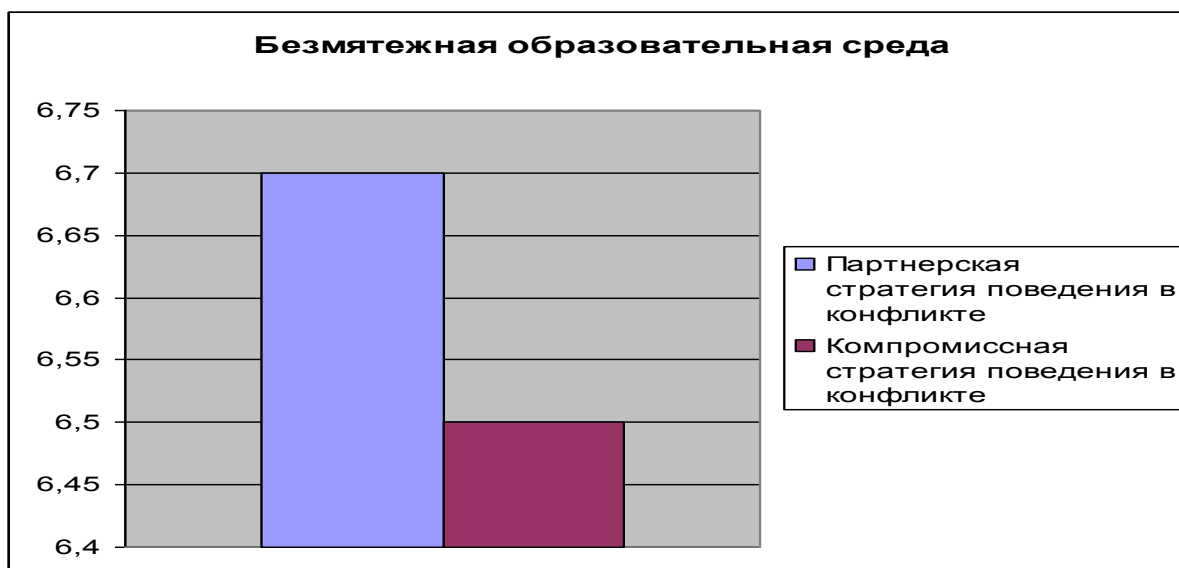
Рис. 2

Для безмятежного типа образовательной среды характерны: покой, беззаботность, атмосфера внутреннего благополучия, консервативные привычки, снисходительность к современным течениям. Корчак подчеркивает, что в такой среде работа никогда не служит какой-либо идее, а лишь является средством для обеспечения желательных жизненных условий [Ясвин, 2001]. По мнению Корчака, в подобной

Особенности поведения в конфликте студентов с различной оценкой ...

воспитывающей среде формируется личность, которая всегда довольна тем, что у нее есть. Основной чертой такой личности является жизненная пассивность, неспособность к напряжению и борьбе. Встречаясь с трудностями и препятствиями, такой человек предпочитает самоустраниться от их разрешения. Безмятежная среда характеризуется тем, что формирует относительно независимую, но пассивную личность. Безмятежный тип среды складывается при доброжелательном, отношении к учащимся и не подкрепляется соответствующей требовательностью [Ясвин, 2001].

Диаграмма 2

По оценкам студентов дескриптов образовательной среды было выявлено, что для безмятежной образовательной среды характерны партнерская и компромиссная стратегии поведения в конфликте. Доминирующей является партнерская стратегия поведения.

При сравнении карьерной образовательной среды и безмятежной среды наблюдается совпадение одного параметра оценки – партнерская стратегия поведения в конфликте. В то же время безмятежной, в отличие от карьерной среды, свойственен компромисс, а не конкуренция.

Третий, выявленный тип образовательной среды – пассивная, приведен на рис. 3 и диаграмме 3.

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

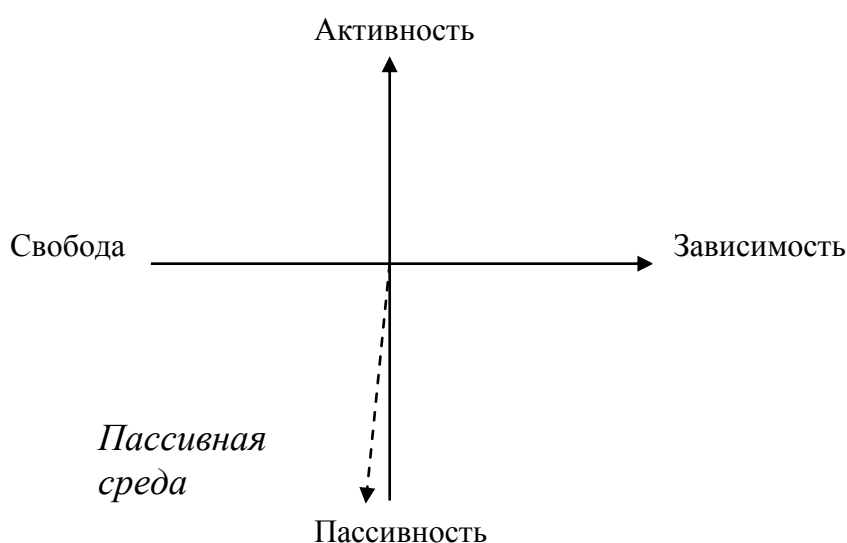
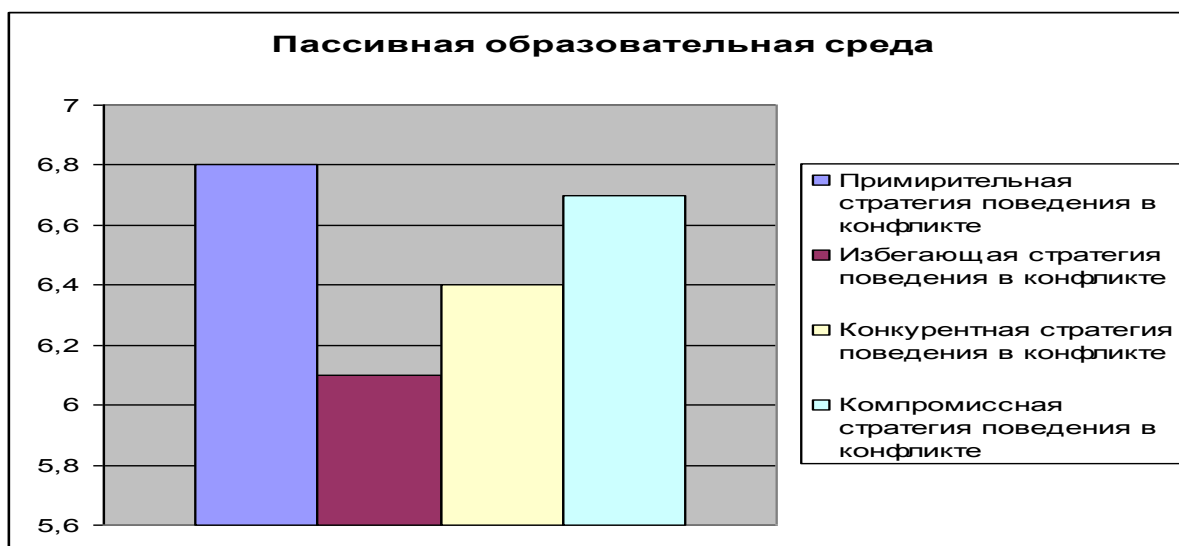

Рис. 3

Диаграмма 3

Для пассивной образовательной среды характерны: отсутствие педагогической поддержки таких проявлений студента, как инициативность, стремление к чему-либо, упорство в этом стремлении, борьба личности за свои интересы, отстаивание этих интересов и т.п. [Ясвин, 2001]. «Активность» понимается в данном случае как наличие таких свойств, как инициативность, стремление к чему-либо, упорство в этом стремлении, борьба личности за свои интересы, отстаивание этих интересов и т.п. Соответственно «пассивность» – как отсутствие этих свойств, другими словами, полюс «пассивности» на данной оси – мо-

Особенности поведения в конфликте студентов с различной оценкой ...

жет рассматриваться как «нулевая активность». «Свобода» связывается здесь с независимостью суждений и поступков, свободой выбора, самостоятельностью и т.п., а «зависимость» понимается как полное послушание, приспособленчество, жесткая обусловленность поведения внешними требованиями и контролем и т.п. [Ясвин, 2001, с. 37].

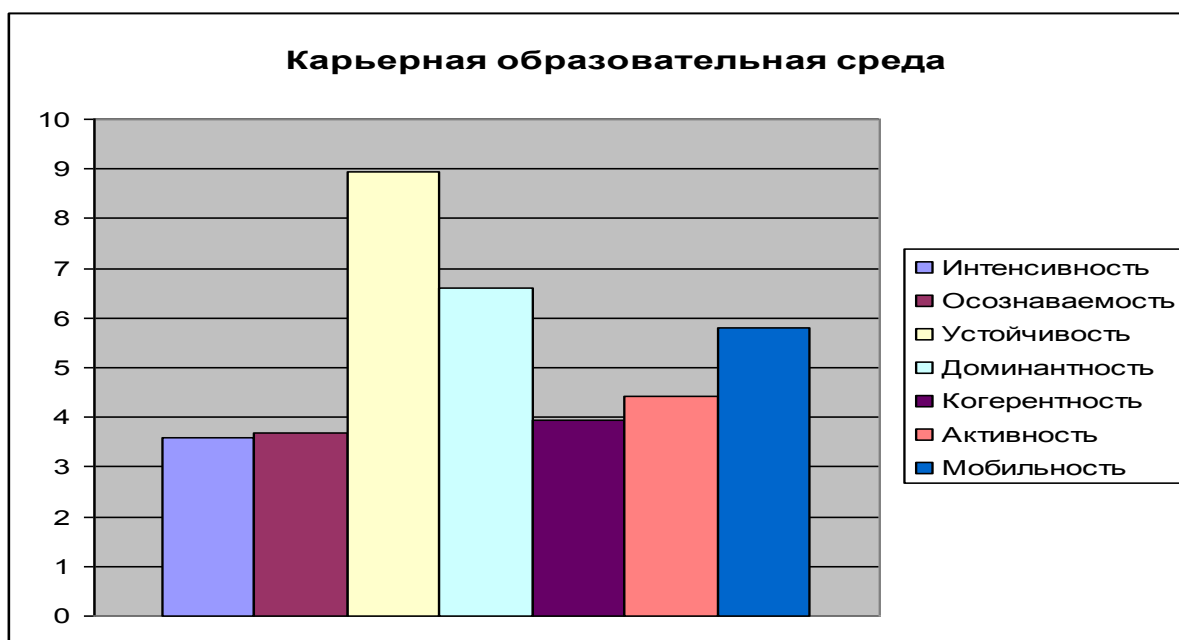
По оценкам студентов дескриптов образовательной среды было выявлено, что для пассивной образовательной среды характерно большее количество стратегий поведения в конфликте, чем в предыдущих вариантах (примирительная, избегающая, конкурентная и компромиссная). Доминирующими являются примирительная и компромиссная стратегии поведения.

Субъективная оценка студентами типов образовательной среды проводилась по дескриптам: широта, интенсивность, осознаваемость, обобщенность, эмоциональность, доминантность, когерентность, активность, мобильность, устойчивость и модальность.

Оценки по шкалам «широта», «обобщенность» и «эмоциональность» не показали статистически достоверных различий, на этом основании вынесены нами за рамки интерпретации результатов. Мы предполагаем, что это может быть связано с тем, что по этим шкалам у студентов разных вузов небольшая рассогласованность в оценке образовательной среды.

Для удобства интерпретации полученных данных, статистически достоверные результаты выраженности параметров образовательной среды в различных типах образовательной среды приведены на диаграммах 4-6.

По оценкам студентами образовательной среды вуза было выявлено, что карьерная образовательная среда имеет высокий показатель по параметрам устойчивости и доминантности среды. И средние по параметрам интенсивности, осознаваемости, когерентности, активности и мобильности.

Параметр устойчивости показывает, насколько образовательная среда является устойчивой во времени. Следовательно, высокие показатели по данному параметру свидетельствуют о стабильности в данной образовательной среде.

Доминантность образовательной среды характеризует ее значимость в системе ценностей субъекта образовательного процесса и показывает насколько значимой является данная среда в сравнении с другими.

Параметр интенсивности данной образовательной среды показывает, что степень насыщенности среды условиями, влияниями и возможностями для развития студента является недостаточной.

Степень сознательной включенности всех субъектов образовательного процесса является невысокой, это связано с небольшими показателями по шкале осознаваемости.

Невысокие показатели по шкале когерентности образовательной среды показывают слабую степень влияния на личность данной среды с влияниями других факторов среды этой личности.

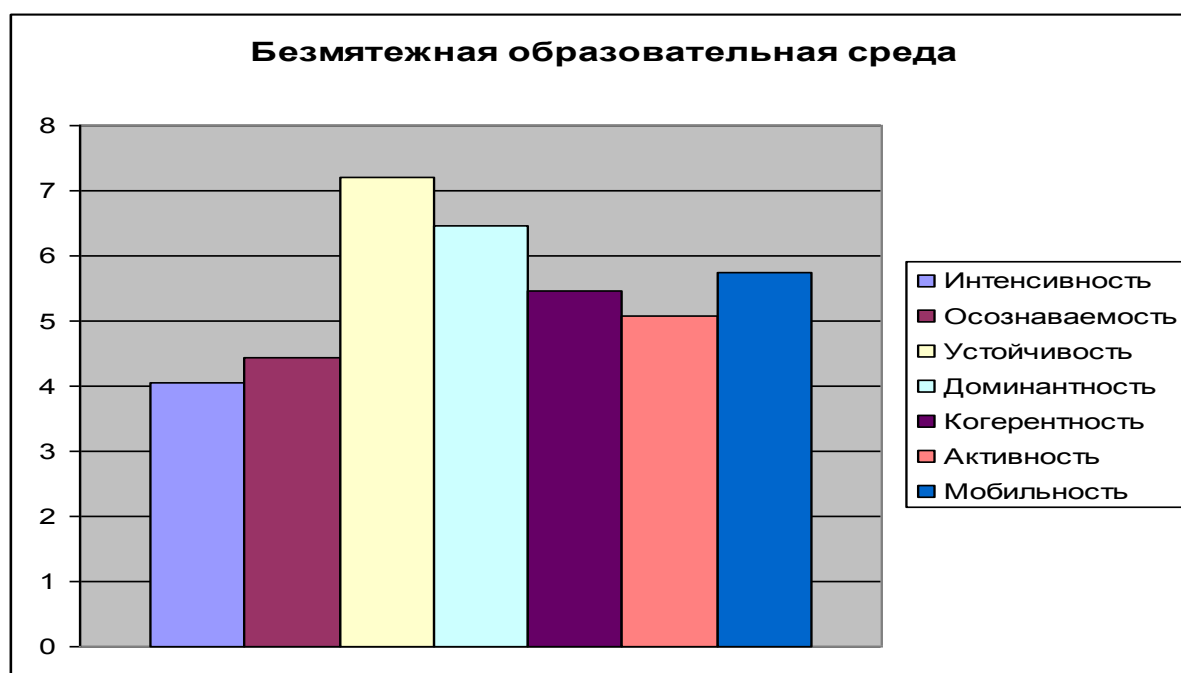
Баллы по параметру активности свидетельствуют о невысокой социальной активности образовательной среды. О том, что данная обра-

Особенности поведения в конфликте студентов с различной оценкой ...

зовательная среда не распространяется на другие сферы и социальные институты, в которые включен субъект образовательного процесса.

Данные по параметру мобильности карьерной образовательной среды характеризует ее способности к органичным изменениям и преобразованиям, в контексте взаимоотношений со средой обитания субъекта образовательного процесса.

Диаграмма 5

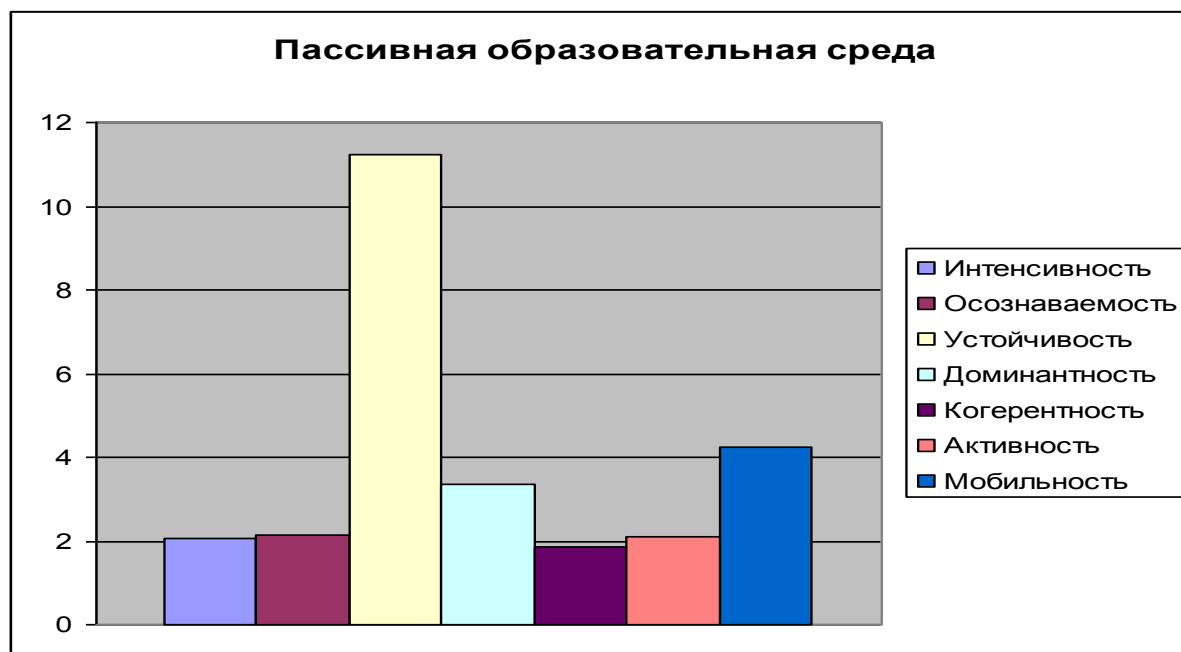
По оценкам студентами образовательной среды вуза было выявлено, что безмятежная образовательная среда имеет высокий показатель по параметрам устойчивости и доминантности среды. И средние по параметрам интенсивности, осознаваемости, когерентности, активности и мобильности.

Если сравнивать значения диаграммы 4 и диаграммы 5, то можно говорить о том, что для карьерной и безмятежной образовательных сред характерно сходство по оценкам стратегий поведения в конфликте и оценке параметров образовательной среды. Различия выражены в оценке по параметру устойчивости и параметрам «активность-пассивность» и «свобода-зависимость». Исходя из этого, можно предположить, что развитие образовательной среды по карьерному

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

или безмятежному типу будет зависеть от выраженности этих параметров.

Диаграмма 6

По оценкам студентами образовательной среды ВУЗа было выявлено, что для пассивной образовательной среды характерны высокие показатели по устойчивости и низкие показатели по интенсивности, осознаваемости, доминантности, когерентности, активности и мобильности образовательной среды.

Исходя из высоких показателей по параметру устойчивости, можно сделать вывод, что пассивная среда является самой стабильной во времени. Но в тоже время пассивная образовательная среда характеризуется отсутствием условий, влияний и возможностей для эффективного развития субъекта образовательной среды. Так как очень низкие показатели по параметру интенсивности.

Очень низкая включенность субъектов в образовательный процесс.

Пассивная образовательная среда практически не является значимой для студентов.

Также пассивную образовательную среду можно охарактеризовать как несогласованную в отношении влияния с факторами других сред, в которые включен студент. Она не взаимосвязана с другими

Особенности поведения в конфликте студентов с различной оценкой ...

социальными средами и практически не вносит преобразования в образовательный процесс.

На последнем этапе анализа результатов были соотнесены стратегии поведения в конфликте и параметры образовательной среды. Схематически соотношение представлено на рис. 4.

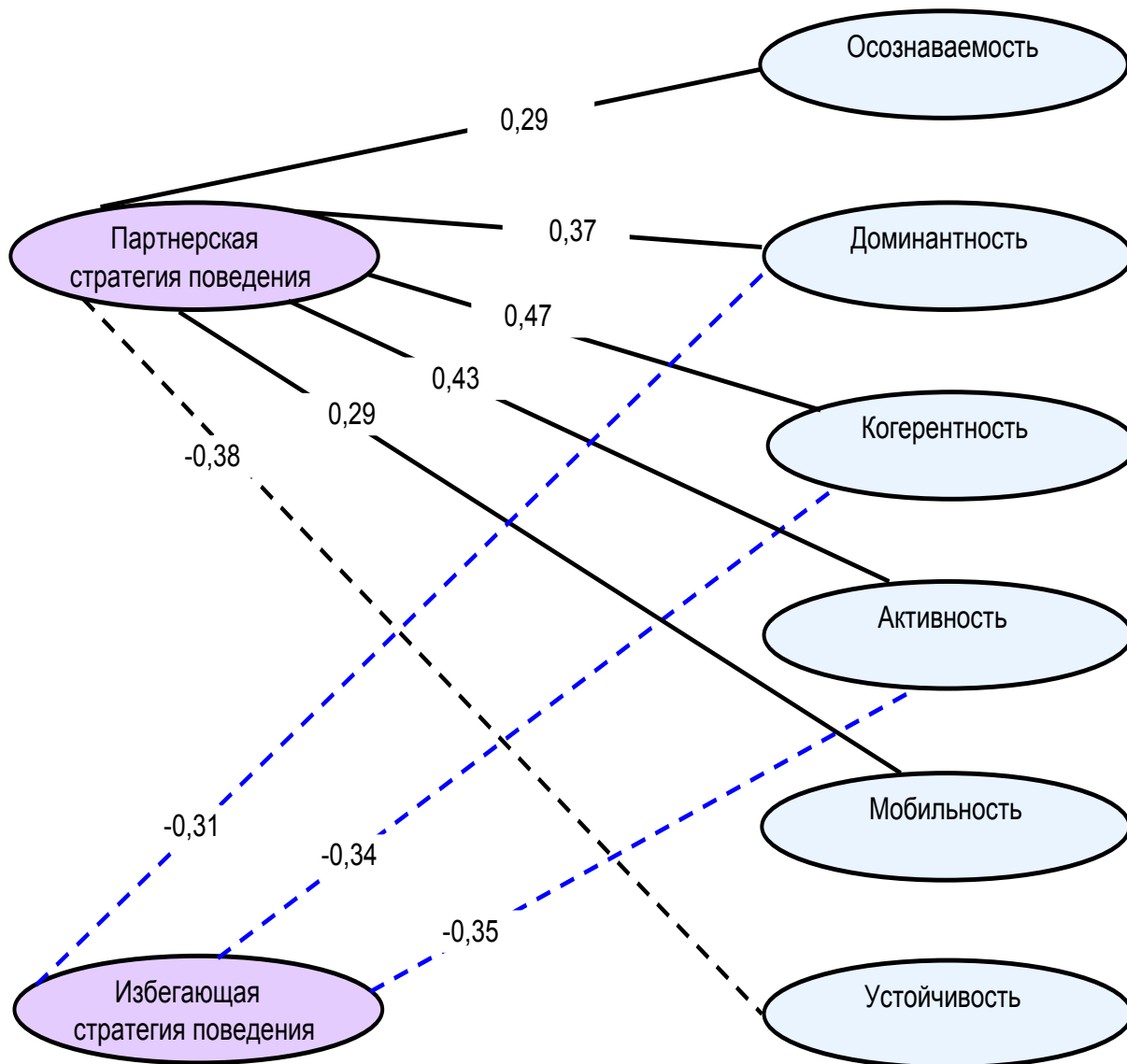

Рис. 4

При выявлении взаимосвязи учитывались значимые корреляции между стратегиями поведения в конфликте и параметрами образовательной среды. Было выявлено, что в зависимой среде снижается использование стратегии избегания в конфликте, а в свободной среде доминирует стратегия избегания. В пассивной среде снижается ис-

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

пользование партнерской стратегии поведения в конфликте, а в активной среде преобладает партнерская стратегия поведения в конфликте.

По оценкам студентов образовательной среды вуза было выявлено, что партнерская стратегия поведения взаимосвязана с такими параметрами образовательной среды как осознаваемость, доминантность, когерентность, активность, мобильность и устойчивость. Избегающая стратегия поведения в конфликте взаимосвязанна с такими параметрами образовательной среды как доминантность, когерентность, активность.

Знак перед коэффициентом указывает направление связи (если минус – то связь обратная, если плюс – связь прямая).

Статистическая достоверность была подсчитана по R-критерию Спирмена и t-критерию Фишера.

Подводя итог, отметим: во-первых, существует взаимосвязь между типом образовательной среды и стратегией поведения студента в конфликтной ситуации:

- для карьерной образовательной среды характерны партнерская и конкурентная стратегии поведения в конфликте;
- для безмятежной образовательной среды характерны партнерская и компромиссная стратегии поведения в конфликте;
- для пассивной образовательной среды характерны примирительная, избегающая, конкурентная и компромиссная стратегии поведения в конфликте.

Во-вторых, субъективные оценки студентами типа образовательной среды по параметрам распределены следующим образом:

- карьерная образовательная среда – высокая оценка устойчивости и доминантности среды; средняя оценка интенсивности, осознаваемости, когерентности, активности и мобильности;
- безмятежная образовательная среда – высокая оценка устойчивости и доминантности среды; средняя оценка интенсивности, осознаваемости, когерентности, активности и мобильности;

Особенности поведения в конфликте студентов с различной оценкой ...

- пассивная образовательная среда – высокая оценка устойчивости; низкая оценка интенсивности, осознаваемости, доминантности, когерентности, активности и мобильности образовательной среды.

В-третьих, партнерская стратегия поведения в конфликте взаимосвязана с такими параметрами образовательной среды как осознаваемость, доминантность, когерентность, активность, мобильность и устойчивость.

В-четвертых, избегающая стратегия поведения в конфликте взаимосвязана с такими параметрами образовательной среды как доминантность, когерентность, активность.

В результате нашего исследования, направленного на изучение взаимосвязи стратегий поведения в конфликте и оценок студентами различных характеристик образовательной среды, нами были выявлены 3 типа образовательных сред и наиболее характерные параметры и стратегии поведения в конфликте.

Перспектива нашего исследования заключается в разработке типологии конфликтов, в которые включен студент в процессе обучения, как на территории вуза, так и за его пределами.

Литература

1. *Абдулина О.А.* Личность студента в процессе профессиональной подготовки // Высшее образование в России. 1993. № 3.
2. *Акопов Г.В., Горбачева А.В.* Социальная психология студента как субъекта образовательного процесса. – М.: Машиностроение-1, 2003. – 267 с.
3. *Богданов Е.Н. Зазыкин В.Г.* Психология личности в конфликте. – СПб.: Питер, 2004.
4. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. – СПб: Питер, 2000. – 464 с.
5. *Дьячкова Е.С.* Субъектные и средовые детерминанты личностно-профессионального развития студентов // Автореф. диссер. ... к. псих. наук. Тамбов, 2007. – 24 с.

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

6. *Емельянов С.М.* Практикум по конфликтологии. – СПб.: Питер, 2004. – 400 с.
7. *Нагорнова Л.Е.* Оценка студентами университетской среды // *Вопр. гуман. наук*, 2005. №3. С .34-52.
8. *Нагорнова Л.Е.* Субъективная оценка студентами образовательной среды ВУЗа. – М., 2005.
9. *Самыкина Н. Ю., Ушмудина О.А.* Предупреждение наркотической зависимости в студенческой среде. – Самара, 2008.
10. *Ясвин В. А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001.

Н.А. Трофимова

Взаимосвязь социального интеллекта и интенсивности виртуального общения

Научный руководитель С.В. Зорина

В нашей стране Интернет появился с опозданием, но темпы роста Рунета оказались выше, чем любой другой части Сети. Согласно масштабному исследованию мотивации обращения к Интернету [*Арестова, Бабанин, Войскунский, 2000*], по мнению пользователей, теперь он помогает удовлетворить большую часть потребностей.

В данный момент уже не вызывает сомнений тот факт, что воздействие, которое Интернет может оказать на личность пользователя, является более глубоким и системным, чем воздействие любой другой технической системы, в том числе и персонального компьютера. Поэтому для современного человека очень важно знать тот предел пользования Интернетом, после которого новые информационные технологии могут оказывать уже негативное влияние на личность.

В настоящее время необходимо прояснить связь между интенсивным использованием Интернета и характеристиками коммуникативной компетентности личности. Какова полярность этой связи – отрицательная или положительная? И существует ли подобная связь вообще? Мы решили начать с частного – исследование влияния Интернета на такую важную составляющую как социальный интеллект. Отметим, что в нашем исследовании речь пойдет только о виртуальном общении (форумы, блоги, СМС, ISQ, виртуальные дневники и т.д.), а не об использовании Интернета в целом.

Понятие «социальный интеллект» (СИ) было введено Э. Торндайком еще в 1920 г. Он рассматривал СИ как «способность понимать других людей и действовать или поступать мудро в отношении других» [Савенков]. В дальнейшем эти представления были уточнены и развиты многими исследователями. Суммируя результаты многолетних исследований, известный американский психолог Дэвид Векслер предложил определять СИ как приспособленность индивида к человеческому бытию.

Виртуальным общением называют такой способ коммуникации, при котором контакт между людьми опосредован компьютером, включенным в сеть (все равно, локальная она или глобальная). При данном способе коммуникации люди общаются с помощью письменной речи, что обуславливает его выделение в качестве специфического вида межличностных отношений.

Можно выделить следующие формы общения в Интернете: телеконференция, чат, MUDs (ролевая игра), ICQ (программа, позволяющая общаться с собеседником один на один, в режиме диалогового окна), форум, гостевая книга и переписка по e-mail (электронная почта).

Виртуальное общение имеет ряд особенностей (не всегда рефлекслируемых самими пользователями). Например, оно способствует возрастанию коммуникативной открытости и толерантности. Характерными для этой формы общения следует признать: постоянство и высокую интенсивность контактов; сближение коммуникативных интеле-

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ресов партнеров, взаимную информационную продуктивность коммуникации, большую активность пользователей и, как следствие, – их высокую информированность в обсуждаемых вопросах, взаимное пересечение коммуникативных интенций.

Существуют исследования, свидетельствующие о негативных последствиях чрезмерной интенсивности виртуального общения для реальных социальных контактов. В ходе проведенного в университете Карнеги-Меллона (США) лонгитюдного исследования получены данные – пока что предварительные, – согласно которым интенсивное применение Интернета ведет к сужению социальных связей вплоть до одиночества, сокращению внутрисемейного общения, развитию депрессивных состояний [Землянова, 1995].

Таким образом, мы поставили **целью** нашего исследования обнаружить сопряженность между степенью интенсивности виртуального общения и уровнем развития социального интеллекта.

Проделанный анализ литературы позволил сформулировать следующую **гипотезу**: чем выше интенсивность пользования Интернетом в целях коммуникации, тем ниже социальный интеллект.

Благодаря исследованиям Дж. Гилфорда термин «социальный интеллект» перешел в разряд измеряемых конструктов. Это позволило, используя методику исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда (адаптация Михайлова Е.С., 1996), проверить наши предположения эмпирическим путем.

Группа испытуемых состояла из 50 студентов 1-го курса. Возраст испытуемых от 17 до 18 лет. В исследовании принимали участие, как мужчины, так и женщины. Местом проведения исследования явилась учебная аудитория СМИУ.

Для определения взаимосвязи между социальным интеллектом и уровнем интенсивности виртуального общения использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена, подсчитанный при помощи компьютерной программы SPSS. Измерение интенсивности виртуального общения осуществлялось при помощи анкеты, включающей 7 во-

Взаимосвязь социального интеллекта и интенсивности виртуального общения психологов. При групповом обследовании испытуемые сначала отвечали на вопросы анкеты, а затем выполняли задания теста Дж. Гилфорда.

Перейдем к описанию полученных **результатов**. Результаты корреляционного анализа отражены в таблице 1.

Таблица 1

	1	2	3	4	5	6	7а	7б	7в	7г
1 суб-тест	0,123	-0,092	-0,101	0,115	0,160	0,068	0,007	0,003	-0,006	0,160
2 суб-тест	-0,058	-0,085	-0,017	-0,127	-0,220	-0,144	-0,036	0,146	0,001	0,207
3 суб-тест	-0,170	-0,317	-0,245	0,006	0,063	-0,128	-0,263	-0,143	0,012	0,232
4 суб-тест	-0,015	0,115	-0,115	-0,064	0,326	0,154	0,165	0,091	-0,069	0,040
Общая оценка СИ	-0,036	-0,152	-0,066	0,018	-0,007	-0,026	-0,158	0,068	-0,078	0,148
	p≤0,10. Результаты статистически не значимы, но можно говорить о существовании тенденции, которую можно проверить на большей выборке.									
	p≤0,05. Различия статистически достоверны.									

По вертикали в таблице представлены показатели социального интеллекта: 1 субтест – способность прогнозировать ситуацию общения, поведение собеседника (СИ-1); 2 субтест – возможность правильно интерпретировать невербальную коммуникацию (СИ-2); 3 субтест – способность понимать контекст, в который включена ситуация общения (СИ-3); 4 субтест – понимание логики всей ситуации (СИ-4).

Общий показатель СИ, который включает оценку всех предыдущих компонентов.

Вертикальные шкалы отражают степень интенсивности виртуального общения: 1 – частота посещения Интернета; 2 – продолжительность нахождения в сети; с 3-го по 6-ой – качество общения (3-дружеское; 4 – официальное; 5 – флирт; 6 – обсуждение, критика событий); 7 – личная значимость (7а – виртуальное общение как необходимость; 7б – как способ развлечения; 7в – как оперативный способ решения проблем; 7г – как бесполезное времяпрепровождение).

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Таким образом, установлена взаимосвязь между способностью понимать контекст, в который включена ситуация общения, и продолжительностью виртуального общения за один сеанс ($r_s = -0,317$; $p \leq 0,05$). То есть, чем больше человек проводит времени в коммуникативных сетях, тем хуже он начинает понимать контекст ситуации реального общения.

Также выявлена взаимосвязь между пониманием логики всей ситуации общения и предпочтением такого качества виртуального общения, как флирт и установление романтических отношений ($r_s = 0,326$; $p \leq 0,05$). Иными словами, чем больше человек использует коммуникативные сети для флирта, тем выше его способность к распознаванию структуры межличностных ситуаций. По результатам анализа была обнаружена тенденция к взаимосвязи между способностью понимать контекст, в который включена ситуация общения, и предпочтением такого качества виртуального общения, как дружеское общение ($r_s = -0,245$; $p \leq 0,10$). Следовательно, обнаружена тенденция к снижению способности распознавания социального контекста при увеличении частоты использования Интернета для дружеских бесед.

Обнаружена тенденция к взаимосвязи между способностью понимать контекст, в который включена ситуация общения, и отношением человека к виртуальному общению как к необходимости ($r_s = -0,263$; $p \leq 0,10$). То есть, обнаружена тенденция к снижению уровня понимания изменения вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей их ситуации при восприятии личностью Интернет-общения как необходимости и невозможность без него обойтись.

Исходя из полученных результатов, мы можем проследить некую закономерность взаимосвязи СИ и интенсивности виртуального общения. Из четырех составляющих СИ взаимосвязанными с виртуальным общением оказались: способность понимать контекст и логику

Взаимосвязь социального интеллекта и интенсивности виртуального общения ситуации общения. Обнаруженные закономерности в обобщенном виде представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Взаимосвязь социального интеллекта и интенсивности виртуального общения

	Положительная взаимосвязь	Отрицательная взаимосвязь
Понимание контекста		Продолжительность пребывания в сети с целью общения. Восприятие виртуального общения как необходимости и невозможность без него обойтись. Применение КС преимущественно в целях дружеского общения
Способность понимать логику ситуации	Применение КС преимущественно для флирта, установления романтических отношений.	

В обычном разговоре взгляд на собеседника означает внимание к словам партнера. Привлечь внимание партнера и привлечь его взгляд – здесь синонимы. Долгий и внимательный взгляд на малознакомого человека на вечеринке можно рассматривать как первую фразу, приглашающую к разговору. В случае с телефонным разговором, где взгляды не доступны партнерам, роль взгляда открывающего коммуникацию, играет телефонный звонок. В сетевом общении нет взглядов и нет звонков, но необходимость в них никуда не пропадает. И эту роль невербального жеста берет на себя реплика сама по себе.

Как известно, устная (разговорная, речь-беседа в условиях непосредственного контакта с собеседником) и письменная речь (опосредованное общение) существенно различаются. Письменная речь не предполагает непосредственного присутствия собеседника, чаще используется для передачи отвлеченного содержания, как деловая, научная, более безличная, в то время как разговорная речь часто рождается из непосредственного переживания. В разговорной речи наличие общей си-

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

туации общения создает общность контекста, предпосылок для понимания сокращенных речевых форм, устная речь – «ситуативна». Кроме того, устная речь помимо предметно-смыслового содержания опирается на богатый спектр невербальных средств коммуникации. Письменная речь – «контекстна», потому что письменная речь требует продуманности, плановости, сознательности [Личность и ... , 2007].

Таким образом, невербальный компонент выпадает из ситуации виртуального общения, а построение реплики улучшается. Невербальные проявления, эмоции очень важны для возникновения и развития дружеских отношений, и в то же время не обязательны (а иногда даже мешают) при официальном общении. Следовательно, в виртуальном мире, где преобладает вербальный компонент в форме письменной речи, повышается уровень официального общения, и снижается уровень дружеского. Это подтверждает обнаруженную тенденцию к снижению социального интеллекта при применении коммуникативных сетей преимущественно для дружеского общения.

Выявленные закономерности прямо соотносятся с позицией психологов, утверждающих, что для успешной реализации личности в жизни и деятельности самое важное — способности эффективного взаимодействия с окружающими людьми. Эти способности составляют основу социального интеллекта [Юркевич, 2005].

Дж. Гилфорд особо подчеркивает, что понимание поведения других людей и самого себя имеет в значительной степени невербальный характер [Использование методики ... , 2002]. А ведь именно виртуальное общение лишает нас такой важной составляющей нашего развития как невербальное общение. Что соответственно влечет за собой снижение навыков общения и коммуникативной компетентности.

Влияние виртуального общения можно обнаружить и на психофизиологическом уровне функционирования человека. Известно, что в нашем сознании имеется некие программы действия – динамические стереотипы. Это когда-то приобретенные знания, умения и навыки приспособления к окружающей среде. Эти программы могут с

Взаимосвязь социального интеллекта и интенсивности виртуального общения обогащением жизненного опыта добавляться новыми элементами, либо создаваться новые более эффективные программы. Однако если человек находится не в развивающей для него среде, такие динамические стереотипы либо вообще не формируются, либо создаются на элементарном или искаженном уровне. Таким образом, можно сделать вывод, что чем больше человек посредством своего опыта создаст динамических стереотипов, тем выше его уровень интеллекта [Судаков, 2000].

Дело в том, что Интернет (несмотря на его большие возможности) неспособен дать человеку опыт эффективного взаимодействия с людьми в реальности. Динамические стереотипы формируются на уровне пользования клавиатурой и выборе «смайликов».

По результатам исследования можно сформулировать следующие **выводы**.

1. Взаимосвязь между СИ и виртуальным общением существует.
2. Способность понимать контекст ситуации общения снижается, если человек подолгу (более 4-х часов) пребывает в коммуникативной сети преимущественно в целях дружеского общения, воспринимает виртуальное общение как необходимость и не может без него обойтись.
3. Способность к пониманию логики ситуации возрастает, если КС рассматривается преимущественно как место флирта.

Следует отметить, что социальный интеллект можно развивать. Для этого нужно обогащать свой индивидуальный опыт межличностного общения и формировать новые динамические стереотипы. Социального интеллекта не может быть слишком много.

Литература

1. *Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Психологическое исследование мотивации пользователей Интернета // 2-я Российская конференция по экологической психологии [тезисы]. – М., 2000.

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

2. *Войскунский А.Е.* Научная коммуникация в условиях автоматизации // Психол. проблемы автоматизации науч.-иссл. работ / Под ред. М.Г. Ярошевского, О.К. Тихомирова. – М., 1987.

3. *Гилфорд Дж.* Три стороны интеллекта // Психология мышления. – М.: Прогресс, 1965.

4. *Землянова Л.М.* Современная американская коммуникативистика. – М.: Изд-во МГУ, 1995.

5. *Иванов В.Е.* Интернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде // Мир психологии. №2. 2000.

6. Использование методики исследования социального интеллекта в профконсультировании / Сост. Т.И. Шалаева. – Саратов: ПМУЦ, 2002. – 39 с.

7. *Савенков А.И.* Концепция социального интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=388>

8. Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / Под ред. В.Л. Волохонского, Ю.Е. Зайцевой, М.М. Соколова. – СПб.: СПбГУ, 2007.

9. *Судаков К.В.* Системные основы интеллекта. Труды экспер.и прикл.физиол. Интерактивная деятельность мозга. – М.: НИИНФ им. П.К. Анохина РАМН, 2000. Т. 9.

10. *Юркевич В.С.* Проблема эмоционального интеллекта // Вестник практ. психол. образования. 2005. № 3 (4). Июль-сентябрь. С. 4-10.

НАПРАВЛЕНИЕ 3. СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Н.Ю. Самыкина, Т.В. Гайдуллина

Особенности родительско-детских отношений в семьях студентов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологическая профилактика наркомании в вузе»), проект 08-06-00391 а

По мере взросления человека его отношения с родителями претерпевают существенные изменения. Причиной некоторых из этих изменений является стремление личности к большей независимости, которое обычно приводит к напряженным отношениям в семье, особенно на протяжении отрочества. Часто подростки пытаются «выйти за рамки», ранее установленные для них родителями, в то время как родители с большой неохотой и тревогой позволяют им быть более автономными. В этот состоит одно из ведущих противоречий процесса воспитания: автономия детей против тревоги родителей.

Как отмечает В.С. Мухина, стремление обрести себя как личность порождает потребность в отчуждении от всех, кто привычно оказывал на него влияние, и в первую очередь это относится к родителям. Отчуждение по отношению к семье выражается в негативизме – в стремлении противостоять любым предложениям, суждениям, чувствам тех, на кого направлено отчуждение. Негативизм – первичная форма механизма, она же является началом активного поиска подростком собственной уникальной сущности.

НАПРАВЛЕНИЕ 3. СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В.А. Петровский говорит о том, что в процессе развития ребенка у него появляется потребность в саморегламентации, т.е. установлении им своих собственных правил, норм, ограничений и запретов. По его мнению, потребность в регламентации является мотивирующим фактором активности подростка, а значит, служит одновременно причиной внесения ограничений, а с другой – определяет источник активности, направленной на их преодоление. Таким образом, саморегламентация обеспечивает как бы «переход» от ориентации на родительские нормы и правила к собственным, субъектным, самоположенным проявлениям.

Весьма распространено мнение, что причиной конфликтов между родителями и детьми, ведущих в подростковом возрасте к отчуждению и размыванию идентичности, является разрыв между поколениями. Однако результаты исследований, приведенных в книге Р. Бернса «Развитие Я-концепции и воспитание», показывают, что отношения подростков с родителями являются вполне нормальными и что настоящие конфликты встречаются довольно редко. Большинство подростков склонны прислушиваться к советам родителей, а не отвергать их. В своей массе подростки считают, что их отношения с родителями улучшаются по мере их взросления, так же, как и со временем они все больше начинают доверять друг другу.

Подростковый возраст – возраст наибольшего количества конфликтов, причем конфликт выполняет двоякую роль: с одной стороны, конфликт социализирует и позволяет субъекту овладевать новыми формами поведения (конструктивная роль конфликта), с другой – конфликтное поведение при соответствующих условиях может стать единственной формой взаимодействия с социальным окружением (деструктивная роль конфликта). От того, как понимаются, оцениваются и разрешаются эти конфликты, в первую очередь, в системе отношений «ребенок – родитель» зависит и дальнейшая успешная или неуспешная социализация личности.

Опыт работы с подростками и студентами показывает, что обострение родительско-детских конфликтов приходится на «критические точки» развития, причем имеет значение не столько объективность, сколько субъективность оценки события как «критического». Одно из таких «критических» событий – переход ребенка из ситуации средней школы в ситуацию высшей школы, т.е. появление новой социальной роли – «студента».

Изменения социальной роли действительно ведут к переоценке отношений личности. Это связано с тем, что самосознание юноши выражается в эмоционально-смысловой оценке своих субъективных возможностей, которая, в свою очередь, выступает в качестве обоснования целесообразности действий и поступков [Лисецкий, Литягина, 2005]. После окончания школы юноша переходит в новую социальную группу – «студенчество» (при условии принятия решения о продолжении образования). В соответствии с новым социальным статусом меняется и отношение со стороны окружающих. Увеличение «кредита доверия» со стороны взрослого, изменение отношения со стороны родителей – «он уже не школьник, он уже не ребенок», отсутствие контроля со стороны школы (классного руководителя, ежедневного выполнения домашнего задания) и т.д., несомненно, увеличивает количество степеней свободы студента. Кроме этого, жизнь иногородних студентов, живущих в общежитиях или съемных квартирах, за которые надо платить, принципиально меняется, вынуждая становиться самостоятельнее, ответственнее, изворотливее.

Внутренним основанием для изменения отношений становятся изменения в личности самого юноши – изменения образа себя – теперь как студента – связано с принятием новых социальных обязательств, включающих повышенную ответственность за собственные поступки. По сравнению с предыдущим школьным периодом, студенчество требует от юноши больше инициативности, независимости и автономии. Многие начинают жить отдельно от родителей. Традиционно студенческий возраст воспринимается как начало взрослой жиз-

ни. Психологическое развитие личности студента – диалектический процесс возникновения и разрешения противоречий. Характерной особенностью социализации студенческой молодежи является переживание кризисных состояний: преодоление трудных жизненных ситуаций и решение конфликтов взросления.

Все названные факторы получают свое отражение в изменении в родительско-детских отношениях. Развитие личности в условиях природного и предметного мира происходит через межличностные отношения. Изменение в самоотношении у юношей влечет за собой изменения в межличностных отношениях. Самоотношение в процессе развития личности рождается сначала между человеком и значимыми для него людьми и только потом становится внутренней составляющей личности. Эмоциональное самоотношение не ограничено решением проблем самопринятия и самопознания, оно проявляется в поведении, является основой отношений с людьми и миром вообще. Изменения в социальном статусе неизбежно влекут за собой изменения в самоотношении личности [Лисецкий, Литягина, 2006]. Воспринимая себя как студента, «взрослого», юноша начинает по-другому воспринимать отношения с близкими людьми, значимыми взрослыми, в т.ч. с родителями. Если ранее родители воспринимались с позиции авторитета, контроля, необходимых требований, то сейчас позиции родителей меняются на равноправные, на первый план выступает доверительность, эмоциональная близость.

Для исследования особенностей родительско-детских отношений в старшем подростковом (юношеском) возрасте нами был выбран метод сравнительного анализа двух групп подростков, примерно одинаковых по возрасту (разница в возрасте от 6 месяцев до 1 года). По отношению к этим группам применялись одни и те же методы исследования, что позволило выявить качественные различия в характере взаимоотношений с родителями: опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» (ВРР) – подростковый вариант [Марковская, 1998] и контент-анализ ответов на вопрос «Зачем нужны родители?» В исследо-

вании приняли участие 45 испытуемых старшеклассников различных школ г. Самары и 52 испытуемых студента 1 курса СамГУ.

Результаты исследования показали, что взаимоотношения родителей с детьми в семьях с детьми-старшеклассниками и детьми-студентами младших курсов имеют качественные различия. В первую очередь, эти различия характеризуют характер контроля и уровень предоставляемой ребенку автономии – достоверные различия получены по таким шкалам, как «Нетребовательность – требовательность», «Автономия – контроль». Характерно, что различия отражают субъективную оценку, данную самими подростками.

Различия по шкале «Удовлетворенность отношениями с родителем» показали следующие результаты. При снижении уровня требований и увеличении автономии со стороны родителей, отмечаемые самими подростками, уменьшается степень удовлетворенности отношениями в группе студентов по сравнению с группой школьников. Это во многом противоречит утверждению о том, что основной потребностью подростков является стремление к независимости от родительского мнения и влияния.

Наличие таких различий в характере отношения к детям позволяет говорить о следующем: при изменении социальной роли ребенка как школьника на социальную роль студента изменяется характер контроля, уровень требовательности со стороны родителей снижается. От ребенка ожидают более взрослого, ответственного, самостоятельного поведения, чем от старшеклассника того же возраста. В то же время, новая образовательная среда (вуз) ставит перед подростком (юношей) новые задачи: инициативность, ответственность, автономность в принятии решения, что не всегда является для подростка (юноши) выполнимым. В результате снижение контроля, требовательности со стороны родителей сопровождается меньшей удовлетворенностью отношениями с родителями со стороны ребенка.

Мы предполагаем, что такой результат связан с тем, что новые формы личностной самоподдержки, возможности самостоятельного

НАПРАВЛЕНИЕ 3. СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

выбора и т.п. у студента 1 курса еще не сформированы и недостаточно освоены, в то время как внешний (родительский) контроль ослабевает, что воспринимается подростком как отсутствие поддержки со стороны родителей, ослабление эмоциональной связи с родителями. Это говорит о том, что, несмотря на то, что влияние семьи в период взросления уменьшается, область родительско-детских отношений остается по-прежнему значимой, хотя носит порой сложный и конфликтный характер. По сравнению с подростковым возрастом, конфликты здесь вызваны не протестом против навязываемых взрослыми правил и норм, а зачастую стремлением личности к равноправию в отношениях с родителями. Равноправие в отношениях, в первую очередь, характеризуются доверительностью, ответственностью, взаимоподдержкой, уважением, принятием личности другого. Стремление именно к таким отношениям порождает различные формы конфликтов, т.к. ни сами студенты еще не готовы проявлять ответственное и самостоятельное поведение, ни родители зачастую не готовы еще воспринимать детей как взрослых.

В ходе контент-анализа ответов было выявлено, что в ответах старшеклассников преобладают «функциональные» ответы: «родители дают материальное обеспечение», «чтобы быть примером для подражания», «для того, чтобы воспитывали», «родители всегда помогут», «родители не дают совершать ошибки» и т.п. В ответах же студентов больше представлены «эмоциональные» ответы: «чтобы чувствовать их поддержку», «чтобы любить их», «чувствовать себя нужными», «родители дают опору и поддержку» и т.п. По нашему мнению, в ответах на этот вопрос отражены как ожидания от родительского поведения, так и основные потребности детей. И если у старшеклассников выражены ожидания в контроле, в выполнении определенных, характерных для родительского поведения функций, то у студентов проявляются потребности в большей эмоциональной близости и поддержке.

Это еще раз подтверждает тот факт, что человек становится взрослым в процессе постепенного преобразования, и оно требует от него способности быть одновременно независимым и взаимозависимым (социальные отношения по своей природе являются взаимозависимыми, но не созависимыми). Взаимозависимость предполагает долгосрочные обязательства и взаимную преданность, которые служат отличительным признаком человеческого существования [Gilligan]. С течением времени подростки развивают способность сочетать обязательства перед другими, лежащие в основе взаимозависимости, с чувством Я, составляющим основу независимости.

Полученные результаты открывают перспективы дальнейших исследований родительско-детских отношений, в частности таких вопросов, как исследование изменений в характере саморегуляции, самоконтроля и восприятия взаимоотношений с родителями, свойственные студентам по сравнению со своими сверстниками старшеклассниками. Также интересным представляется вопросам об актуальных потребностях подростков во взаимоотношениях с родителями.

Литература

1. Лисецкий, К.С., Литягина Е.В. Психология негативных зависимостей. – Самара: Универс-групп, 2006. – 251 с.
2. Марковская И.М. Взаимодействие и отношение как базовые категории социально-психологического исследования // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология. Сб. научн. трудов. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1998. Том 1. С. 13–21.

НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

А.Д. Ахмадеева

Формирование личности близнецов

Научный руководитель Н.В. Зоткин

Еще в античные времена философы интересовались таким явлением, как близнецовость. Например, Гиппократ считал, что близнецы появляются в результате деления спермы на две части, и каждая из них попадает в одну из маточных труб. Демокрит высказал предположение, что близнецовость – результат избытка «семени», вещества, из которого образуется зародыш.

Несмотря на ошибочность этих предположений, люди всегда пытались дать логическое объяснение появлению близнецов. Попытки понять это явление не прекращались и в последующие века. Особенно интерес к нему возрос в 70-е годы XIX в.

Начало близнецовому методу положила статья Ф. Гальтона (1873) «История близнецов как критерий относительного влияния (силы) природы и воспитания». Однако в подлинно научный метод изучение близнецов превратилось в 20-е годы XX в., когда появилось обоснованное представление о двух типов близнецов и надежные способы диагностики зиготности.

Надежно показано, что существуют два типа близнецов – моно- и дизиготные. Монозиготные развиваются из одной зиготы, которая в первых фазах деления образует вместо одной две эмбриональные структуры, дающие начало двум генетически идентичным организмам. Дизиготные близнецы развиваются из двух яйцеклеток, оплодотворенных двумя спермиями, и, следовательно, имеют в среднем лишь половину общих генов.

С самого рождения между близнецами складываются определенные отношения, отличающиеся от обычных отношений между братьями и сестрами, – «близнецовая ситуация» (Р. Заззо), которая накладывает неизгладимый отпечаток на развитие близнецов и их отношения с родителями и другими людьми. Р. Заззо показал, что близнецовая пара часто образует свой особенный микромир («микрокосм»), характеризующийся рядом особенностей как внутри себя, так и во взаимоотношениях с другими людьми и внешним миром. Особая близнецовая среда приводит к тому, что между со-близнецами устанавливаются более близкие, интимные отношения, чем между обычными братьями и сестрами.

«Близнецовая ситуация» играет одну из важных ролей в эмоциональном, когнитивном, личностном и социальном развитии близнецов.

Близнецовая ситуация может зависеть от нескольких факторов:

1. особенности внутриутробного развития, пренатального и постнатального периода;
2. особенности взаимоотношения родителей и членов близнецовой пары;
3. особенности взаимоотношений, которые складываются внутри близнецовой пары.

Особенности пре- и постнатального развития. Голландскими и немецкими исследователями проводились ультразвуковые наблюдения за внутриутробным поведением близнецов. Ученые описали развитие контактов между детьми. Первые контакты были обнаружены в виде прикосновений одного близнеца к другому, за которыми не сле-

довало ответа. На 65-й день после зачатия возникли прикосновения с ответными реакциями. Сначала это медленные прикосновения рукой, ногой, головой, телом. На 85-112-й день после зачатия наблюдались сложные контакты, между плодами, которые включают движения рук, ног, головы и тела, которые внешне напоминают «объятия» эмбрионов. Еще позже, в среднем на 99-130 дне, были отмечены контакты губами, которые названы исследователями «поцелуи». Внутриутробные контакты, взаимодействие между близнецами при многоплодной беременности оказывают стимулирующее действие на развитие нервной системы плодов. Тот факт, что близнецы находятся в условиях интенсивных телесных контактов, в большей степени стимулирует их развитие, чем одиночно рожденных детей. Возможность телесных контактов при многоплодной беременности компенсирует, правда, частично, влияние факторов биологического риска на развитие близнецов [*Сергиенко, Виленская, Дозорцева, Рязанова, 2002*].

Тем не менее, наличие в матке двух и более плодов ведет к ряду осложнений. Наиболее серьезным осложнением является преждевременные роды, недоношенность при многоплодной беременности составляет примерно 35-38 % . В процессе родов нередко такие осложнения как слабость родовой деятельности, неправильное положение плода (чаще всего второго) [Психические особенности ...].

Один близнец может выходить нормально – головой, лицом вниз. Но, если у другого наблюдается ягодичное предлежание (когда ребенок рождается ягодицами вперед) или поперечное положение (когда у него неправильное положение в матке), то процесс родов затрудняется. Иногда приходится прибегать к хирургическому вмешательству.

Кроме того, близнецы, рожденные первыми, как правило, крупнее и более жизнеспособны, а вторые – слабее [*Морозова, 2003*].

Интересные данные были получены Е.А. Сергиенко и Т.Б. Рязановой, которые первыми в отечественной психологии провели младенческое близнецовое лонгитюдное исследование. Данные, которые были получены в ходе исследования, позволили сделать следующие

выводы: близнецы до двухлетнего возраста отстают в психическом и психомоторном развитии от одиночно рожденных детей. Также они установили, что влияние факторов биологического риска на развитие общей когнитивной способности компенсируется в возрасте 2-3 лет, а на психомоторное развитие – в возрасте 1-2 лет, но имеет свою специфику, у МЗ компенсация происходит позже, чем у ДЗ [Сергиенко, Рязанова, 1999].

Хотя все авторы работ о близнецах утверждают, что все эти факты не фатальные, и правильное воспитание позволит компенсировать факторы биологического риска.

Особенности взаимоотношения родителей и близнецов. Еще не появившись на свет, близнецы испытывают на себе влияние эмоционального состояния матери, которая может передавать свою тревогу и страхи своим детям, формируя у них негативный фон развития [Морозова, 2003].

Кроме того, часто родители делают все возможное, чтобы подчеркнуть явное сходство своих детей, что тоже негативно влияет на развитие индивидуальности каждого близнеца.

Ряд западных психологов (С. Скarr, Д. Коэн, Х. Литтон), которые независимо проводили свои исследования, получили сходные результаты, позволившие говорить о том, что поведение родителей по отношению к близнецам является реакцией на генетическое сходство последних.

На основании данных исследований западных психологов И.В. Равич-Щербо приходит к выводу, что констатируемое исследователями большее сходство среды монозиготных пар по сравнению с дизиготными парами есть следствие их генетической идентичности и большего фенотипического сходства, но никак не причина последнего [Роль среды ... , 1998].

В целом исследования взаимоотношения родителей и близнецов свидетельствуют о том, что родители преимущественно подчеркивают сходства монозиготных и различия дизиготных близнецов. Ро-

дители монозиготных близнецов часто следуют общей традиции и, стремясь подчеркнуть внешнее сходство детей, во многом могут определить психологическое сходство, которое свойственно близнецам монозиготных пар. Такой стиль воспитания реже встречается в семьях, где растут и воспитываются дизиготные близнецы. [Никитюк, 1974]

Особенности взаимоотношений, складывающихся внутри близнецовой пары. Большинство исследователей, которые занимаются изучением близнецов, отмечают, что «реакция близнецовости» приводит к замедлению развития личности детей. Желание во всем походить друг на друга, отождествление себя с близнецовым партнером (взаимная идентификация) влияют на формирование самосознания и приводят к затруднению процесса индивидуализации у близнецов.

Х. фон Браккен выделяет три момента, важных в отношении близнецовых партнеров: 1) время, которое близнецы проводят вместе (обычно МЗ близнецы чаще и дольше бывают вместе, чем ДЗ); 2) стремление однополых ДЗ близнецов к различиям и стремление МЗ близнецов к единообразию; 3) распределение социальных ролей в паре, которое оказывает поляризующий характер на индивидуализацию партнеров [Никитюк, 1974].

Близнецы определенным образом распределяют между собой различные функции, навыки. Например, один может отвечать за общение с внешним миром, беря на себя полностью функцию представителя пары при общении с другими людьми. Другой близнец при этом может вообще не развивать у себя навыки общения, так как близнецы, воспринимающие себя как единое и неразделимое целое, считают, что достаточно хотя бы одному из них овладеть соответствующими навыками.

Распределение ролей в паре, имея поляризующий характер, является одним из главных факторов в индивидуализации близнецовых партнеров.

По мнению Х. фон Браккена, чем теснее связь между близнецами, тем сильнее распределение ролей влияет на развитие близнецов, что сказывается на монозиготных парах в большей степени, чем в дизиготных [Психические особенности ...].

Кроме того, большинство авторов указывают на сложность процесса индивидуализации, которое наблюдается у близнецов.

По мнению Д. Ортмейера, первоначальная связь близнецов носит симбиотический характер, при котором каждый член пары рассматривается внутри общей границы. Для описания комплементарных, взаимодополняющих аспектов личности автор использует понятие «Я=МЫ», которое означает отсутствие у близнецов четкой дифференциации своей индивидуальности и индивидуальности своего партнера. Автор считает, что причиной развития феномена «Я=МЫ» является то, что у членов пары формируются комплементарные черты. Это приводит к индивидуализации пары как целого, как своеобразной единицы. Что осложняет процесс развития самосознания у близнецов [Роль среды ... , 1998].

Кроме этого, следует упомянуть о речевом развитии детей-близнецов, которое также имеет свою специфику.

Большинство авторов (А.Р. Лурия, Ф.Я. Юдович, Н. Миттлер и др.) отмечают общее отставание детей-близнецов в речевом и языковом развитии.

Так, Н. Миттлеру удалось выяснить, что речевое развитие близнецов задерживается приблизительно на 6 месяцев по сравнению с одиночно рожденными детьми того же возраста. Кроме того, автор считает, что такая задержка обусловлена размером семьи и ее социальным положением.

Характерными особенностями близнецовой речи при общении с другими людьми является смешение местоимений и личных имен, которое имеет произвольный характер, а использование секретного языка является произвольным. Близнецовую речь также характеризуют бедность словарного запаса и однообразие употребляемых слов,

позднее возникновение умения строить предложения, их нераспространенность, медленное развитие грамматических структур, ограниченность средств обобщения и сравнения.

В то же время у близнецов крайне редко наблюдается эгоцентрическая речь, отсутствует монолог, тогда как, по представлениям Р. Заззо, «эгоцентризм – это важный этап в развитии осознанного, логического и планирующего мышления ребенка» [Сергиенко, Виленская, Дозорцева, Рязанова, 2002].

Большинство исследователей склоняется к мнению, что именно минимизация общения со взрослым является главной причиной отставания близнецов в языковом и речевом развитии.

М. Томаселло с соавторами пришел к выводу, что триадический характер общения в близнецовой ситуации существенно сужает речевую среду каждого близнеца, так как матери приходится часто переключать внимание с одного близнеца на другого. В результате качество и количество общения с каждым близнецом снижается. Это может приводить к отставанию детей в развитии речи и языка. [Если в вашем классе ... , 2005]

Данные полученные различными отечественными и зарубежными психологами, позволяют заключить, что развитие детей – близнецов представляет собой сложный процесс, отличный от одиночно рожденных детей. Специфика развития близнецов обусловлена специфической «близнецовой ситуацией», которая является центральной «психологической» причиной постнатального развития близнецов. Поэтому при исследовании близнецов следует обращать внимание на все факторы, обуславливающие развитие таких детей, в их взаимосвязи и взаимовлиянии друг на друга.

Литература

1. Если в вашем классе учатся близнецы (беседа с кандидатом психологических наук И.В. Равич-Щербо); беседу вела Е.Ушакова // Директор школы. 2005. №3. С.101-104.

2. *Морозова Т.Б.* Личностное развитие близнецов в процессе общения // Педагогика. 2003. №8.
3. *Никитюк Б.А.* Генетические исследования развития человека на основе изучения близнецовых пар. – М. 1974
4. Психические особенности близнецовой ситуации [электронный ресурс] <http://kate-abramova.narod.ru/twins.html>
5. Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / Под. ред И.В. Равич-Щербо. – М, 1998.
6. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Дозорцева А.В., Рязанова Т.Б.* Близнецы от рождения до трех лет / Под. ред. Е.А. Сергиенко. – М.: Когнито-центр, 2002.
7. *Сергиенко Е.А., Рязанова Т.Б.* Младенческое лонгитюдное исследование // Психологический журнал. 1999. Т. 20. №2.

Н.Ю. Самыкина

Влияние родительского отношения на успешность ребенка младшего школьного возраста

На протяжении младшего школьного возраста межличностное общение и отношения с родителями приобретают особую значимость для развития личности ребенка. На значимость этой системы отношений не раз указывалось в отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе. Об этом писали Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, К.Н. Поливанова, Д.И. Фельдштейн, Г.А. Цукерман, И.С. Кон, А. Фрейд, Э. Эриксон, Р. Хавигхерст, Дж. Харрис и др. По мнению Д.Б. Эльконина, ведущей деятельностью ребенка младшего школьного возраста является учебная деятельность. Однако по данным Г.А. Цукерман, в современной социальной ситуации то, что раньше считалось младшим школьным возрастом

(начиная с 10 лет), сейчас можно относить к предподростковому возрасту [Цукерман, 1998]. По ее мнению, это связано с изменениями границ подросткового возраста и общим изменением отношения общества и в частности, родителей, к взрослению детей.

Как показано И.С. Коном, Г.А. Цукерман, К.Н. Поливановой, содержание и течение подросткового кризиса во многом определяется предыдущими этапами развития ребенка, его социальным окружением. Однако особенности формирования личности и психических функций ребенка в младшем школьном возрасте редко принимаются во внимание взрослыми людьми, взаимодействующими с подростками. То, насколько успешным и сообразным было развитие ребенка в предподростковый период, каковы были его взаимоотношения с родителями – все это имеет большое значение для будущего развития. В связи с этим актуальным становится вопрос изучения влияния особенностей взаимодействия детей младшего школьного возраста с родителями и, прежде всего, влияния родительского отношения на успешность развития ребенка.

Семейная ситуация, которая является значимой социальной ситуацией развития для ребенка в данном возрасте, предстает перед ребенком в системе родительских отношений. Содержание родительского отношения, в частности, материнского, оказывает влияние на самовосприятие ребенка, его успехи в школе и общение со сверстниками.

Э.Г. Эйдемиллером, А.Я. Варгой, В.В. Столиным, Е.О. Смирновой не раз отмечалось, что на успешность ребенка младшего школьного возраста в различных сферах его жизни будут влиять различные стили родительского отношения.

Под успешностью мы понимаем эффективность развития ребенка в 4 сферах его жизни: 1) учебная деятельность: хорошая успеваемость, мотивация учебной деятельности; 2) общение со сверстниками: высокий статус в группе; 3) внешкольная деятельность, хобби: участие в кружках, специализированных школах; 4) самоотношение: адекватная высокая самооценка.

Родители играют детерминирующую роль в развитии гармоничных внутрисемейных отношений. В своем общении с ребенком они могут либо достичь самореализации в процессе воспитания, либо стать «ранеными и опустошенными». В семьях с высоким коммуникативным статусом у детей возникает привязанность защищенного типа, способствующая их будущей социализации. Опираясь на собственные эмпирические исследования, Дж. Боулби дополняет представление о коммуникативной ситуации, в которой находится ребенок с момента своего рождения. Он предлагает идею интерактивного взаимодействия, которое позволяет приобретать социальный опыт.

Общение в семье представляют в виде определенной «рабочей модели», на основе которой происходит взаимодействие ребенка с разными людьми. Она является интерактивной и подразумевает соблюдение определенных, постоянно повторяются в различных ситуациях взаимодействия образцов поведения с близкими взрослыми. Нестабильность в отношениях с родителями создает крайне неблагоприятные условия для эмоционального развития ребенка. У таких детей оказывается несформированным чувство базового доверия к миру, в результате чего мир переживается ими как непредсказуемый, опасный и ненадежный. Такому ребенку будет трудно устанавливать межличностные отношения с людьми, что впоследствии окажет влияние и на создание собственной полноценной семьи.

Взаимоотношения ребенка с родителями становятся основой для формирования навыков самоконтроля социального поведения. Взрослые направляют активность детей, и то, насколько активность будет конструктивной или, напротив, деструктивной, результативной или безрезультатной – зависит от стилевых характеристик поведения родителей.

В дипломной работе А.А. Перфильева, выполненной под нашим руководством (2007), для изучения взаимосвязи стилей родительского отношения и успешности младших школьников, мы использовали следующие методики:

НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ...

- опросник Родительского отношения (ОРО) А.Я. Варга-В.В. Столина,
- методика Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан,
- социометрия,
- беседа с детьми об их учебной и внеучебной жизни.

В качестве респондентов выступали учащиеся начальной школы муниципального образовательного учреждения, 55 детей в возрасте 9-10 лет (27 девушек и 28 юношей), 86 родителей.

Результаты исследования показали наличие нескольких тенденций во влиянии родительского отношения на успешность ребенка.

Наибольшее влияние родительское отношение оказывает на успеваемость ребенка. Мы объясняем это тем, что учебная деятельность является ведущей в данном возрасте, т.е. в ней происходит развитие ребенка, а следовательно, и управление развитием ребенка со стороны взрослых. Кроме того, как показывают наблюдения, именно успеваемость является наиболее частой причиной родительско-детских конфликтов у младших школьников.

В процессе изучения успеваемости были определены три группы детей: низкая успеваемость (средний бал – удовлетворительно), хорошая успеваемость (средний балл – хорошо), отличная успеваемость (средний балл – отлично). Затем результаты, полученные по опроснику родительского отношения Варга-Столина, и результаты, полученные при изучении успеваемости, были подвергнуты однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA, F-критерий Фишера). Нами было отмечено, что на высокую успеваемость напрямую влияют такие стили родительского отношения, как кооперация и симбиоз, а обратную зависимость оказывают инфантилизация и отвержение. Авторитарная гиперсоциализация отмечена у всех родителей, причем у детей с хорошей успеваемостью показатели по этой шкале выше, чем у детей с удовлетворительной и отличной успеваемостью. Это говорит о том, что успеваемость, оценки в школе тесно связаны с оценкой родителей: если родитель настраивает ребенка на сотрудничество, взаимо-

Влияние родительского отношения на успешность ребенка младшего школьного ...

действует с ним, не подавляет его инициативы, активности и дает возможность получать новый опыт в совместной семейной деятельности, ребенок становится более успешным в учебной деятельности.

Изучение данных, полученных по методике Дембо-Рубинштейн, сопоставленных с данными по опроснику родительского отношения, показало отсутствие корреляции между самооценкой ребенка и стилем родительского отношения. Возможно, это связано с тем, что в младшем школьном возрасте самооценка по большей части формируется в школе и при общении со сверстниками, а не с родителями. Это согласуется с данными Г.А. Цукерман о повышении значимости сверстников над значимостью родителей у современных младших школьников [Цукерман, 2003].

Изучение внеучебной деятельности (эта сфера нами была обозначена как хобби) показало, что родительское отношение также не влияет на то, занимается ли ребенок в различных школах, кружках, секциях и насколько высоко он оценивает успех своих занятий. В процессе работы нам были выделены 2 группы детей:

- успешные (те, которые занимаются в кружках, секциях, школах и высоко оценивают свои достижения),
- неуспешные (те, которые не занимаются нигде или занимаются, но низко оценивают свои достижения). Детей, которые не занимаются внешкольной деятельностью, мы отнесли к неуспешным, поскольку в литературе отмечено, что наиболее позитивно и успешно развиваются дети, которые имеют увлечения, находят реализацию своих способностей вне стен школы, в творческой или спортивной деятельности [Крайг, 2000].

Изучение социометрического статуса ребенка в группе показало, что самыми популярными детьми оказываются дети с родительским отношением симбиоза. Возможно, это связано с тем, что такие дети, во-первых, лучше учатся (как было показано выше), а во-вторых, больше соблюдают дисциплину и требования учителя. Как известно, в младшем школьном возрасте эти два показателя определяют попу-

лярность детей среди сверстников. С другой стороны, дети с симбиотическими отношениями в семье могут демонстрировать независимость и активность в школе, чем могут казаться более «взрослыми», привлекать внимание одноклассников.

Итак, успешность ребенка, т.е. реализация им своих возможностей в достижении целей деятельности, является условием общего позитивного самовосприятия и благополучного развития его личности. Помимо учебной деятельности, для ребенка важными оказываются сферы общения со сверстниками, внеучебная деятельность, сфера самоотношения. Содержание родительского отношения, в частности, материнского, оказывает влияние на самовосприятие ребенка, его успехи в школе и общение со сверстниками.

Литература

1. *Цукерман Г.А.* Десяти-двенадцатилетние школьники: Ничья земля в возрастной психологии // Вопросы психологии. 1998. №3. С. 17-31.
2. *Цукерман Г.А.* У истоков учебной общности: микроанализ одного урока в первом классе // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 104-127.
3. *Крайг Г.* Психология развития. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с..

Е.С. Панина

**Влияние конфликтогенеза на доверительные
отношения между родителями и детьми
юношеского возраста: лонгитюдное
исследование**

Научный руководитель Е.А. Павлова

Установление доверительных отношений с родителями в юношеском возрасте имеет важное значение для нормального психического развития. Формирование положительной и устойчивой атмосферы доверия является действенным инструментом в руках родителей, который помогает контролировать чувства ненависти и враждебности, предотвращая развитие этих качеств в характере ребенка. Часто невозможность образования такой среды вытекает из-за неумения родителей правильно устанавливать коммуникативные отношения с ребенком; они игнорируют заметные изменения в своих детях, и относятся к ним не так, как требует данный возраст. В связи с чем конфликтная ситуация возникает для них «как бы внезапно», и только тогда начинается принятие «срочных мер». И сегодняшняя реальность такова, что негативное конфликтное отношение к детям превратилось в обычное явление. Оно не только наносит непоправимый вред здоровью ребенка, но влечет за собой и другие тяжелые социальные последствия: формирует социально неадаптивных, инфантильных людей, не желающих трудиться, не умеющих создать здоровую семью.

В связи с этим в данной работе мы рассматриваем особенности и закономерности развития юношеского возраста, родительско–детские отношения и родительско–юношеские конфликты; конфликтогенез и его влияние на дальнейшую судьбу родительско–юношеских отноше-

ний. Конфликтогенез мы понимаем как множество причин, влияющих на возникновение и развитие конфликта.

Нашим исследованием мы хотели выявить субъективное восприятие причин конфликта, влияющее на доверительные отношения между родителями и детьми юношеского возраста.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: существуют половозрастные различия в субъективном восприятии причин конфликта между родителями и детьми юношеского возраста, напрямую влияющие на их доверительные отношения.

Мы бы хотели подчеркнуть важность такой формулировки гипотезы, поскольку в психологической практике родительско-юношеский конфликт рассматривается обычно только с одной стороны: со стороны понимания его родителями. Мы же хотели узнать мнение о причинах конфликтов со стороны юношей и девушек, изменение этого мнения с возрастом, возможную практическую ценность таких сведений.

Наше основное предположение получило уточнение в эмпирических гипотезах:

1. Существуют половые различия в субъективном восприятии причин конфликтов, нарушающих доверительные отношения, между родителями и детьми юношеского возраста.

2. Существуют возрастные различия в субъективном восприятии причин конфликтов, нарушающих доверительные отношения, между родителями и детьми юношеского возраста.

Перед тем как перейти к практической части, мы хотим проанализировать основные понятия работы и дать определение «негативного конфликта».

Современный интерес к проблематике конфликта очень велик. К ставшему классическим определению конфликта А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, «как столкновения противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия», нам также интересно определение, дан-

Влияние конфликтогенеза на доверительные отношения между родителями и детьми ...
ное Б.И. Хасаном в книге «Конструктивная психология конфликта». Конфликт – это такая специфическая организованность взаимодействия, которая позволяет удерживать единство столкнувшихся действий за счет процесса поиска или создания ресурсов и средств разрешения представленных в столкновении противоречий.

Для рассмотрения влияния негативных конфликтов на родительско-детские взаимоотношения, мы проанализировали и вывели определение «негативного конфликта», используя такие понятия как «конструктивный, неконструктивный и деструктивный конфликт» (В.Н. Копорулина, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский). Негативный конфликт – это вид конфликта, протекающий в юношеском возрасте, когда один из оппонентов прибегает к нравственно осуждаемым методам борьбы, стремится психологически подавить партнера, дискредитируя и унижая его в глазах окружающих, способствует разрушению установившихся норм и возвращению к старым нормам или углублению проблемной ситуации. Негативный конфликт в юношеском возрасте приводит к нарушению доверительных отношений или регрессу этих отношений.

Существует множество психологических факторов, которые влияют на возникновение негативных конфликтов между родителями и детьми. Из них можно выделить: а) неумение взрослых учитывать важные изменения, которые происходят с детьми; б) стремление родителей опираться на формальную власть, авторитарность и принуждение; в) невозможность создания благоприятного морально-психологического климата.

В исследовании приняло участие 30 человек (17 – девушек; 13 – юношей-студентов Самарского государственного университета. Исследование проводилось три года с последовательностью в два этапа на одних и тех же испытуемых (возраст: 17–19 л. /20–22 г. /23–25 л.).

В качестве метода исследования мы использовали авторскую методику Д.В. Люсина, модифицированную под нашу тему. На первом этапе испытуемым предлагалось выполнить следующее задание: «На-

НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ...

пишите все важные, на ваш взгляд, причины возникновения конфликтных отношений между родителями и детьми в юношеском возрасте»; на втором этапе испытуемым предлагалось выполнить следующее задание: «Напишите все важные, на ваш взгляд, причины нарушения доверительных отношений между родителями и детьми юношеского возраста».

Полученные в ходе исследования результаты подтвердили предположение о том, что существуют половозрастные различия в субъективном восприятии причин конфликта между родителями и детьми юношеского возраста, напрямую влияющие на их доверительные отношения.

- У юношей в возрасте 17–19 лет на первое место выходит причина «Плохое поведение детей», что может быть связано с незавершенными задачами взросления в подростковом возрасте; в 20–22 года главной причиной становится «Отделение от родителей», а в 23–25 лет – «Разные взгляды и ценности», что может говорить о завершении процесса отделения от родителей и начале самостоятельной жизни.

- У девушек в возрасте 17–19 лет главной причиной является «Боязнь своих родителей, их оценок». Это связано с повышенной заинтересованностью родителей жизнью девушки и ее заметными внешними изменениями; в 20–22 года важной причиной становится – «Родители не уделяют внимания своему ребенку». Это связано с тем, что на предыдущем возрастном этапе родители приняли своих детей и их изменения и предоставили им больше свободы, а в 23–25 лет – «Разные взгляды и ценности» – окончательное эмоциональное отделение от родителей.

Также нами были выявлены отличия от того возрастного деления, которым мы пользовались изначально при проведении методики (17–19 л. /20–22 г. /23–25 л.), в следующем:

1. Было обнаружено два возраста, различия в которых являются статистически значимыми: у юношей это – 17–19 лет и 20–25 лет, у девушек – 17–22 года и 23–25 лет.

Влияние конфликтогенеза на доверительные отношения между родителями и детьми ...

2. В возрасте 23–25 лет между юношами и девушками отсутствуют различия в субъективном восприятии причин конфликтов, нарушающих доверительные отношения с родителями.

3. В возрастах 17–19 и 20–22 года существует общая причина нарушения доверительных отношений с родителями у юношей и девушек – «Сильный контроль (опека) со стороны родителей», а в 23–25 лет эта причина становится значимой и занимает первое место, как у юношей, так и у девушек.

Исходя из результатов исследования, мы предполагаем, что у юношей первый возрастной этап (17–19 лет) связан с незавершенностью задач подросткового возраста и развитие проходит иначе по сравнению с девушками этого же возраста. Второй возрастной этап (20–25 лет) – это постепенное отделение от родителей и появление новых взглядов на жизнь, отличных от взглядов родителей.

У девушек возраст 17–22 года связан с тем, что уже произошли значимые изменения в поведении по сравнению с юношами и их адекватно приняли родители, которые стали больше предоставлять свободы своим детям. Второй возрастной этап (23–25 лет) – это период, когда могут возникать конфликты поколений по причине различия взглядов на те или иные вещи (полная сепарация).

Таким образом, проведенное лонгитюдное исследование подтвердило наличие половозрастных различий в субъективном восприятии причин конфликта между родителями и детьми юношеского возраста, напрямую влияющие на их доверительные отношения.

Полученные результаты и выводы можно использовать при создании рекомендаций для родителей, социальных педагогов, психологов; для создания профилактических программ по предупреждению негативных конфликтов в юношеском возрасте.

Перспектива данной работы заключается в разработке диагностического инструмента: по причинам конфликтов, которые называет юноша, мы можем отнести его к определенной стадии психического развития по Э. Эриксону и выяснить различия между хронологическим и психологическим возрастом.

О.А. Ушмудина

Психологические условия предупреждения наркотической зависимости студентов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологическая профилактика наркомании в вузе»), проект 08-06-00391 а

В статье рассматривается модель психологической устойчивости личности как условие профилактики наркомании в вузе, проанализированы и описаны компоненты психологической устойчивости. Проведен анализ специфических особенностей студенческой среды, определены и описаны основные предпосылки развития наркотической зависимости в студенческой среде. Автором предложена технология формирования психологической устойчивости личности к наркотической зависимости в вузе и исследование ее эффективности.

Проведенный нами теоретический анализ психолого-педагогической, социально-психологической, социологической литературы показал, что студенчество как особая среда имеет специфические отличия по сравнению с любой другой молодежной группой: приобретение новой социальной роли «студент»; преобладание ориентации на профессиональное становление и немежличностное общение по сравнению со школой; качественное изменение рефлексии, обусловленное личностным взрослением и профессионализацией; уменьшение внешнего контроля; расширение возможностей экономической независимости; изменение культурного статуса студентов и прямая эксплуатация имиджа молодости [Самыкина, Ушмудина, 2008]. Психологическое развитие личности студента – диалектический процесс возникновения и разрешения противоречий. Характерной особенностью социализации студенческой молодежи является переживание кризисных состояний: преодоление трудных жизненных ситуаций и

решение конфликтов взросления. К основным психологическим кризисам, обуславливающим личностное развитие студента, нами отнесены: кризис идентичности, кризис профессионального самоопределения, возрастной кризис, ценностный кризис [Ушмудина, 2006].

Резюмируя данные проведенного нами анализа литературы, практической деятельности и экспериментальных исследований, можно перечислить следующие особенности студенчества, которые могут выступать предпосылками распространения негативной зависимости в студенческой среде (выделены К.С. Лисецким, описаны и проанализированы Н.Ю. Самыкиной, О.А. Ушмудиной):

1. **«Элитарность» студенческой субкультуры.** В общественном сознании существует представление об «элитарности» студенчества, которая ассоциативно связана с «особым» способом проведения времени, измененными состояниями сознания, дорогими и изысканными развлечениями и т.д. В современной молодежной литературе («Ибиза», «Кокаин», «Электропрохладительный кислотный тест», «ДУХLESS» и т.д.) образ молодого человека (не только студента) включает в себя употребление наркотиков, причем зачастую сам факт употребления рассматривается как критерий принадлежности к «особой» культуре, престижности и недоступности со стороны взрослых или иных «непосвященных» людей.

2. **Волновая организация обучения:** сессия = напряжение.
семестр разрядка

Известное выражение «от сессии до сессии живут студенты весело» можно продолжить так «но было б в сто раз веселее, если бы не сессия». Такой способ организации учебной деятельности, при котором студент в течение трех-четырех месяцев не прилагает особых усилий и не упражняется в управлении временем, деятельностью, информацией и т.д., сталкивает его затем с ситуациями, требующими быстрой мобилизации, активного и эффективного участия. Эти ситуации переживаются как стрессовые, поскольку связаны с чрезвычайно высокой физической, психической и эмоциональной включенностью в деятельность. Неспособность к быстрой разрядке и такому же быстрому восстановлению становится в данном случае предпо-

сылкой для актуализации потребности в изменении собственного психического состояния, средством которого могут служить психоактивные вещества.

3. Влияние на неустойчивых студентов бывших, отчисленных или «вечных» студентов. Как уже было отмечено выше, студенческая среда отличается большей свободой по сравнению со школьной. Для многих неустойчивых, зависимых студентов эта свобода оказывается неуправляемой и провоцирующей к непоследовательному, безответственному поведению. Как следствие, у инфантильных студентов повышается тревожность и потребность в экстернализации своего поведения (т.е. приписывании причин своего поведения внешним обстоятельствам). В таких условиях студенты склонны искать внешнюю поддержку, которая бы позволила им совладать с напряжением, но не менять поведения. Обычно такую поддержку они получают из общения с «бывшими» или «вечными» студентами, которые своим примером показывают незначимость учебы, посещения вуза и активного участия в студенческой жизни.

4. Контакты не по территориальному признаку (как в школе), а из разных частей города и области, то есть из разных районов и тусовок; студент более мобилен и подвижен в городе, чем школьник или взрослый (родитель).

5. Расцвет кафе и клубов как дань моде и ответ на попытку перехода общества на новый (более цивилизационный) этап развития, свободное от учебы и работы время, предположительно необходимое для общения, студент предпочитает проводить в новых, «интересных», гламурных местах, талантливо подсунутых ему рекламными акциями и кампаниями, не замечая и неосознанно игнорируя выхолащивание самого понятия интерес или новый опыт, теряя собственное мнение и позицию.

6. Подвижность студента во времени и пространстве, возможность нерегламентированного рабочего графика. Современный рынок труда представляет большие возможности для частичной заня-

Психологические условия предупреждения наркотической зависимости ...

тости и трудоустройства на неполный рабочий день (социальные проекты, рекламные акции и проч.). Гибкость поведения, являющаяся неотъемлемой характеристикой студенческой жизни, позволяет ему «везде» успевать, сочетать обучение (даже на дневном отделении) и подработку и не вызывает удивления или волнения у родителей, привыкших или поддерживающих его псевдосвободу. Управление собой в данной ситуации становится важной задачей развития, поскольку связано с формированием внутри личности студента системы внутренней самоподдержки, позволяющей ему быть эффективным без нагнетания излишней напряженности и дальнейшему избавлению от нее [Самыкина, Ушмудина, 2007].

Студенчество – наиболее динамичная и сложная для описания и анализа среда по нескольким параметрам. Во-первых, в силу максимальной включенности ее представителей во все социальные процессы; во-вторых, в силу эмоциональной незрелости и неустойчивости личности, подверженной микровлияниям и макровоздействиям. Студент в силу своих возрастных, социальных, психологических, профессиональных и других особенностей может быть одновременно описан и взрослыми, и подростковыми характеристиками. Наличие множества противоречий делают студента уязвимым со стороны различных факторов, а студенческую среду – неустойчивой и психологически проблемной.

В течение нескольких лет нами проводился анализ существующих российских и зарубежных подходов к профилактике наркомании. Среди основных выделены следующие подходы: основанный на распространении информации о наркотиках; на аффективном обучении; на влиянии социальных и средовых факторов на развитие человека; на формировании жизненных навыков; духовно-ориентированный подход; на развитии альтернативной зависимому поведению деятельности; на формировании здорового образа жизни и укреплении здоровья; досуговый подход; на изучении негативной зависимости как

научной или социальной проблемы; этно-культурный подход; лично-отно-ориентированный подход и т.д. [*Там же*].

При всем многообразии подходов и моделей профилактики, практически все они ориентированы на формирование той или иной совокупности знаний, умений и навыков (навыков здорового образа жизни, конструктивного общения, преодоления стрессовых ситуаций и др.), т.е. предполагается отсутствие в личности адресата профилактики каких-то качеств, дефицит навыков, неверные жизненные ориентации и др. Кроме этого, недостаточно уделяется внимание при разработке программ внутреннему миру личности, ценностям и потребностям участников программ [*Литягина, 2004*]. Из сферы внимания разработчиков и пользователей профилактических программ ускользает, казалось бы, очевидная вещь: обучение не тождественно развитию, обученный – не значит зрелый. Редукция развития к трансляции знаний, умений, навыков означает, по сути, вынесение субъекта за границы самого процесса. Поэтому можно со всей уверенностью сказать, что личность в рамках существующих программ профилактики наркотизма выступает социальным объектом. И в данном контексте такие программы носят бессубъектный характер. В дополнение к этому, исследователи отмечают, что существующие профилактические программы продолжают оставаться в рамках причинно-ориентированных или факторных теорий, ограниченность которых уже обоснована. Трансляция социально приемлемых и желаемых форм поведения, которая происходит во время таких профилактических занятий, не учитывает индивидуальных особенностей участников и актуальных для него задач взросления. Кроме того, такая работа предполагает заданные образцы действий и тем самым лишает подростка возможности экспериментировать в социальном пространстве, проявлять спонтанность и ответственность, которые в неопределенных, но онтологически значимых ситуациях его жизни выступают условием его взросления, развития субъектности [*Лисецкий, 2007*].

Критическая оценка перечисленных подходов правомерна не только на мероприятия, связанные с профилактикой аддиктивного поведения подростков – как основных адресатов психопрофилактики. В рамках нашего исследования, посвященного профилактике наркотической зависимости в вузе, с одной стороны, обнаруживается в принципе отсутствие мероприятий такого рода. С другой стороны, они могут реализовываться под кальку для более младших участников (подростков, старшеклассников). Таким образом, психопрофилактика в вузе либо отсутствует, либо ориентирована на «более детское» мироощущение и самопонимание, либо на здравый трезвый взгляд на вещи как у взрослых, что опять же далеко от студенческой реальности.

В рамках исследований, посвященных развитию личности студента, выделению критериев и условий эффективной профилактики зависимого поведения и ситуаций риска, нами предпринята попытка построения модели и разработки технологии развития психологической устойчивости личности студента.

В жизни человека психологическая устойчивость представляется способностями, умениями и навыками адаптивно реагировать на длительные нагрузки, удерживать ровное, спокойное настроение, вести плодотворную деятельность. Психологическая устойчивость позволяет своевременно реагировать на возникающие трудности, частые изменения путем оптимального снижения страха, тревоги, напряжения во всех сферах жизнедеятельности [Куликов, 2004].

Психологическая устойчивость многогранна, ее содержание свидетельствует о масштабности и фундаментальности этого качества личности. Психологическая устойчивость обладает характером открытой системы с собственными структурными и функциональными составляющими. Психологическая устойчивость дает возможность каждому психологическому процессу преобразовываться, совершенствоваться, не нарушая единства всей деятельности и развития человека, и способствует накоплению опыта в процессе деятельности. В

развитом состоянии эти уровни находятся во взаимной преемственности и взаимном соотношении. Психологическая устойчивость представляет собой модель взаимовлияния способностей, навыков, умений человека удерживать эмоциональные, когнитивные, конативные (поведенческие) процессы, а также процессы деятельности в равновесных состояниях [Аршинова, 2007].

Л.В. Куликов выделяет три условия психологической устойчивости: стойкость, уравновешенность, сопротивляемость. Стойкость проявляется в преодолении трудностей как способность сохранять веру в себя, быть уверенным в себе, своих возможностях, как способность к эффективной психической саморегуляции. Данное условие соблюдается, если студент привержен избранным идеалам и целям, если присутствует экзистенциальная определенность (переживание удовлетворения своих основных потребностей). Вторым условием, определяющим личностно-психологическую устойчивость студента к наркотической контаминации, является наличие уравновешенности как способности соразмерять уровень напряжения со своими ресурсами. Уравновешенность проявляется в способности студента минимизировать негативное влияние субъективной составляющей в возникновении напряжения, в способности удерживать напряжение в приемлемых пределах, в способности избегать крайностей в силе отклика на происходящие события, в способности соразмерять приятные и неприятные чувства, сливающиеся в чувственном тоне. Третьим условием выступает наличие сопротивляемости личности как способности к сопротивлению тому, что ограничивает свободу поведения, свободу выбора, как в отдельных решениях, так и в выборе образа жизни в целом. Важнейшей стороной сопротивляемости является индивидуальная и личностная самодостаточность студента в аспекте свободы от зависимости (химической, интеракционной, акцентированной однонаправленной поведенческой активности) [Куликов, 2004].

Психологическая устойчивость – это целостная характеристика личности, обеспечивающая ее устойчивость к фрустрирующему и

Психологические условия предупреждения наркотической зависимости ...

стрессогенному воздействию трудных ситуаций. Она вырабатывается и формируется одновременно с развитием личности и зависит от типа нервной системы человека, от опыта личности, приобретенного в той среде, где она развивалась, от выработанных ранее навыков поведения и действия, а также от уровня развития основных познавательных структур личности [Тышкова, 1987].

Психологическая устойчивость определяется нами как сложноорганизованная система внутренних психологических составляющих и свойств личности, позволяющая успешно действовать в усложненных условиях и ситуациях неопределенности, определяющая сопротивляемость личности к воздействию внешних и внутренних неблагоприятных факторов, обеспечивающая психологическое благополучие личности и успешность личностного развития.

Модель формирования психологической устойчивости личности студента к наркотической зависимости разработана в соответствии со специфическими особенностями студенческой среды, описанными нами ранее [Ушмудина, 2008].

Принимая за основу выделенные основания, в структуре психологической устойчивости студентов к наркотической зависимости были выделены компоненты когнитивного, эмоционального, интерактивного (поведенческого), ценностного и интегрального характера.

Когнитивная сфера представлена компонентами: положительный образ себя; осмысленность и направленность целей жизни, временной перспективы; способность строить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле жизни, самоконтроль своей жизни, принятие решений.

Эмоциональная сфера состоит из компонентов: эмоциональная устойчивость; бодрость; спокойствие; отношение к жизни как интересной, эмоционально насыщенной; контактность, стремление к эмоциональным проявлениям в общении.

Компонентами поведенческой сферы являются активное отношение к жизненной ситуации; высокий тонус; раскованность; направ-

НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ...

ленность на достижение общей цели; стремление добиться удовлетворения своих интересов.

Ценностно-смысловая сфера представлена непротиворечивыми группировками терминальных (счастливая семейная жизнь, любовь, интересная работа, наличие друзей, развитие, творчество) и инструментальных (твердая воля, смелость в отстаивании своего мнения, образованность, ответственность, независимость, жизнерадостность, эффективность в делах) ценностей.

Интегральная сфера представлена компонентами: ответственность; независимость внутренних стремлений от внешних обстоятельств; активное стремление участвовать в групповой жизни; физическое комфортное самочувствие.

Поскольку психологическая устойчивость определяется нами как системная, совокупная характеристика личности, мы определили, что ее формирование должно быть направлено на развитие этих качеств с помощью системы взаимосогласованных форм и методов работы. Базовым условием реализации модели развития психологической устойчивости личности является развивающее взаимодействие. Критерии развивающего взаимодействия, вслед за М.В. Клариним, В.А. Петровским, Т.П. Скрипкиной, Н.Ю. Самыкиной, мы определили как: отношение к личности студента как к субъекту развития; ориентация на развитие и саморазвитие студентов; создание условий для самореализации и самоопределения студента как в вузе, так и вне его; установление субъект-субъектных отношений; наличие доверия себе и доверия другому; создание атмосферы доброжелательности и взаимопомощи; введение положительных факторов, расширяющих шкалу ценностей; организация совместной деятельности [Самыкина, 2002].

На основе теоретической модели развития психологической устойчивости личности студента, была разработана модель формирующего эксперимента. В эксперименте приняло участие 600 человек – студенты 2-4 курсов гуманитарных, естественных и социально-экономических факультетов Самарского государственного универси-

тета, Тольяттинского филиала Самарского государственного университета.

На первом этапе эксперимента, исходя из теоретической модели и результатов пилотажного исследования, проведенного с использованием анкеты «Важность и удовлетворение потребностей» Л.В. Куликова и анкеты «Причины эмоционального дискомфорта» Л.В. Куликова, автором исследования была разработана технология развития психологической устойчивости студентов на основе модификации программ «Задачи взросления» (С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Е.В. Литягина, Н.Ю. Самыкина), «Само-проектирование профессиональной карьеры» (С.В. Березин, К.С. Лисецкий, О.А. Ушмудина), разработанных на психологическом факультете Самарского государственного университета.

Результаты опроса показывают, что значимыми и сильно выраженными являются потребности в независимой, творческой деятельности, профессиональном, карьерном росте, важна удовлетворенность работой, наиболее сильна потребность в друзьях. В дополнение к результатам анкетирования был проведен опрос студентов 1-3 курсов, показавший, что наиболее значимыми для них являются следующие вопросы: управление свободой, организация времени и деятельности, финансовые трудности, необходимость преодоления зависимости от членов семьи, трудности установления социально значимых и близких межличностных отношений, повышение собственной эффективности во всех сферах жизни (физическая, трудовая, межличностная, интеллектуальная и т.д.), создание личностного и профессионального основания дальнейшей самореализации в будущем и т.д.

В тоже время наиболее негативно на состояние студента влияют следующие аспекты (по убывающей): забота о состоянии здоровья кого-нибудь из членов семьи; беспокойство о надежности места работы; финансовая ненадежность семьи; столкновения с руководством; проблемы с родителями; трудности в выборе жизненного пути; забота о своем здоровье; раздумья о смысле жизни; беспокойство, вызванное

внутриличностными конфликтами; чувство одиночества; трудности с возможностью выразить себя; недостаточность отдыха; неудовлетворенность своей работой; перегруженность делами.

Кроме этого, были проведены первичные диагностические замеры с использованием методик: методика определения устойчивого состояния Л.В. Куликова, методика диагностики актуального психического состояния Л.В. Куликова, методика «Ценностных ориентаций» М. Рокича, тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, методика «Определение способов регулирования конфликта» Томаса, методика «Q-сортировка» В. Стефансона, опросник «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда.

Выборка была разделена на пять групп: одну экспериментальную и четыре контрольных. В экспериментальной группе диагностические замеры проводились до проведения технологии формирования психологической устойчивости студентов, после проведения (через полгода), через 2 года. В первой контрольной группе процедура полностью совпадала с экспериментальной группой, но технология развития психологической устойчивости личности студента реализовывалась другим преподавателем (не автором настоящего исследования), для того, чтобы исключить возможность влияния на процесс и результат личности ведущего. Во второй контрольной группе диагностические замеры проводились в начале семестра, через полгода, через 2 года. Технология развития психологической устойчивости личности, как и другая психопрофилактическая технология, не проводилась. В третьей контрольной группе диагностические замеры проводились в начале семестра, через полгода, через 2 года, но содержанием занятий была другая психопрофилактическая технология. Четвертая контрольная группа составила плацебо-группу, ведущим была заявлена цель развития психологической устойчивости студентов к трудным жизненным ситуациям, но по факту проводился курс психологии общения.

Психологические условия предупреждения наркотической зависимости ...

Сама программа развития психологической устойчивости студентов к наркотической зависимости разработана таким образом, что в результате у участников происходит, во-первых, разрешение онтологически значимых задач взросления (принятие собственной телесности; достижение новых и более зрелых межличностных отношений; достижение полоролевой идентичности; достижение эмоциональной независимости от членов семьи; построение системы ценностей, выстраивание отношений со временем (будущим, смертью, жизнью), с Абсолютом (Богом); выбор профессиональной перспективы; принятие себя), а во-вторых, появляются самостоятельные способы эффективного решения проблем в усложненных условиях за счет формирования у студентов базовых компетенций – способности действовать в ситуации неопределенности. Особое внимание в процессе второго этапа эксперимента уделялось, во-первых, развитию компонентов психологической устойчивости личности, а во-вторых, установлению взаимосвязи между ними.

Сопоставление первичных диагностических срезов при помощи методов математической статистики показало отсутствие различий между выборками по какому-либо исследуемому параметру.

Результаты сравнения первичных и последующих замеров внутри каждой отдельной группы, а также сравнение последних замеров между всеми пятью группами позволяют описать выделенные сферы психологической устойчивости личности.

Когнитивная сфера. Осознание целей жизни характеризуется наличием в жизни студента целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу [Леонтьев, 2000]. Осознание себя, своих социальных ролей и временной перспективы своего существования; самостоятельное и независимое определение жизненных целей являются основными задачами развития студенческого периода [Дубровина, 2003]. В результате исследования установлено, что любая эффективная психологическая деятельность влияет на уровень осознанности целей участников, но только на пер-

воначальном этапе, непосредственно в процессе психологического воздействия. В дальнейшем уровень осмысленности целей жизни продолжал изменяться в сторону увеличения только в группах формирующего эксперимента, что определяется действием саморазвивающего механизма, затрагивающего стремление личности к самоосуществлению и самоидентификации. Данная тенденция связана со способностью студента ставить перед собой цели, адекватные его внутренней сущности, является условием сохранения психического здоровья [Бюллер, 1931].

Способность строить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле жизни характеризуют удовлетворенность жизнью или самореализацией, отражают оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна прожитая часть жизни [Леонтьев, 2000].

В результате анализа данных обнаружено, что уровень удовлетворенности пройденного этапа жизни выше в группах формирующего эксперимента, чем в других, однако ниже, чем выраженность других компонентов психологической устойчивости личности. По нашему мнению, такие показатели говорят об отсутствии принципиальной значимости оценки пройденного отрезка жизни, ощущения того, насколько продуктивна и осмысленна ее прожитая часть в связи с особенностями студенчества. В рамках занятий студентами неоднократно проговаривалась завершенность такого этапа жизни как обучение в школе. В тот же момент отрезок жизни обесценивался как «невзрослый», незначимый, давно пройденный. Следующим этапом жизни считается окончание вуза, в связи с тем, что этот этап еще не завершен, студент находится в ситуации между двух отрезков, оценить которые не всегда возможно.

С другой стороны, наличие в сознании студента самоконтроля своей жизни показывает существование представлений о возможности влиять на ход собственной жизни, веры в возможность контроля своей судьбы, свободного принятия решений и их воплощений в жиз-

ни. Участникам формирующего эксперимента свойственна более стабильная сфера самоконтроля и уверенности в возможностях контроля своей жизни. В процессе формирования психологической устойчивости личности развивается система внутриличностной самоподдержки (К.С. Лисецкий), которая при столкновении с разнообразными ситуациями, негативно влияющими на студента, является внутренним ресурсом, повышающим его эффективность и способствующим формированию положительного образа себя.

Положительный образ себя характеризуется адекватным образом себя, степенью принятия личностью себя и своих свойств. С другой стороны, он свидетельствует о достаточной искренности в ответах, выраженном стремлении к адекватности в оценке своих психологических особенностей и своего состояния, о критичности в самооценивании [Куликов, 2004].

В результате исследования обнаружена следующая закономерность. Несмотря на то, что испытуемым нескольких групп присуща оценка своего образа как положительного, только в группах формирующего эксперимента наблюдается устойчивое принятие себя и своих качеств, свойств, а также адекватная оценка себя. Таким образом, технология формирования психологической устойчивости, с одной стороны, развивает положительный образ себя, принятие себя, а с другой, способствует адекватной, критичной оценке себя и своих свойств.

Эмоциональная сфера. Состояние бодрости характеризуется повышенным настроением, преобладанием положительного эмоционального фона, расширением интересов, ожиданием радостных событий в будущем, выраженным желанием действовать [там же].

Анализ результатов показывал, что у группы формирующего эксперимента наблюдается ярко выраженная положительная динамика повышения настроения, эмоционально положительного фона и расширение сферы интересов по сравнению с испытуемыми других групп.

НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ...

Состояние спокойствия характеризуется уверенностью в своих силах и возможностях, отсутствием генерализованной тревоги. Во-первых, необходимо отметить, что любые методы практической деятельности психолога несколько снижают уровень тревоги и повышают уровень спокойствия, но степень воздействия не может быть дифференцирована. В рамках настоящего исследования невозможно определить – профилактика, основанная на формировании протекционных качеств наркотической зависимости, или классический курс психологии общения больше снижает уровень тревоги и увеличивает спокойное состояние. Во-вторых, выявленная закономерность определяет, что участникам формирующего эксперимента в большей степени присуще повышение уверенности в своих силах и возможностях, склонности испытывать спокойствие в широком круге жизненных ситуаций, ожидание событий с благоприятным исходом. В-третьих, только у участников формирующего эксперимента наблюдается дальнейшее развитие уровня спокойствия, что объясняется нами «запуском» саморазвивающегося эффекта психологической устойчивости.

Уравновешенность как один из аспектов психологической устойчивости проявляется в способности минимизировать негативное влияние субъективной составляющей в возникновении напряжения, в способности удерживать напряжение в приемлемых пределах, избегать крайностей в силе отклика на происходящие события [*там же*].

При диагностике эмоциональной устойчивости личности было выявлено, что для участников формирующего эксперимента характерно наличие адекватного эмоционального фона. Принципиальным моментом является сочетание эмоциональной устойчивости и низкого эмоционального возбуждения. Таким образом, эмоциональная сфера представлена повышенным положительным эмоциональным тоном, спокойным протеканием эмоциональных процессов, адекватным эмоциональным состоянием и эффективной психической саморегуляцией. Кроме этого, спокойным реагированием на изменения ситуации, хорошим эмоциональным саморегулированием. Однако сами по себе

баллы по данным шкалам не являются очень высокими с точки зрения Л.В. Куликова, на наш взгляд это связано с особенностями целевой аудитории, участвующей в исследовании.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках формирующего эксперимента развивается эмоциональная сфера психологической устойчивости по образу естественного развития и взросления личности, при этом качество эмоциональных процессов и характер связей между ними более ярко выраженные.

Анализ результатов исследования отношения к жизни как интересной и эмоционально насыщенной показал следующие закономерности. Во-первых, классический курс психологии общения оказал большее влияние на эмоциональную оценку жизни, чем профилактика, направленная на формирование превентивных навыков от наркотической зависимости. Во-вторых, по сравнению с другими группами, участникам формирующего эксперимента свойственна устойчивая, непротиворечивая эмоциональная оценка своей жизни. Постигание своей внутренней сущности, своего жизненного предназначения студентами связано с переживанием смысла жизни. В. Франкл отмечает, что понять себя и свое будущее, молодой человек может через постижение смысла жизни, определение своего места в жизни, своих реальных и будущих социальных ролей, определение целей – актуальных и потенциальных [Франкл, 1990]. Молодому человеку необходимо прожить период юности, создавая нечто личное и единственное в своем роде. Он должен выработать свой взгляд на ситуацию развития, открыть себя, свое Я [Ливехуд, 1994].

Поведенческая сфера. Анализ результатов исследования отношения к жизненной ситуации (активного – пассивного) показал следующую закономерность. Любое психологическое воздействие влияет на уровень активности личности, однако у групп формирующего эксперимента выше готовность к преодолению препятствий, вера в свои возможности, ощущение достаточных сил для преодоления препятствий и достижения своих целей, уровень жизнерадостности, чем у других.

НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ...

Анализ результатов исследования уровня тонического состояния (тонуса) показал, что участникам формирующего эксперимента свойственно устойчивое повышение возможностей проявлять активность и расходовать энергию, развитие стенической реакции на возникающие трудности, формирование субъективного ощущения внутренней собранности, запаса сил, энергии, повышение готовности к работе, в том числе длительной.

Относительно уровня раскованности–напряженности необходимо отметить, что участникам формирующего эксперимента свойственно не усматривать вызова в актуальной ситуации, успешно решать стоящие проблемы, желаемые цели воспринимать и оценивать как вполне достижимые. При сложности разрешения ситуации, отсутствует ее активное отвержение, эмоционально острое неприятия, сильное стремление осуществлять какие-либо изменения в себе, своем поведении или в ситуации, интенсивно выполнять необходимые преобразования, расширять владение ситуацией.

Отметим, что общая ярко выраженная динамика показателей по шкалам активность, тонус, раскованность участников формирующего экспериментов объясняется нами спецификой защищаемой технологии, целью которой является формирования психологической устойчивости личности, с учетом всех выделенных возрастных и социально-психологических особенностей целевой аудитории – студенческой среды.

Стратегии поведения при решении проблемы (компромисс, соперничество) характеризуют так называемую конфликтологическую компетентность. За рамки исследования осознанно вынесены такие стратегии поведения как приспособление (принесение в жертву собственных интересов ради интересов другой стороны) и избегание (отсутствие как стремления к корпорации, так и тенденции к достижению собственных целей) в силу отсутствия активности личности в поведении и разрешении конфликтных ситуаций.

Формирование конфликтологической компетенции проходит двумя путями. Первоначально происходит формирование стратегий

Психологические условия предупреждения наркотической зависимости ...

поведения, направленных на взаимодействие, связанных с достижением общих целей. Причем в первом варианте – решение проблемы, а во втором – компромисс, что подтверждено результатами исследования (единственное расхождение между ЭГ и КГ 1). С течением времени, при столкновении с ситуациями, с усложненными условиями происходит развитие поведения, направленного на достижение своих целей (соперничество).

Ценностно-смысловая сфера представлена непротиворечивыми группировками терминальных и инструментальных ценностей.

Противоречивость ценностных ориентаций невероятно затрудняет взросление современных студентов, которые вынуждены самостоятельно, не имея аналогов или социальных образцов, в своих собственных терминах формулировать представления о значимых ценностях.

В студенческий период происходит переоценка ценностей под воздействием внешней среды, которая предлагает определенную систему ценностей. Система ценностей человека является «фундаментом» его отношения к миру, определяющим поведение и отношение.

В результате анализа данных можно наблюдать следующую группировку ценностей в группах формирующего эксперимента, в то время как в других группах группировка отсутствует как таковая. Терминальные ценности: счастливая семейная жизнь, любовь, интересная работа, наличие друзей, развитие, творчество. Инструментальные ценности: твердая воля, смелость в отстаивании своего мнения, образованность, ответственность, независимость, жизнерадостность, эффективность в делах.

Наши результаты согласуются с результатами Яницкого, который показал идентичные группировки у студентов, ориентированных на ценности индивидуализации [Яницкий, 2000].

Интегральная сфера. Анализируя результаты исследования, можно сделать вывод об устойчивом благоприятном физическом самочувствии, ощущении телесного комфорта у участников формирующего эксперимента.

НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ...

Другим компонентом выступает тенденция к зависимости-независимости. Анализ результатов исследования показал, что у участников формирующего эксперимента присутствует тенденция к независимости от групповых ценностей и мнений с устойчивым и саморазвивающимся характером. Психопрофилактическая технология, основанная на формировании протективных качеств, проводимая в КГ 2, никаким образом не связана с тенденцией зависимость-независимость, а в других группах начала формироваться тенденция к зависимости – внутреннее стремление субъекта к принятию групповых стандартов и ценностей: социальных и морально-этических.

Согласно концепции В.И. Слободчикова, Е.И. Исаева, студенческий возраст приходится на стадию индивидуализации, критического отбора общественных ценностей для своего развития. Начинается авторство своих способностей, их сознательное и целенаправленное развитие [*Слободчиков, Исаев, 2000*].

Ответственность (интернальность) в сфере достижений, неудач, профессиональных отношений, межличностного общения, здоровья в группах формирующего эксперимента носит отчетливый положительный устойчивый характер, в отличие от других групп.

Во всех группах, где осуществлялась практическая психологическая деятельность, наблюдается ярко выраженная положительная динамика по шкале «Им» – ответственность в сфере межличностных отношений.

Такие результаты можно объяснить предположением, что общение и построение доверительного межличностного взаимодействия является одной из ведущих потребностей студенческого возраста, а работа в группах психолога способствовала активизации ответственности к межличностным отношениям. Студенту, будучи, включенному в большое количество социальных групп и отношений, выделяющему референтное общение, свойственно наличие «рефлексивных ожиданий», неадекватность которых определяется отрицательным эмоциональным отношением к партнеру по взаимодействию, относи-

Психологические условия предупреждения наркотической зависимости ...

тельно которого формируется рефлексивное ожидание [Гуткина, 1982]. Таким образом, решением подобных задач и вопросов является формирование коммуникативной компетентности студента как развитого общения и межличностного восприятия.

Изменение интернальности в профессиональной сфере заметно только в группах формирующего эксперимента. Таким образом, можно сделать вывод о том, что кроме участников формирующего эксперимента, в других группах не происходило формирование интернальности к профессиональной сфере, и, соответственно, ответственности по отношению к ней.

Такие результаты свидетельствуют о формировании профессиональной рефлексии. Динамика рефлексивных свойств выступает индикатором профессионального развития студента [Ермолаева, 2006].

Эффективность личностно-профессионального развития напрямую зависит от уровня сформированности рефлексивной культуры студента, под которой понимается готовность и способность переосмысливать и творчески преобразовывать стереотипы своего личностного и профессионального опыта, осуществлять пластичную и конструктивную интеграцию порожденных в результате этого инноваций в систему профессиональной деятельности и деловых межличностных отношений [Деркач, 2004].

Выявлены противоречия в результатах по шкале интернальность в сфере здоровья в группах формирующего эксперимента (отрицательная динамика на уровне тенденции), что по нашему мнению согласуется с выводами исследования Е.В. Литягиной о незначимости ценности здоровья для молодежи [Литягина, 2004]. Кроме этого отметим, что студентам скорее свойственно поведение, компенсирующее нанесенный ранее вред здоровью, чем поведение, ориентированное на предупреждение проблем в сфере здоровья.

Однако в дальнейшем в группах формирующего эксперимента выровнялась тенденция повышения ответственности во всех сферах, в том числе, и в сфере здоровья.

Ответственность определяет личность как активную, сознательно действующую силу своей собственной жизни, способную принимать решения и отвечать за их последствия. Ответственность тесно связана с внутренней независимостью – следованием своим убеждениям и своей иерархии ценностей без пренебрежения мнением и убеждениями других и без их простого принятия [Куликов, 2004].

Анализируя общую тенденцию результатов исследования, отметим, что технология формирования психологической устойчивости личности к наркотической зависимости в студенческой среде по сравнению с другими группами имеет характер естественного взросления и развития личности (сравнение ЭГ, КГ 1, КГ 4). При этом принципиальным отличием является ярко выраженная положительная динамика основных показателей, устойчивая динамика основных показателей, их внутренняя согласованность и непротиворечивость. Таким образом, можно сделать вывод, что технология формирования психологической устойчивости имеет следующие особенности: носит системный характер, обладает устойчивым и необратимым эффектом, саморазвивающимся потенциалом.

Литература

1. *Аршинова В.В.* Психологическая устойчивость как фактор формирования антинаркотической установки у подростков // Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. – М., 2007.
2. *Бюллер Ш.* Что такое «пубертатный период» // Педология юности: сб. статей. – М., Л., 1931.
3. *Гуткина Н.И.* О психологической сущности рефлексивных ожиданий // Психология личности: Теория и эксперимент. – М., 1982. – С. 100-108.
4. *Деркач А.А.* Акмеологические основы развития профессионала. – М.: Изд-во Московского социального-института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. – 752 с.

Психологические условия предупреждения наркотической зависимости ...

5. *Дубровина И.В.* Практическая психология образования. – М.: Просвещение, 2003. – 334 с.

6. *Ермолаева М.В.* Субъектный подход в психологии развития взрослого человека (вопросы и ответы): учеб.пособ. – М., Изд-во Моск.психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. – 200 с.

7. *Куликов Л.В.* Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.

8. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – М., Смысл, 2000. – 18 с.

9. *Ливехуд Б.* Кризисы жизни – шансы жизни. – Калуга, Духовное познание, 1994. – 224 с.

10. *Лисецкий К.С.* Психологические основы предупреждения наркотической зависимости личности. – Самара, Универс групп, 2007. – 308 с.

11. *Литягина Е.В.* Нерешенные задачи взросления как психологические условия формирования аддиктивного поведения старшеклассников // Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. – Калуга, 2004.

12. *Самыкина Н.Ю.* Формирование личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании в среде старшеклассников // Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. – Калуга, 2002.

13. *Самыкина Н.Ю., Ушмудина О.А.* Предупреждение наркотической зависимости в студенческой среде: монография. – Самара, Изд-во Универс групп, 2008. – 160 с.

14. *Самыкина Н.Ю., Ушмудина О.А.* Профилактика негативной зависимости в студенческой среде: вопросы и ответы. – Самара, Самар. отд-ние Литфонда, 2007. – 124 с.

15. *Слободчиков В.И., Исаев И.Е.* Психология развития человека. – М.: Школьная пресса, 2000.

16. *Тышкова М.* Исследование устойчивости личности детей и подростков в трудных ситуациях // Вопр. психол., №1, 1987. С. 27-34.

НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ...

17. *Ушмудина О.А.* Психологические особенности студенчества: кризисы и проблемы развития // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии», 2006. – №4. С.125-131

18. *Ушмудина О.А.* Развитие психологической устойчивости личности как условие профилактики наркомании в вузе // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии», 2008. №2. С. 195-200.

19. *Ушмудина О.А.* Теоретическая модель психологической устойчивости личности к наркотической зависимости в студенческой среде // Психологические исследования: Сб. науч. трудов. Вып.7 / под ред. А.Ю.Агафонова, В.В.Шпунтовой. – Самара: Изд-во Универс-груп, 2009. С.161-170.

20. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М., 1990.

21. *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

С.В. Березин

Зависимость. Созависимость. Партнерство

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологическая профилактика наркомании в вузе»), проект 08-06-00391 а

Феномены, вынесенные в название статьи, взаимосвязаны, хотя и находятся в разных отношениях друг с другом. Мы обосновываем возможность социально-психологического взгляда на явления, которые обычно относят к сфере наркологии, психиатрии, клинической психологии или девиантологии.

Наш тезис заключается в следующем. Зависимость – это ненасыщаемая форма активности индивида, направленная на воспроизводство иллюзорного переживания расширяющихся возможностей: *все могу! все понимаю! все чувствую!* Важнейшим условием возникновения и неограниченного воспроизводства зависимости являются культура вынужденных желаний (макросоциальный уровень) и отношения созависимости (микросоциальный уровень), возникающие у зависимого со всеми, для кого он является значимым лицом. Единственной здоровой альтернативой зависимости и созависимости является партнерский тип отношений.

Аргументируем наш тезис.

Зависимость. Без особого преувеличения можно сказать, что «в лице» зависимости психология столкнулась с одним из наиболее серьезных вызовов XXI века.

Проблема зависимости не исчерпывается обычной для психологии неопределенностью статуса, структуры, генезиса и функций феномена. Изучение проблемы зависимости неизбежно приводит к пониманию ее трансцендирования не только за границы частных теорий, но и конкретных наук. Не исключено, что разработка проблемы обнаружит методологическую ограниченность казалось бы незыблемых принципов психологии. Так, при исследовании различных аспектов зависимости мы обнаруживаем феномены, детерминация которых не может быть сведена ни к целевой, ни к причинной.

Важным аспектом разработки проблемы является изучение культурно-исторической ситуации, порождающей условия для эпидемиологического распространения некоторых видов зависимости. Речь идет об особом варианте культуры массового потребления – *культуре вынужденных желаний* (К.С. Лисецкий), в которой «гедонизм из мотива получения удовольствия превратился в идеологию непрерывного потребления удовольствий и избегания неудовольствий любой ценой» [Лисецкий, 2007, с. 124]. Поддерживаемая средствами массовой коммуникации возгонка нарциссизма, индивидуализма и конкурентности усиливает экзистенциальный вакуум, способствует формированию и закреплению обсессивно-компульсивных черт личности. Нарциссические установки на исключительность подменяют ценности подлинной самореализации. Индивидуализм и конкурентность порождают одиночество, социальную изоляцию и разобщенность людей. Перфекционизм, стремление к соответствию социальным стандартам приводит к тому, что постижение собственного уникального смысла жизни подменяется социальным моделированием [Холмогорова, 2003]. Повседневная жизнь современного человека все больше и больше превращается, по словам В.Д. Шинкаренко, в «воспроизводство существующей структуры общества как некоего проводника в

сознательную социальную жизнь <...> при этом человек платит за такое существование в обществе <...> плату в виде собственной жизни, потраченной на воспроизводство этого же общества» [Шинкаренко, 2005, с. 160]. Необходимость делать не то, что важно тебе, а то, что *вынуждено*, погоня за престижем, статусом, необходимость соответствовать, а не быть порождают ощущение бессилия, беспомощности и тревоги.

Концепция зависимости как «бегства от реальности» малопродуктивна. Есть единственное условие, при котором интерпретация зависимости как «бегства от реальности» имеет смысл: если под реальностью понимать субъективную реальность индивида.

Вещество, поведенческий паттерн или тип отношения, наделяющий индивида большими, как ему кажется, возможностями действия («все могу!»), чувствования («все чувствую!»), понимания («все понимаю!»), способен стать предметом зависимости. По своему происхождению такие состояния *неотделимы от внешних источников*, хотя переживаются индивидом так, как если бы *он сам* был источником их порождения и действенности. Усвоение индивидом предмета зависимости или воспроизводство соответствующих паттернов поведения и отношений формирует у него состояния, порождающие *иллюзию избыточных возможностей* и состоятельности даже в условиях недоверия к самому себе, генерализованной тревожности, беспомощности и бессилия. Индивид все больше и больше направляет свою активность не на устранение бессилия, беспомощности и тревоги за счет собственных усилий, а на усвоение объектов или воспроизводство паттернов поведения, повышающих его могущество и наделяющих его *заимствованной субъектностью* [Лисецкий, 2008]. Таким образом, зависимость – это стремление индивида к воспроизводству целостности и состоятельности, не имеющих причин в себе. Это и есть, как мы полагаем, механизм формирования зависимости. Культура вынужденных желаний предлагает индивиду широчайший спектр ис-

точников заимствованной субъектности. Этим хорошо объясняется многообразие фиксируемых исследователями форм зависимости.

Выделяют химические зависимости (наркомания, алкоголизм, токсикомании, табакокурение), нехимические зависимости (гемблинг, аддикция отношений, сексуальная, любовная аддикция, аддикция избегания, работоголизм, аддикция к трате денег, ургентная аддикция), промежуточные аддикции (переедание или голодание) [Егоров, 2007]. Кроме этого можно говорить о технологических аддикциях [Griffiths, 2000] – Интернет-зависимость ([Войскунский, 2004; Гоголева, 2002]), телевизионная аддикция, аддикция к обильным телефонам. В качестве аддикции могут выступать духовный поиск [Постнов, Дереча, 2004], «состояние перманентной войны» [Постнов, Дереча, Карпец, 2004], зависимость от «веселого вождения» [Mc Bride, 2000]. К зависимостям относят фанатизм во всех его проявлениях (религиозный, политический, спортивный, национальный) [Менделевич, 2003].

Многообразие форм зависимостей, обычно сочетающихся друг с другом и легко переходящих одна в другую, побуждают исследователей к поиску единых механизмов их формирования, а с другой стороны, наталкивают некоторых из них на мысль о существовании социально-приемлемых форм зависимостей [Егоров, 2007].

Так, например, А.Ю. Егоров считает, что в основе реабилитации в наркологии должен быть поиск, а потом закрепление социально приемлемой формы замещающей нехимической зависимости. Вот как это должно выглядеть по мнению автора идеи: превалировать должна работогольная зависимость, для счастья необходимо некоторое количество любовной и сексуальной аддикции, для нравственности – религиозной, хобби могут выражаться в аддикции отношений, в вариантах компьютерной зависимости и иногда чуть-чуть в гемблинге. По мнению исследователя, допускаются также элементы химической зависимости – традиционное для нашей страны потребление алкоголя [Егоров, 2007]. Идея сколь предсказуемая, столь же и бесперспективная. Как показали исследования ([Березин, 2008; Лисецкий, 2007,

2008; Литягина, 2004; Назаров, 2000; Самыкина, 2002; Соловьева, 2004]), выполненные в контексте развиваемой В.А. Петровским теории персонализации [Петровский, 2007], единственная альтернатива любой форме зависимости – это возвращение субъектности, то есть становление личности как подлинного субъекта саморегуляции и автора своей жизни.

Ранее мы определили зависимость как ненасыщаемую активность индивида, направленную на воспроизводство состоятельности, не имеющей причин в себе. На макросоциальном уровне условием, инициирующим и способствующим неограниченному воспроизводству зависимости, является культура вынужденных желаний. На микросоциальном уровне такие условия возникают в семье зависимого индивида и в специфических сообществах, объединяющих носителей зависимости. Отношения в семьях зависимых могут быть обозначены как *созависимость*; отношения в сообществах, возникающих на основе химических и нехимических зависимостей, могут быть обозначены как *отношения иллюзорного партнерства*. В этом случае индивид представлен в сознании других членов сообщества не субъектными чертами своей индивидуальности, а переживаниями, порождаемыми усвоением предмета зависимости или воспроизводством соответствующего поведенческого паттерна [Соболева, 2006].

Созависимость. В исследованиях созависимости наблюдается также полифония, которую мы обнаруживаем в литературе, посвященной проблеме зависимости. Созависимость рассматривается как искажение личностных черт [Петрова, 2008]; как психологическое расстройство [Соловьева, 2004]; как нарушение поведения [Mendenhall, 1989], как особое психическое состояние [Москаленко, 2004].

Отметим генетическую и онтологическую специфику созависимости. Генетическая специфика созависимости заключается в том, что она может быть как вторичным феноменом, возникающим вследствие зависимости у близкого человека, так и первичным, когда зависимость возникает как следствие вовлечения индивида в созависимые

отношения. Однако и в том, и в другом случае созависимость – производная от зависимости.

Онтологическая специфика созависимости выражается в парадоксе причинности, суть которого заключается в том, что следствие (созависимость) активно производит/воспроизводит свою причину (зависимость). Обобщенный механизм *иницирования* зависимости в созависимых отношениях заключается в следующем.

Носитель созависимости иллюзорно преодолевает собственную экзистенциальную тревогу и несостоятельность, провоцируя в людях, находящихся с ним в близких отношениях, ощущения безысходности и беспомощности. Обнаруживая у близких проявления беспомощности (реальные или иллюзорные), созависимый реализует поведение, направленное на компенсацию их несостоятельности. Созависимый становится внешним условием, повышающим ресурсность и состоятельность своих близких. Однако отношения с созависимым характеризуются большей сложностью, напряженностью и неопределенностью, чем отношения с потенциальным объектом зависимости, «предлагаемым» культурой вынужденных желаний. Рано или поздно у тех, кто вовлекается в созависимые отношения, происходит переключение на какой-либо объект зависимости, «предлагаемый» культурой вынужденных желаний.

Обобщенная картина *обуславливающего влияния созависимости* на генезис зависимости может быть представлена на примере психической зависимости при наркомании.

Приобретая качества самоценности (что выражается в неспецифичности влечения) и неограниченной воспроизводимости, психическая зависимость реализуется вне типичных для зависимого индивида форм и способов поведения (близкие наркозависимого говорят: «мы его не узнаем...», «его как будто подменили...»). Воспроизводимость поведения, в основе которой лежит психическая зависимость, приводит к тому, что действия за пределами типичного, нормативного, предрешенного всей эволюцией семьи, становятся не просто регуляр-

ными, а утверждающими новый способ жизни. В сознании родителей формируется образ наркомана, отражающий не субъектные черты его индивидуальности, а «заимствованную субъектность», неотделимую от наркотика. Отраженный образ заимствованной субъектности модифицирует поведение близких наркозависимого, делая его ригидным и стереотипным. Чтобы не происходило теперь с наркозависимым, его близкие реагируют на него в соответствии с этими модификациями. Иными словами, близкие наркозависимого возвращают ему отраженную в них его заимствованную субъектность. Особый драматизм положения наркозависимого заключается в том, что отношение к нему все больше и больше опосредуется его заимствованной субъектностью. Своими реакциями созависимые не просто подкрепляют зависимость, они утверждают зависимость своего близкого как новую, более значимую для них сущность его бытия.

У нас есть основания предполагать, что созависимость – это феномен исключительного семейного генеза, отражающий специфику семьи как малой социальной группы. Для его возникновения необходимы изначально близкие отношения, переживание общности судьбы и угроза возможной утраты близкого человека.

Исследования сообществ, объединяющих зависимых индивидов, позволяют обнаружить специфические для них условия, поддерживающие неограниченное воспроизводство зависимости. Речь идет об отношениях *иллюзорного партнерства*. Термином *партнерство* мы обозначаем такой тип межличностных отношений, который обеспечивает вовлеченным в них индивидам возможность подлинной персонализации – индивидуальной представленности в жизнедеятельности друг друга. Возможность такой трактовки партнерства непосредственно вытекает из основных положений теории персонализации (А.В. Петровский, В.А. Петровский).

Иллюзорным партнерством, существующим в сообществе зависимых, мы называем такой тип отношений, при котором индивиду *кажется*, что он может быть персонализирован (представлен в созна-

нии) в жизнедеятельности других членов сообщества, так как *только они* (и никто другой!) способны разделить с ним специфические переживания, обусловленные зависимостью. Носители практически всех без исключения зависимостей выражают эту позицию просто и безапелляционно: «Вам не понять...». Если для возникновения созависимости необходимо переживание общности судьбы с зависимым, то отношения иллюзорного партнерства возникают в сообществе зависимых на основе иллюзорной персонализации [Соболева, 2006] – ошибочного представления индивида о себе как адекватно отраженного в сознании других индивидов. «Я в себе и для себя» переживается зависимым как тождественное «я в другом и для другого», что представляет собой неадекватную интерпретацию реальности и может не иметь ничего общего с феноменом действительной отраженности в другом.

Между созависимостью и иллюзорным партнерством есть нечто общее. И в том, и в другом случае речь идет об отраженности заимствованной субъектности и порождаемой ею эффектах. И в том, и в другом случае речь идет об условиях, способствующих неограниченному воспроизводству зависимости. Мы полагаем, что единственной альтернативой иллюзорному партнерству и созависимости является подлинное партнерство.

Партнерство. Оставаясь в рамках социально-психологического дискурса, мы могли бы обозначить партнерство как особый тип межличностных отношений, возникающий, если каждый вовлеченный в них индивид стремится к максимальному удовлетворению своих потребностей при максимальной ориентации на потребности других. Очевидно, что нарушение этой пропорции неизбежно приводит к искажению межличностных отношений, поляризуя их. На одном полюсе мы можем наблюдать эгоизм, эгоцентризм, нарциссизм, игнорирование интересов других; на другом полюсе – широчайший спектр вариантов от самопожертвования до самоотрицания.

Ранее нами был сформулирован тезис о том, что зависимость возникает у индивида в том случае, когда он обнаруживает для себя возможность повышения своей состоятельности в решении жизненных ситуаций за счет каких-либо внешних агентов. Например, в тех случаях, когда необходимая ему храбрость является результатом употребления алкоголя, а не его собственных мобилизационных способностей. Очевидно, что речь в данном случае идет о дефицитарности внутренней самоподдержки.

Нам представляется, что *достаточным* условием возникновения дефицита внутренней самоподдержки является становление личности ребенка в поляризованной системе отношений, в которой существуют только «Я» и «Они». Другой здесь либо средство, либо цель. Заметим, что *необходимым* условием развития эффективной системы внутренней самоподдержки является партнерство в отношениях, при котором контроверза «Я» и «Они» снимаются общим «Мы». Характеризуя семьи с партнерским типом отношений, К. Витакер говорил, что в них возникает общее «Мы», в котором индивидуальное «Я» обретает еще большую выраженность [Витакер, 1988].

Интересно, что подобного рода отношения могут возникать и в группах, если они достигают уровня развития коллектива [Петровский, 1982]. А.В. Петровский так характеризует отношения в коллективе: «...Субъект <...> реально, действенно относится к другим, как к самому себе, и к себе, как ко всем другим в своем коллективе» [Там же, с. 168].

Несомненно, что бытие индивида в сообществах, характеризующихся партнерскими отношениями, означает для него возможность персонализации в других членах сообщества проявлениями своей индивидуальности. Очевидно, что в этом случае «персонализация каждого есть условие персонализации всех» [Краткий психологический словарь, 1985, с. 240].

Зависим ли в этом случае индивид от партнерских отношений и коллектива? А.В. Петровский сказал бы: «Да». И это единственная

форма зависимости «личности от общества, при которой она становится свободной» [Петровский, 1982, с. 5].

Литература

1. *Березин С.В.* Психология созависимой личности. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2008. – 200 с.
2. *Витакер К.* Полночные размышления семейного психотерапевта. – М.: Независимая фирма «Класс», 1988. – 208 с.
3. *Войскунский А.Е.* Актуальные проблемы зависимостей от Интернета // Психол.журн. 2004. Т. 25. № 1. С. 90-100.
4. *Гоголева А.В.* Аддиктивное поведение и его профилактика. – М.: Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 2002. – 240 с.
5. *Егоров А.Ю.* Нехимические зависимости. – СПб.: Речь, 2007. – 190 с.
6. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А.Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
7. *Лисецкий К.С.* Психологические основы предупреждения наркотической зависимости личности. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2007. – 308 С.
8. *Лисецкий К.С.* Субъектная детерминация наркотической зависимости личности. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2008. – 232 с.
9. *Литягина Е.В.* Нерешенные задачи взросления как психологические условия формирования аддиктивного поведения старшеклассников // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Калуга, 2004. – 22 с.
10. *Менделевич В.Д.* Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения. – М.: МЕДпресс-информ. – 2003. – 328 с.
11. *Москаленко В.Д.* Зависимость: семейная болезнь. – М.: ПЭРСЭ, 2004. – 336 с.
12. *Назаров Е.А.* Наркотическая зависимость и созависимость личности в семье // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2000. – 20 с.

13. *Петрова Е.А.* Риск созависимости в деятельности специалистов, работающих в детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – СПб, 2008. – 23 с.

14. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. – М.: Политиздат, 1982. – 255 С.

15. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность быть личностью // Вопр. философии. 1982. №3. С. 24-38.

16. *Петровский В.А.* Человек как индивид, субъект, личность. Проблемная ситуация // Мир Психологии. 2007. №1. С.13-30.

17. *Постнов В.В., Дереча В.А.* Духовный поиск как вариант нехимической аддикции у больных алкоголизмом в ремиссии // Новые методы лечения и реабилитации в наркологии (заместительная терапия, психофармакотерапия, психотерапия) / Сб. материалов междунар. конф. Под общ.ред. проф. В.Д.Менделевича. – Казань, 2004. С. 287-291.

18. *Постнов В.В., Дереча В.А., Карпец В.В.* Аддиктивное поведение в форме «состояния перманентной войны» в структуре расстройств у больных алкоголизмом – ветеранов боевых действий // Новые методы лечения и реабилитации в наркологии (заместительная терапия, психофармакотерапия, психотерапия) / Сб.материалов междунар.конф. Под общ.ред. проф. В.Д.Менделевича. – Казань, 2004. С. 291-295.

19. *Самыкина Н.Ю.* Формирование личностной готовности психологов к првичной профилактике наркомании в среде старшеклассников // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Калуга, 2002. – 24 с.

20. *Соболева А.В.* Феномен инициации личности в наркосообществе // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Москва, 2006. – 24 с.

21. *Соловьева И.Е.* Психологические основания профессиональной подготовки консультантов по химическим зависимостям из числа выздоравливающих алкоголиков // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2004. – 23 с.

22. *Холмогорова А.Б.* Страх смерти: культуральные источники и способы психологической работы // Моск. психотер. журнал, 2003, № 2. С. 120-131.

23. *Шинкаренко В.Д.* Нейротипология культуры. – М.: КомКнига, 2005. – 200 с.

24. *Griffiths M.D.* Internet addiction – time to be taken seriously? // *Addiction Research*. 2000. Oct. V.8. № 5. P. 413-419.

25. *Mc Bride A.J.* Toads syndrome: Addiction to joy riding // *Addiction Research*. 2000 Mar. V.8. № 2. P. 129-140.

26. *Mendenhall W.* Co-dependency definitions and dynamics// *Alcohol. Treat. Quart.* 1989. Vol.6. №1. P. 3-17.

О.Н. Ежова

Здоровый человек: реальность или миф?

Жизнь любого организма, в том числе и человеческого, носит адаптивный, приспособительный характер. Эта адаптивная природа жизни ни в коей мере не умаляет потребности человека в активности, в реализации собственной программы.

Здоровье зависит от множества факторов, однако каждый из них имеет свой психологический подтекст, поэтому при изучении здоровья необходим системный подход. В соответствии с ним человек предстает как сложная живая система, жизнедеятельность которой обеспечивается на разных, но взаимосвязанных между собой уровнях. В общем виде можно выделить три: биологический, психологический и социальный. Именно так еще в 1916 г. В.Н. Мясищев определил свою исследовательскую позицию в изучении психики человека, трактуя ее как биопсихосоциальное единство.

Два основных способа существования людей и, соответственно, два разных отношения людей к жизни описывает С.Л. Рубинштейн [*Рубинштейн, 1972, с. 348*].

Здоровый человек: реальность или миф?

Первый способ – это жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек. В этом случае всякое отношение человека есть «отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом», человек «не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию для рефлексии над собственной жизнью. Такая жизнь проявляется почти как природный процесс». Это может быть вполне гармоничная жизнь, где гармоничность присутствует в каждом дне и целостности такой жизни. Для нас это в какой-то мере аналог родового человека.

Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Рефлексия как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный поток жизни и позволяет человеку мысленно встать за пределы самого себя.

Оба эти типа вполне могут быть адаптивны, гармоничны в проявлениях психического здоровья. Первый тип адаптивен до тех пор, пока он жестко вписан в систему. При отсутствии внешних, сдерживающих и оптимизирующих поведение условий возможны поломки психического здоровья. Второй тип жизни не зависит от внешних сил, он более целостен и поэтому более гармоничен.

Второй способ существования расширяет возможности человека, что является особенно актуальным в настоящее время, так как целостный, адаптивный и гармоничный человек, по мнению Л.И. Анциферовой, сам может учиться структурировать и организовывать свой деятельный способ существования в мире, самостоятельно создавать психологические приемы оптимальной регуляции своей деятельности и поведения [Анциферова, 1990, с. 4-18].

На Востоке считают, что любой человек может успешно противостоять болезням, неблагоприятным ситуациям, реальному противнику, если он физически и психически собран, эмоционально уравновешен, нравственно чист (настроен на идеал).

Вопросы профилактики здоровья, укрепления защитных сил организма и лечения болезней с давних пор находятся в поле зрения

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ...

традиционной медицины, но современные представления о сущности и путях обеспечения здоровья, связанного с психологическим уровнем, еще далеки от желаемой ясности и в целом не могут быть признаны удовлетворительными.

Целостность личности, по мнению С. Шапиро, можно выразить с помощью цветка потенциалов, который отражает различные аспекты здоровья.

I – потенциал разума (интеллектуальный акцент здоровья). Способность человека развивать собственный интеллект и уметь им пользоваться. Проблема возникает не только тогда, когда у человека этого потенциала нет или он слабо развит (импульсивное поведение, человек не задумывается о последствиях своих поступков), но и тогда, когда человек слишком много размышляет. Последний отстраняется от реальности и живет в мире своих мыслей. У таких людей чаще всего бывают неврозы и психосоматические заболевания. В этом случае можно вспомнить фразу И.М. Сеченова о том, что любая мысль должна заканчиваться мышечным движением (то есть поступком).

II – потенциал воли (личностный аспект здоровья) – это способность человека к самореализации. Волевые усилия требуются для преодоления препятствий реальной действительности; для преодоления внутренних противоречий, сомнений (борьба мотивов и целей, человек мучается при принятии решения); для преодоления внутренних сомнений для выбора решения и осуществления действий в условиях объективных помех и трудностей. Слабая воля – плохо (человек не достигает своих целей и в своих неудачах обвиняет других людей). Будучи сильно развитым, этот потенциал приводит к тому, что человек все время ищет трудные пути, прошибая лбом стенки, становится невротиком, так как не умеет перенаправлять свои усилия. В этом случае человек перестает наслаждаться жизнью, а живет по принципу «дальше, дальше, дальше».

III – потенциал чувств (эмоциональный аспект здоровья). Он заключается в способности человека выражать свои чувства и прини-

Здоровый человек: реальность или миф?

мать чувства других людей. При этом человек не должен напоминать ни вулкан, вечно извергающий свои эмоции, ни айсберг, никогда не выражающий свои чувства.

IV – потенциал тела (физический аспект здоровья). Тело является фундаментальной ценностью человека и имеет первостепенную значимость в жизненных процессах. Тело – это храм, в котором находится душа. Поэтому если храм замусорен, то и душе тоже плохо. Тело – это тот инструмент, с помощью которого человек общается с миром. Эмоционально значимые переживания «врастают в память тела» и фиксируются в нем с помощью мышечных зажимов (зоны хронического напряжения). Они снижают качество жизни и полноценность самой личности, ведут к заболеваниям и старению, ибо смерть – это потеря эластичности. Способность развивать свою телесность как свойство личности зависит от образа жизни, культуры питания (чувствовать, что нужно твоему организму, а не то, что хочет твоя голова) и сексуальной культуры (не говорить о сексе, а заниматься им).

V – общественный потенциал (социальный аспект здоровья). Коммуникативная компетентность. Во многом зависит от уровня развития социального интеллекта. Термин «социальный интеллект» был введен в психологию Э. Торндайком в 1920 г. для обозначения «дальновидности в межличностных отношениях». В 1960-е годы Дж. Гилфорд, создатель первого надежного теста для измерения социального интеллекта, рассматривал его как систему интеллектуальных способностей, не зависящих от фактора общего интеллекта и связанных, прежде всего, с познанием поведенческой информации. В отечественной психологии понятие «социальный интеллект» было введено Ю.Н. Емельяновым, который понимал под ним устойчивую, основанную на специфике мыслительных процессов, аффективного реагирования и социального опыта способность понимать самого себя, а также других людей, их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события.

VI – креативный потенциал (творческий аспект здоровья) – способность выражать себя с помощью творческих средств. Подлинно

творческое решение сопровождается состоянием инсайта – мощный эмоциональный подъем, который А. Эйнштейн сравнивал с религиозным экстазом или влюбленностью. Поэтому творчество, не важно, в какой области оно происходит (при приготовлении пищи, ремонте квартиры или написании научного труда), сопровождается положительными эмоциями, позволяющими человеку чувствовать себя счастливым. Без возвышенного чувства продуктивная мысль столь же невозможна, как без логики, знаний, умений, навыков, так как чувство придает мысли большую страстность, напряженность, остроту, целеустремленность и настойчивость. Было обнаружено, что состояние эмоциональной активизации, выявляемое таким физиологическим показателем, как изменение кожного сопротивления, всегда на несколько секунд предшествует называнию решающего хода. Человек в этот момент насыщает свою речь эмоциональными междометиями, которые обозначают приближение к неосознанной идее («так-так-так», «вот-вот-вот», «что-то мелькнуло», «кажется, нашел» и т.д.).

VII – духовный потенциал (духовный аспект здоровья). Он пронизывает все остальные потенциалы (жизнь человека). Это стремление человека к реализации высших ценностей. Эти ценности (добро, истина, порядочность, красота, справедливость, совершенство и др.) выступают для него как жизненно важные потребности. В каждый момент жизни у личности есть выбор: продвижение вперед, преодоление препятствий, неизбежно возникающих на пути к высокой цели, или отступление, отказ от борьбы и сдача позиций. Самоактуализирующаяся личность всегда выбирает движение вперед, преодоление препятствий. Рерих отмечал, что жизнь – это практический акт, наполненный духовностью.

Цветок корнями уходит в землю. Корни цветка связаны с нашими традициями, с опытом предыдущих поколений. Поэтому человек для того, чтобы «твердо стоять на ногах», должен знать историю человечества и своего рода.

Сохранение здоровья и ощущение благополучия возможно лишь при достаточной адаптации к социальной и природной среде. Анализ способов поведения, которые использует индивид в процессе адаптации, не раз становился предметом исследований.

Еще З. Фрейд выделил два типа адаптивного поведения личности:

1. преодоление – борьба с ситуацией;
2. защита – борьба с чувствами, вызванными ситуацией.

За принадлежностью личности к группе стоит определенная программа предписанного обществом поведения, которое находит выражение в системе требований, норм, правил, социальных установок – аттитюдов. Усвоенные в той или иной степени личностью, последние обладают большой санкционирующей силой, регламентируют и направляют поведение. Тем самым они обеспечивают социальную ориентацию субъекта и его деятельности, что отвечает интересам самой личности и общества.

По справедливому выражению В.Г. Леонтьева, «собственно адаптация – это и есть начальная ступень уподобления человека социальной среде, условиям деятельности, ее основным компонентам» [Леонтьев, 1992, с. 93].

В последнее время все чаще анализируются индивидуальные способы и стратегии поведения, которые использует человек не только в сложных жизненных ситуациях, но и в повседневных условиях.

На Востоке и на Западе сложились различные представления о жизненных стилях, позволяющих человеку быть успешным и здоровым. Для западного человека особое значение имеет формирование активной жизненной позиции. В данном случае работает рассудочная модель: я двигаюсь по жизни от цели к цели – я «просчитываю» жизнь.

Восточный человек свое взаимодействие с миром представляет иначе: он должен оставаться на месте, беря от жизни, которая движется на него, то, что она ему дает. Здесь работает принцип деяние – недеяние (я внутренне активен – внешне спокоен, а если я внешне ак-

тивен, то внутренне спокоен, т.е. если я расслаблен, то четко чувствую движение жизни).

При взаимодействии с окружающим миром человек непрерывно сталкивается с ситуацией выбора различных способов реализации своей активности в зависимости от своих целей, индивидуальных особенностей и условий окружающей его действительности, особенностей взаимодействующих с ним людей. Если есть ситуация выбора, то снятие неопределенности возможно лишь средствами регуляции, а в случае психической регуляции – средствами саморегуляции в том смысле, что человек сам исследует ситуацию, программирует свою активность, контролирует и корректирует результаты.

Саморегуляция психических состояний – это целенаправленное и сознательное воздействие субъекта на свою психику с целью изменения уровня психической активности и уровня психической напряженности [Прохоров, 1990].

В психологическом словаре отмечается, что целью саморегуляции является приведение себя в нормальное состояние, что достигается на двух уровнях: гомеостатическом (адаптивный тип: понимание психической саморегуляции как функции психики), когда она, по сути, сводится к простому приспособлению к имеющейся обстановке, и на уровне, когда инициатива деятельности исходит от самого субъекта (высший уровень: понимание психической саморегуляции как средства, метода регуляции психики) [Психологический словарь, 1996, с. 193].

Психическая саморегуляция как метод позволяет рационально и эффективно использовать функциональные возможности организма за счет формирования особого психического состояния.

Как отмечает М.В. Горбунова, можно с некоторой долей условности классифицировать различные приемы непосредственного воздействия на функциональное состояние по двум основным группам: внешней и внутренней [Эмоциональная саморегуляция ..., 2002, с. 41-44.].

Здоровый человек: реальность или миф?

К группе внешних способов оптимизации функционального состояния относятся: рефлексологический (воздействие на рефлексогенные зоны и биологически активные точки), организация режима питания, фармакология, функциональная музыка и светомузыкальные воздействия, библиотерапия, мощный класс методов активного воздействия одного человека на другого (убеждение, приказ, внушение, гипноз).

Внутренние способы воздействия на эти звенья системы саморегуляции можно объединить в такие группы:

- аутокоммуникация (самоисповедь, самоубеждение, самоприказ, самовнушение, самоподкрепление);
- когнитивная регуляция (управление памятью и воображением, изменения направленности мышления, рационализация);
- установочная регуляция (ритуальные позы и действия, воспроизведение стереотипной обстановочной и пусковой афферентации, переключение на определенные виды активности);
- изменение обменных процессов и притока нервной импульсации (дыхательные и психомоторные упражнения, мышечно-сосудистая релаксация и тонизация, самомассаж и др.).

Под саморегуляцией подразумевается способность не только осознавать свое поведение, психические процессы и их регулировать, но и постоянно изменять себя, соотносить свои действия с постоянно изменяющимися внешними условиями.

Таким образом, саморегуляция – это способность человека руководить собой на основе восприятия и осознания поведения и собственных психических процессов.

Общие закономерности саморегуляции реализуются в индивидуальной форме, зависящей от конкретных условий, а также от характеристик нервной деятельности, личностных качеств человека и его привычек в организации своих действий. Важную роль в формировании механизма саморегуляции личности играет самосознание. Особенность процесса его развития заключается в том, что он неотделим от развития личности в целом и в определенной мере даже зависит от

особенностей ее жизнедеятельности. Вместе с тем самосознание выступает внутренним условием, в значительной степени определяющим развитие личности и формирование индивидуально-типологических особенностей ее структуры.

Таким образом, здоровым человек может быть, однако для этого требуется желание, позитивное отношение к миру и волевые усилия. Если приводить аллегория здоровья, то это напоминает человека, стоящего на шаре: чтобы удержаться нужно все время перебирать ногами.

Мы под **психическим здоровьем** понимаем способность человека поддерживать равновесие на всех уровнях функционирования (биологическом, психологическом, социальном) при изменяющихся условиях внешней среды на основе способности к саморегуляции.

О.А. Конопкин [*Конопкин*, 1980, с. 51] выделяет следующие **элементы саморегуляции**:

- 1) принятая субъектом цель деятельности;
- 2) субъективная (субъектная) модель ее значимых условий;
- 3) программа собственно исполнительских действий;
- 4) субъективная система критериев успешности деятельности;
- 5) контроль и оценка реальных наличных результатов;
- 6) решение о коррекции системы саморегуляции.

Саморегуляцию можно рассматривать, с одной стороны, как технику работы эмоционально-волевой сферы, а с другой – как механизм повышения психической активности за счет самопрограммирования [*Королюк*, 1997, с. 11].

Произвольная активность (в широком смысле) направлена на достижение результата, а процессы саморегуляции – на обеспечение психическими средствами самого процесса достижения. Особенность личностного уровня саморегуляции заключается в том, что этот процесс осуществляется одновременно с социальной регуляцией личности со стороны общества. Требования, условия и ограничения социума, преломляясь через психические особенности субъекта, приобре-

тают личностную окраску, которая влияет на формирование и развитие индивидуальных психологических характеристик, определяющих степень развитости механизма саморегуляции.

По мнению А. Эллис, человек рождается со склонностью к рациональному мышлению, но одновременно и со склонностью к паралогичности (он может становиться жертвой иррациональных идей) [Нельсон-Джоунс, 2001, с. 314-317]. Жизненные проблемы возникают из-за ошибочных убеждений. Важно понять, что большей частью чрезмерный стресс инициируется и продуцируется самим человеком. Это происходит вследствие того, что именно человек приписывает в иных отношениях нейтральному стимулу стрессорирующие характеристики.

Выделяют следующие **принципы мудрого отношения к жизни**:

- 1) уметь отличать главное от второстепенного;
- 2) знать меру воздействия на события;
- 3) уметь подходить к проблеме с разных сторон;
- 4) готовиться к любым неожиданным событиям;
- 5) воспринимать действительность такой, какова она в реальности, а не в нашем воображении;
- 6) стараться понять других;
- 7) уметь извлекать положительный опыт из всего происходящего;
- 8) заслужить любовь ближнего.

От того, как мы реагируем на неблагоприятные жизненные обстоятельства, зависит, насколько гармонично развивается наша индивидуальность, а, следовательно, и психическое здоровье. Типичные реакции на стрессовые ситуации являются той лакмусовой бумажкой, которая отражает специфику развития человеческой индивидуальности. Традиционно под стилем реагирования понимается параметр индивидуального поведения, характеризующий способы взаимодействия человека со сложными ситуациями, проявляющимися либо в форме психологической защиты от неприятных переживаний, либо в виде конструктивной активности личности, направленной на разрешение проблемы.

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ...

Л.А. Китаев-Смык изучал эмоционально-поведенческие реакции человека при стрессе и выделил две группы людей, отличающихся активностью либо пассивностью поведения [Китаев-Смык, 1983].

Для первой группы в условиях стресса характерно усиление эмоционально-двигательной, поведенческой активности при кратковременных, но достаточно интенсивных экстремальных воздействиях.

Для вторых – пассивное переживание. При этом поведенческие реакции – убегание, удаление, преодоление или пережидание, избегание, пассивное наблюдение – связаны не с характером, а с различными формами вегетативного обеспечения. Следовательно, стресс-подготовка людей второго типа должна в большей степени основываться на длительных и систематических тренировках.

Система факторов, оказывающих существенное влияние на саморегуляцию психических состояний человека, достаточно обширна. Сюда относятся условия среды, аутогенная тренировка, медитативные и трансовые техники, накопленные в процессе социализации стереотипы отношения к своим состояниям, вербализация своих переживаний и их рефлексивный анализ, обучение приемам релаксации, специальным физическим и дыхательным упражнениям, самоконтролю внешних проявлений эмоционального состояния, развитие навыков обнаружения и снятия мышечных зажимов.

Переутомление, как и нервозность, вызвано частичной потерей природной способности к релаксации. Парасимпатический отдел нервной системы является доминирующим во время релаксации. При этом человек находится в состоянии покоя и умиротворенности, так как нервы не посылают импульсы к мышцам, и последние становятся мягкими и расслабленными. Если состояние возбуждения связано с тревогой, страхом и гневом, то релаксация сопровождается противоположными чувствами. Ощущение тревоги невозможно, когда тело расслаблено, ведь тревога является непосредственным побочным продуктом физиологического напряжения, вызванного стрессом.

Обычно человек не знает, какие из его мышц напряжены, не может точно судить о том, расслаблен он или нет, не осознает, следует ли ему расслабиться, и не представляет, как это сделать. Нужно ознакомить человека с этими способностями и развить их.

Способы снятия напряжения:

1. Сон является самым типичным способом расслабления. Когда мы видим сны, наше тело избавляется от напряжения, накопившегося в течение дня (снотворные средства, обладающие множеством нежелательных побочных эффектов, способны разрушить эту необходимую фазу сна, сопровождаемую сновидениями).

Однако ко сну нужно отходить успокоенным. В связи с этим полезными являются ритуалы отхода ко сну (ванна, приятная музыка, любимая книжка, общение с любимым человеком) и вредно проявление бурных эмоций (просмотр боевика, триллера, бесконечное прокручивание в голове негативных эпизодов прошедшего дня, семейные скандалы).

Несмотря на все положительные моменты, сон не в состоянии избавить нас от жизненных стрессов. Даже во время сна существует физиологическое напряжение некоторой степени.

2. Водные процедуры и физические упражнения могут принести некоторое облегчение после стрессов, так как они помогают снять внутреннее напряжение, возникшее в результате воздействия стресс-факторов. Особенно хороши для этого ванны с морской солью.

3. Дыхательные упражнения также способствуют регуляции состояния и противодействию негативным стресс-факторам. На Востоке говорят: «Кто не умеет дышать, лучше бы не родился на свет». Поэтому овладение приемами правильного дыхания является необходимым условием для поддержания здоровья. Известно, что если в дыхательном акте вдох дольше выдоха, то человек возбуждается, а если длиннее выдох, то человек успокаивается.

4. Слезы, крик, которые помогают на какое-то время избавиться от напряжения. Но постоянное использование этого способа приводит

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ...

к обессиливанию и опустошению (не считая того, что при этом портятся отношения с окружающими, так как постоянно плохое настроение отталкивает от человека других людей).

5. Алкоголь и транквилизаторы. Снятие напряжения происходит потому, что эти средства отключают сознание и тем самым мышечное напряжение, связанное с переживанием стресса, тоже ослабевает. Однако следует отметить, что частое применение этих средств приводит к тому, что человек на длительное время выпадает из жизненного потока (нет четкого осознания происходящих вокруг него событий из-за алкогольной или токсической интоксикации), а тем временем количество нерешенных проблем только накапливается, а за обман себя человек платит очень дорого – здоровьем.

6. Ритм. Физическое здоровье человека определяется тем, насколько ритмично и слаженно происходят все процессы в его организме. Действительно, длительное сбивание с ритма (аритмия, нарушение дыхания, мочеиспускания или опорожнения кишечника) приводит человека к состоянию болезни. Это означает, что человек не успел восстановиться в естественном здоровом для него ритме. Эмоциональное переживание значимых событий часто сопровождается тревогой, гневом, страхом, что приводит к нарушению жизненных процессов в организме. Поэтому на Востоке особое значение придают поддержанию ритма. Там считается, что потеря ритма ведет к смерти, так как болезнь – это рассогласование хода разномасштабных часов (есть ритмы сезонные, суточные, годовые и т.д.). Человек инстинктивно пытается поддерживать ритм: когда он волнуется, то начинает ходить по комнате, выбивать такт рукой, качать ногой, крутить пуговицу и т.д. Если же все эти действия делать осознанно, то это также будет способствовать расслаблению.

7. Обращение к приятным воспоминаниям. Человек часто не осознает связи между эмоциональным дискомфортом и собственным самочувствием. Ухудшение настроения – первый симптом нездоровья. Мы часто вспоминаем неприятные эпизоды из нашей жизни, но

очень редко обращаемся к приятным воспоминаниям, которые являются ресурсными состояниями.

8. Переключение внимания. Этому способствуют общение с друзьями (проговор негативных переживаний тоже способствует снятию напряжения), работа, интересный фильм или книга, сопровождающиеся положительными эмоциями, секс, еда (чрезмерная полнота часто связана с тем, что люди заедают негативные переживания, доставляя себе хоть какое-то удовольствие), общение с домашними животными, выезд на природу).

9. Взгляд на ситуацию с другой стороны. Выявление в любой ситуации положительного аспекта. Или доведение трагизма ситуации до абсурда. Этому во многом способствует юмор. Можно процитировать строчку из известной песни: «И пусть капризен успех, он выбирает из тех, кто может первым посмеяться над собой». На Востоке говорят, что смех – противоположность смерти. Для этого можно использовать анекдоты или перефразированные «крылатые выражения». Иногда можно рекомендовать повторять «юмористические нравоучения» перед сном, в моменты замешательства или скуки. Например:

Крылатые фразы	Юмористическое перефразирование
Хотелось как лучше, а получилось – как всегда...	Хотелось – как всегда, а получилось – лучше!
Что не сделаешь для единственного ребенка!	Чего не сделаешь для единственного друга, тем более, если он ребенок!
Все хорошо, что хорошо кончается...	А если не кончается, значит у тебя еще вся жизнь впереди!
Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня	Не делай сегодня то, что можно не делать
Снова началась черная полоса	Ночь темна перед рассветом
Хлеба и зрелищ	Люди поедают друг друга, тем и сыты
Слушать, открыв рот	Одни внимают умом, другие – открытым ртом

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ...

Сел на своего «конька»	«Свой конек» – маленький, но необыкновенно упрямый мерин
Любовь ушла, завяли помидоры	Не утрата любви страшна, а ее отсутствие
Выпусти пар!	Слишком долго выпускать пар – воды не останется
Моя хата с краю, я ничего не знаю	Возле кучи грязи чистым не останешься
Одним махом – семерых побиваю	Всех комаров не перебьешь, но каждого, ох, как убить хочется
Жизнь научит	Умного учит жизнь, глупого – крепкая палка

10. Другим современным подходом к релаксации остается самогипноз. При использовании этой техники человек непосредственно обращается к своему подсознанию и достигает состояния релаксации. Все пути достижения этого, в том числе аутогенная тренировка и медитация, являются техническими разновидностями самогипноза. Это внушения, обращенные непосредственно к глубинным уровням сознания. Эти методы рассчитаны на мобилизацию заложенного в нас потенциала.

Основа всех медитативных упражнений – релаксация, необходимость в ней вызвана тем, что стресс и тревожность связаны с мышечным напряжением; при ослаблении напряжения мышц можно значительно уменьшить интенсивность переживания беспокойства, тревоги и других проявлений повышенного возбуждения; расслабления мышц легче достичь и почувствовать путем сравнения с напряжением. Медитация способствует спокойствию ума, от которого во многом зависит психическое здоровье.

Мастерство релаксации невозможно купить как продукт, готовый к употреблению. Оно должно вырабатываться постепенно. Даже если кажется, что нет никакого прогресса, упражнения уже наверняка начали оказывать свое благотворное действие. Во время сеанса мышцы расслабляются, дыхание становится глубже, а руки теплее, электрическая активность мозга превращается из альфа-волн в тета-волны. В

состоянии релаксации нет места страху или напряжению, данные методы успешно зарекомендовали себя как средства преодоления страха, тика, эмоционального напряжения во время экзаменов и выступлений, когда человека преследуют навязчивые устрашающие мысли, болит голова, ощущается нервозность. Если расслабить одну мышцу за другой, физиологические процессы в организме также изменятся. Тренированный человек в состоянии расслабить все мышцы тела за одну-две минуты.

По мнению А.Е. Червоненко [Червоненко, 1992], «медитация – общее понятие, охватывающее область абстрактного мышления, благодаря которому человек способен создавать любые реальные или нереальные мыслеобразы, или мыслепроцессы». Он отмечает, что между абстрактным мышлением и медитацией нет четкой границы. То, что мы привыкли называть абстрактным мышлением, является более простой степенью медитации. Для абстрактного мышления необходимо всего две вещи: воображение и воля (воображение – для того, чтобы создать мыслеобраз, а воля – чтобы этот образ удержать в своем воображении).

Действительно, человек всегда находится в состоянии неосознанной медитации, если речь идет об обычном абстрактном мышлении, или осознанной, если речь идет о медитативных упражнениях.

По этому поводу В. Сидоров пишет, что между обычным умственным напряжением и состоянием медитации нет непреодолимой пропасти, все отличие между ними заключается лишь в качестве сосредоточенности [Лесняк, 1992].

Медитация с древнейших времен рассматривалась на Востоке как средство самовыражения человека, позволяющее вместе с тем реализовать скрытые возможности своего «Я».

К настоящему времени на Западе проведено большое число исследований, посвященных влиянию медитации на развитие, оздоровление и самосовершенствование человека. Медитация помогает переносить стрессовые ситуации, избегать психосоматических заболева-

ний, межличностных конфликтов, позволяет дистанцироваться от актуальной проблемы, отстраненно наблюдать себя и свое поведение в сложной ситуации, в некоторых случаях – понять суть этой ситуации, эмоционально отреагировать на нее, изменить отношение к ней и найти новые способы ее решения.

«Медитация» в переводе с латинского означает «размышление». Это умственное действие, цель которого: приведение психики человека в состояние углубленности и сосредоточенности. Сопровождается телесной расслабленностью, отсутствием эмоциональных проявлений, отрешенностью от внешних объектов. Индийское название медитации – Дхьяна, японское – Дзен, китайское – Чань. Отсюда пошли названия Дзен-буддизм и Чань-буддизм, в православии медитация называлась «умное делание», у греков – «медомай» [Абаев, 1990].

Многие медитативные техники, как указывает И. Медведева [Медведева, Медведев, 2001], были направлены на подготовку совершенного воина – с могучим телом, развитой мускулатурой, стабильной нервной системой, здоровыми внутренними органами, с гармоничной устойчивой психикой, лишенной внутренних противоречий. Такой человек должен был чувствовать себя комфортно в любой ситуации, с легкостью приспосабливаться к изменениям в окружающем мире, и, несмотря на трудности, встречающиеся на его пути, он обладал способностью сохранять уверенность в себе и способностью наслаждаться жизнью.

Систематизируя положительное влияние медитативных упражнений на человека, В.В. Шлахтер [Шлахтер, 1998] выделяет следующие **основные цели медитации как духовной практики:**

1. Повышение интеллектуальных способностей, глубины восприятия действительности и отдельных явлений, развитие аналитических возможностей, облегчение переходов от дедуктивного мышления к индуктивному и наоборот.

2. Выработка чувства глубинного спокойствия, восстановление нарушенной психики, приобретение повышенных способностей к

управлению нервно-психической деятельностью, лечение психических заболеваний.

3. Улучшение памяти, ликвидация бессонницы /оздоровление/.
4. Общее духовное развитие человека как личности, профилактика общих функциональных расстройств, повышение выносливости организма и устойчивости к разного рода заболеваниям.
5. Улучшение эстетических вкусов, развитие чувства гармонии, красоты.
6. Мобилизация резервных возможностей психики, пробуждение «сверхъестественных» возможностей человека.

Однако, помимо этих частных эффектов, систематические медитации вызывают и то, что принято называть «системным эффектом». Он проявляется, прежде всего, в изменениях генеральной линии поведения человека.

В процессе медитации человек погружается в особое измененное состояние сознания, в котором повышается его восприимчивость и устанавливается прямой контакт с подсознанием, что дает ему возможность в большей или меньшей степени влиять на физиологические процессы, протекающие в организме, а также получать из подсознания и загружать в него необходимую информацию.

Медитация обеспечивает связь между сознанием и подсознанием. По этому поводу Л.С. Выготский говорил, что «психотехники устанавливают связи между сознанием человека и подсознательным уровнем личного опыта, обеспечивая доступ информации подсознательного в сознание» [Выготский, 1982, Т.1. с. 93.].

Измененное состояние сознания – это состояние, в котором усиливаются реакции и переживания человека. В измененном состоянии сознания область сознания ограничена или за счет сильной концентрации внимания на чем-то, или из-за рассеивания внимания и торможения деятельности коры головного мозга, а, следовательно, активизируется работа подсознания, которое отвечает за регуляцию всех процессов в организме.

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ...

Подсознание – это гигантский компьютер, обладающий почти неограниченными возможностями, если уметь использовать его, но с которым в обычном состоянии сознания мы не умеем общаться из-за того, что наше сознание постоянно ведет внутренний диалог с собою, обсуждая события дня, новости, переживания. Поэтому на Востоке считают, что для того чтобы человек мог управлять своим состоянием, он прежде всего должен отключить внутренний диалог, т.е. успокоить хаос своего сознания.

Бессознательное не отделено от сознания какой-то непроходимой стеной (пелена Майя). Процессы, начинающиеся в нем, часто имеют свое продолжение в сознании, и, наоборот, многое сознательное вытесняется нами в подсознательную сферу. Существует постоянная, ни на минуту не прекращающаяся живая динамическая связь между обеими сферами нашего сознания. Бессознательное влияет на наши поступки, обнаруживается в нашем поведении и по этим следам и проявлениям мы научаемся распознавать законы, управляющие им.

Американский исследователь Д. Орме-Дженсон, изучая кожно-гальванические реакции испытуемых, пришел к выводу, что в процессе медитации возрастает устойчивость вегетативной нервной системы, при этом данный эффект сохраняется и после того, как, завершив сеанс медитации, человек переходит к обычной деятельности. Это позволяет снять нервно-психическое напряжение, облегчить осознание психологических проблем [Каптен, 1994].

Т. Васнави отмечает большое значение медитативных техник как средств борьбы со стрессом. Каждый медитативный сеанс дает отдых нервной системе, позволяет человеку на какое-то время отвлечься от травмирующих его ситуаций, дать отдых голове, что помогает легче преодолевать стрессы и повысить работоспособность.

Преимущество медитации перед другими методами психической саморегуляции в том, что она не только уменьшает напряженность, тревожность, но и значительно расширяет возможности человека по управлению сознанием.

Сами попытки медитировать целительны уже потому, что являются полной противоположностью обычному состоянию больного – состоянию уныния, бездействия и ожидания боли. Медитация способна создавать нам хорошее настроение, это обеспечивает огромный оздоровительный эффект. Кроме того, медитация целительна уже тем, что вызывает состояние расслабления. Там, где расслабление, всегда здоровье. Все болезни происходят от чрезмерного напряжения.

Очищая в медитации ум, мы убираем из нашего сознания все то, что вызывает тревогу, беспокойство, что делает нас больными и напряженными, то есть все то, что и вызывает в конечном итоге все наши болезни.

Почему медитация целебна – понятно даже с точки зрения медицины. Медитация приводит нервы в гармонию. Нервы связаны с каждым органом человеческого организма. Нервные токи под воздействием медитации так видоизменяются, что благотворно воздействуют на все органы, все ткани, все клетки человеческого организма. Очищение ума, которое дает медитация, выправляет и все физиологические процессы внутри тела. Ведь в нашем организме все взаимосвязано.

Медитация как метод саморегуляции затрагивает все лепестки цветка потенциалов:

I. Потенциал разума: для психического здоровья особенное значение имеет спокойствие ума. Западный путь к спокойствию ума проходит через анализ и терапию, восточный метод – это медитация.

II. Потенциал воли: для того чтобы концентрироваться на образе и удерживать его в воображении, необходимы значительные волевые усилия.

III. Потенциал чувств: медитация способствует переработке негативных эмоций.

IV. Потенциал тела: расслабляется тело, успокаиваются нервы, нормализуется давление, стабилизируется сердечный ритм.

V. Общественный потенциал: меняется линия поведения.

VI. Креативный потенциал: во время медитации осуществляется мыслетворчество.

VII. Духовный потенциал: медитация относится к духовным практикам.

Американский психолог Э. Фромм [*Фромм*, 1992] говорил о том, что медитация «способна активизировать внутреннюю энергию человека, предохранять от психических заболеваний и душевных надломов», поэтому «не использовать эти достижения в целях обогащения общей культуры психической деятельности современного человека было бы неразумно».

Литература

1. Абаев Н.В. Чань-буддизм и Шаолиньская школа у-шу // Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока. – Новосибирск, 1990.

2. Анцыферова Л.И. Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь. – М., 1990.

3. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса: Собр. соч.: В 6 т. – М., 1982.

4. Каптен Ю.Л. Основы медитации (вводный практический курс). – Самара: ИЧП «АВС», 1994.

5. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. – М., 1983.

6. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М., 1980.

7. Королюк Н.И. Психическая саморегуляция сотрудников внутренних дел. – М.: МЦ при ГУК России, 1997.

8. Леонтьев В.Г. Психологический механизм мотивации. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992.

9. Лесняк Л.Ф. Медитация. – Екатеринбург, 1992.

10. Медведева И., Медведев А. Технология счастья. Кн. 2. Психотехники счастья. – К.: София, 2001.

11. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. – СПб.: Питер, 2001.
12. Прохоров А.О. Методы психической саморегуляции. – Казань, 1990.
13. Психологический словарь. – М., 1996.
14. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. – М., 1972.
15. Фромм Э. Душа человека / Пер. с англ. – М.: Республика, 1992.
16. Червоненко А.Е. Беседы с учителем. Философия и практика тибетского искусства воздействия. – М.: Прометей, 1992.
17. Шлахтер В.В. Акмеологические и психо-педагогические аспекты медитации как метода самовоспитания личности: Дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 1998.
18. Эмоциональная саморегуляция: теоретические основы и прикладные аспекты // Авторы-составители: Акопов Г.В., Макеева Л.В., Тихонов О.И. и др.: Метод. пособие. 2-е изд. испр. и доп. – Самара: Изд-во СамИКП, 2002.

Е.А. Зоткина

**Особенности образов «здоровья» и «болезни»
(на примере женщин, перенесших мастэктомию
при раке молочной железы)**

Уровень здоровья человека зависит от многих факторов: наследственных, социально-экономических, экологических, эффективности системы здравоохранения. По данным Всемирной организации здравоохранения он лишь на 10-15 % связан с последним фактором, на 15-20 % обусловлен генетическими факторами, на 25 % его определяют

экологические условия и на 50-55 % – условия и образ жизни человека. Таким образом, первостепенная роль в сохранении и формировании здоровья принадлежит самому человеку, его образу жизни, его ценностям, установкам, степени гармонизации его внутреннего мира и отношений с окружением. Вместе с тем, современный человек в большинстве случаев перекладывает ответственность за свое здоровье на врачей. Он фактически равнодушен по отношению к себе, не отвечает за силы и здоровье своего организма, и наряду с этим не старается исследовать и понимать свой психический мир. В действительности человек занят не заботой о собственном здоровье, а лечением болезней, что и приводит к наблюдающемуся в настоящее время увяданию здоровья на фоне значительных успехов медицины. Укрепление и творение здоровья должно стать потребностью и обязанностью каждого человека.

Представление о собственном здоровье является способом его укрепления. На данный момент в психологии недостаточно изучены образы «здоровья» и «болезни» у лиц без соматических заболеваний, которые чувствуют себя здоровыми. Изучение особенностей образов «здоровья» и «болезни», необходимо для понимания внутренней картины здоровья, которая в последние годы пришла на смену внутренней картины болезни (в психологии здоровья). Рисование образа здоровья – это изображение позитивных сторон личности, ее внутренних ресурсов, способствующих саморазвитию и самореализации.

На основании анализа литературы мы пришли к следующим выводам:

1. Графический рисунок фиксирует процесс отражения человеком окружающего его мира и его внутреннего состояния, содержания его фантазий и воображения. Рисунок служит средством проникновения в сущность явлений и воплощение различных идей и представлений. Рисунок является рассказом в образах, самовыражением, индикатором индивидуального отношения человека к окружающему и своему внутреннему миру.

Особенности образов «здоровья» и «болезни» (на примере женщин, перенесших ...

2. Психологическая интерпретация рисунков происходит по примерно 30 показателям.

3. В медицине разработана концепция внутренней картины болезни как представление больного о своем заболевании и всего, что с ним связано. В психологии здоровья разработана концепция внутренней картины здоровья как самоосознания и самопознания человеком себя в условиях здоровья.

4. В отношении к здоровью, т.е. предрасположенность к сохранению или растрачиванию здоровья, у многих людей скрыты серьезные противоречия. С одной стороны, ценность здоровья достаточно велика и в обыденном сознании, без ссылок на научные доказательства. Однако в установке на сохранение здоровья выраженность действенного, поведенческого компонента мала и не соответствует ни объему знаний о здоровье, ни силе эмоциональных реакций на его ослабление.

5. Рисование при разных заболеваниях описывали и иллюстрировали У. Аве-Лаллемант, М. Бетенски, С.А. Болдырева, Дж. Дилео, О.В. Залесская, В.С. Мухина, Н.Н. Николаенко, К. Саймонтон и С. Саймонтон, Р.Б. Хайкин.

Возможности рисунка в изображении болезни описывали К. Саймонтон и С. Саймонтон, Г.М. Ферс, А.Н. Харьковский, В.И. Бычков, Л.Лебедева и М.Киселева. Их исследования показывают, что обычно в них присутствует образ самой болезни, а также то, что такие рисунки достаточно точно показывают, что происходит в организме больного человека и его отношение к этому.

6. Рисование образа здоровья – это изображение позитивных сторон личности, ее внутренних ресурсов, способствующих саморазвитию и самореализации.

Нами был проведен эксперимент по рисованию образов «здоровья» и «болезни» в трансовом состоянии. В исследовании приняла участие гетерогенная группа испытуемых в количестве 42 женщин в возрасте 24 – 47 лет.

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ...

Нами была разработана процедура экспериментального исследования с целью изучения особенностей графической презентации образа болезни и образа здоровья в состоянии транса. На наш взгляд, работа с образом болезни и образом здоровья связывается с достаточно большим сопротивлением человека, и в свою очередь с попыткой контроля образа на уровне сознания. Состояние транса во многом будет способствовать доступу к эмоциональным переживаниям.

Для каждого испытуемого был подготовлен материал для работы: 2 белых листа бумаги (формат А4), цветные и простые карандаши, восковые мелки, ластик.

Исследование проводилось в групповой форме.

На начальном этапе реализации исследования группе испытуемых предлагалось прослушать музыкальное сопровождение, спокойного, релаксационного содержания, которое воспроизводилось в течение исследования – во время транса и рисование в трансе.

Инструкция: «Сядьте поудобнее, закройте глаза, слушайте приятную музыку и мой голос, которые вам помогут расслабиться. Понаблюдайте за собой и своими чувствами и эмоциями, не сдерживая их: запахами, звуками, зрительными образами, вкусовыми и тактильными ощущениями».

Далее, с помощью музыкального сопровождения производилась методика релаксации, направленная только на расслабление мышечного корсета через восприятие – наблюдение за своим дыханием и остальными органами чувств, без создания дополнительных образов и целевых настроек.

Во время транса испытуемым было предложено понаблюдать за собой и своим телом с разных сторон (с боков, спереди, сзади, сверху). После этого было дано объяснение, что у каждого человека бывают два состояния, когда он здоров и болен. Далее, была предложена целевая установка – почувствовать, детально рассмотреть, какие бы они ни были, ассоциации образа болезни и образа здоровья. Время, использованное для наведения транса, – 15 минут.

Особенности образов «здоровья» и «болезни» (на примере женщин, перенесших ...

На втором этапе исследования испытуемым, после открытия глаз, была предложена инструкция: «Сейчас вы нарисуете те образы здоровья и болезни, которые увидели так, как вы их почувствовали. На 1-м листе – образ здоровья, на 2-м листе – образ болезни. Дополнительно опишите детали нарисованного и свои полученные телесные, эмоциональные ощущения. Отвлекаться на дополнительные вопросы и мешать работать другим испытуемым не следует». Время, отведенное на эту работу, составляло 30 минут.

Третий этап, завершающий, был дан для обсуждения и интерпретации между испытуемыми, сидящими по двое за одним столом, в целях инсайта через самосознание, объяснение своей работы и своего состояния, к чему и ведут принципы арт-терапевтических техник.

После обсуждения было дано завершающее исследование задание: «Вы нарисовали, дали описание своей работы, обсудили и пережили ее. Посмотрите ещё раз на нее. Теперь дайте заключение. Напишите фразой, предложением, что вы изобразили в своей работе.

На четвертом этапе исследования рисунки были проанализированы по 30 выделенным критериям: типологические, формально-графические и содержательно-смысловые особенности художественных изображений с целью выявления особенностей графической презентации образа здоровья и образа болезни в трансовом состоянии.

Отрицательная корреляция ($-2,9$), высчитанная по коэффициенту ранговой корреляции r_s Спирмена, показывает наличие существенной разницы между основными критериями в рисовании образов здоровья и болезни.

Символы здоровья говорят про цветение и активность жизни, радость, красоту, чувство полета (солнце, зеленые деревья, листики, трава, цветы, голубой небосвод, летящие чайки, море, улыбающиеся лица).

Изображение болезни связано с мрачными символами (мрачные лица, черно-цветной хаос, кровать, черные стрелы, черные животные или птицы, цепи). Практически во всех рисунках присутствует изо-

бражение активного характера болезни – болезнь изображается как активно действующий субъект или объект.

Интересно, что ни образа врача, ни медицинская символика в рисунках не встречается.

Штриховка присутствует в большинстве рисунков и болезни и здоровья. Это говорит о том, что не только болезнь, но и состояние здоровья вызывает у большинства испытуемых озабоченность, беспокойство или тревогу. Штриховка фона в два раза чаще встречается в рисунках здоровья. Такая штриховка может говорить о наличии неосознаваемой тревоги о здоровье у испытуемых. Об этом же говорит площадь заштрихованной поверхности в «образах здоровья» в следующей таблице – у 60% испытуемых площадь штриховки занимает более половины поверхности рисунка, что может свидетельствовать о высокой эмоциональной напряженности переживания темы своего здоровья.

Отношение к рисованию деталей изображения говорит о преобладание депрессивного настроения, потери интереса к происходящему и о состоянии безразличия в рисовании образа болезни. Тщательность и аккуратность, подробности в рисовании деталей говорят об интересе к данному явлению и проявляются в полтора раза чаще в образе здоровья, что также говорит о возможной симпатии и привлекательности этого образа.

Крупный размер рисунка (изображения) говорит о значимости изображаемого образа и встречается в одной трети рисунков болезни и более половины рисунков здоровья. Это говорит о том значительном внимании, которое уделяют испытуемые этой стороне своей жизни или его роли в их жизни. Маленькие изображения говорят о несущественной значимости данной стороны своей жизни и встречаются редко.

Сильный нажим в рисовании отдельных деталей или образа целиком присутствует в большем количестве обеих групп рисунков, но наиболее ярко выражен при рисовании болезни. Это говорит о напряженности, эмоциональной стрессовости обеих заданных тем. Слабый

Особенности образов «здоровья» и «болезни» (на примере женщин, перенесших ... нажим говорит об астенизации или упадке сил и энергии. Он слабо представлен у испытуемых, но чаще встречается в рисунках, изображающих болезнь.

Волнистые, плавные линии и округлые изображения встречаются почти во всех рисунках. Возможно, это следствие рисования в трансовом состоянии. Острые углы, вопреки нашим ожиданиям, больше выражены в рисунках здоровья, чем в рисунках болезни. В образах болезни острые углы чаще всего изображают активность болезни как нападающей стороны. В образах здоровья они, по-видимому, свидетельствуют об энергичности и активности человека в этом состоянии.

Большинство испытуемых стремятся использовать в своем рисунке более четырех цветов. Обычно хорошо адаптированные и эмоционально необделенные дети и взрослые используют не меньше двух цветов.

Испытуемые, использующие всего один цвет, боятся проявлять свою эмоциональность. Монохромность, или использование только одного цвета, встречаются только в рисунках, связанных с образом болезни (21% испытуемых).

При изображении темы собственного здоровья в рисунках испытуемых доминируют оттенки желтого и оранжевого цвета, часто встречается зеленый и красный цвета, редко встречаемый – синий.

Преобладающий цвет болезни – черный и близкий к нему – серый. Также встречаются фиолетовый и синий, редко – коричневый

Рассматривая предпочтение и отвержение основных цветов с позиции концепции психологического значения цвета М. Люшера, можно отметить в цветовом изображении здоровья мобилизующие цвета – желтый, оранжевый и красный. Желтый – это надежда на легкость, радость, расслабление, стремление к новому, освобождение, оптимизм, раскрепощение, восприимчивость, расширение возможностей. Красно-оранжевый – это энергичная активность, стремление к успеху через борьбу, возбужденность, потребность действовать и расходовать силы, лидерство, инициативность. Третий по частоте встречае-

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ...

мости – зеленый цвет – это волевое усилие, напряжение, высокий уровень притязаний, стремление к самовыражению, успеху и власти, деловитость, настойчивость, уверенность в себе, энергичная защита своих позиций, упорство в достижении целей.

Преобладание всех трех цветов в рисунке встречается в «образе здоровья» у 28,8% и говорит об активном стремлении действовать, способности проявлять волевые качества в трудных ситуациях, преобладании стеничных, положительных переживаний, оптимистической веры в будущее. Внутренний мир такого человека отличается согласованностью потребностей и способностей, интересов и долга, отсутствием противоречащих друг другу равносильных мотивов поведения. Непродуктивная нервно-психическая напряженность отсутствует; можно прогнозировать высокую, устойчивую работоспособность.

Синий цвет как основной или часто встречаемый дополнительный цвет в рисунках 64,8% испытуемых означает состояние покоя, потребность в отдыхе, эмоциональную стабильность, душевную привязанность в отношении к партнеру, умиротворение, гармонию, удовлетворенность.

Коричневый цвет часто встречаемый как дополнительный цвет в рисунках 50,4% испытуемых означает комфорт телесных ощущений, физическую легкость, сенсорную удовлетворенность.

Указанные цвета также делятся на активные (желтый, красный, оранжевый) и пассивные (синий, зеленый, коричневый). У 36% испытуемых в образе здоровья преобладают активные цвета, что предполагает наличие у них установки на активную деятельность, подкрепленную достаточными энергоресурсами. У 21,6% испытуемых преобладают пассивные цвета, что свидетельствует о преобладании у него установки на покой, отдых, минимизацию собственных усилий. У остальных испытуемых активные и пассивные цвета уравновешены в рисунке.

Преобладающий цвет в картинах «образа болезни» – черный и серый. По М. Люшеру, черный – это отрицание, окончание, отказ, отречение, неприятие, протест, небытие; серый – нейтральность, неуча-

Особенности образов «здоровья» и «болезни» (на примере женщин, перенесших ... стие, социальная отгороженность, свобода от обязательств. Это означает наличие выраженной непродуктивной нервно-психической напряженности, которая проявляется в ограничении социальной активности, регулярных переживаниях «усталости от всего», когда нет сил не только для действия, но даже для постановки целей, ради которых бы стоило действовать. В общем фоне настроения преобладает тревожное ожидание неприятностей, неуверенность в своих силах, разочарование ходом своей жизни.

Таким образом, особенности графической презентации образов здоровья и болезни у испытуемых характеризуются фрагментарностью, что может свидетельствовать о недостаточном их осознании человеком и требует дополнительной психокоррекционной работы по формированию образа здоровья, который во многом связан с мотивацией выздоровления и социальной активностью личности.

К.С. Лисецкий

Психокосметология. «Тайм.-реверс» эффект

ПСИХОКОСМЕТОЛОГИЯ – новое направление в психологии, которое быстро развивается и распространяется в нашей стране и за рубежом. Она изучает эффекты и закономерности психического и телесного взаимодействия в человеческом организме, которые имеют прямое отношение к внешности человека, к его эмоциональной сфере, к самочувствию и настроению.

На Психологическом факультете СамГУ и в ЦПК «УЛИСС» создана авторская программа и профессиональная специализация «Психокосметология» для психологов и косметологов. Программа и методики прошли испытания в течение восьми лет. По результатам экспериментальных исследований написано большое количество научных статей, защищено 9 дипломов, издана монография «Психокосметология: теория и практика» [Лисецкий, 2008]. С 2008 года ведется систе-

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ...

матическая подготовка психологов и косметологов по названной программе. В процессе подготовки слушатели изучают практический метапсихосинтез, современные информационные технологии, феномены и эффекты трансперсональной психологии.

ПСИХОКОСМЕТОЛОГИЯ – наука о влиянии психики на внешний вид и красоту людей. Она изучает психологические средства и методы улучшения физической внешности, стройности фигуры и общей привлекательности человека. Положительные изменения возникают за счет коррекции взаимосвязи психофизического состояния человека и его целостного «Образа Я». Психокосметический эффект проявляется в позитивных изменениях лица и тела человека, уменьшении мимических морщин и психосоматических нарушений. Устойчивость эффекта обеспечивается за счет развития психомоторной активности человека на основе биологической обратной связи (БОС) в процессе формирования новых чувственно-телесных автоматизмов.

Психокосметология имеет свой предмет изучения. Это закономерности взаимосвязи физического состояния человека и динамики развития его «Образа Я». Психокосметология развивается на основе изучения различных психотерапевтических практик, древних ритуалов, как особый вид интерактивного психосинтеза, в который интегрированы последние достижения современной психологии, эстетической медицины и новейших информационных технологий.

Известно, что психические представления человека об окружающем мире и о своих собственных возможностях существенно влияют на психическое и физическое самочувствие носителя этих представлений. Поскольку у человека кроме отражения внешнего мира, общей для всех людей среды обитания, имеется еще и свой собственный внутренний, отображенный мир, то, естественно, возникает вопрос: как эти миры взаимодействуют между собой? Внутренний мир, сокрытый от чужих глаз, открывается человеку лишь посредством психических образов. Психические образы – это элементы внутреннего мира человека, при помощи которых он отражает и «расшифровыва-

ет» внешний мир для самого себя. Психические образы обеспечивают связь сознания человека и его тела. Когда внешний и внутренний миры постоянно не совпадают между собой, человек начинает либо усиленно страдать, либо творчески преобразовывать один из миров.

У каждого человека есть центральный психический образ – образ самого себя. На его «территории» встречаются внешний и внутренний миры. В психологии этот образ обозначается либо заглавной буквой «Я», либо понятием «Образ Я». Этот образ имеет психическое происхождение, однако, он способен оказывать большое влияние на многие биологические процессы организма человека. Положительный «Образ Я» наполняет тело чувствами легкости, силы, уверенности, отрицательный – чувствами тяжести, слабости, беспомощности. «Образ Я» проявляется в поведении, в мимике (в выражении лица), в жестах, в движениях (в походке) человека, в его действиях, в эмоциональных реакциях и даже в образе мыслей. «Образ Я» может расширять и может ограничивать возможности человека. «Образ Я» способствует возникновению постоянного физического напряжения в одной части тела и исчезновению его в другой, что оказывает заметное влияние на обменные процессы и работу внутренних органов человека.

Собственный «Образ Я» может в целом или по отдельным частям устраивать или не устраивать своего «владельца», может нравиться, раздражать или вызывать тревогу. Некоторые его части могут противоборствовать и даже взаимно исключать друг друга, способствуя психосоматическим заболеваниям или обострению личностных проблем человека. И, тем не менее, при любых вариантах, «Образ Я», остается пространством коммуникации между сознанием и телом человека. Как любой психический образ, «Образ Я» подвержен двухсторонней динамике природного и культурного характера. Естественные (природные, биологические) и искусственные (культурные, информационные) причины могут выступать следствиями по отношению друг к другу. Кодированная культурой информация может стать причиной биологических изменений в организме человека, и наоборот,

биологические изменения могут привести к искажению информационной картины психического образа.

Наличие такого рода природно-культурной связи дает нам надежду на выявление биоинформационного механизма преобразования чувственной ткани человеческого тела. Это значит, что, эффективно используя этот механизм, можно замедлить старение человеческого организма, улучшить обмен веществ, сбалансировать работу психических и физиологических функций. «Образ Я» помогает человеку овладеть собой как одной из сил природы.

Сегодня, огромные инвестиции в развитие медицины, химии, косметологии позволили вести масштабные научные исследования и достичь заметных результатов. Наибольшее распространение получили технологии так называемой эстетической медицины для профилактики и коррекции возрастных изменений кожи, к которым относятся: морщины, атрофия кожи, гиперкератоз, обезвоженность, снижение эластичности и упругости кожи, пигментация, нарушения микроциркуляции, процессов обмена веществ.

Предлагаемый косметологией и медициной набор средств и методов омоложения весьма широк, однако, большинство из них направлены на кратковременное изменение «фасада» лица и мало затрагивают причины, вызывающие его ускоренное старение.

Нервная система человека предрасположена реагировать определенным образом на воздействия среды. Не только сердце, но и вся система кровообращения образует нечто вроде «резонатора», в котором получает отражение всякое, даже самое незначительное, изменение в нашем душевном состоянии. Эффективность взаимодействия сознания и тела человека определяется состоянием его эмоциональной сферы. Любая эмоция имеет определенный психологический код и характерный мозговой паттерн, за счет чего получает возможность вмешиваться в биологическую жизнь всего организма. Переживание различных эмоций и соответствующих мышечных реакций у подавляющего числа людей весьма универсально. Именно поэтому человек ока-

зывается способным воспринимать и узнавать эмоциональные состояния других людей, даже не понимая их речи.

Эмоциональная сфера человека существенно влияет на все биохимические процессы в его организме. Наиболее заметно это проявляется в мышечных тканях лица. Известно, что некоторые сильные эмоции оказывают значительное влияние на железы рта, горла и кожи, и что некоторая степень этого влияния, несомненно, имеет место также и в случае более слабых эмоций. То, что пульс и частота дыхания играют ведущую роль во всех эмоциях, известно достаточно хорошо, чтобы приводить доказательства. Также известно о непрерывной работе произвольных мышц лица в наших эмоциональных состояниях. Даже если в этих мышцах не происходит внешних изменений, соответственно с каждым настроением меняется их внутреннее напряжение, ощущаемое в виде изменений кожномышечного тонуса.

Постоянное напряжение в лицевых мышцах – показатель подверженности человека стрессовым воздействиям. Стрессовые переживания проступают на лице человека множеством ранних мимических морщин, тускнеющим цветом глаз, стянутыми вниз уголками губ. Длительное, однообразное напряжение лицевых мышц притупляет чувства, ограничивает мысли, а внутренний мир личности делает пасмурным и скучным.

Избыточное напряжение мимических морщин вызывает у человека множество эстетических и коммуникативных проблем, например, нарушая общение с людьми из-за неадекватно нахмуренного лица. Кроме того, напряжение может приводить к появлению головных болей и даже являться фактором риска возникновения некоторых неврологических заболеваний. Коррекция мимических морщин может иметь как косметический, так и лечебный эффект. Разглаживание кожных складок, позволяет привыкнуть к приятному контролю за выражением лица.

Подтяжка кожи, пропитка ее различными витаминами, татуаж бровей или наращивание ресниц, игло- или электроakupунктурное

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ...

воздействие – все это, а также многое другое, – не более, чем борьба со следствиями стрессогенного характера. Эмоциональный (чувственный) компонент образа лица является связующим звеном, опосредующим влияние психики на телесные переживания. Эмоции, как уже было сказано, обеспечивают тонус мимической мускулатуры, той, что формирует контур и рельеф лица (морщины и тропика лица также являются следствием эмоциональной напряженности мимической мускулатуры). Поэтому позитивная коррекция эмоциональной сферы человека и его «Образа Я», приводит к положительному изменению рельефа, контура и привлекательности его лица.

С психологической точки зрения, стресс представляет собой биологическую угрозу организму в результате информационного воздействия на него. Стресс и его влияние на людей изучает психология, а не косметология. Опыт показывает, что значительный потенциал психологической науки и практики способен оказать существенную помощь в охране молодости и красоты каждого человека.

В предыдущих публикациях, мы уже приводили перечень, так называемых, «разрушителей» красоты [Лисецкий, 2009]. К ним относятся:

1. стресс, напряжение
2. однообразие эмоций, бедность мимики
3. низкая самооценка, неуверенность в себе
4. страх старения
5. психосоматические нарушения в лице и теле
6. различные заболевания
7. неэффективное поведение
8. истерическое стремление к красоте как самоцели
9. частые разочарования

Так же ранее, нами были выделены основные направлениям психокосметологической практики:

- регенерация чувственно-телесной сферы организма человека;
- психологическое сопровождение косметических процедур, пластической хирургии, программ снижения веса;

- повышение личностной эффективности;
- формирование оптимальной стрессоустойчивости;

Цель психокосметики (комплекса средств и методов психологического воздействия) – сделать человека как можно более привлекательным для себя и окружающих.

Мы составили классификацию моделей (программ) работы с лицом и телом человека, в которую вошли как общеизвестные так и авторские разработки.

1. **Релаксационные.** Методы расслабления прикосновениями, словом (текстами), музыкой, в качестве сопровождения процессов регенерации организма и повышения эффективности воздействия косметических препаратов.

2. **Психокоррекционные.** Коррекция «Образа Я». Изменение самовосприятия и самоотношения. Повышение самооценки и уверенности в себе.

3. **Психомоторные.** Согласование душевных и телесных процессов, мышления, чувств и движений. Телесно-ориентированная психотерапия. Формирование специализированных автоматизмов самопроизвольной регенерации организма человека..

4. **Психотерапевтические.** Решение проблем личности и освобождение от комплексов неполноценности. Личностный рост. Развитие личной эффективности, новых способностей и возможностей.

5. **Психофизиологические.** Психопунктура как специфическое воздействие на активные точки организма человека.

6. **Биоинформационные.** Биологически значимая прямая и обратная связь.

В процессе научно-практической деятельности мы пришли к выводу, что психокосметологические проблемы человека могут эффективно решаться только комплексно и системно. Разрабатывая авторскую Психокосметологическую Метамодель, мы опирались на известные психологические теории и современные достижения в сфере биологии, рефлексологии, информатики и антропологии, традицион-

ные оздоровительные практики и новые технологии европейской эстетической медицины. В этой статье мы только обозначаем последние научные достижения в сфере Психокосметологии. Тем не менее, они могут заинтересовать практикующих психологов, косметологов, врачей, менеджеров, педагогов, телевизионных ведущих, всех, чья работа связана с влиянием на людей.

В обосновании авторской метамоделю нашли отражение концепции и идеи психомоторного взаимодействия в организме человека (Н.А. Бернштейн) сенсомоторного психосинтеза (В.В. Кучеренко), мультисубъектного подхода (В.А. Петровского), идея о самовосстановлении (организма, чувств, мыслей, представлений и образов), БОС, перцептивной динамики, отраженной мимической активности (ОМА), психотерапевтической трансформации личности, а также синергетический эффект и онтосубъектный подход к формированию «Образа Я» (К.С. Лисецкого).

Проведенные исследования подтвердили положение о том, что образ тела человека представляет собой сложное единство восприятия, установок, оценок, представлений и переживаний, связанных с внешностью человека и его целостным «Образом Я». Особое место в образе тела занимает образ лица, который включает в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты.

В нашей работе впервые была осуществлена синхронизация воздействий на психомоторную сферу человека в сочетании с отраженной мимической активностью и биологически значимой обратной связью. Это сочетание было положено в основу методики «Тайм-реверс» («Время-назад»), которая заключается в позитивной трансформации «Образа Я» и формировании системы устойчивой внутриличностной самоподдержки.

Разработанный нами в 2007 году программно-методический комплекс в состав которого вошли новые программы «Отраженной мимической активности», «Аутогенной акупунктуры», «Хронотерапии» (предупреждения геронтофобии – страха старения у женщин) и мето-

дика «Тайм-реверс» в процессе экспериментальных исследований объективно показали высокую результативность в разглаживании мимических морщин и уменьшении психосоматических нарушений в лице и в теле человека.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОГРАММЫ «ТАЙМ-РЕВЕРС»

Программа представляет собой специальный психологический тренинг, состоящий из четырех групповых и восьми индивидуальных занятий, с параллельным проведением, в количестве двух-четырех специализированных косметических процедур. После окончания проводится проверка качества достигнутых результатов. На завершающем контрольном занятии проверяется эффективность психодинамического «ключа» (Тайм-реверс) способствующего самопроизвольной регенерации организма человека. Из косметических процедур наибольшую эффективность в процессе освоения методики «Тайм-реверс» показал вакуумный массаж (дермотония) в качестве средства формирования устойчивой памяти заданных телесных ощущений и дальнейшего их психологического моделирования.

1. В процессе групповых занятий, для формирования нового позитивного «Образа Я», используется техника «Интерактивный психосинтез». Продолжительность одного занятия один час двадцать минут. Работа ведется в форме развития навыка диссоциации архетипических образов, опредмечивания их и последующего мотивационного согласования в качестве основы внутриличностной системы самоподдержки. Это способствует развитию воображения, творческого мышления и комплексной саморегуляции личности, восстанавливает эмоциональное равновесие и освобождает от излишней тревожности.

2. В процессе индивидуальных занятий с клиентом, под руководством психолога, осуществляется формирование и укрепление его внутриличностной системы самоподдержки. Занятия включают психодиагностические процедуры, овладение методикой БОС, подбор и конструирование возрастной регрессионной матрицы, формирование

и коррекцию позитивного функционально устойчивого «Образа Я», моделирование психодинамических автоматизмов самопроизвольной регенерации организма для каждого отдельного человека.

3. Вакуумный массаж лица или всего тела проводится в 2-4 сеанса. Это способствует формированию телесной памяти самопроизвольно воспроизводимых позитивных ощущений.

4. На завершающем занятии производится окончательная установка и проверка качества работы психодинамического «ключа» (Тайм-реверс), что представляет собой психологическую фиксацию пускового механизма интенсивной регенерации тела человека в процессе синхронизации его интеллектуальной, эмоциональной и физической активности.

Психокосметологические воздействия исключают передачу инфекционных заболеваний, использование гормональных препаратов, аллергические и другие негативные эффекты биохимического воздействия. Психокосметология не требует дорогостоящих лекарств, но имеет значительную продолжительность действия. Она способствует улучшению не только состояния (качества) лица, но и общему улучшению самочувствия человека. Безопасность, экологичность, доступность и сочетаемость с любыми косметическими технологиями позволило психокосметике стать надежным средством предупреждения старения человеческого лица и тела.

Результаты экспериментального исследования

В 2007 году в экспериментальной проверке методики «Тайм-реверс» приняли участие 78 женщин в возрасте от 27 до 54 лет – клиенток косметических центров г. Самары, «Центра Практической Психологии» и «Центра Психокосметологии «Улисс» (Научно – практической лаборатории психологического факультета Самарского государственного университета). Экспериментальная группа состояла из 28 человек, контрольная группа – из 27 человек. Отдельно исследовалась группа для исключения эффекта плацебо. В ее состав входили еще 23 человека.

С испытуемыми экспериментальной группы во время косметических процедур проводилась работа по разработанной нами методике. «Тайм-реверс» В контрольной группе проводились только косметические процедуры. В группе для исключения плацебо-эффекта косметические процедуры сопровождались комментариями о механизме действия косметических процедур и косметических средств.

Апробация данной методики осуществлялась в течение двух месяцев, с последующим наблюдением за результатами в течение двух лет. Для фиксации полученных результатов, мы использовали разработанную нами ранее систему критериев физических параметров лица клиента:

- 1) наличие морщин;
- 2) однородность (гомогенность) цвета кожи;
- 3) гладкость кожи;
- 4) увлажненность кожи;
- 5) эластичность кожи;
- 6) отечность;
- 7) четкость овала лица;
- 8) наличие высыпаний на лице;
- 9) мимическая подвижность лица.

Расшифровка критериев физических параметров лица человека

	Физиологические процессы, лежащие в основе изменений
Наличие морщин	Частое сокращение определенных групп мышц. Уменьшение водно-электролитного баланса в коже. Увеличение количества свободных радикалов (токсинов). Пониженное кровоснабжение кожи. Замедление лимфообращения. Разрыхление коллагена и эластина (в норме – свернуты в цепочку, а с возрастом – разволокняются). Незначительное нарушение гормонального фона.

НАПРАВЛЕНИЕ 5. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ...

Однородность цвета кожи	Местное нарушение кровообращения в сосудах. Накопление свободных радикалов, плохой вывод шлаков. Слабость сосудистой стенки. Значительное нарушение гормонального гомеостаза (заболевания щитовидной железы, печени, надпочечников).
Гладкость кожи	Последствия угревой сыпи, рубцы. Нарушение салоотделения (накопление – бугорки, недостаток – сухая кожа). Снижение иммунитета, приводящее к размножению патогенных бактерий – демодекс, стафилококк. Агрессивная окружающая среда.
Увлажненность кожи	Особенности крово- и лимфообращения. Особенности питания, недостаточное потребление жидкости (менее 2 литров в день), влияние климата, времени года. Гиповитаминоз.
Эластичность	Состояние коллагеновых, эластиновых волокон, состояние подкожно-жировой клетчатки (когда через нее проникают кровеносные сосуды).
Отечность	Нарушение лимфообращения – застой лимфы, вызванный пониженным тонусом кровеносных и лимфатических сосудов. Нарушения гормонального фона, приводящее к изменениям в калиево-натриевом насосе и нарушению осмотического давления в клетках. Хронические заболевания почек.
Четкость овала лица	Слабость связочного аппарата, поддерживающего мышцы, слабость самих мышц. Особенно выражено у полных людей (оттягивает жировая прослойка).
Высыпания на лице	Нарушения гормонального фона, вызывающее повышение салоотделения, нарушения жирового и углеводного обмена. Нарушение иммунитета, приводящее к присоединению стафилококковых и стрептококковых инфекций.

Для клиентов был введен дополнительный критерий – «личная удовлетворенность собственным лицом». Оценка лица клиента по данным критериям осуществлялась в виде 10-балльных шкал, по которым сами испытуемые, профессиональные консультанты-косметологи и эксперты оценивали лицо испытуемого до и после психокосметических процедур. Эмпирическим коррелятом позитивной динамики образа лица выступают положительные физиологические изменения в лице клиентов, зафиксированные группой независимых экспертов, профессиональными косметологами и самими клиентами.

Уровень внушаемости в группах определялся по следующей схеме: если результаты оценок у клиентов значительно расходились с результатами оценок эксперта и косметолога по большинству параметров, то предполагалось, что клиент обладает высоким уровнем внушаемости, так как субъективно искажает оценки. Такие люди из исследования исключались, общее количество исключенных нами человек – 5.

Подробно материалы исследований и математической обработки приведены в дипломных работах Д. Двойковой и Л. Кутявиной в статьях и докладах на научно-практических конференциях.

Полученные данные, а также проведенный дополнительно статистический анализ показали, что оценка произошедших изменений косметологом, экспертами и самим клиентом хорошо согласуются друг с другом, и разницу между такими оценками можно считать незначимой. Анализ изменений, произошедших в трех группах, по t-критерию Стьюдента показал, что в экспериментальной группе существует значимая динамика по всем шкалам, кроме №8 (наличие высыпаний на лице). Подобная картина (незначительная динамика показателя №8) наблюдалась и в других наших исследованиях. Сравнение экспериментальной и плацебо-групп позволяет утверждать, что повышение эффективности от проведения косметических процедур при одновременном проведении психокоррекционной работы не может быть объяснено только плацебо-эффектом, а потому является результатом рабо-

ты психолога. При этом величина положительных изменений, произошедших с лицами клиенток в результате проведения специализированных психологических занятий по методике «Тайм-реверс», значительно выше по всем использованным параметрам оценки, кроме параметра четкости овала лица (на динамику которого предлагаемая программа оказывает меньшее влияние) и наличия высыпаний на лице (на который программа не оказывает существенного влияния).

Ближайшими перспективами наших исследований мы видим промышленную разработку нового поколения программно-методического комплекса разглаживания мимических морщин и уменьшения психосоматических нарушений в лице и теле человека, широкомасштабное внедрение программы психокосметической коррекции фигуры человека, а также реализацию широко доступной модели «Анти-стрессор» и «Психопунктура».

Мы уверены, что новое направление в деятельности психологов – Психокосметология – в ближайшее время займет соответствующее место в сфере улучшения качества жизни людей и косметических услуг.

Литература

1. *Лисецкий К.С.* Культура вынужденных желаний // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2003.
2. *Лисецкий К.С.* Субъектность личности: собственная и заимствованная // Известия СНЦ РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии». – Самара, 2006.
3. *Лисецкий К.С.* Как и каким образом эмоции вызывают физические заболевания. – Самара, Изд-во «Универс групп», 2007.
4. *Лисецкий К.С.* Психокосметология теория и практика. 2ое изд. – Самара : Изд-во «Универс групп», 2008.
5. *Лисецкий К.С.* Психокосметология: основы метамоделирования / Психологические исследования: Сб. науч. трудов. Вып.7 / под ред. А.Ю.Агафонова, В.В.Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2009.

НАПРАВЛЕНИЕ 6. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Е.С. Гусева

Особенности представлений о личности в православном богословии

На сегодняшний день в психологии отсутствует единое представление о личности. Внутри каждого из многочисленных психологических направлений существует свой взгляд на личность. Психоанализ З. Фрейда, индивидуальная психология А. Адлера, гуманистический психоанализ К. Хорни, психология личностных конструктов Д. Келли, трансперсональная психология А. Маслоу, диалектический гуманизм Э. Фрома, социально-когнитивная теория А. Бандуры, межличностная теория психиатрии Г. Салливана – некоторые из тех подходов к человеку, которые считаются классическими [Фрейджер, Фрейдимен, 2006].

Несмотря на многообразие психологических теорий, приверженец экзистенциального направления психологии XX века В. Франкл критиковал многие из них: «Не только физиология, оказывается, не доходит до личности, но и психологии это также не удается, по крайней мере, тогда, когда она впадает в психологизм... Не только заболевание относится лишь к психофизическому организму, а не к духовной личности, но и лечение» [Франкл]. Личность для Франкла духовна, а психология часто проецирует ценности из духовного простран-

ства на плоскость пространства душевного – отсюда и совесть превращается в «супер-эго», и Бог становится проекцией образа отца [*Там же*].

Позиция Франкла отражает недостаточность рассмотрения личности в одном лишь психологическом аспекте. Тем более, что само понятие «личность» впервые возникло не в психологии и даже не в античной философии, а в христианском богословии, где, прежде всего, рассматривается как личность Бог, а затем только – человек.

Космос как абсолютное божество обладал у древних греков телом, но не личностью, он был неодушевлен. Как замечает А.Ф. Лосев, «античная культура не только скульптурна вообще, она любит симметрию, гармонию, ритмику, то есть все то, что касается тела, его положения, его состояния» [*Лосев*]. В антике отсутствует термин, эквивалентный понятию «личность». Античное понятие идеи – «эйдос» отличается от такового в немецком идеализме. Платон пишет: мальчик хорош лицом, прекрасен, но если его раздеть, то его идея будет еще лучше. С точки зрения Лосева «идея» здесь означает – «фигура», «стан», она не выходит за пределы физического ощущения. «Характеризуя свое объективное бытие, грек употребляет термин «усия», но плохо различает факт бытия и смысл бытия». Термин «субъектум» изначально имел тот смысл, который в современной психологии вкладывают в слово «объект». Это то, что «подложено» под конкретное качество и свойство, которым обладает данная вещь. А латинское «объектум» – это только тот объект, который дан нашим чувствам, то есть, находится перед нами. Латинское слово «индивидуум» – буквально в переводе означает – неделимое. Поэтому, с этой точки зрения, мы можем сказать, что и стол и стул – такие же индивидуумы, как и мы. Слово «просопон» – то, что бросается в глаза, выражение лица, наружность. Позднее – маска, которую надевает актер. Даже понятие «чувства» отсутствовало у греков. В переводе «айстесис» – не чувство, а пассивное ощущение. Латинское же «сенсус» – не просто ощущение, а осязательное ощущение. Греческое «патос» имеет

смысл страдательного залога, указывая на пассивность, а вовсе не на болезненность. Лосев так формулирует итог развития античной культуры: «Я несусь и несу неизбежных пыланий глухую грозу, и рыдаю в пустынях эфира. Так кончились те светлые дни, когда человек молился на звезды, возводил себя к звездам и не чувствовал своей собственной личности» [Лосев].

Только в средневековой философии появляется понятие «личность». Оно связано с признанием в человеке образа и подобия Бога, а также с возникновением представлений о Божественной личности [Зайденберг, 2001]. Представление же о Божественной личности связано со спорами внутри тринитарного богословия и их результатом – принятием двух центральных христианских догматов: учения о Божестве Троице (381 г.) и учения о Богочеловечестве Христа (Халкидонский догмат, 451 г.). Согласно этим догматам Бог имеет одну сущность или, по-другому, – одну природу, и три лица или личности: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух. Во Христе же стали видеть две природы – Божественную и человеческую, и одно Божественное лицо. А. Кырлежев пишет о том, что эти догматы отвели личности место за пределами божественной и человеческой природы [Кырлежев, 2001]. Так, например, если Максим Исповедник говорил о двух волях во Христе – Божественной и человеческой – надо полагать, что воля рассматривается как часть природы, а значит, она не относится к проявлениям личности [Там же].

Понятие «личность» тесно связано с понятием «ипостась», которое было впервые введено Посидонием в I в. до Р.Х. Ипостась у него – единичное реальное бытие в отличие от «кажущегося» и «мыслимого» [Мышкина]. Позже Плотинем на закате античности проводилось различие: «сущность» он рассматривал как «бытие вообще», а «ипостась» как «определенное бытие» [Гуревич]. Но в значении «личность» слово «ипостась» впервые употребил Святитель Василий Великий, у которого читаем, что, говоря об общем во всех людях, мы имеем в виду природу человека (сущность человека), а говоря о том,

что уникального есть в каждом человеке – мы имеем в виду его личность, или ипостась [*Свт. Василий Великий*, 1911].

Григорий Богослов подчеркивает не только уникальность личности, но говорит, также, и о ее совершенстве, самостоятельности и разумности, ипостась для него – индивидуум разумной природы [*Свт. Григорий Богослов*, 1994]. Григорий Нисский учит, что «личность есть избавление от законов необходимости, не подвластность господству природы, возможность свободно себя определять» [*Лосский*, 1991].

Одним из важнейших этапов становления богословской мысли является антропологическая концепция Аврелия Августина. Именно Августин, по мнению Бубера, поставил антропологический вопрос в первом лице [*Гуревич*]. До этого у Аристотеля человек говорит о себе только в третьем лице. У Августина человек уже не един – он расколот на две противоположные части – Света и Мрака. Таким образом, внутри человека происходит постоянная борьба, конфликт. Человек Августина – таинство, загадка, всем вокруг восхищающаяся, все познающая. И самопознание его всегда начинается с момента изумления перед самим собой. Личность человека родоначальник христианской догматики признает самобытной и неповторимой [*Там же*].

Личность в традиции средневековья раскрывается полностью и выполняет свое предназначение только восходя к Божественному «Ты», к Божественной личности. Так становление человека как личности у Августина, например, идет от преодоления себялюбия в любви к Богу [*Там же*]. М.С. Мышкина, рассматривая представления о личности в христианском средневековье, замечает: «Личность описывается не тем, чем является человек, а тем, чем он стремится стать, реализуя залог долженствования. В Средневековье оформляется центральный христианский догмат, который является эталоном в духовной работе по «восстановлению» своей природы. Это становится возможным только при условии осознания человеком себя как сложной системы телесно-духовной природы, если личность рассматривать как

задание, как искомые для индивидуальности личные отношения человека с Творцом» [Мышкина].

Средневековый человек – лишь частичка Вселенной, а не ее хозяин, как стало принятым считать в эпоху Ренессанса: «Что есть человек, что Ты помнишь его?» – обращается Августин к Богу [Гуревич]. Для Ренессанса личность становится центральным понятием, обретая самостоятельную ценность, не связанную с отношением к Богу. Эпоха Ренессанса ознаменовалась поиском индивидуального мнения, вкуса, образа жизни, то есть возвышением личности как таковой. Ганс Зедльмайер (1896 г.) выделил и описал эпоху готики (1140-1470 гг.), как время обожествления человека [Там же]. Совершенство тела принимается за образ духовного свойства, нагота становится символом правдивости и невинности. В Христе видят, прежде всего, красивого атлета – победителя смерти, а господствующим религиозным чувством становится – чувство триумфа, воплотившееся в пышности храмов. Современник Ренессанса Н. Кузанский утверждал, что нет ни одной вещи, которая не предпочитала бы собственное бытие иному бытию; все, что существует, не желает быть в вечности ничем иным, кроме себя самого, всегда более совершенного, чем все остальное [Там же]. А.С. Гуревич считает, что традиция восприятия человека, берущая начало в Итальянском Возрождении, продолжается, и по сей день [Там же]. Пережив эпоху Просвещения, идея личности в западной Европе подверглась существенной трансформации и отошла от традиционно христианской точки зрения.

На представления средневековой патристики, на идеи Василия Великого и Григория Богослова опирается современная православная антропология, более ортодоксальная в сравнении с протестантской и католической [Никонов, 2001].

«Венец онтологической школы русского богословия» – П.А. Флоренский говорит, что не только Бог нисходит к человеку, но и человек восходит к Богу. Человек – «икона Божия на земле», он воспринимает Божественные энергии и онтологически соединяется с

самим существом Бога». Большое внимание Флоренский уделяет творчеству, как смыслу существования и главной сущностной силе человека, тому, что ведет к раскрытию человеческой личности [Гуревич]. Человека же самого рассматривает как единство телесного, духовного и душевного. Средоточием же духовной, душевной и телесной жизни Флоренский называет сердце: «Очищение сердца дает общение с Богом, а общение с Богом выпрямляет и устрояет всю личность подвижника. Как бы растекаясь по всей личности и проникая ее, Свет Божественной любви освящает и границу личности, тело, и отсюда излучается во внешнюю для личности природу» [Флоренский, 2002].

С.С. Хоружий замечает, что божественный свет с точки зрения православия не только не обезличивает, но и «претворяет в личность», как говорил Софроний, «актуализует в нас ипостасное начало», в отличие от восточных школ и течений, в которых человек растворяется в Абсолюте, теряя свое Я – в них нет места построению межличностного диалога с Богом [Хоружий, 1999]. Таким образом, личность – это всегда связь, соединение с Богом, при этом нарушение этого единства влечет за собой нарушение во взаимоотношениях между людьми, а его достижение трансформирует перцептивный аппарат человека, преображает его тело, иными словами, речь идет о психосоматике [Гуревич]. Вовлечение в духовный процесс ведет к расширению, усилению, утончению познавательной системы [Хоружий, 1999]. П. Евдокимов говорит о взаимопроникновении души и тела: тело одухотворяется, а душа переживает телесное [Медведев].

Неслучайно именно в православной традиции получила широкое распространение «мистика диалогического Богообщения» – исихазм. Исихаст принимает обет молчания для того, чтобы приблизиться к Творцу. Стержнем исихазма является безмолвная молитва – «беседа ума к Богу». На первом этапе совершается покаяние подвижника, суть которого в борьбе со страстями, контроле над помыслами, в том числе и невербальными. Помыслы изгоняются, тогда как «чувства воз-

греваются» – в этом и состоит отличие православного Богообщения от восточных практик, цель которых – освобождение от чувств в пользу чистой интеллектуальности. На первом этапе общения для установления контакта важнейшая роль отводится слуху. Главная молитва во Второзаконии открывается словом «Шема!», то есть – «Слушай!» Но христианство на этом не останавливается, и следующим этапом духовного продвижения провозглашает зрение как теснейшее соприкосновение с Творцом. При этом, созерцая свет, подвижник сам становится светом, но личности своей не теряет: « в обожении Петр остается Петром, Павел – Павлом и Филипп – Филиппом». С.С. Хоружий дает этому следующую интерпретацию: «Умные чувства не связываются с отдельными телесными органами, но они и не разделяются на отдельные модальности; коль скоро весь человек одновременно и слух, и зрение, то, стало быть, зрение и слух представляют собою единую общую модальность – панперцепцию, всевосприимчивость» [Хоружий, 1999]. Григорий Палама, разбирая исихастские созерцания на пути духовного преображения, свидетельствует о том, что информацию мы воспринимаем посредством духа, а не через отдельные органы чувств и разные модальности: «Видение не есть ощущение, ибо Свет воспринимают не через органы ощущения, и оно не есть мышление, ибо его не находят путем рассуждений и рассудочного знания... Свет был увиден не чувствующей силой, поскольку тогда его видели бы и бессловесные существа, а воспринимающей через ощущение умной силой, верней, даже не ею, потому что тогда всякий глаз увидел бы свет... Человек видит тогда духом, а не умом и не телом» [Там же].

Часто такие понятия как «личность» и «образ Божий» в человеке отождествляются богословами. При этом священник А. Лоргус, следуя за Климентом Александрийским, выступает против сложившейся традиции: «Православие учит, что образ Божий есть в каждом человеке, что каждый человек есть личность. Однако при этом забывают, что образ дан, а личностью надо стать... каждый человек личность, но

только потенциально, а не в действительности. Образ Божий в человеке есть семя, а личность – росток, вырастающий из него... «Усовершенствование» понимается как путь осуществления образа, как становление личности. Причем, что сходно с учением о личности, подобия человек может и не достигнуть» [Лоргус, 2003].

Представитель русской религиозной философии Н. Бердяев писал о становлении личности: «Борьба за реализацию личности есть борьба против чуждого во мне, порабащающего меня... Отказ от духовности, от свободы, от личности мог бы уменьшить боль, но это бы означало отказ от достоинства человека». Человек, по его мнению, должен преодолеть поглощенность своим «я», и только тогда он сможет реализовать свою личность, так как «я» не есть еще личность: «Источник страданий человека двойной – в непреодолимой стене вне его и непреодолимой стене в нем самом, в унижительном рабстве от чуждости мира и еще более унижительном рабстве от самого себя, от того, что есть «не-я», но кажется человеку принадлежащим к его «я». Можно считать несомненным, что большая часть страданий и несчастий связана с поглощенностью своим «я», с ячеством» [Бердяев, 2006].

Б. Воскресенский указывает на то, что нормой для личности как для духовного существа является Христос. Гармоничное развитие личности – категория духовная [Воскресенский, 2001]. У Г. Гутнера читаем, что как бы глубоко ни была поражена грехом человеческая природа, личность остается вне греха [Гутнер, 2001]. С этой точки зрения, покаяние – это освобождение личности от гнета внешних оболочек. Такое освобождение должно быть сопряжено с отказом от весьма глубоких и прочно укорененных черт, настолько глубоких, что расставание с ними кажется отказом от себя самого, собственной индивидуальности. Но этот отказ на самом деле саму личность не затрагивает [Там же].

Архиепископ Платон называет основной чертой личности стремление к свободе и самоопределению [Шеховцова, 2001]. А. Копировский, например, обеспокоен тем, что иконы многих современных нам

иконописцев слишком стилизованы, чрезмерно следуют образцам, хотя самовыражение в иконописи сегодня приветствуется [Копировский, 2001]. Об этом в интервью ярко заявляет самый значительный иконописец современной России архимандрит Зинов: «Главное для начинающего иконописца – жить в церкви. А далее он *сам* поймет, что ему важно, а что нет...». Хотя еще не так давно Стоглав, наивысшим образом оценивая творчество А. Рублева, делая его образцовым, закрывал, тем самым, возможность для свободного, личностного развития иконописи [Там же].

Анализируя православные представления о личности, Л.Ф. Шеховцова определяет ее бытие как «экстенсивно раскрывающееся, ценностно – ориентированное и нравственно – становящееся» [Шеховцова, 2001]. Предназначение личности – отдать себя в дар другому или Богу. Подчеркивается, что личность – источник творчества [Там же]. Святой Максим Исповедник говорит о том, что в акте творения присутствовало разделение тварного мира на чувственную и умозрительную части, каждая из которых, в свою очередь, подверглась дихотомии, присутствующей на всех нижележащих уровнях творения: небо-земля, рай-ад, человек-животные, мужчина-женщина. Адам же должен был превзойти все эти разделения сознательным деланием, соединив в себе всю совокупность тварного космоса. Например – создать абсолютный союз с Евой, превратить всю землю в рай и т.д. И только тогда он смог бы воссоединиться с Богом, достигнуть обожения [Лосский, 1991]. Лоргус пишет: «Творчество есть проявление божественного промысла, промысла доброделания человека [Лоргус, 2003]. Адаму надлежало потрудиться, выполнить возложенную миссию, исполнить предназначение. Если человек свободен и наполнен божественным знанием, если ему открыты и Божия любовь, и смыслы мира, то он, первозданный человек, «обречен» быть творцом, подобным Самому Творцу». Архимандрит Киприан (Керн) замечает: «Если Бог Творец, и Творец из ничего, то и мы, созданные по образу Творца, являемся тоже творцами несуществующих до того предметов и обра-

зов...» [Там же]. Об этом же свидетельствует высказывание Святителя Григория Паламы : «То, что естество соединено с рассудком, открывает разнообразное множество искусств, наук и познаний... творчество вещей из ничего (разумеется, не из совершенного небытия, ибо это дело Божие), все это дано только людям» [Там же].

Наиболее полное представление о человеке содержится в учении известного врача, Архиепископа Луки Войно-Ясенецкого [*Святитель Лука*, 2008]. Он отстаивает «кардиоцентрическую позицию», понимая человека как триединство духа, души и тела. Дух – та часть в человеке, которая от Бога и имеет начало в Духе Божьем: «Духовность есть высшее достижение человеческой души...» К духовной сфере он относит ум, основные черты характера, нравственность, высшие способности, творчество, самосознание, любовь: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание». Высшим проявлениям духа Святитель Лука считал те способности человека, которые сегодня находятся в компетенции парапсихологии: телепатия, ясновидение, телекинез и т. д. «Дух сразу обнимает все и мгновенно воспроизводит все в его целостности... Дух может работать бессознательно».

Душевная же сфера – та сфера, где духовное теснейшим образом переплетено с телесным. «При жизни дух и душа человека соединены в единую сущность, которую можно назвать просто душой». Характер, к примеру, надо рассматривать в качестве важнейшего проявления как души так и духа. Но дух имеет способность отделяться от души и тела и существовать самостоятельно.

Когда мы говорим о наследственности, то имеем ввиду именно духовную наследственность, так как, как считал Святитель Лука, «наследуются только основные черты характера, нравственность, высшие способности ума, чувства, воли» [*Святитель Лука*, 2008].

Дух, душу и тело человека известный богослов В.Н. Лосский обозначает как природу. Природа у всех людей одна, пишет он: у каждого из нас есть душа, тело, дух, но, тем не менее, мыслим и живем

мы по-разному, так как личность у каждого своя. В.Н. Лосский считает, что личность надприродна, то есть не зависит от природы человека, но способна эту природу преобразить. В «Догматическом богословии» автор замечает, что личность – это «что-то высшее» в человеке, выше чем душа и дух, но конкретного определения личности не дает, отмечая только, что личность – образ Божий в человеке. В другом месте он говорит о личности как об истинности, независимости от природы: «Человек в большинстве случаев действует по естественным импульсам: он обусловлен своим темпераментом, своим характером, своей наследственностью, космической или социально-психической средой, даже собственной своей «историчностью». Но истинность человека пребывает вне всякой обусловленности, и его достоинство в возможности освободиться от своей природы – не для того, чтобы ее уничтожить, а чтобы преобразить ее» [Лосский, 1991].

Священник Православной Церкви С.Н. Булгаков вслед за Оригеном развивает теорию предсуществования человеческого духа, тесно связанную с традицией неоплатонизма [Лосский, 1996]. Идея «предсуществования» рассматривает человека как падшего Бога, поэтому является официально не признанной Православием. В споре о Софии В.Н. Лосский критикует С. Булгакова: Личность человека по Булгакову не является сотворенной Богом из ничего, она сама приравнивается к Богу, претерпевающего ущербление после попадание в тело. Грехопадение с этой точки зрения было предопределено тем, что сам Творец изначально создал человека несовершенным. Это делает возможным перекладывание на Бога ответственности за свои собственные поступки, признает справедливым оправдание Адама: «Жена, которую Ты дал мне, она дала мне от дерева, и я ел» [Там же].

Подводя итоги, можно отметить, что на сегодняшний день в православном богословии единое и хорошо разработанное учение о личности отсутствует, о чем ярко свидетельствует замечание В.Н. Лосского: «До сих пор не встречал в святоотеческом богословии

того, что можно было бы назвать разработанным учением о личности человека...» [Лосский, 2000].

При этом, можно выделить ряд характеристик, которые смогли бы в общих чертах обозначить границы понятия «личность», сложившегося в православном богословии: врожденность; сознательность; нравственная ориентированность; динамичность, перманентное развитие; независимость – свобода от физиологических и социально-психологических факторов; индивидуальность; сверхспособности как проявление высшего уровня развития личности; творческая активность; повышение эффективности когнитивного аппарата.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Царство духа и царство Кесаря. – М.: АСТ Хранитель, 2006.
2. *Воскресенский Б.* Расстройства личности: духовные или душевные // Материалы Междунар. научно-богословской конференции, 2001.
3. *Свт. Василий Великий.* Письмо 38 к Григорию Брату. Творения. – СПб., 1911.
4. *Свт. Григорий Богослов.* Слово 33. Против ариан и о самом себе. Творения. – СПб., 1994.
5. *Гуревич П.С.* Философия человека. М.: Библиотека учебной и научной литературы // [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.i-u.ru](http://www.i-u.ru)
6. *Гутнер Г.* Христианское понимание личности и современная философия сознания // Материалы Междунар. научно-богословской конференции, 2001.
7. *Зайденберг С.* Софиологическая и неопатристическая концепции личности // Материалы Междунар. научно-богословской конференции, 2001.
8. *Копировский А.* Иконописец: индивидуальность и личность // Материалы Междунар. научно-богословской конференции, 2001.
9. *Кырлежев А.* Проблемы богословского понимания личности // Материалы Междунар. научно-богословской конференции, 2001.

10. *Лоргус А.* Православная антропология. Курс лекций. Вып. 1. – М.: Граф-Пресс, 2003.

11. *Лосев А.Ф.* Двенадцать тезисов об античной культуре // [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.psulib.ru](http://www.psulib.ru)

12. *Лосский В.Н.* Богословское понятие человеческой личности // Богословие и Боговидение. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 2000.

13. *Лосский В.Н.* Догматическое богословие. – М.: Центр «Сэи», 1991.

14. *Лосский В.Н.* Спор о Софии // Статьи разных лет. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1996.

15. *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).* Дух, душа, тело. – М.: Дарь, 2008.

16. *Медведев М.Ю.* Православное учение о личности и его некоторые прикладные аспекты // Восьмые Рождественские Международные Образовательные чтения (в печати).

17. *Мышкина М.С.* Идея личности в христианской культуре Средневековья (в печати).

18. *Никонов К.Н.* Религиозная антропология: христианское учение о человеке в историческом и современном контексте. – М.: Книжный дом «Университет», 2001.

19. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. – М.: АСТ, 2002.

20. *Франкл В.* Десять тезисов о личности. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.reshma.nov.ru](http://www.reshma.nov.ru)

21. *Фрейдджер Р., Фрейдимен Д.* Личность: теории, упражнения, эксперименты. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.

22. *Хоружий С.С.* Заметки к энергийной антропологии // Вопр. философ. №3, 1999.

23. *Шеховцова Л.Ф.* Представление о личности в современной психологии и христианстве // Материалы Междунар. научно-богословской конференции, 2001.

Ю.В. Заманаева, Е.А. Бурина, А.Л. Скачкова

Психологические механизмы переживания жизненных «обретений»

*Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента РФ
(грант № МК-828.2009.6)*

Психологические закономерности переживания человеком тяжелых жизненных событий – актуальное в последние годы направление в психологической науке и практике. Изучаются виды таких жизненных событий и особенности их переживания, когнитивная, аффективная и поведенческая симптоматика, совладающее поведение, стадии переживания, факторы, влияющие на конструктивность переживания, методы психологической помощи. Мы предлагаем сосредоточиться на изучении психологических закономерностей переживания сложных жизненных событий и того, каким образом влияет на конструктивность их переживания способ интерпретации, осмысления человеком жизненных событий в целом.

Новизна предлагаемого исследования состоит в том, что из всех сложных жизненных событий мы выбрали для исследования группу событий, которые объективно характеризуются как «обретения» (появление в жизни желаемого нового – и материального, и нематериального). Категория «обретений» воспринимается изначально как положительная, таковыми обычно бывают и ожидания человека. Однако это событие на самом деле приводит к довольно глубокой перестройке жизненного мира человека, требует сложной и противоречивой внутренней работы. Происходящие с человеком изменения являются не менее масштабными, чем в переживании жизненных событий негативного характера (например, потерь и утрат). Подобный характер переживания обретений дает нам возможность предположить, что не-

которые общепсихологические закономерности этой внутренней работы будут теми же, что и при переживании утрат.

Коротко охарактеризуем общепсихологический контекст нашего исследования. Сложность предлагаемых к изучению явлений находится в традиции ленинградско-петербургской психологической школы, заключающейся в исследовании многоуровневости существования психического (наиболее яркими представителями этого направления являлись Л.М. Веккер и Н.А. Бернштейн). В современной психологии эту идею продолжает развивать В.П.Зинченко в контексте исследования структуры сознания [Зинченко, 1991].

Представления человека о жизненных закономерностях, мировосприятие и интерпретация событий, происходящих в жизни, представления о другом человеке и его психическом мире (т.н. «модель психического»), формирование психологического пространства, его содержание и границы – все эти феномены находятся в рамках субъектного подхода, начатого С.Л. Рубинштейном, Б.Г. Ананьевым и продолженным А.В. Брушлинским, К.А. Абульхановой-Славской, Е.А. Сергиенко. Отечественный исследователь и практический психолог С.К. Нартова-Бочавер [Нартова-Бочавер, 2008] продолжая логику этого подхода, исследовала феномен психологической суверенности, которая устанавливается по отношению к разным измерениям психологического пространства: физического тела, территории, личных вещей, привычек, социальных связей, вкусов и ценностей. В контексте нашего исследования эта информация необходима для понимания и исследования готовности человека к включению в свое пространство нового элемента – жизненного обретения.

Субъектный подход неизбежно приводит нас к идее ответственности человека за преобразования в собственном внутреннем мире. Поэтому здесь мы, безусловно, находимся в поле гуманистической и экзистенциальной психологии [Анциферова, 2005; Мэй, 2001; Франкл, 2008]. Помимо известных и традиционных работ мы предлагаем рассматривать проблему переживания кризисных жизненных событий, и,

в частности, обретений и утрат, с помощью оригинального и психологически тонкого подхода английского психотерапевта М.С. Пека [Пек, 2008]. Он, безусловно, является продолжателем идей Виктора Франкла, Ролло Мея, особенно в части ответственности человека за выбор пути переживания жизненных событий [Мэй, 2001; Франкл, 2008]. Суть подхода состоит в том, что личностное и духовное развитие человека рассматривается автором как единственный путь по-настоящему конструктивного переживания тяжелых событий. И в этой связи отдельное внимание уделяется глубокой работе человека над всеми отношениями, которые он считает ценными и значимыми для себя, называя их «любовью». Человеку необходимо осознать, какие из этих отношений являются настоящими, истинными, развивающимися, а какие, напротив, под маской любви несут разрушение (например, зависимость, самопожертвование). Такой подход дает нам возможность взглянуть на проблему обретений через саму суть отношения к значимому объекту или субъекту.

Итак, предметом нашего исследования является переживание человеком жизненного обретения. Объект исследования – тексты биографического характера, описывающие различные жизненные обретения. Использовались тексты следующих видов: опубликованные художественные биографии и автобиографии; интервью; тематические сочинения, написанные людьми специально по просьбе исследователей.

Интроспективный и ретроспективный характер получаемой информации был необходим для того, чтобы разобраться в многообразии способов описания человеческого опыта, ведь подобные тексты, как правило, являются результатом серьезной внутренней работы, требуют самоанализа и рефлексии. Поэтому на их примере можно проследить различные оттенки переживаний и ключевые проблемы, чтобы затем подобрать соответствующий диагностический инструментарий для дальнейшего исследования.

Всего было проанализировано 55 текстов, созданных людьми разного пола, возраста, жизненного опыта, социальной ситуации, страны проживания. Возраст авторов текстов: от 16 до 60 лет. Метод анализа текстов – качественный контент-анализ, предполагающий выделение категорий, подкатегорий и единиц анализа. Единицей анализа мы определили суждение (состоящее из одного или нескольких предложений), касающееся переживания обретения. Категории и подкатегории анализа представляют собой конкретные составляющие переживания обретения. В результате мы можем сделать некоторые предположения о структуре и закономерностях переживания жизненных обретений.

1. Психологическая характеристика и виды обретений. Прежде всего, опишем те события, которые авторы текстов характеризовали как «обретения» (конкретные обозначения обретений мы оставили в том виде, в котором их употребляли авторы текстов). Все разнообразие описанных обретений мы попытались объединить в несколько групп:

- жизненное пространство (дом, квартира, переезд в другой город, эмиграция);
- профессиональная сфера (научная карьера, новая работа);
- социально-психологическая сфера (сын, дочь, внуки, муж, жена, друзья, знакомство с интересным человеком, воссоединение семьи, родители-долгожители («здоровье родителей»));
- личностная сфера (здоровье; увлечения спортом, философией, психологией, эзотерикой; любовь; смысл жизни; вера в Бога; внутренняя гармония; чувства счастья, любви, радости как обретение; другое видение жизни после клинической смерти, переосмысленный травматичный детский опыт как обретение);
- материальные обретения (машина, материальный достаток).

Опишем психологические характеристики обретения, то есть те особенности жизненного события, которые делают его «обретением».

Первой характеристикой является чрезвычайная *сила желания*, чтобы в жизни появилось нечто новое: «ни о чем другом думать не могла», «это внутреннее ощущение, что это часть жизни мне необходима», «с завистью смотрела на мам, у которых были дочери».

Второй характеристикой являются *сильные чувства и эмоции*, возникающие при появлении обретения: «это было для меня как заряд энергии!», «мне хотелось жить», «То Самое Чувство», «сильное захватывающее увлечение», «счастье, радость, восторг!», «плач и слезы одновременно».

Фигурирующие в текстах характеристики «самое главное», «самое важное в жизни», «необходимое как воздух» говорят о чрезвычайной *значимости* того, что люди называют «обретением»: «семья – это самое важное, что может обрести человек!», «это был Мой город», «самое ценное, что у меня есть».

Четвертой характеристикой обретения можно назвать *встроенность «обретения» во внутренний мир* человека еще до появления в реальной жизни: «дом, о котором всегда мечтала», «я растила ребенка у себя под сердцем» «у меня было три заветных мечты: Париж, море, жизнь в защищенной развитой стране», «это недостающей стеной моего дома был сын, которого у меня пока не было».

Пятой характеристикой обретений является их *смыслообразующая функция*: почти все обретения приводят к переосмыслению жизненных событий от отдельных ситуаций до жизни в целом: «смотреть на все с любовью», «обрела счастье видеть», «свет, делавший видимым и иные смыслы жизни», «с внуками жизнь обрела смысл».

2. Процесс переживания «обретения». Опыт нашей исследовательской и практической работы в области психологии утраты [Бурина, 2009; Заманаева, 2007] дает нам возможность сравнивать процесс переживания этих двух категорий событий. И в случае утраты, и в случае обретения мы имеем дело с серьезным потрясением внутреннего мира. Естественно, что подобное потрясение приводит к смещению внутренних связей или даже разрушению некоторых элементов

Психологические механизмы переживания жизненных «обретений»

сложившейся смысловой картины жизненных событий (представлений человека о жизненных закономерностях).

Такая перестройка смысловой картины жизненных событий – процесс стадийный и в результате приводящий к ее качественной перестройке (возникновению новых структур, связей). С нашей точки зрения, стадии процесса переживания реализованного обретения будут представлять собой определенные психологические задачи и будут аналогичны задачам, решаемым в процессе переживания утраты. Так как, по сути, направленность процесса одинакова – необходимо включить произошедшее событие в свой внутренний мир, встроить его в смысловую картину жизненных событий.

При этом, если в процессе переживания утраты психологические новообразования («психологический образ утраты», «психологическая связь с ушедшим») являются результатом, итогом того или иного этапа переживания, то в процессе переживания обретения происходит скорее обратный процесс: психологический образ обретения создается до его появления в реальной жизни. В проанализированных нами текстах это выражается в описании большого количества ожиданий от обретения, сильных чувств, возникающих при мысли о том, что мечта может стать реальностью. Особенно ярко это выражается в тех текстах, где описано сопротивление окружающих людей появлению обретения в жизни автора (например, протест родных в случае желаний человека эмигрировать, нежелание мужа иметь детей или заводить второго ребенка, сопротивление родителей профессиональному выбору и т.п.)

Большинство авторов текстов говорили об обретениях, о которых сначала долго мечтали. Можно сказать, что в большинстве случаев речь идет об ожидаемых и желаемых обретениях, которые имеют некую физическую форму (работа, дом, близкий человек и т.п.) и психологическую составляющую (смыслы, чувства и т.п.). В этом случае процесс переживания обретения можно разделить на два этапа: процесс реализации мечты и соотнесение созданного образа обретения с

реальным результатом. Существуют, однако, и другие виды обретений. В массиве проанализированных нами текстов мы столкнулись с двумя такими случаями. Первый – обретенный смысл жизни после клинической смерти и второй – переосмысленный опыт детских травм как путь к обретению новых смыслов в близких отношениях. В этих случаях обретение относится, безусловно, к сфере внутреннего мира и представляет собой результат внутренней работы.

На основе выделенных категорий и подкатегорий анализа, мы предположили, что существует несколько составляющих процесса переживания жизненных обретений.

1. Характеристика обретения или «психологический образ обретения». Во-первых – ожидания от обретения (воплощение детской мечты иметь детей, желание обрести чувство родины, которой никогда не было, желание и ожидание испытать определенные сильные чувства; установка на то, что рожденный ребенок будет самым умным и красивым). Во-вторых, определенное отношение к желаемому новому (сильное желание, одержимость, «наваждение» на эмоциональном плане; представления о том, каким является желаемый объект – человек, страна, профессия); предполагаемый смысл обретения). В-третьих, представления о том, какой будет жизнь после появления обретения (видение себя в другой стране, попытки представить себе жизнь с любимым, жизнь с ребенком и т.п.)

2. Побудительные мотивы к обретению – характеристика движущего фактора обретения. Это может быть некий внутренний мотив к обретению (ощущение внутренней необходимости включить в свой мир кого-то или что-то новое), внешний фактор (родительские установки, социальная или материальная ситуация). Мотивы могут обладать разной степенью устойчивости.

3. Путь к обретению – представления людей о процессе реализации обретения. Анализируется собственный вклад в обретение (упорство, вера в собственные силы, пассивность, перекладывание ответственности на других); отношения с теми, кто сопротивляется обрете-

нию и кто поддерживает обретение; предположения о закономерности, по которой обретение может произойти (удача, везение, судьба, воля Бога); эмоции и чувства, сопровождающие путь к обретению (страх, сопротивление, сомнения в возможности).

4. *Обретение и потеря.* Этот контекст переживаний возникает после того, как обретение появилось в жизни человека, и по сути можно было бы его отнести к категории изменений на внутреннем плане. Однако авторы текстов выделяли это диалектическое отношение обретений и потерь как отдельную часть переживаний, поэтому мы также выделяем это в отдельную составляющую. Здесь присутствуют два аспекта: страх потерять обретенное (любимого человека, работу) и потери как следствие обретения (потеря себя в любви к другому, разочарование в любимом человеке, потеря культурного и социального пространства после эмиграции).

5. *Изменения на внешнем плане после появления обретения.* Они заключаются в изменениях в поведении человека, реакции окружающих людей на появление обретения, изменения в организации жизни.

6. *Изменения на внутреннем плане после появления обретения.* Эта составляющая переживания характеризует изменения в системе отношений: отношения с близкими; отношение к окружающему пространству; эмоции и чувства по поводу обретения (радость, счастье, страх ответственности, разочарование); открытие новых смыслов в обретении (например, появление всепрощения как свойства любви, любовь как причина изменения ценностей, забота и доверие как проявление любви; обретение как воплощение родовых связей; как изменение всей жизни, как воздаяние за страдания).

Опишем психологические задачи, которые, с нашей точки зрения, решает человек, переживающий появление обретения. Фактической базой для этого описания являются проанализированные тексты. Концептуально мы остаемся в рамках предложенного нами в исследованиях психологии переживания утраты двухуровневого подхода к переживанию событий [Заманаева, 2007]. Поэтому мы предполагаем,

что в процесс переживания появления обретения человек решает целый ряд психологических задач, обращаясь при этом, то к уровню событийному (событийно-рефлексивному), то к уровню смысловому (духовно-рефлексивному). Процесс переживания обретения представляет собой процесс перестройки смысловой картины жизненных событий. Серьезные изменения в ней происходят дважды: на этапе формирования психологического образа обретения (осознание своего желания, мечты) и на этапе соотнесения образа с реальностью.

Этап формирования психологического образа обретения может длиться годами (таковы, например, детские и юношеские мечты, впоследствии воплощенные в жизнь). Здесь человек решает следующие задачи: 1. осознание желания и оформление его в четкий образ; 2. представления о том, как изменится жизнь и мироощущение после появления обретения; 3. готовность к преодолению трудностей и к проделыванию определенной внутренней работы на пути к обретению. Этот этап отсутствует у тех, для кого обретение было неожиданным.

Этап переживания собственно обретения по своим психологическим задачам схож, как нам кажется, с переживанием утраты, так как в обоих случаях речь идет об адаптации к произошедшему значимому событию.

Первой психологической задачей является осознание и принятие реальности обретения. В переживании этой стадии особенно выделяется эмоциональный компонент – чувства восторга, счастья, эйфории. Такие чувства существуют «свободным потоком» и часто переносятся на все жизненные сферы («я любила весь мир», «ощущение счастья заполняло всю мою жизнь», «счастьем моему не было ни меры, ни предела!»). Предметом внутренней работы являются преимущественно образы событий (ожидаемых и реальных), то есть человек находится в основном на событийно-рефлексивном уровне. Происходит первичное соотнесение желаемого образа и реальности, однако на этой стадии не бывает ощущения несоответствия между мечтой и ре-

альным обретением, за редким исключением. Обнаруженные несоответствия чаще игнорируются и вытесняются.

Второй психологической задачей является осознание изменений, происходящих на внешнем и внутреннем плане в связи с появлением обретения. Именно на этой стадии появляется осознание различий между ожидаемыми и реальными изменениями в жизни («не может быть!», «это оказалось совсем не так, как я думала», «мы были там, куда так долго хотели, но у детей не было друзей, телевизор говорил на другом языке...», «это оказался другой человек»). Глубина различий, их характер обусловлены и видом обретения, и индивидуальными особенностями человека, и спецификой ближайшего окружения. При решении этой психологической задачи ведущую роль играет позиция самого человека: активные попытки понять и осмыслить суть происходящего («я поняла, что мне надо принять его настоящего», «я смотрела на нее и думала: ну и что, что не красавица?...») или обида и злость за несоответствие («это было крушение иллюзий», «я обиделась на весь мир»). На этой стадии человек на психическом плане колеблется между событийным и смысловым уровнями: появляется рефлексивная позиция по отношению к собственным переживаниям, осознаются противоречия, появляется необходимость переосмыслить отношение к обретению.

Третьей психологической задачей является осознание сути и ценности обретения, сопутствующих потерь и обретений. Обретение нередко открывается как возможность осознать «глубину, мудрость и смысл вещей», как «ступень духовного развития», «путь к пониманию других», «путь к целостности». В процессе решения этой психологической задачи человек осознает трудности, сопровождающие существование обретения (например, при рождении ребенка, переезде в другую страну) наряду с готовностью их преодолевать. Осознаются и принимаются потери, сопровождающие обретение. Часто им придается смысл «цены за обретение».

Описанный процесс можно в самом общем виде назвать адаптацией к новым жизненным обстоятельствам. Однако это не приспособление, а творческий процесс, содержащий множество потенциальных новых возможностей и ведущий к личностному, духовному развитию.

Полученная информация дает нам возможность сделать предположения о возможных причинах и показателях конструктивности процесса переживания жизненных обретений. Ведь нередко случается так, что человек оказывается не готов к изменениям в собственной жизни: в его картине мира, психологическом и жизненном пространстве нет места новому. И тогда желаемое обретение (ребенок, супруг, огромный дом, большие деньги, новая работа), может привести к серьезным потерям и личностному развалу. Ребенок начинает мешать осуществлению множества желаний, долгожданный брак оборачивается потерей собственной индивидуальности, новая должность вдруг делает человека невыносимым в общении с близкими, натренированная уверенность в себе превращается в самоуверенность и высокомерие.

Мы предполагаем, что степень конструктивности переживания обретения может зависеть от следующих факторов: гибкость и развитость смысловой картины жизненных событий, целостность и гармоничность психологического пространства личности, осознанная ответственность человека за выбор пути переживания жизненных событий. Изучение этих факторов и будет задачей нашего следующего исследования.

Литература

1. *Анцыферова Л.И.* Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвание человека // Психол. журн., №3, 2005.

2. *Бурина Е.А.* Особенности мировосприятия людей, переживающих внезапную утрату //Ананьевские чтения – 2009 «Современ-

Психологические механизмы переживания жизненных «обретений»
ная психология: методология, парадигмы, теория». Выпуск II. – СПб.:
Изд-во: СПбГУ, 2009.

3. *Заманаева Ю.В.* Утрата близкого человека – испытание жизнью. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

4. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // *Вопр. психол.*, №2, 1991.

5. *Мэй Р.* Сила и невинность. – М.: Смысл, 2001.

6. *Нартова-Бочавер С.К.* Человек суверенный. Психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб: Питер, 2008.

7. *Пек М.С.* Непроторенная дорога. Новая психология любви и духовного роста. – М.: София, 2008.

8. *Франкл В.* Сказать жизни «Да». – М.: Смысл, 2008.

Д.Д. Козлов, К.Е. Брегидова

Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность прогноза оказания помощи

Аннотация. Проблема противопоставления диспозиционных и контекстуализированных переменных ставится в контексте классической работы У. Мишела «Личность и психодиагностика» и дальнейшей дискуссии на тему «личность и ситуация», часто описываемой как «вызов 1968 года». Экспериментальное исследование посвящено поиску детерминант помогающего поведения среди широкого диапазона диспозиционных переменных и контекстуализированной воспринимаемой самоэффективности. Показывается, что предсказательная сила всего набора диспозиционных переменных меньше прогностического потенциала воспринимаемой самоэффективности. Обсуждение результатов проводится в контексте противопоставления пятифакторной модели личности (большой пятерки) и социально-

НАПРАВЛЕНИЕ 6. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ...
когнитивного подхода. В заключении кратко характеризуются возможности и перспективы исследований, выполненных в русле социально-когнитивной мета-теории.

Ключевые слова: личность и ситуация, диспозиции, контекстуализированные переменные, помогающее поведение, пятифакторная модель личности (большая пятерка), социально-когнитивный подход.

1. Постановка проблемы.

1.1. Понятие диспозиции.

Диспозиция определяется в психологии как «готовность, предрасположенность субъекта к поведенческому акту, действию, поступку, их последовательности» [Петровский, Ярошевский, 1985, С. 90]. В более широком смысле под диспозицией понимается некоторая устойчивая личностная характеристика, обуславливающая согласованное (подобное) поведение человека в широком диапазоне ситуаций. В качестве диспозиций в психологии в разное время исследовались черты личности [Оллпорт, 1998; Первин, Джон, 2001], базовые потребности и мотивы [Ильин, 2004], социальные установки [Белинская, Тихомандрицкая, 2001], ценности и ценностные ориентации [Карандашев, 2004]. В современной психологии личности номотетические диспозиционные теории представлены теориями черт личности. Сторонники наиболее распространенного подхода в теории черт – пятифакторной модели – МакКрэй и Кошта определяют личностную черту как «тенденцию к проявлению согласованных паттернов мышления, эмоционального реагирования и поведения», которая проявляется «в широком разнообразии психологических феноменов, таких как мотивы, желания, образы восприятия, социальные установки, а также в поведении» [McCrae, Costa, 1995, С. 235-236]. Черта личности рассматривается как причина, «а потому объясняют (полностью или частично) наблюдаемую согласованность в паттернах мышления, эмоционального реагирования и поведения» [там же, С. 237]. Последнее положение разделяется сторонниками большинства диспозиционных

подходов; используя номотетические стратегии, они стремятся к построению исчерпывающей таксономии личностных характеристик, которая позволила бы достаточно полно описать и объяснить как поведение отдельного человека, так и межиндивидуальные различия.

Модель большой пятерки включает в себя пять факторов – глобальных личностных диспозиций¹. Многочисленные исследования [см. обзор в: *Лаак, Брутман, 2003; Канрара, Сервон, 2003; McCrae, Terracciano, 2005*] показали, что данная модель может быть выявлена эмпирически в разных культурах (в том числе и на русскоязычной выборке) при использовании различных методов сбора данных, обладает конструктивной и прогностической валидностью, а сами выявляемые черты имеют в том числе биологическую и физиологическую основу (хотя и не сводятся к последним).

1.2. Контекстуализированные переменные

Внимание к контекстуализированным переменным (или переменным вида «личность в ситуации») в значительной степени возросло как реакция на классическую работу Уолтера Мишела «Личность и психодиагностика» (*Mischel, 1968*). Анализируя данную работу, Росс и Нисбетт пишут, что наиболее важным открытием, сделанным Мишелом, был тот факт, что «средний уровень корреляции между различными поведенческими показателями, которые были специально созданы для одной и той же личностной черты... находился обычно в пределах между 0,10 и 0,20, а зачастую оказывался даже ниже... По сути, ни один из коэффициентов корреляции как между отдельными

¹ В связи с тем, что в русскоязычной литературе приводятся различные варианты перевода и интерпретации факторов большой пятерки, приведем здесь оригинальные английские термины и возможные русские аналоги (использованные в русскоязычной адаптации тестовой методики NEO-FFI выделены **жирным шрифтом**): Neuroticism (N) – **невротизм**, нейротизм, эмоциональная нестабильность, чувствительность; Extraversion (E) – **экстраверсия**, общительность, активность, энергичность; Openness to Experience (O) – **открытость опыту**; социальный интеллект, интеллектуальная свобода; Agreeableness (A) – **готовность к согласию**, дружелюбие; Conscientiousness (C) – **сознательность**, самоконтроль, совестливость.

поведенческими реакциями, так и между индексом какой-либо черты личности по оценочной шкале и отдельным поведенческим проявлениям этой черты не преодолевает «барьера» в 0,30» [Росс, Нисбетт, 2000, С. 171]. Как следует из математического смысла корреляции, это означает, что поведение человека напрямую зависит от выраженности тех или иных личностных черт менее, чем на 10%, и более, чем на 90% обусловлено иными причинами. Таким образом, стремление обнаружить иные, более значимые детерминанты поведения человека, нежели обобщенные диспозиции, привело к серии исследований, объединенных общими методологическими установками и составляющими социально-когнитивное направление в психологии личности. Вместо утверждения существования базовых диспозиций, в социально-когнитивном подходе «личность рассматривается сквозь призму базовых когнитивных и аффективных процессов, которые развиваются в социальных условиях и активируются элементами социальной среды» [Каппара, Сервон, 2003, с. 154], что составляет сущность данного подхода. В разных социальных контекстах активируются разные внутриличностные структуры, что и означает их контекстуализированность.

Две контекстуализированные переменные (точнее, две группы таких переменных) наиболее часто привлекали внимание исследователей. Первая – это «поведенческие автографы» (behavioral signatures), которые представляют собой внутриличностные паттерны вида «если... то...» [Mischel, Shoda, 1995; 2008; Mendoza-Denton et al., 2001; Fournier, Moskowitz and Zuroff, 2008]. Вторая – это воспринимаемая самооэффективность (perceived self-efficacy; self-efficacy beliefs) [Bandura, 1999, 2001; Mischel, Shoda, 1995; Каппара, Сервон, 2003].

1.3. Воспринимаемая самооэффективность

Воспринимаемая самооэффективность – это представление человека о том, что он способен вести себя в соответствии с требованиями

Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность ...

ситуации и собственными стандартами; иными словами, это «оценка человеком своей способности совершить какие-либо действия в определенных условиях» [Капрара, Сервон, 2003, С. 480]. Убежденность в собственной результативности при осуществлении социального поведения означает, что субъект сознательно отражает эту психологическую характеристику и может дать ее субъективную оценку [Гайдар, 2006].

Воспринимаемая самооффективность, оцениваемая контекстуально, является важной детерминантой любого поведения. Как отмечает Бандура, «люди, которые имеют устойчивое (resilient) чувство собственной эффективности в конкретной области деятельности, будут вести себя в ней иначе, чем те, кто озабочен (beset) сомнениями в самих себе» [Bandura, 1999, с. 14]. Коэффициент корреляции между уровнем воспринимаемой самооффективности и эффективностью деятельности в разных случаях колеблется от 0,38 до 0,9 [см. обзор в: Капрара, Сервон, 2003, с. 481-482].

Было обнаружено, что обратная связь от результата и суждение о самооффективности особенно важны для развития внутреннего интереса к деятельности самой по себе. Суждения о самооффективности, или представление индивида о своей способности выполнить ту или иную задачу в данной ситуации, играет ключевую роль в мотивации благодаря своему влиянию на отбор целей, настойчивость в их достижении и прилагаемые для этого усилия, на эмоции, с которыми человек подходит к делу (например, низкая самооффективность вызывает тревогу или депрессию) и на способность успешно справляться со стрессом и негативными событиями [см. обзор в: Bandura, 1999; Первин, Джон, 2001; Капрара, Сервон, 2003].

Как следует из данного выше определения, суждения о самооффективности зависят от специфики ситуации и не являются глобальными диспозициями, которые можно было бы измерить всеобъемлющим личностным опросником. Тем не менее, в работах Шварцера, Шеера и их коллег сделана попытка обосновать понятие генерализо-

НАПРАВЛЕНИЕ 6. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ...
ванной самооэффективности [см. *Капрара, Сервон, 2003*] и даже предложены тесты-опросники для ее диагностики [см. русские версии в: *Гайдар, Романов, 1999; Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996*].

1.4. Личность vs ситуация: спор без причины

Работа Мишела «Личность и психодиагностика» [*Mischel, 1968*] послужила началом столь бурного обсуждения противопоставления сугубо личностных и ситуативных детерминант человеческого поведения, что ее публикация описывается в научной литературе как «вызов 1968 года» [*Росс, Нисбетт, 2000*]. Однако как в диспозиционных теориях, так и в работах социально-когнитивного направления, равно как и в социально-психологических исследованиях последних двух десятилетий переменные личности и ситуации во многих случаях не рассматриваются изолированно. В теориях личностных черт подчеркивается, что влияние диспозиций на поведение опосредуется разнообразными переменными более низкого порядка, многие из которых учитывают социальный контекст, причем такое опосредование имеет характер динамического процесса [*McCrae, Costa, 1995*]. Переменные, предложенные в социально-когнитивных работах, как было показано выше, также представляют собой сочетание характеристик личности и актуальной ситуации. Росс и Уорд подчеркивают, что «одним из наиболее значительных достижений социальной психологии является выдвижение на первый план значения субъективной интерпретации (construal)» [*Росс, Уорд, 1999, с. 60*], то есть интрапсихические и внутриличностные процессы, связанные с социальным контекстом, также оказываются в фокусе внимания социальной психологии. Изначальная причина разделения на личностные и ситуационные детерминанты лежит, видимо, в недостаточно внимательном прочтении работ Курта Левина и поверхностной интерпретации основной формулы теории поля $B=f(P,E)$, из которой часто выводится такое противопоставление. Действительно, сам Левин указывает, что «психологическую среду нужно функционально рассматривать как часть *одного*

Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность ...

интегрированного поля, жизненного пространства (курсив наш – Д.К., К.Б.), другая часть которого – человек. Этот фундаментальный факт – лейтмотив теории поля» [Левин, 2000, с. 162]. Далее в тексте Левин приводит более полный вариант основной формулы теории поля (а именно, $B=f(P,E)=f(Lsp)$ ¹), где подчеркивается целостность жизненного пространства. На этот же факт при анализе работ Левина указывает и Мишел [Mischel, 2005, с. 4].

В работе «Личность и психодиагностика» Мишел показал, что простые методы самооценки и даже ответы испытуемых на прямые вопросы «в лоб» относительно поведения в той или иной ситуации (т.е. контекстуализированные переменные) оказываются более надежными для предсказания дальнейшего поведения, нежели разнообразные показатели тестовых методик (т.е. внеконтекстуальных диспозиционных переменных). Они остаются более надежными даже в том случае, если вместо одного теста используется батарея тестовых методик, используются весовые коэффициенты или более сложные статистические методы, включая множественный регрессионный анализ [Mischel, 1968, с. 145]. В то же время в работах диспозиционного направления имплицитно содержится предположение, что, несмотря на опосредуемые переменные, глобальные диспозиции все же обладают (пусть и не таким значительным) прямым каузальным эффектом на поведение и что разработка более точного психодиагностического инструментария позволит обнаружить более высокий уровень такого эффекта. На теоретическом уровне это приводит к постоянно возобновляющимся спорам по поводу дилеммы «личность и ситуация», а на уровне психологической практики – к широкой распространенности личностных опросников. Действительно ли существуют основания для такого предположения, или это всего лишь следствие «наивного реализма» [Росс, Уорд, 1999; 2000] в научном знании? Верны ли выводы Мишела относительно методик, появившихся после выхода

¹ в данной формуле В – поведение (behavior), Р – личность (person), Е – ситуация (environment), Lsp – жизненное пространство (life space)

его работы? Иными словами, остаются ли выводы, сделанные сорок лет назад, актуальными и сегодня, или достижения психологической науки за этот период заставляет их пересмотреть? В настоящей работе делается попытка ответить на поставленные вопросы на примере экспериментального изучения просоциального поведения.

1.5. Просоциальное поведение и мотивация оказания помощи

Просоциальное поведение (альтруистическое, помогающее) – позитивное, конструктивное, социально полезное поведение; прямая противоположность антисоциального поведения [Майерс, 2007]. Решающим отличием мотивированной помощи является то, что она в меньшей степени ведет к собственному благополучию, чем к благополучию другого человека, т. е. ее большая полезность для другого, чем для самого субъекта [Хекхаузен, 1986]. Формы просоциального поведения по своим особенностям разнообразны и располагаются в широком диапазоне от простой любезности до серьезной благотворительной помощи, оказываемой человеком другим людям, причем иногда с большим ущербом для себя, ценой самопожертвования.

Центральной проблемой в изучении просоциального поведения является мотивация оказания помощи. В большинстве исследований [см. обзор в: Ильин, 2004] такая мотивация рассматривается как внешняя, обусловленная ситуацией. К внутриличностным детерминантам просоциального поведения относят несколько диспозиций, которые в соответствии с моделью большой пятерки можно соотнести со следующими факторами:

- сострадательность, заботливость, эмпатия входят в число характеристик, составляющих черту «готовность к согласию»;
- чувство долга, ответственность, интернальность конституируют фактор «сознательность»;
- подозрительность, жадность и скептицизм, препятствующие просоциальному поведению, соответствуют низкой выраженности «открытости опыту».

Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность ...

Также показано, что на просоциальное поведение влияют такие индивидуально-специфические характеристики, как личные нормы и стандарты, а также настроение.

Е.П. Ильин связывает проявления альтруизма с мотивами морального долга и морального сочувствия и соотносит проявления данных мотивов с личностными характеристиками, приведенными выше. Такое предположение основывается на представлениях о том, что существуют некоторые мотивы, которые являются самостоятельными детерминантами такого поведения. Эти мотивы рассматриваются как глобальные диспозиционные характеристики, по отношению к которым личностные черты занимают подчиненное положение.

Значительное внимание уделяется процессу принятия решения об оказании помощи, в частности, процессам когнитивного оценивания при принятии такого решения. В процессуальной модели альтруистического поведения С. Шварца выделены четыре стадии – актуализации, обязанности, защиты и реакции [Ильин, 2004, с. 221-222], для каждой из которых дается указание конкретных процессов когнитивной оценки.

Тем не менее, специализированный психодиагностический инструментарий для диагностики мотивации оказания помощи и альтруизма практически не разработан. Немногочисленное исключение представляет, например, работа А.Х. Газизова (2008).

В контексте противопоставления диспозиционального и социально-когнитивного подходов мы полагаем, что глобальные диспозиции (такие, как личностные черты, мотивы, обобщенная самооффективность (как общая, так и в сфере деятельности)), связанные с проявлением помогающего поведения, будут в меньшей степени связаны с проявлением помогающего поведения в конкретной ситуации, чем самооффективность, диагностируемая контекстуально.

2. Методы исследования.

2.1. Выборка

Общая выборка исследования составила 51 человек – учащиеся Самарского государственного университета различных специальностей в возрасте от 19 до 22 лет. Данные, пригодные для дальнейшего анализа по всем методикам, использованным в исследовании, предоставили 32 человека, из них 6 – мужчины и 26 – женщины.

2.2. Процедура исследования

Исследование проводилось в студенческих группах на лекционных занятиях. По просьбе преподавателей вторая половина занятия (45 минут) полностью отводилась на проведение экспериментальных процедур. В роли экспериментатора выступала студентка психологического факультета, а сама процедура описывалась как экспериментальное исследование в рамках выполнения курсовой работы.

После заполнения бланков психодиагностических методик (см. ниже) испытуемым давалась следующая инструкция: «Я прошу вас помочь мне в проведении исследования для курсовой работы. Чтобы это сделать, я попрошу вас написать ответы на вопросы о манипуляции и принести их через 2 дня (указывалась дата). На отдельном бланке оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале, насколько хорошо, как вам кажется, вы сможете справиться с этим заданием». При этом студентам задавались следующие вопросы: «Что такое манипуляция? Может ли манипуляция быть бескорыстной?». Задание, предъявляемое испытуемым, предполагало их осведомленность в вопросе, но поверхностную и не достаточно хорошую, чтобы написать полный ответ, полезный для написания курсовой работы, сразу же. Тем самым время, отведенное на выполнение задания (два дня), также оставалось на принятие решения – оказать или не оказать помощь.

В указанную дату после проведения первого этапа экспериментатор приходил на занятия в группы, в которых проводилось исследование, и просил сдать ответы на вопросы о манипуляции.

Диагностика личностных качеств по модели большой пятерки проводилась в тех же группах спустя пять месяцев после проведения основного исследования, также в конце лекционных занятий. В некоторых группах ее проводил другой экспериментатор.

2.3. Методы измерения и психодиагностики

Проявление помогающего поведения (его наличие) диагностировалось как выполнение просьбы экспериментатора и измерялось категориально через наличие сданных письменных ответов на вопросы. В результате экспериментальная выборка была разделена на две группы: проявивших помощь (сдавших письменные ответы на вопросы о манипуляции через два дня после получения задания, N=16, далее группа 1) и не проявивших ее (не сдавших письменные ответы, N=16, далее группа 2).

Мотивация оказания помощи измерялась по методике А.Х. Газизова (2008). Использовались сырые баллы по методике. В каждой группе распределение значений соответствует нормальному ($M_1=21,86$; $\sigma_1=4,84$; $W_1=0,985$, $p=0,99$; $M_2=21,25$; $\sigma_2=6,68$; $W_2=0,962$, $p=0,71$).

Общая (генерализованная) самооффективность измерялась с помощью шкалы общей самооффективности Шварцера и Ерусалема [Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996] и шкалы самооффективности Маддукса-Шеера [Гайдар, Романов, 1999]. По каждой методике использовались сырые баллы, перевод в ранговые категории (высокий, средний и низкий уровень) не осуществлялся, что позволяет рассматривать полученные результаты как измеренные в количественных шкалах. Методика Шварцера и Ерусалема включает единственную шкалу общей самооффективности, распределение значений по которой в каждой группе соответствует нормальному ($M_1=28,86$; $\sigma_1=3,59$; $W_1=0,959$, $p=0,65$; $M_2=28,31$; $\sigma_2=3,96$; $W_2=0,947$, $p=0,44$). Методика Маддукса-Шеера включает в себя две основные шкалы – самооффективность в общении и самооффективность в деятельности, а также

шкалу общей самооффективности, значение по которой вычисляется как сумма значений по двум остальным шкалам. По всем шкалам в каждой из двух групп распределение значений соответствует нормальному (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Описательные статистики результатов
по шкале самооффективности Маддукса-Шеера

Шкала	Группа 1				Группа 2			
	Ср. знач.	Станд. отклон.	W Ша-пиро-Уилка	p-ур.	Ср. знач.	Станд. отклон.	W Ша-пиро-Уилка	p-ур.
СЭ в общении	1,48	1,66	0,942	0,37	1,14	1,33	0,977	0,94
СЭ в деятельности	0,72	2,22	0,947	0,45	1,76	1,07	0,952	0,53
Общая СЭ	1,28	1,66	0,939	0,34	1,30	1,09	0,972	0,88

Воспринимаемая самооффективность измерялась методом самооценки по 10-балльной шкале. В первой группе распределение несколько отличается от нормального и имеет правостороннюю асимметрию ($M_1=8,19$; $\sigma_1=1,33$; $W_1=0,879$, $p=0,03$; $M_2=6,59$; $\sigma_2=2,23$; $W_2=0,909$, $p=0,11$).

Факторы большой пятерки диагностировались с использованием опросника NEO-FFI (NEO – five factor inventory) в адаптации НПЦ «Альтернатива» [Орел, Сенин, 2004]. Опросник включает в себя пять шкал, соответствующих пятифакторной модели, и предназначен для их экспресс-диагностики. Распределение сырых баллов по всем шкалам в каждой из групп значимо не отличается от нормального (см. таблицу 2), что позволяет использовать их как достоверный количественный психометрический показатель без перевода в стандартизированные шкалы.

Таблица 2.

Описательные статистики результатов по опроснику NEO-FFI

Шкала	Группа 1				Группа 2			
	Ср. знач.	Станд. отклон.	W Шапиро-Уилка	p-ур.	Ср. знач.	Станд. отклон.	W Шапиро-Уилка	p-ур.
N (невротизм)	23,86	6,23	0,923	0,20	20,86	6,15	0,964	0,75
E (экстраверсия)	29,00	9,15	0,984	0,99	33,81	5,81	0,983	0,99
O (открытость опыту)	32,63	4,36	0,903	0,09	29,66	4,66	0,922	0,18
A (готовность к согласию)	26,81	6,13	0,986	0,99	28,31	6,66	0,895	0,06
C (сознательность)	28,69	5,70	0,972	0,87	27,00	8,48	0,961	0,67

3. Результаты

3.1. Независимое влияние факторов

Значимость самостоятельного влияния каждой независимой переменной определялась по t-критерию Стьюдента для независимых выборок. Дополнительной проверки на однородность дисперсий не проводилось. Основанием для этого послужили следующие соображения. В случае сравнения двух выборок точное значение p-уровня полностью совпадает с результатами дисперсионного анализа, проведенному на тех же данных [Наследов, 2004]. Исследования робастности дисперсионного анализа с постоянными эффектами показывает, что при сравнении выборок равного объема (что имеет место в нашем случае, т.к. $N_1=N_2=16$) метод нечувствителен как к неравности дисперсий в сравниваемых группах, так и к отклонениям от нормальности [Гласс, Стэнли, 1976].

Результаты (см. таблицу 3) выявили значимую разницу между группами только по контекстуализированной самооценке самоэффективности ($p<0.05$). На уровне статистической тенденции выявлена взаимосвязь проявления помогающего поведения со шкалами экстраверсии и открытости опыту опросника NEO-FFI ($p<0.1$).

Таблица 3.

Результаты сравнения групп по использованным методикам

Шкала	среднее значение		t-критерий	ст. своб.	p-уровень
	группа 1	группа 2			
Мотивация оказания помощи					
	21,25	21,88	-0,30306	30	0,763937
Шкала общей самооценки Шварцера и Ерусалема					
	28,31	28,88	-0,42063	30	0,677020
Воспринимаемая самооценка					
	6,59	8,19	-2,45620	30	0,020049
Шкала самооценки Маддукса-Шеера					
СЭ в деятельности	1,14	1,48	-0,64165	30	0,525972
СЭ в общении	1,76	0,72	1,69131	30	0,101143
общая СЭ	1,30	1,28	0,03829	30	0,969709
Факторы большой пятерки					
Невротизм (N)	20,88	23,88	-1,37079	30	0,180608
Экстраверсия (E)	33,81	29,00	1,77590	30	0,085894
Открытость опыту (O)	29,63	32,66	-1,87944	30	0,069929
Готовность к согласию (A)	28,31	26,81	0,66262	30	0,512631
Сознательность (C)	27,00	28,69	-0,66074	30	0,513820

3.2. Дискриминантная модель

Дискриминантный анализ проводился с целью уточнения вклада каждой переменной в проявление помогающего поведения. Использование метода пошагового включения переменных при разных значениях F-статистики для включения позволило получить модели с двумя и тремя переменными. Как следует из таблицы 4, включение на третьем шаге анализа переменной E (экстраверсия) снижает статистическую значимость дискриминантной функции, при этом влияние самой переменной после учета влияния других факторов, уже включенных в модель, оказывается статистически незначимым ($p > 0.2$). Полученные результаты приводят к необходимости к выбору модели с двумя переменными (соответствует второму шагу) в качестве окончательной.

Пошаговые результаты дискриминантного анализа

Шаг	Переменная	F-включения	p-уровень	λ Уилкса	F для λ	p-уровень
1	Самооценка СЭ	6,032937	0,020049	0,832572	6,032936	0,020049
2	Откр. опыту	5,213793	0,029921	0,705697	6,047057	0,006382
3	Экстраверсия	1,278771	0,267721	0,674875	4,496382	0,010704

Статистические параметры модели показывают хорошую согласованность модели с экспериментальными данными ($R=0,542$; $\chi^2(2)=10,106$; $p<0,01$). Переменные, включенные в модель, обладают высокой толерантностью (0,942), что говорит об их независимом влиянии на проявление помогающего поведения, и статистически значимы (для самооценки самоэффективности $F(1,29)=7,765$; $p<0,01$; для экстраверсии $F(1,29)=5,214$; $p<0,05$).

Средние значения канонических функций равны -0,625 для второй группы и 0,625 для первой группы соответственно. Таким образом, испытуемый классифицируется по модели как не склонный проявить помогающее поведение в случае, если значение канонической функции для него меньше 0 и как склонный к оказанию помощи в обратном случае. В соответствии с полученной моделью были верно классифицированы 75% испытуемых, проявивших помогающее поведение, и 62,5% не проявивших его. Дискриминантные возможности функции проиллюстрированы на рис. 1.

С математической точки зрения задача дискриминантного анализа в случае классификации двух групп аналогична множественной регрессии [StatSoft inc, 2001]. Поэтому значимость влияния каждой из двух переменных, включенных в дискриминантную модель, определялась методами общих регрессионных моделей [Козлов, Доронина, 2009]. Были проанализированы как линейная модель множественной регрессии, так и нелинейная модель взаимодействия факторов. Статистические показатели линейной модели (коэффициент множественной корреляции и статистическая значимость функции) аналогичны ре-

результатам дискриминантного анализа, $R^2=0,294$, уточненный $R^2=0,246$; стандартизированные β -коэффициенты равны $-0,436$ для воспринимаемой самооффективности и $-0,357$ для открытости опыту соответственно; уровни статистической значимости аналогичны дискриминантной модели. Нелинейная модель взаимодействия факторов также статистически значима ($F(1,30)=13,087$; $p<0,01$), показатели качества модели незначительно лучше ($R=0,551$; $R^2=0,304$, уточненный $R^2=0,281$), нелинейность невелика, поэтому поведение функции примерно соответствует линейной модели. Тем не менее, более высокое значение уточненного коэффициента множественной детерминации для модели взаимодействия факторов делает ее более предпочтительной.

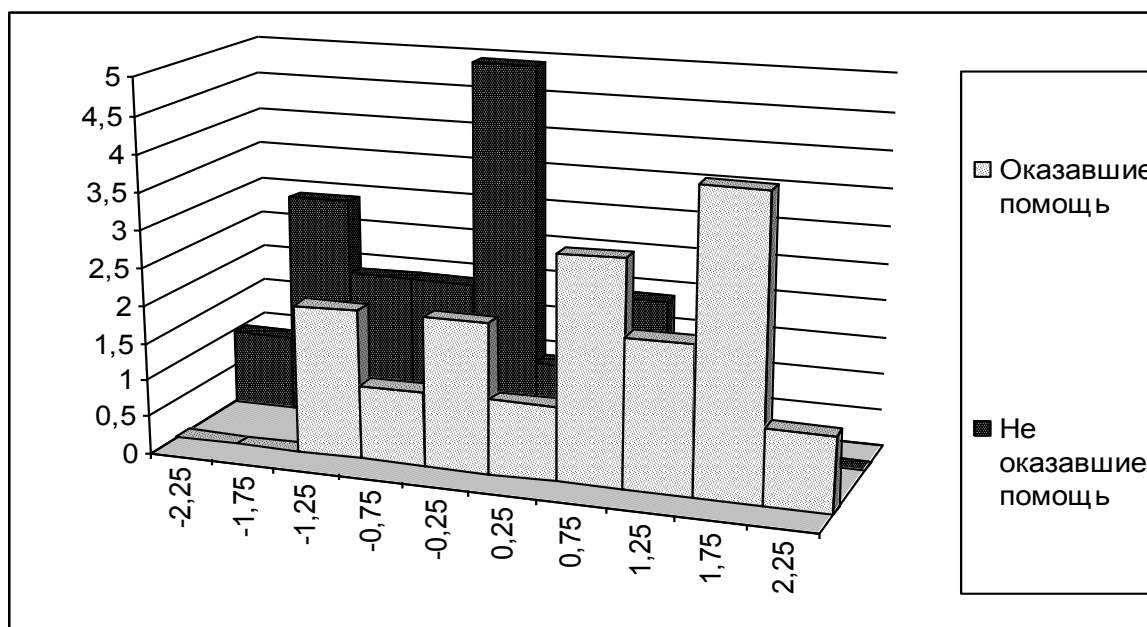

Рис. 1. Гистограммы значений дискриминантной функции в сравниваемых группах

3.3. Корреляционный анализ

Корреляционный анализ проводился для выявления взаимосвязи между переменными самооффективности и факторами большой пятерки. Использовался метрический коэффициент корреляции Пирсона. Для воспринимаемой самооффективности была обнаружена значимая корреляция со шкалой невротизма ($R=0.393$; $t(31)=2,341$; $p<0,05$), остальные корреляции незначимы. Результаты по шкале об-

Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность ...

щей самооэффективности Шварцера и Ерусалема не коррелируют на статистически значимом уровне ни с одним фактором большой пятерки. Для методики Маддукса-Шеера обнаружены значимые корреляции шкалы самооэффективности в общении с факторами экстраверсии ($R=0,374$; $t(31)=2,21$; $p<0,05$) и сознательности ($R=0,382$; $t(31)=2,27$; $p<0,05$), остальные корреляции незначимы.

Анализ диаграммы рассеяния для воспринимаемой самооэффективности и невротизма и позволил исключить одно наблюдение, являющееся выбросом. В результате коэффициент корреляции увеличился до $0,412$; итоговая диаграмма рассеяния, основные статистические показатели, линия регрессии и ее уравнение изображены на рис. 2.

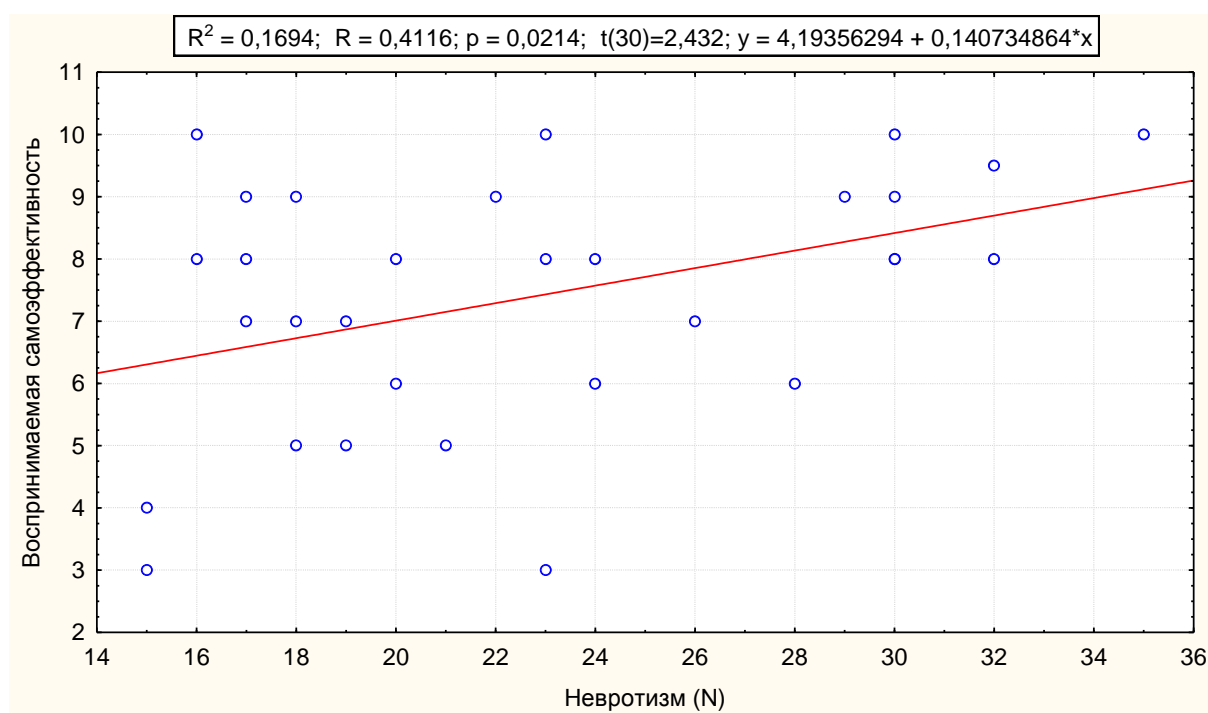

Рис. 2. Взаимосвязь воспринимаемой самооэффективности и невротизма

Дополнительно проводился корреляционный анализ для различных показателей самооэффективности. Воспринимаемая самооэффективность не коррелирует ни с одним из показателей самооэффективности, диагностируемых через опросники, используемые в исследовании. В то же время результаты по шкале общей самооэффективности

Шварцера и Ерусалема статистически достоверно коррелируют со всеми шкалами методики Маддукса-Шеера. Корреляция со шкалами общей самооффективности по Маддуксу-Шееру и самооффективности в деятельности оказалась высокой ($R=0,511$; $t(31)=4,157$; $p<0,001$ и $R=0,502$; $t(31)=4,058$; $p<0,001$ соответственно), а со шкалой самооффективности в общении – умеренной ($R=0,330$; $t(31)=2,450$; $p<0,05$).

4. Обсуждение результатов

4.1. Общие положения

Настоящее исследование наглядно показало преимущество контекстуализированных переменных в сравнении с обобщенными характеристиками. Воспринимаемая самооффективность, диагностируемая методом субъективной самооценки, строго в соответствии с положениями социально-когнитивной теории является наиболее мощным предиктором помогающего поведения в сравнении с широким диапазоном диспозиционных характеристик. Действительно, обобщенная самооффективность, независимо от используемого диагностического инструмента, не оказывает значимого влияния на оказание помощи, что подтверждает неправомочность номотетического рассмотрения самооффективности как генерализованной характеристики. Мотивация оказания помощи, понимаемая как устойчивая диспозиция, также несостоятельна для предсказания поведения человека в конкретной ситуации. Результаты, полученные по факторам большой пятерки, не согласуются с гипотетическими предположениями, сделанными в ходе теоретического анализа. Факторы «сознательность» и «готовность к согласию» не вошли в дискриминантную модель, в то время как влияние фактора «открытость опыту» оказалась прямо противоположной: оказание помощи связано с более низкими значениями по данному фактору, а не наоборот. Тем не менее, сам факт такой взаимосвязи, на первый взгляд, показывает, что существуют устойчивые диспозициональные характеристики, связанные с конкретными поведенческими проявлениями и объясняющие диспер-

Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность ...

сию, не учтенную воспринимаемой самооэффективностью. Обобщая, на данном этапе следует сделать вывод, что диспозиционные переменные обладают меньшей предсказательной силой, чем контекстуализированные переменные, но не сводимы к ним, поскольку оказывают независимое влияние на поведение.

4.2. Методологические аспекты

Процедура эксперимента позволяет сделать вывод относительно большего влияния контекстуализированных переменных на поведение более сильным. Во-первых, наличие или отсутствие помогающего поведения фиксировалось *через два дня* после получения задания и проведения основных психодиагностических процедур. Соответственно, контекстуализированная оценка воспринимаемой самооэффективности при оказании помощи и само помогающее поведение имели место *в разных ситуациях*. Поэтому следует ожидать, что обнаруженный в настоящем исследовании эффект влияния воспринимаемой самооэффективности является заниженным. В то же время диспозиции являются кросс-ситуативными характеристиками, вследствие чего такая организация экспериментальной процедуры не должна приводить к недооценке их влияния. Во-вторых, методики, основанные на самоотчетах, являются менее точными инструментами, чем опросники, соответствующие психометрическим нормам. Это означает, что показатели воспринимаемой самооэффективности являются более «зашумленными», что также должно снижать их значимость как предикторов. Тем более удивительным остается факт, что в проведенном исследовании, несмотря на отмеченные методические недостатки, самым мощным предиктором является все же воспринимаемая самооэффективность.

Однако несколько аспектов, также касающихся самой экспериментальной процедуры, заставляют отнестись к полученным результатам более сдержанно. Исследование проводилось во время лекционных занятий, и перед началом экспериментальной процедуры экс-

периментатор был представлен студентам ведущим преподавателем. Как следствие, эксперимент проводился в контексте учебной деятельности, поэтому участие в нем могло рассматриваться как часть учебного процесса. Тогда экспериментальная процедура могла восприниматься испытуемыми не как просьба о помощи со стороны студентки, а как выполнение одного из заданий по просьбе преподавателя. В этом случае процедура эксперимента в контексте учебной деятельности требует от испытуемого не помогающего, а нормативного поведения, связанного с выполнением учебных заданий. Поскольку во всех случаях ведущий преподаватель был одним и тем же лицом, то отношение студентов к курсам, читаемым данным преподавателем, и к нему самому также является неконтролируемой побочной переменной. Таким образом, отсутствие контроля социального контекста могло привести к тому, что ситуация воспринималась испытуемыми иначе, чем это предполагалось по замыслу эксперимента, при этом выполнение просьбы экспериментатора могло восприниматься испытуемыми не как помогающее, но как нормативное или какое-либо другое поведение. Иными словами, эти соображения ставят под вопрос конструктивную валидность самой экспериментальной процедуры, причем оценить величину такой угрозы уже не представляется возможным. Как следствие, незначимость взаимосвязи уровня мотивации оказания помощи с ответами на просьбу экспериментатора, возможно, связана с тем, что данное поведение не является на самом деле оказанием помощи. Аналогично можно предположить, что парадоксальные, на первый взгляд, результаты по опроснику NEO-FFI связаны с тем, что в реальности испытуемые оказались в ситуации, поведение в которой в большей степени связано с такой характеристикой, как открытость опыту, нежели с другими глобальными диспозициями. Можно лишь предположить, что это за ситуация, связанная с проявлением личностных характеристик, входящих в данный фактор (а именно, в него входят такие характеристики, как вдумчивость, оригинальность мышления, широта интересов, богатство эмоцио-

Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность ...

нальных переживаний, фантазирование, развитость эстетической сферы и др. [McCrae, John, 1992]).

Тем не менее, сама формулировка инструкции («Я прошу вас помочь мне...»), сказанная студенткой и обращенная к таким же, как и она сама, студентам при отсутствии преподавателя в помещении, должна приводить к восприятию ситуации как предполагающей именно помогающее поведение, поскольку фактор «нормативности» ситуации здесь по возможности минимализирован. Поэтому, несмотря на обоснованность сомнений в конструктивной валидности экспериментальной процедуры, сделать однозначный вывод о ее невалидности будет неправомерным.

Обобщая сказанное, основной вывод о большем влиянии контекстуализированных переменных, а также о независимом влиянии контекстуализированных и диспозиционных характеристик, следует оставить без изменения. Действительно, какой бы ни была актуальная ситуация и как бы она не воспринималась самим испытуемым, самооценка самоэффективности проводилась именно в этой актуальной ситуации, а потому является валидным источником данных. Какой бы ни была актуальная ситуация и как бы она не воспринималась самим испытуемым, пятифакторная модель личности должна быть релевантна любым жизненным ситуациям, поскольку выделенные факторы рассматриваются как регуляторы поведения самого высокого уровня, как базис, на котором основывается и которым определяется поведение человека и его жизненный опыт [McCrae, John, 1992; McCrae, Costa, 1997]. Таким образом, отмеченные методические недостатки не влияют на предмет исследования – диспозициональные и контекстуализированные характеристики как предикторы поведения. Независимо от того, с каким именно поведением мы имеем дело и как оно воспринимается самим испытуемым, в нашем распоряжении есть валидные показатели диспозициональных и контекстуализированных переменных, которые данное поведение обуславливают.

Другая возможная слабость экспериментальной процедуры – это разница во времени между проведением основной части эксперимента и диагностированием показателей большой пятерки. Однако теоретические положения пятифакторной модели постулируют относительную устойчивость во времени ее параметров, динамика обнаруживается только на достаточно длительных интервалах времени. Как следует из экспериментальных исследований, проведенных на русскоязычной выборке объемом 800 испытуемых, наиболее существенные изменения в уровне показателей большой пятерки происходят на протяжении возрастного периода между 22 и 30 годами [McCrae et al., 2004]. Тем самым, есть все основания считать, что в настоящем исследовании, в котором возраст респондентов находится в диапазоне от 19 до 22 лет, временной интервал в пять месяцев не должен приводить к существенным изменениям выраженности пяти базовых диспозиций.

4.3. Интерпретация с позиции пятифакторной модели

Черты личности как глобальные диспозиции никогда не рассматривались как непосредственные причины поведения. Со времени Г. Оллпорта черта личности определяется прежде всего как «обобщенная тенденция к действию» [Оллпорт, 1998, с. 49]. Этот взгляд разделяют и сторонники пятифакторной модели, указывая, что черты личности влияют на поведение опосредованно: «черты личности, согласно нашей модели, обуславливают мотивы, привычки и аттитюды, которые непосредственно влияют на поведение, и, тем самым, *опосредованно* (курсив МакКрэя и Кошты – Д.К., К.Б.) объясняют поведение» [McCrae, Costa, 1995, с. 242]. Возможно ли, что и воспринимаемая самооэффективность в настоящем исследовании есть также некоторая промежуточная переменная, опосредующая влияние личностных черт?

Как следует из полученных данных, различие между сравниваемыми группами по факторам невротизма и открытости опыту одина-

Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность ...

ково, однако в случае невротизма обнаруженные различия не являются статистически достоверными, что обусловлено большей дисперсией по данной шкале при сравнительно небольшом объеме выборки. В то же время, корреляционный анализ показал, что примерно 17% дисперсии воспринимаемой самооффективности может быть объяснено различиями в уровне невротизма и что такая взаимосвязь не случайна. Поэтому, согласно концепции личностных черт, у нас есть все основания полагать, что уровень невротизма также значимо и неслучайно влияет на оказание помощи в условиях проведенного эксперимента, однако данное влияние опосредуется воспринимаемой самооффективностью.

Большая объяснительная сила модели взаимодействия факторов в сравнении с моделью их независимого влияния в проведенном регрессионном анализе дает основания предполагать, что в некоторой (очень небольшой) степени воспринимаемая самооффективность также опосредует и влияние открытости опыту. Однако в данном случае следует считать полученные результаты скорее влиянием шума, поскольку результаты корреляционного и дискриминантного анализа отвергают эту гипотезу.

Согласно диспозиционным теориям, следует предположить, что влияние открытости опыту и экстраверсии также не является непосредственным, а потому поиск и обнаружение переменных, опосредующих их влияние на поведение испытуемых в условиях проведенного эксперимента, позволило бы объяснить существенно большую долю дисперсии наблюдаемого поведения. По всей видимости, эти переменные будут различными. Так, результаты настоящего исследования позволяют охарактеризовать воспринимаемую самооффективность как характеристику, опосредующую влияние невротизма, иррелевантную открытости опыту и экстраверсии, и оставляют открытым вопрос о том, в какой степени она опосредует влияние готовности к согласию и сознательности. Справедливость такой характеристики воспринимаемой самооффективности показана в исследовании только для случая

помогающего поведения, однако номотетическая методология пятифакторной модели делает возможным выдвижение гипотезы об обобщении полученных результатов на более широкий диапазон поведения. Обнаружение устойчивых взаимосвязей базовых тенденций (диспозиций) с опосредующими их переменными позволяет прийти к более полному и точному пониманию детерминант поведения человека. В данном случае пять факторов большой пятерки будут выполнять руководящую, направляющую роль как в научном поиске, так и в сфере практических приложений, что делает их базовыми категориями психологии личности. Как указывают МакКрэй и Кошта, «простой перечень коррелятов каждого из пяти факторов окажется действительно мощным руководством для понимания поведения человека, и обращение к такому перечню позволит предложить обоснованное, низкоуровневое, причинное объяснение» [McCrae, Costa, 1995, с. 244]. Эти корреляты представляют собой стилевые черты, или вторичные диспозиции, по Г. Оллпорту, это «аттитюды, мотивы и стили взаимоотношений» в теории МакКрэя и Кошты [там же], каждая из которых также можно рассматривать как стилевые черты. Фактически, пятифакторная модель в настоящее время претендует на роль общего теоретического фундамента в области психологии личности.

4.4. Критика диспозиционной интерпретации и пятифакторной модели

Сколь бы убедительной не представлялась теория пятифакторной модели, согласованное объяснение результатов, полученных в настоящем исследовании, невозможно без признания отсутствия конструктивной валидности экспериментальной процедуры. Тем не менее, как было отмечено выше, такой вывод является недостаточно обоснованным.

Более серьезная критика связана с положениями диспозиционных теорий в целом и пятифакторной теории в частности относительно опосредующих переменных. Согласно взглядам МакКрэя и Кошты,

Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность ...

воспринимаемую самооффективность следует рассматривать как аттитюд по отношению к самому себе, при этом различные контекстуализированные оценки должны конституировать обобщенную самооффективность, описываемую как аттитюд более высокого уровня. Подобные рассуждения относительно генерализации самооффективности являются основанием для разработки тестов-опросников, в том числе использованных в настоящем исследовании. На выборке испытуемых это означает, что контекстуализированные и обобщенные оценки самооффективности должны быть взаимосвязаны, подобно тому как коррелируют ответы на конкретный вопрос в тестах-опросниках и результаты в целом по шкале, в которую данный вопрос входит. Однако данное положение не находит подтверждения в настоящем исследовании. Скорее, как было показано выше, следует сделать вывод о том, что постулирование обобщенной самооффективности как устойчивой диспозиции необоснованно (подобная критика ранее уже обсуждалась в других работах, см., напр., *Капрара, Сервон, 2003*). Более того, обобщенная самооффективность оказалась не связанной ни с одним из факторов большой пятерки. Таким образом, номотетическая модель опосредования, постулируемая в пятифакторной модели (а именно, базовые диспозиции → вторичные диспозиции → контекстуализированные оценки и ситуативные влияния → поведение), не согласуется с полученными результатами. При этом конструктивная валидность измерения обобщенной самооффективности для используемых методик подтверждается высокими корреляциями шкал разных методик друг с другом. Таким образом, нет никаких оснований считать, что полученные результаты и сделанные на их основании выводы связаны с методологическими погрешностями.

Другое возможное объяснение – признание, что пятифакторная модель не является релевантной для объяснения помогающего поведения. Тем самым подтверждаются выводы Мишела, сделанные в 1968 году относительно значения конструкта «черта личности» в психологии: «Обобщенные черты и состояния являются крайне грубыми и об-

щими характеристиками, чтобы адекватно описать чрезвычайное разнообразие различий между людьми и их нюансы, которые люди постоянно проявляют в поведении» [Mischel, 1968, p. 301]. Это положение, сохраняющее свою актуальность и в настоящее время [Mischel, 2009], хорошо согласуется с полученными в настоящем исследовании результатами и противоречит представлениям о пятифакторной модели как таксономической системе базовых, универсальных личностных характеристик [McCrae, Costa, 1997]. Изложенные соображения приводят к необходимости обратиться к другим теоретическим обоснованиям, свободным от поиска генерализованных детерминант поведения.

4.5. Социально-когнитивный взгляд на проблему помогающего поведения.

Воспринимаемая самооффективность – наиболее сильный предиктор помогающего поведения по результатам обсуждаемого исследования – рассматривается в теории Бандуры как результат когнитивной оценки собственных возможностей. Это создает предпосылки для интеграции полученных результатов в процессуальные теории мотивации, в том числе процессуальную модель альтруистического поведения Шварца (см. выше). В ней указывается, что принятие решения об альтруистическом действии связано с актуализацией ожиданий субъекта относительно самого себя¹, а также актуализацию личных и социальных норм и ценностей² [Фурманов, 2001]. Как воспринимаемая самооффективность, так и ценности входят в социально-когнитивную модель личности, предложенную Мишелом и Шодой [Mischel, Shoda, 1995; 2008]. Личность здесь рассматривается как когнитивно-аффективная процессуальная система (КАПС; англ.

¹ Фактически, здесь переформулировано определение воспринимаемой самооффективности, приведенное в начале статьи.

² Следовательно, помогающее поведение тесно связано с нормативным поведением. Этот вывод имеет важное значение в контексте обсуждения конструктивной валидности экспериментальной процедуры исследования, приведенного выше.

Диспозиционные vs контекстуализированные переменные: эффективность ...

cognitive-affective processing system, CAPS). К основным переменным, включенным в модель, относятся конструкты и стратегии кодирования, эмоции и чувства, ожидания (в т.ч. относительно самооффективности) и убеждения, цели и ценности, компетенции и планы саморегуляции. В качестве детерминант поведения предлагается рассматривать процессы, происходящие в системе в результате взаимодействия перечисленных переменных. Воспринимаемая эффективность, таким образом, рассматривается как один из элементов более сложной динамической системы, определяющей согласованность в личностном функционировании и поведении. Во всех предложенных подходах подчеркивается, что воспринимаемая самооффективность – это контекстуализированная характеристика, возникающая как результат действия актуализированных когнитивно-аффективных механизмов. Результаты настоящего исследования полностью согласуются с указанными теоретическими подходами.

4.6. Перспективы исследования

КАПС представляет собой мета-теорию. Иными словами, она выполняет роль методологического базиса, общей концептуальной основы для разработки более специфических теорий в конкретных областях психологии [Mischel, Shoda, 2008]. Полученные результаты свидетельствуют о том, что поиск такой теории может быть продуктивным и привести к более полному пониманию мотивации помогающего поведения как процесса. На основании КАПС уже существуют теоретические разработки в таких областях, как подростковая агрессивность [Ayduk et al., 2007], межличностные отношения [Andersen, Chen, 2002; Andersen, Thorpe, 2009] и уязвимость в них (на примере чувствительности к отвержению) [Downey et al., 1998; Ayduk, Gyurak, 2008], клинические расстройства и когнитивная терапия [Merrill, Straumann, 2004; Eaton et al., 2009] и многих других. Сервон предложил модификацию КАПС в виде модели личностной архитектуры как знания-и-оценки (ЛАЗО, англ. knowledge-and-appraisal personality architecture) [Cervone, 2004], на осно-

вании которой предложены специализированные теоретические модели для описания юмористического поведения [Caldwell et al., 2008] и негативных зависимостей на примере табакокурения [Cervone, 2007]. Общность теоретических положений КАПС, ЛАЗО и процессуальных теорий мотивации создают предпосылки и для создания теоретической модели просоциального поведения, вписанной в общий контекст социально-когнитивной теории личности. Настоящее исследование может быть первым шагом на пути построения такой теории. При этом, с одной стороны, социально-когнитивная теория играет руководящую методологическую роль при построении теории более низкого уровня, а с другой стороны, эмпирические результаты, полученные при ее разработке, могут быть полезными для развития социально-когнитивной метатеории. Подобные исследования могут служить альтернативным способом построения единой теоретической базы в психологии личности.

Дальнейшее изучение просоциального поведения также связано с поиском более точных экспериментальных процедур и методик. Социально-когнитивная мета-теория предлагает набор методических приемов, адекватных для исследования социально-когнитивных переменных [Cervone et al., 2001], что позволяет преодолеть методологические сложности измерения переменных вида «личность в ситуации» [Козлов, 2009]. При этом сами диагностические процедуры следует сделать по возможности допускающими количественную оценку, что позволит использовать более мощные статистические методы, позволяющие дать более полное понимание исследуемых процессов (например, обобщенные регрессионные модели [StatSoft inc., 2001; Козлов, Доронина, 2009]).

В 2000 году, завершая обзор по современной психологии личности, Капрара и Сервон писали: «социально-когнитивная теория уже сделала решающий шаг в направлении общей парадигмы, способной отвечать потребностям и науки, и общества» [Капрара, Сервон, 2003, с. 522]. Сегодня, заканчивая данную статью, мы полностью соглашаемся с данным утверждением.

Литература

1. StatSoft, Inc. Электронный учебник по статистике Москва, StatSoft. (2001) [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm](http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm)
2. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности. – М.: Аспект-пресс, 2001.
3. *Газизов А.Х.* Методики оценивания мотива оказания помощи // [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.pacademy.edu.by/conferenc/2008/kpu/doc/razdel3/gazizov.doc](http://www.pacademy.edu.by/conferenc/2008/kpu/doc/razdel3/gazizov.doc)
4. *Гайдар К.М., Романов И.В.* Практикум по психодиагностике. Ч.2. Психодиагностика межличностных отношений. – Воронеж, ВГУ, 1999.
5. *Гайдар М.И.* Самоэффективность личности и психологические барьеры // Материалы XIII междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Том II. – М.: МГУ, 2006. С. 297-298.
6. *Гласс Дж., Стэнли Дж.* Статистические методы в педагогике и психологии. – М.: Прогресс, 1976.
7. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2004.
8. *Капрара Дж., Сервон Д.* Психология личности. – СПб.: Питер, 2003.
9. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности. – СПб.: Речь, 2004.
10. *Козлов Д.Д., Доронина К.Ю.* Обобщенные регрессионные модели в психологии: пример исследования прайминга (в печати).
11. *Лаак Я., Брутман Г.* Big 5: Как измерить человеческую индивидуальность: Оценки и описания. – М.: Университет, 2003.
12. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. – СПб.: Сенсор; Речь, 2000.
13. *Майерс Д.* Социальная психология. – СПб.: Питер, 2007.
14. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. – СПб.: Речь, 2004.
15. *Оллпорт Г.* Личность в психологии. – М.: КСП+; СПб: Ювента, 1998.

16. *Орел В.Е., Сенин И.Г.* Методика NEO-PI-R. Метод. руководство. – Ярославль, 2004.

17. *Первин Л., Джон О.* Психология личности: теория и исследования / под ред. В. С. Магуна. – М.: Аспект-пресс, 2001.

18. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985.

19. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация: уроки социальной психологии / Под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. – М.: Аспект-пресс, 2000.

20. *Росс Л., Уорд Э.* Наивный реализм в повседневной жизни и его роль в изучении социальных конфликтов и непонимания // *Вопр. психол.*, 1999, № 5, С. 60-70.

21. *Росс Л., Уорд Э.* Принципы наивного реализма и их роль в возникновении непонимания между людьми // *Психол. журн.*, 2000, № 6, С. 23-36.

22. *Фурманов И.А.* Социально-психологические проблемы поведения. – Минск, БГУ, 2001.

23. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. Т.1. / Под ред. Б.М. Величковского. – М.: Педагогика, 1986.

24. *Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.Г.* Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // *Иностранная психология*, 1996, № 7, С. 71-77.

25. *Andersen S., Chen S.* The relational Self: an interpersonal social-cognitive theory // *Psychological review*, 2002, vol. 109, No. 4, pp. 619-645.

26. *Andersen S., Thorpe J.* An IF-THEN theory of personality: Significant others and the relational self // *Journal of Research in Personality*, 2009, vol. 43, pp. 163-170.

27. *Ayduk O., Gyurak, A.* Applying the cognitive-affective processing system approach to conceptualizing rejection sensitivity // *Social and personality psychology compass*, 2008, vol. 2, No. 5, pp. 2016-2033.

28. *Ayduk O., Rodrigues M.L., Mischel W., Shoda Y., Wright, J.* Verbal intelligence and self-regulatory competencies: joint predictors of boy's aggression // *Journal of Research in Personality*, 2007, vol. 41, pp.374-388.

29. *Bandura A.* A social-cognitive theory of personality // *Pervin L., John O. (eds.) Handbook of personality*. NY: Guilford publications, 1999, pp. 154-196.

30. *Bandura A.* Social-cognitive theory: an agentic perspective // *Annual Review of Psychology*, 2001, vol. 52, No. 1, pp.1-26.

31. *Caldwell T., Cervone D., Rubin L.* Explaining intra-individual variability in social behavior through idiographic assessment: the case of humor // *Journal of Research in Personality*, 2008, Vol. 42, No. 8, pp. 1018-1028.

32. *Cervone D.* The architecture of personality // *Psychological review*, 2004, vol. 111, No 1, pp. 183-204.

33. *Cervone D.* Using a knowledge-and-appraisal model of personality architecture to understand consistency and variability in smokers' self-efficacy appraisals in high-risk situations // *Psychology of addictive behavior*, 2007, Vol. 21, No. 1., pp. 44-54.

34. *Cervone D., Shadel W., Jencius S.* Social-cognitive theory of personality assessment // *Personality and Social Psychology Review*, 2001, vol. 5, No. 1, pp. 33-51.

35. *Downey G., Freitas A.L., Michaelis B., Khouri H.* The self-fulfilling prophecy in close relationships: rejection sensitivity and rejection by romantic partners // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, Vol. 75, No. 2, pp. 545-560.

36. *Eaton N., South S., Krueger R.* The cognitive-affective processing system (CAPS) approach to personality and the concept of personality disorder: integrating clinical and social-cognitive research // *Journal of Research in Personality*, 2009, vol. 43, pp. 208-217.

37. *Fournier M.A., Moskowitz D.S., Zuroff D.C.* Integrating dispositions, signatures and the interpersonal domain // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, vol. 94, No. 3, pp.531-545.

38. *McCrae R., Costa P.* Personality trait structure as a human universal // *American psychologist*, 1997, Vol. 52, No. 5, pp. 509-516.

39. *McCrae R., Costa P.* Trait explanations in personality psychology // *European journal of personality*, vol. 9, pp. 231-252 (1995).

40. *McCrae R., Costa P., Hrebickova M., Urbanek T., Martin T., Orlov V.E., Rukavishnikov A.A., Senin I.G.* Age differences in personality traits across cultures: self-report and observer perspectives // *European journal of personality*, 2004, vol. 18, pp. 143-157.

41. *McCrae R., John P.* An introduction to the five-factor model and its applications // *Journal of Personality*, 1992, vol. 60, No. 2, pp. 175-215.

42. *McCrae R., Terracciano A.* Universal Features of Personality Traits From the Observer's Perspective: Data From 50 Cultures // *Journal of Personality And Social Psychology*, 2005, vol. 88, No. 3, pp. 547-561.

43. *Mendoza-Denton R., Ayduk O., Mischel W., Shoda Y., Testa A.* Person x situation interactionism in self-encoding (I am... when...): implications for affect regulation and social information processing // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, vol. 80, No. 4, pp. 533-544.

44. *Merrill K., Strauman T.* The role of personality in cognitive-behavioral therapy // *Behavioral therapy*, 2004, vol. 35, pp. 131-146.

45. *Mischel W.* Alternative futures of our science // *Observer of Association for Psychological Science*, 2005, vol. 18, No.3.

46. *Mischel W.* From Personality and Assessment (1968) to Personality Science, 2009 // *Journal of Research in Personality*, 2009, vol. 43, pp. 282-290

47. *Mischel W.* Personality and assessment. NY: Wiley, 1968.

48. *Mischel W., Shoda Y.* A cognitive-affective system theory of personality: reconceptualizing situations, dispositions, dynamics and invariance in personality structure // *Psychological review*, 1995, vol. 102, No.2, pp. 246-268.

49. *Mischel W., Shoda Y.* Toward a unified theory of personality: integrating dispositions and processing dynamics withing the cognitive-affective processing system // *John O.P., Robins R.W. and Pervin L.A. (eds.) Handbook of personality: theory and research (3rd edn.)*. NY: Guilford press, 2008, pp. 208-241.

Е.В. Литягина

Духовность и наркомания: психологический аспект

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологическая профилактика наркомании в вузе»), проект 08-06-00391 а

Вопросы духовности в настоящее время являются предметом обсуждения не только богословов и философов, историков и культурологов, но и специалистов «помогающих профессий» – психологов, социальных педагогов. Особенно часто развитие духовности человека обсуждается совместно с вопросами профилактики девиантного поведения, наркомании и других видов негативной зависимости у подростков и молодежи.

В аспекте духовности профилактика может быть рассмотрена, прежде всего, как предоставление возможности человеку формировать здоровое поведение на основе развития духовного, физического, психического и социального благополучия, а личности – развивать психологические, социальные и духовные начала. Профилактика – это развитие здорового поведения и ресурсов личности и духа человеческого, препятствующих риску употребления наркотиков и других психоактивных веществ [*Сирота*].

Однако, прежде чем говорить о профилактике адиктивности и девиантного поведения, следует обратиться к пониманию феномена духовности, так как это во многом определяет те способы, к которым обращаются при организации профилактической работы в этом направлении.

В.В. Знаков в статье «Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры» описывает четыре основных на-

правления поиска психологической природы феномена духовности [Знаков, 1998].

Первое направление связано с *поиском корней духовности* не столько в самом человеке, особенностях его личности и склонности к рефлексии, сколько *в продуктах жизнедеятельности*: объективации высших проявлений человеческого духа, творчества в памятниках старины, произведениях науки и искусства. Духовность человека порождается в процессе усвоения им значений, объективированных в общественном сознании, и выявления «скрытых» за значениями смыслов.

Представители второго направления изучения духовности в психологии исследуют *ситуативные и личностные факторы*, способствующие возникновению у человека *духовных состояний*, корни которых находятся в нерелексируемых глубинах бессознательного. В рамках этого направления анализируются возможные взаимодействия вершин самосознания субъекта и глубинных слоев его психики (личностного бессознательного и архетипов коллективного бессознательного).

Третье направление объединяет идеи, в которых *духовность* рассматривается как *принцип саморазвития и самореализации человека*, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности, а также изучает мотивационные основы психологической готовности к становлению духовности человека. Развитие духовности как самореализации личности невозможно без чувства свободы. Духовное состояние личностной свободы возникает у человека при осознании им наличия внешних возможностей выбора и сформированной внутренней готовности осуществить этот выбор [Знаков, 1998].

Четвертое, *религиозное направление* имеет четко заданные границы: в нем *духовное* выступает только как *божественное откровение*. Одна из основных линий размышления о проблеме духовности человека заключается в обращении к трансцендентному Я, «внутреннему человеку». Актуально обсуждение противостояния внутреннего и внешнего, объекта и субъекта.

Основатель аналитической психологии К.Г. Юнг, сыгравший решающую роль в возникновении движения Анонимных Алкоголиков, рекомендовал страдающим алкоголизмом окунаться в религиозную атмосферу, чтобы пройти через преобразующие духовные переживания [Гроф, 2003].

Помощь человеку, блуждающему в пространствах своего Я, – это настоящая профилактика зависимости от наркотиков. В результате такой помощи человек становится более состоятельной личностью, более ресурсной. К ресурсам человека относятся и такие вехи личностной и духовной зрелости как своя собственная позиция по отношению к жизни и смерти, любви, одиночеству, вере, духовности и духовным ценностям. С психологической точки зрения к важнейшим ресурсам личности относится представление человека о себе, его Я-концепции. По мнению К.С. Лисецкого, развитие «внутреннего контура самопричинности и самоподдержки» составляет содержание процесса взросления личности и условие становления ее субъектности [Лисецкий, 2007]. В статье В.И. Литвиненко «Императив духовности и наркомания» озвучена мысль о том, что, душа «не нашедшая смысла и не реализующая свои возможности, становится этиологическим фактором, вызывающим болезнь» [Литвиненко, 2006, с. 58].

Смысл жизни напрямую связан с психическим здоровьем личности. По мнению К.Г. Юнга, именно стремление к духовным или культурным ценностям, как основным векторам смысла жизни, выступает условием обретения духовного здоровья [Юнг, 1994]. Во время духовного кризиса, связанного с поиском смысла жизни, происходит изменение мировоззрения. Основатель техники реконструкции личности, получившей название «Психосинтез» Р. Ассаджиоли описывает кризис, предшествующий духовному пробуждению, подобно описанию кризиса подросткового возраста [Ассаджиоли, 1997].

Именно в подростковом возрасте человек впервые начинает задумываться о смысле жизни. Поиск смысла жизни, выстраивание отношений с Богом, Абсолютом, поиск духовного ориентира является

одной из важнейших задач взросления человека, особенно в старшем подростковом возрасте. В этот период актуальны вопросы о смысле своего существования, о справедливости и об истоках страданий, о цели существования человечества вообще, здесь впервые сознательно проявляется духовность личности. Переживая этот кризис, человек испытывает неопределенное беспокойство, чувство неудовлетворенности и внутренней пустоты, которая может быть вызвана разочарованиями от прежних представлений о будничной, реальной жизни.

Проблема смысла жизни неразрывно связана с осознанием и принятием, а зачастую с мучительным поиском некой внутренней точки, стрелы, позволяющего удерживаться в изменяющемся внешнем полном противоречий мире и сохранять стабильность собственного внутреннего мира. Таким стержнем может стать «обретение» Бога (в религиозном понимании) или Абсолюта (как некой субстанции, «мудреца» внутри самой личности).

Способы и средства «избавления» от всепоглощающей внутренней пустоты могут быть самыми разнообразными: от алкоголя, наркотиков и других негативных зависимостей до духовных практик. Все эти способы, так или иначе изменяют сознание человека. Врач Эндрю Уэйл в своей книге «Естественный ум» пишет о том, что желание человека изменять свое сознание есть необходимость, он указывает на врожденность и естественность этого желание, наряду с голодом или половым влечением. Духовные практики в этом смысле более безопасны с точки зрения здоровья физического (мы имеем в виду, что такая практика не связана со СПИДом или гепатитом и т.д.). По мнению Э.Фромма, религия как система взглядов и действий дает человеку систему ориентаций или смысл жизни [Франкл, 1999]. Духовно-ориентированные программы профилактики предлагают своим клиентам научиться переживать религиозный опыт. Однако не следует забывать, что некоторые духовные практики также могут привести к формированию зависимости личности. Примером могут служить случаи зависимости от сект и деструктивных культов.

Наши исследования показали, что к наркотику как средству снятия внутреннего напряжения и «решения» (избегания) проблем может обратиться как подросток, для которого актуальны конфликты взросления, так и взрослый человек с нерешенными задачами взросления подросткового возраста [Лисецкий, Литягина, 2008]. Определяющий фактор начала употребления наркотиков в любом возрасте, как правило, независимо от сочетания «факторов риска и защиты», может быть обозначен как «недостаточная субъектность», неспособность стать причиной себя в ситуации неопределенности при значительной рассогласованности «Я-концепции» личности [Лисецкий, 2007]. Кристина Грофф называет зависимых людей «духовными искателями», жаждущими целостности [Грофф, 2003].

Зависимость вынуждает человека постоянно проявлять хитрость, находчивость, «творчество» в процессе поиска наркотических веществ или средств на их приобретение. Сравнивая «личную эффективность» в состоянии наркотического опьянения и без него, потребитель подкрепляет свое сознательное стремление к пребыванию в этом состоянии. Переживание избыточных возможностей, а затем соблазн их повторных переживаний обуславливает появление праформ зависимости. По мере употребления наркотиков у индивида начинает формироваться новый жизненный цикл и новая «Я-концепция».

Логично предположить, что программы профилактики зависимости (особенно вторичной и третичной профилактики) необходимо изменяют Я-концепцию человека, способствуют созданию таких условий, в которых развивается субъектность: самостоятельность, ответственность личности, психологическая взрослость и др. Существует ли разница в качественных характеристиках Я-концепции людей, прошедших реабилитацию по программам духовно-ориентированным (религиозным) и программам без «религиозного уклона»?

В своем исследовании, проведенном совместно с А.В. Дорофеевой, мы предположили, что религиозный опыт структурирует индивидуальное сознание и образует основной вектор осмысленности

жизни у наркозависимых. Объектом исследования явилось индивидуальное сознание людей, проходящих реабилитацию от наркозависимости в религиозных и нерелигиозных программах. В качестве методов исследования были выбраны: метод реконструкции семантических пространств (В.Ф. Петренко), методика множественных идентификаций (в авторской модификации), методика предельных смыслов (А.Н. Леонтьев), факторный и кластерный анализ [Дорофеева, 2009].

Проанализировав результаты проведенного исследования, мы пришли к следующим выводам. Для лиц, проходящих реабилитацию, как по религиозным, так и по нерелигиозным программам, проблема зависимости, кажется уже решенной, а значит, бросить наркотики, в понимании наркозависимых не сложно. Сложно найти смысл жизни, не прибегая к их употреблению.

Зависимые, проходящие реабилитацию по религиозным программам, переживают состояние нетревожное и комфортное. Это состояние наиболее благоприятно для неупотребления. Однако их сознание как бы «уплощается», мир становится более когнитивно простым и однозначным. В этих условиях возникает иллюзия некой внутренней целостности. Результаты исследования представлены на рис. 1, 2.

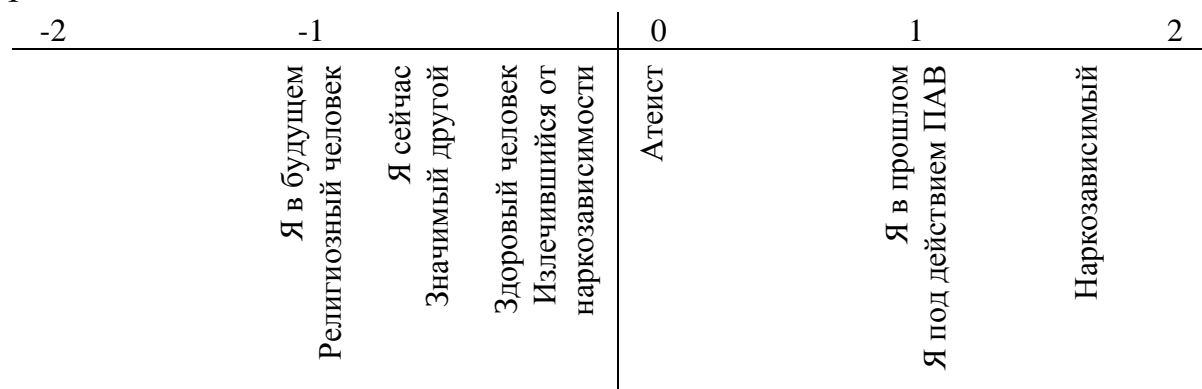

Рис.1. Результаты факторизации данных исследования сознания наркозависимых, проходящих реабилитацию по религиозным программам (был выделен 1 фактор)

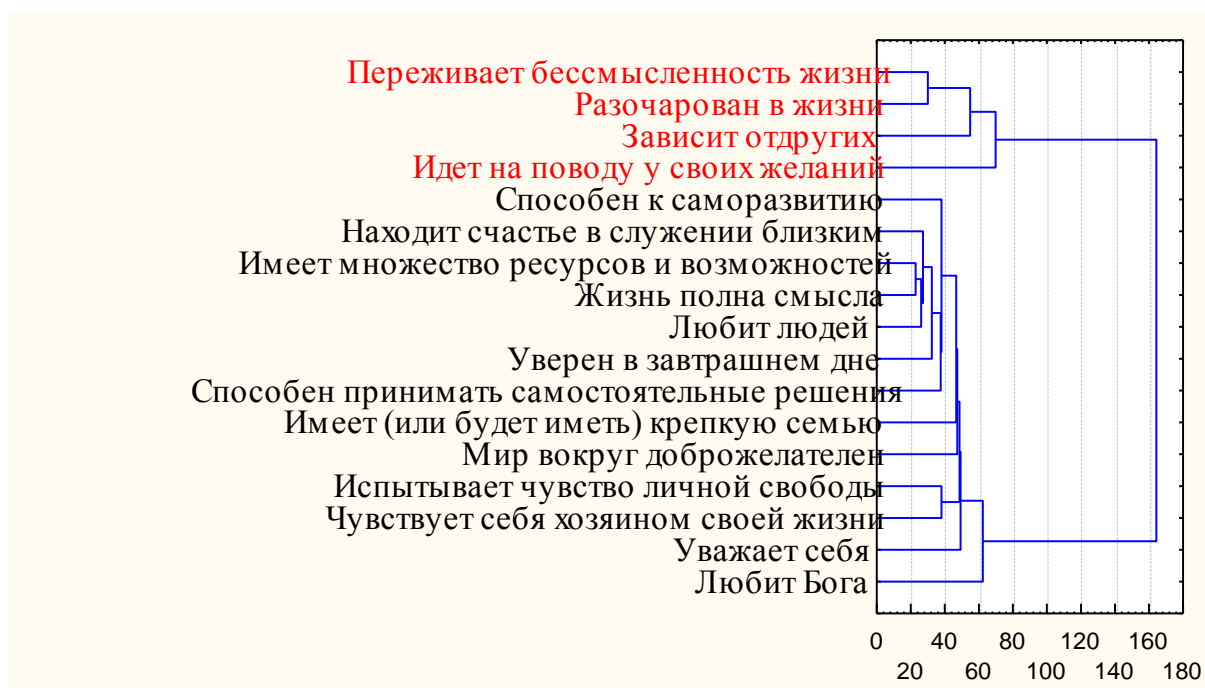
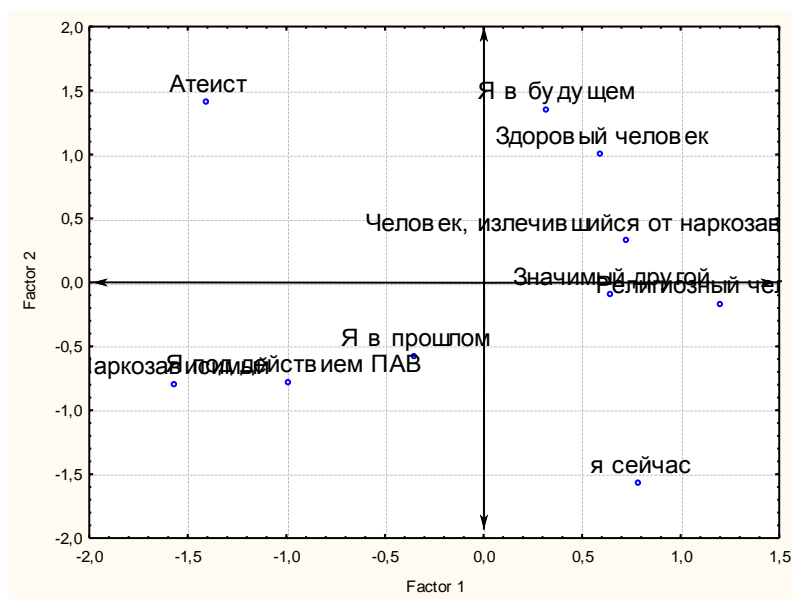

Рис. 2. Содержательная характеристика выделенного фактора при исследовании сознания наркозависимых, проходящих реабилитацию по религиозным программам

У наркозависимых, проходящих реабилитацию по нерелигиозным методикам, в отличие от первой выборки, обнаруживается внутрличностный конфликт, из-за несоответствия актуального и желаемого уровня развития личности, что может породить психологическое напряжение, и, как следствие, угрозу рецидива (рис. 3).

Основная ценность наркозависимого, проходящего реабилитацию по нерелигиозной программе, получение избыточных возможностей, чтобы быть способным удовлетворить свои желания, как правило, эгоистического характера. Основная ценность наркозависимого, проходящего реабилитацию по религиозной программе – жить ради «Божьих целей», реализовываться через альтруистические мотивы.

Осмысленность жизни у наркозависимого, проходящего реабилитацию по религиозной методике приближена к осмысленности жизни здоровых людей и имеет альтруистическую направленность. Этот вывод следует из сравнения семантических пространств наркозависимых и здоровых испытуемых.

*Личная свобода,
Хозяин своей жизни,
Уверен в завтрашнем дне*

*Бесмысленность жизни,
Зависит от окружающих
Разочарован в жизни*

*Идет на поводу у своих желаний
Личное саморазвитие, Служение
Близким, Самостоятельность,
Уважает себя, Семья, Любит Бога,
Имеет ресурсы и возможности,
Жизнь полна смысла, Любит людей*

Рис. 3. Семантическое пространство наркозависимых, проходящих реабилитацию по нерелигиозным программам

Таким образом, можно сказать, что с одной стороны, религиозные программы профилактики, положительно влияют на динамику «выздоровления» и поддержания ремиссии, а с другой стороны могут привести к «уплощению», упрощению видения мира. Духовно-ориентированные программы будут эффективны в том случае, если они способствуют становлению внутренней системы самоподдержки человека, который будет способен «противостоять» рецидивам своей зависимости, т.к. станет целостным субъектом, действующим осознанно и целенаправленно активно.

Литература

1. Ассаджиоли Р. Психосинтез. – М.: Рефлекс-бук, 1997.
2. Гроф К. Жажда целостности. Наркомания и духовный путь. – М.: АСТ, 2003.

3. *Дорофеева А.В.* Исследование влияния религиозного опыта на эффективность вторичной профилактики наркозависимости // Дипломная работа. СамГУ. Психологический факультет. 2009.
4. *Знаков В.В.* Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // *Вопр. психол.*, 1998, № 3. С.104-114.
5. *Лисецкий К.С.* Проблема профилактики наркотической зависимости личности. – Самара: Универс-групп, 2007.
6. *Литвиненко В.И.* Императив духовности и наркомания // *Психиатрия и религия на стыке тысячелетий: Сборник научных работ.../* Под общ. ред. П. Т. Петрюка, Р. Б. Брагина. – Харьков, 2006. Т. 4. С. 58–59.
7. *Сирота Н.А.* Профилактика наркомании и духовность человека/ http://www.narkotiki.ru/kids_255.html
8. *Франкл В.* Психотерапия и религия // *Человек в поисках смысла.* – М.: Прогресс, 1999. С. 334-337.
9. *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. – М.: Университетская книга, 1994.

М.Е. Серебрякова

Роль ценностно-смысловой сферы личности в обеспечении личностной саморегуляции

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологическая профилактика наркомании в вузе»), проект № 08-06-00391 а

Проблема исследования человека с точки зрения его субъектных проявлений, процессов и условий его саморазвития и самораскрытия, его активного творческого отношения к явлениям действительности в последние годы становится все более актуальной в различных направлениях и отраслях психологической науки.

Субъектное бытие человека сложно и многоаспектно, оно обеспечивается системой всей человеческой психики и реализуется в разнообразных формах [Брушлинский, 1991; Петровский, 1993]. Одним из наиболее общих и существенных проявлений субъектности человека является его произвольная осознанная активность, обеспечивающая достижение принимаемых человеком целей. В понятии «субъект» акцентируется в первую очередь активное, деятельностное начало человека, реализуя которое, он осуществляет свои реальные отношения с действительностью [Абульханова, 1973; Леонтьев, 1975; Рубинштейн, 1976; Тихомиров, 1992]. Основными характеристиками субъектной активности являются: ее творческий характер, способность изменять окружающий мир, способность к саморегуляции и самоорганизации (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский и др.).

Именно поэтому в контексте общего аспекта субъектного развития и существования человека одно из центральных мест занимает проблема закономерностей осознанной регуляции человеком своей произвольной целенаправленной активности. От степени совершенства процессов саморегуляции зависит успешность, надежность, продуктивность, конечный исход любого акта произвольной активности.

Под осознанной саморегуляцией понимается системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей [Конопкин, Моросанова, 1989].

О.А. Конопкин разрабатывает функциональную структуру системы осознанной саморегуляции произвольной активности человека [Конопкин, 1989, 1995]. В качестве основных звеньев саморегуляции он выделяет следующие – цель деятельности, модель значимых условий, программа исполнительских действий, критерии успешности, оценка результатов и коррекция системы саморегуляции. Каждое из

Роль ценностно-смысловой сферы личности в обеспечении личностной ...

звеньев реализуется соответствующим информационным процессом: целеполаганием, моделированием, планированием, программированием, оцениванием и корректированием. Дисфункция или структурный дефект любого регуляторного звена выводит из равновесия всю систему осознанного регулирования и уменьшает эффективность деятельности.

Процесс саморегуляции как система функциональных звеньев обеспечивает создание и динамическое существование в сознании субъекта целостной модели его деятельности, предвосхищающей его исполнительскую активность.

В.И. Моросанова, разрабатывая концепцию индивидуального стиля саморегуляции личности, выдвигает положение о том, что личностные особенности влияют на деятельность не непосредственно, а через сложившиеся индивидуальные способы саморегуляции активности [Моросанова, 1991]. Личностные структуры различного уровня оказывают существенное влияние на то, какие цели и как ставит перед собой человек, а также модулируют специфическим образом индивидуальный профиль саморегуляции, т.е. особенности достижения этих целей.

В процессе изучения саморегуляции структурно-функциональная модель, предложенная О.А. Конопкиным, уточнялась и развивалась. В первую очередь это коснулось функции целеполагания и соответствующего ей звена цели. Это звено хотя и присутствует в описаниях самой модели, но при анализе общих закономерностей саморегуляции деятельности все внимание исследователей направляется именно на закономерности достижения уже принятых субъектом целей [Карпинский, 2002].

Активность человека, представленная на уровне целеобразования, рассматривалась О. К. Тихомировым как ведущий процесс на пути структурного оформления сознательных и произвольных компонентов регуляции деятельности [Тихомиров, 1977, 1992].

Роль ценностно-смысловых образований в обеспечении осознанной саморегуляции личности вырисовывается в рамках смыслового

подхода к саморегуляции [Братусь, 1999; Асмолов, 1990; Леоньев, 1995; Карпинский, 2002].

Общая закономерность психического развития личности как субъекта выражается в усилении способности к самодетерминации и закономерном расширении объема личностной свободы от внешних и внутренних обстоятельств [Карпинский, 2002].

Субъект черпает смысловые основания для своей деятельности из контекста взаимодействия с жизненным миром. По этому поводу В.Н. Сагатовский отмечает, что «жизненные смыслы или ключевые ценности субъекта отвечают на вопрос, во имя чего совершается данная деятельность. Их можно охарактеризовать как такие цели (высшие цели), которые в данной системе не являются средствами, они выполняют функцию конечного основания выбора тех предметов, средств, способов, которые и образуют целостную деятельность. По отношению к деятельности они суть системообразующие начала» [Сагатовский, 2001, с. 118].

По мнению М.С. Яницкого, личностные ценности с одной стороны выступают в качестве высшего контрольного органа регуляции всех побудителей активности человека, определяя приемлемые способы их реализации. С другой – в качестве внутреннего источника жизненных целей человека, выражая то, что является для него наиболее важным и обладает личностным смыслом. Система ценностей, таким образом, является важнейшим психологическим органом саморазвития, определяя одновременно его направление и способы его осуществления [Яницкий, 2000].

Как отмечает А.И. Донцов, ценностные ориентации направляют и корректируют процесс целеполагания человека [Донцов, 1974]. Н.Ф. Наумова также выделяет ценности личности как один из механизмов целеполагания, так как они ориентируют человека среди объектов природного и социального мира, создает упорядоченную, имеющую для человека смысл картину мира [Наумова, 1988].

Роль ценностно-смысловой сферы личности в обеспечении личностной ...

Система ценностей определяет жизненную перспективу, «вектор» развития личности и является психологическим органом, связывающим в единое целое личность и социальную среду, выполняющим одновременно функции регуляции поведения и определения его цели [Яницкий, 2000].

«Мотивация человеческого поведения – это опосредствованная процессом отражения субъективная детерминация поведения человека миром. Значение предметов и явлений и их «смысл» для человека есть то, что детерминирует поведение» [Рубинштейн, 1976]

Функции собственно личностной смысловой регуляции заключаются в презентации жизненных отношений субъекту и согласовании его деятельности с устойчивой иерархизированной структурой этих отношений.

Смысловая регуляция позволяет присвоить деятельность, поскольку в смысловых структурах личности презентированы жизненные отношения, которые реализуют деятельность. При помощи смысловой регуляции личность может встать в отношение к собственной деятельности с точки зрения содержания жизненных отношений, которые эта деятельность осуществляет [Карпинский, 2002].

Б.С.Братусь в психологической структуре личности выделяет три соподчиненных уровня. Соотношение этих уровней таково, что нижележащий уровень «снимается» вышележащим и выступает в качестве его предпосылки. Итак, первый уровень психической жизни человека образован психофизиологическими процессами, которые детерминируют формально-динамические и формально-временные характеристики психического отражения и регулирования. Второй уровень – индивидуально-исполнительский, или уровень реализации. Именно на этом уровне сосредоточены все те свойства человека, которые обычно присовокупляют к личности в житейском представлении. Это – характер, социальные роли, индивидуальный стиль поведения, задатки и способности. Согласно воззрениям Б.С. Братуся, на этом уровне осуществляется операционально-техническая регуляция ак-

тивности. Собственно личностный слой психического отражения представлен смысловыми образованиями, которые выполняют функции мотивационно-смысловой регуляции активности. На этом уровне «производятся» смыслы деятельности, которые выполняет человек, а также смыслы человеческой жизни [Братусь, 1988].

А.Г. Асмолов констатирует двуплановость психологической организации личности. План содержания структурирован из мотивов и прочих видов смысловых образований личности, которые задают смысловое содержание и направленность деятельности. План выражения в личности представлен способностями и чертами характера, которые обуславливают способ объективации смысловых образований в деятельности и поведении [Асмолов, 1990].

Собственная активность личности детерминирована смысловыми структурами и процессами, которые осуществляют смысловую или побудительную регуляцию.

Таким образом, можно говорить о ведущей роли ценностно-смысловых образований личности в обеспечении саморегуляции поведения именно с точки зрения ее содержательного аспекта.

Наличие в структуре личности динамической смысловой системы, соотнесенной с определенной деятельностью, является главной психологической предпосылкой не только для онтологической самостоятельности, но также для эффективного осознанного регулирования этой деятельности. Напротив, выхолащивание личностного смысла препятствует эффективной осознанной саморегуляции деятельности и ведет к метаморфозе деятельности в безличное действие или операцию. Допустим, что личность осуществляет деятельность, которая не представляет для нее никакой субъективной ценности, то есть не имеет касательства к реализации ее смысловых структур - мотивов, ценностей, потребностей. Сможет ли личность эффективно регулировать эту деятельность? Решительно, нет. Потому что в систему психической регуляции деятельности не будут ангажированы смысловые

Роль ценностно-смысловой сферы личности в обеспечении личностной ...

структуры личности, которые образуют функциональное «ядро» всей системы осознанного саморегулирования [*Карпинский, 2002*].

По мнению О.А. Конопкина, именно высокая субъективная значимость деятельности или отдельного ее элемента, параметра по личностному смыслу определяет ее последовательное осознанное регулирование [*Конопкин, 1989*].

Высшим уровнем саморегуляции следует признать самодетерминацию, при которой личность не просто транслирует аккумулированный социальный опыт, а самостоятельно строит весь контур саморегуляции, творчески модифицирует усвоенные регуляторные механизмы на основе собственного субъектного опыта. В этой связи весьма перспективной является разработка понятия «субъектный опыт», введенного в исследованиях А.К. Осницкого. Основное содержание субъектного опыта наполняет личностное знание о способах эффективной организации деятельности путем создания оптимальных динамических систем сознательной саморегуляции. А.К. Осницкий выделяет компоненты субъектного опыта – ценностный опыт, опыт рефлексии, опыт привычной активизации, операциональный опыт и опыт сотрудничества, полагая, что ценностный компонент играет среди них центральную роль [*Осницкий, 1986, 1996*].

Роль смысловой регуляции в инициации и программировании субъектных действий – это роль внутренней инстанции, которая оценивает необходимость, срочность, выгодность реструктурирования деятельности.

В самом общем аспекте деятельность приобретает для личности смысл инструмента, при помощи которого личность объективирует свои смысловые структуры, преобразует действительность в потребном направлении [*Карпинский, 2002*].

Системное описание разнообразных логик психической регуляции предлагает М. Страс-Романовская в рамках экзистенциально-персоналистической концепции судьбы. Исследователь постулирует различные системы отношений человека с миром: биологическую,

социальную, экзистенциальную. На регуляции человеческого бытия в этих измерениях специализируются различные структуры и механизмы психики. В биологическом измерении человек руководствуется «принципом наслаждения» или «хочу», который узаконен его потребностями. В социальном измерении человек послушается конвенциональным предписаниям по принципам реальности («могу») и долженствования («должен»). В экзистенциальном измерении человек ориентируется на бытийные ценности и смыслы. Его экзистенциальное кредо – «это важно для моей жизни» [Карпинский, 2002].

В. Франкл говорит о соотношении причин и оснований поведения. Причины представлены побуждениями, влечениями, инстинктами, механизмами обусловливания, а субъективные основания – ценностями и смыслами. По мнению В. Франкла, причины не властны над человеком до тех пор, пока он не подведет под них субъективное основание [Франкл, 2000].

Таким образом, чем большую роль в процессе саморегуляции приобретает внутренний компонент целеполагания, чем больше цели субъекта соотносятся со смысловой необходимостью, тем в большей степени можно говорить о самодетерминации как проявлении субъектности личности.

Изменения, происходящие в ценностно-смысловой сфере личности, воздействуют на поведение не непосредственно, а через процесс саморегуляции (прежде всего, через особенности процесса целеполагания). Смена ведущей ценности перестраивает процесс саморегуляции таким образом, что вся деятельность субъекта оказывается подчиненной новой цели. Остальные цели теряют для человека личностный смысл, что приводит к нарушению саморегуляции в соответствующих сферах деятельности.

Активность личности, направленная на перестройку собственной ценностно-смысловой сферы, является проявлением личностной способности к смысловой саморегуляции. В процессе этой активности личность как нигде предстает в качестве субъекта не только своей деятельности, но к тому же и самой себя.

Литература

1. *Абульханова К.А.* О субъекте психической деятельности. – М.: Наука, 1973. – 288с.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
3. *Братусь Б.С.* Смысловая вертикаль сознания личности // Вопросы философии. 1999. № 1. С. 81-89
4. *Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психол. журн. 1991. №6. С. 3-11.
5. *Карпинский К.В.* Человек как субъект жизни. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 280 с.
6. *Конопкин О.А., Моросанова В.И.* Стилевые особенности саморегуляции деятельности // Вопр. психол. 1989. №5.
7. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975, – 304 с.
8. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. – М.: Смысл, 1999.
9. *Моросанова В.И.* Стилевые особенности саморегуляции личности // Вопросы психологии. №1. 1991.
10. *Осницкий А.К.* Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.
11. *Петровский В.А.* Личность: феномен субъектности. – Ростов-на-Дону, 1993. – 67с.
12. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – М., 1976 – 424 с.
13. *Тихомиров О.К.* Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К.Тихомиров. – М.: Наука, 1977. – С. 5–20.
14. *Тихомиров О.К.* Понятия и принципы общей психологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 87 с.
15. *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

А.В. Титенков, Н.В. Зоткин

Влияние состояния любви на самоактуализацию личности

Явление самоактуализации было описано полвека назад и до сих пор вызывает повышенный интерес психологов, так как она связана с развитием личности, что является одной из центральных задач психологической науки. Понятие самоактуализации включает в себя всестороннее и непрерывное развитие творческого и духовного потенциала человека, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья и нравственности.

В книге «Мотивация и личность» А. Маслоу определяет самоактуализацию как стремление человека к самовоплощению, к актуализации заложенных в нем потенций, проявляющееся в стремлении к идентичности. Понятие самоактуализации включает в себя всестороннее и непрерывное развитие творческого и духовного потенциала человека, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья и нравственности.

В своей книге «Новые измерения человеческой природы» А. Маслоу описывает восемь типов поведения, ведущих к самоактуализации. Пиковое или вершинное переживание является одним из них. Вершинные переживания – это момент безграничного счастья, полноты жизни и полного слияния с миром; когда приходит конец всяким сомнениям, опасениям, затруднениям, слабостям. Исчезают всякие барьеры и всякая отдаленность от мира, ощущается полное слияние с миром, принадлежность к нему. Появляется тенденция к

целостному, непосредственному восприятию предмета, максимальная концентрация на воспринимаемом предмете (отсутствие сравнения, сопоставление), потеря ориентации во времени и пространстве и др. Человек более целен, собран, больше знает о себе и о мире; думает, действует и чувствует более ясно и точно. Человек сильнее любит и ближе принимает других, у него слабее внутренние конфликты и тревога, и ему легче направить свою энергию на творчество.

Описание переживаний, возникающих у человека в состоянии любви, похоже на описание пиковых или вершинных переживаний, описываемых А. Маслоу. Также возникает ощущение безграничного счастья и полноты жизни; проявляется эмоциональное возбуждение и яркость переживаний, вызванная повышенной интенсивностью работы органов чувств; действительность преобразуется, возникает чувство «полета», может происходить потеря ориентации во времени и пространстве. Человек перестает быть эгоцентричным, центром его жизни, мыслей и чувств становится другой человек, он готов ради другого сделать необычайное, в том числе в ущерб себе, и ничего не требуя взамен. Все это говорит о том, что состояние любви ведет к некоторым определенным изменениям в личности человека.

Рассматривая состояние любви как одно из вершинных (пиковых) переживаний, описанных А. Маслоу, мы предположили, что переживание состояния любви будет положительно влиять на самоактуализацию личности.

В исследовании принимали участие гетерогенные группы испытуемых студентов Самарского государственного университета в возрасте 18-20 лет. Они были разделены на две группы. Первая экспериментальная группа состояла из испытуемых, которые заявили, что они хорошо знакомы с чувством любви – 50 человек. Вторая группа испытуемых состояла из студентов, которые заявили, что любовь не испытывали – 35 человек.

Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе с испытуемыми проводился Самоактуализационный тест (САТ) Л.Я. Гозма-

на, который выявлял степень самоактуализации испытуемого в обычном состоянии. На втором этапе проводилась шкала страстной любви Э. Хэтфилд и С. Шпрехер, которая являлась для нас вторым, после заявления испытуемых, критерием отбора студентов знакомых с состоянием (чувством) любви.

На третьем этапе проводился разработанный нами модифицированный вариант Самоактуализационного теста, выявляющий степень самоактуализации в состоянии любви. В каждое утверждение методики САТ нами была добавлена фраза «В состоянии любви я...» и далее шла уже существующая фраза. В данной методике мы не использовали 11-ую и 12-ую дополнительные шкалы познавательных потребностей и креативности.

Идея исследования заключалась в том, что бы сравнить степень самоактуализации личности в обычном состоянии (методика САТ) и в состоянии любви (модифицированный САТ). Мы проводили сравнение по средним значениям шкал САТ и шкал САТ (модифицированного), по отдельности в экспериментальной группе и в контрольной группе. Так же мы сравнивали результаты, полученные в контрольной группе, с результатами, полученными в экспериментальной группе, между собой по каждому из тестов.

Для обработки данных, полученных в результате проведенного исследования, был применен метод статистического анализа достоверности различий между значениями, полученными с помощью теста САТ и теста САТ – модифицированного. Для определения достоверности различий был использован t- критерий Стьюдента для независимых выборок при сравнении групп между собой по обычному САТ и САТ-модифицированному (таблицы №3 и №4). При сравнении динамики изменения показателей экспериментальных шкал в экспериментальной и контрольной группах использовался t-критерий Стьюдента для зависимых выборок (таблицы №1 и № 2).

Ниже приведены таблицы, в которых отражены результаты исследования.

Влияние состояния любви на самоактуализацию личности

Выделения во всех таблицах соответствуют:

$p < 0,05$; различия статистически значимы

$p < 0,01$; различия статистически значимы с высоким уровнем достоверности

Таблица № 1.

Результаты статистического анализа достоверности различий по средним значениям шкал САТ в экспериментальной группе

шкалы	среднее значение		разница	t-критерий	ст. своб.	p-уровень
	обычный	модиф.				
<u>I</u>	<u>49,52</u>	<u>59,12</u>	<u>-9,60</u>	<u>-3,94015</u>	<u>49</u>	<u>0,000258</u>
<u>II</u>	<u>54,66</u>	<u>59,26</u>	<u>-4,60</u>	<u>-3,57425</u>	<u>49</u>	<u>0,000801</u>
1	65,48	67,26	-1,78	-0,854927	49	0,396753
2	56,70	60,48	-3,78	-2,42873	49	0,018867
<u>3</u>	<u>55,92</u>	<u>64,70</u>	<u>-8,78</u>	<u>-4,09359</u>	<u>49</u>	<u>0,000158</u>
<u>4</u>	<u>58,60</u>	<u>68,60</u>	<u>-10,00</u>	<u>-4,59573</u>	<u>49</u>	<u>0,000030</u>
5	64,06	69,56	-5,50	-2,12267	49	0,038859
6	52,76	55,74	-2,98	-1,24676	49	0,218413
7	55,20	57,60	-2,40	-1,10718	49	0,273621
8	55,18	55,26	-0,08	-0,031607	49	0,974914
9	55,50	53,12	2,38	0,940245	49	0,351704
10	50,00	53,50	-3,50	-2,24356	49	0,029414

Из таблицы №1 видно, что статистически значимые различия с высоким уровнем достоверности наблюдаются в сторону увеличения значения показателя шкалы по тесту САТ – модифицированному по шкалам № I, II, 3, 4 и статистически значимые различия по шкалам № 2, 5 и 10. По шкалам № 1, 6, 7, 8 и 9 статистически значимых различий нет.

Шкала I «Компетентность во времени» свидетельствует о способности человека жить «настоящим», то есть переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, что и является одним из признаков состояния любви; а также ощущение целостности жизни во взаимосвязи неразрывности прошлого, настоящего и будущего. Шкала II «Шкала поддержки» измеряет независимость ценностей и поведения человека от воздействия извне, то есть относительную незави-

симось в своих поступках, стремления руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями и принципами, свободу его выбора, что тоже характерно для состояния любви. Увеличение значений по этим двум основным шкалам в состоянии любви говорит о том, что любовь способствует увеличению уровня самоактуализации личности, что и подтверждает нашу гипотезу.

Дополнительные шкалы 3 и 4 составляют «блок чувств» и, соответственно, имеют непосредственное отношение к чувству любви. Шкала 3 «Сензитивности к себе» определяет то, насколько человек осознает свои потребности и чувства и это соответствует интенсивному осознанию состояния любви в момент его переживания. Шкала 4 «Спонтанности» измеряет способность спонтанно и непосредственно выражать свои чувства; чувство любви часто побуждает человека к таким поступкам, которые в обычном состоянии он никогда бы не решился сделать.

Таким образом, содержание названных шкал, которые показали статистически значимые различия с высоким уровнем достоверности, полностью соответствуют некоторым особенностям переживания состояния любви.

Три других дополнительных шкалы, имеющих статистически значимые различия, свидетельствуют, по мнению испытуемых, об увеличении в состоянии любви способности к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов с людьми, способности быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию и о росте самоуважения.

Из таблицы №2 видно, что статистически значимые различия с высоким уровнем достоверности наблюдаются в сторону увеличения уровня самоактуализации по шкалам № 3 и 7 и статистически значимые различия по шкалам № I и 8. По остальным шкалам № II, 1, 2, 4, 5, 6, 9, 10, статистически значимых различий нет.

Результаты статистического анализа достоверности различий
по средним значениям шкал САТ в контрольной группе

шкалы	среднее значение		разница	t-критерий	ст. своб.	p-уровень
	обычный	модиф.				
I	54,08571	58,94286	-4,85714	-2,08431	34	0,044717
II	55,22857	57,88571	-2,65714	-1,67858	34	0,102403
1	64,40000	65,91429	-1,51429	-0,597448	34	0,554167
2	54,88571	58,77143	-3,88571	-1,66113	34	0,105884
3	53,97143	63,65714	-9,68571	-3,80236	34	0,000568
4	55,80000	61,00000	-5,20000	-1,60254	34	0,118288
5	69,97143	69,88571	0,085714	0,025908	34	0,979482
6	57,00000	55,20000	1,800000	0,629698	34	0,533101
7	50,28571	59,71429	-9,42857	-3,10276	34	0,003845
8	52,20000	60,00000	-7,80000	-2,23117	34	0,032372
9	55,34286	57,45714	-2,11429	-0,853552	34	0,399327
10	51,14286	54,00000	-2,85714	-1,25535	34	0,217912

Мы видим, что испытуемые, незнакомые с чувством любви, имеют адекватные представления о том, что в этом состоянии возрастает осознанность переживаний и более полно переживается каждый момент жизни (шкалы I и 3). Интересным результатом является представление испытуемых о том, что состояние любви улучшает положительное отношение к людям в целом и способствует целостному, непротиворечивому восприятию мира (шкалы 7 и 8, составляющие «блок концепции человека»). Однако чувство любви всегда направлено на конкретный объект или на конкретного человека, и отношение к другим людям от этого не меняется, оно не становится лучше.

Сравнение экспериментальных групп.

Из таблицы №3 видно, что при сравнении групп между собой по результатам теста САТ Гозмана и др., статистически значимого результата не наблюдается ни по одной из шкал. То есть средний уровень самоактуализации испытуемых и экспериментальной и контрольной групп примерно одинаковый.

Таблица № 3.

Результаты статистического анализа достоверности различий по средним значениям шкал, при сравнении групп между собой по результатам обычного теста САТ

шкалы	среднее значение в группах		t-критерий	ст. своб.	p-уровень
	экспериментальная	контрольная			
I	49,52000	54,08571	-1,17953	83	0,241556
II	54,66000	55,22857	-0,25458	83	0,799676
1	65,48000	64,40000	0,31729	83	0,751823
2	56,70000	54,88571	0,53219	83	0,596018
3	55,92000	53,97143	0,53135	83	0,596593
4	58,60000	55,80000	0,75214	83	0,454092
5	64,06000	69,97143	-1,32863	83	0,187611
6	52,76000	57,00000	-1,21201	83	0,228949
7	55,20000	50,28571	1,25158	83	0,214239
8	55,18000	52,20000	0,77574	83	0,440105
9	55,50000	55,34286	0,04953	83	0,960618
10	50,00000	51,14286	-0,32068	83	0,749261

Таблица № 4.

Результаты статистического анализа достоверности различий по средним значениям шкал, при сравнении групп между собой по результатам теста САТ – модифицированного

шкалы	среднее значение в группах		t-критерий	ст. своб.	p-уровень
	экспериментальная	контрольная			
I	59,12000	58,94286	0,04621	83	0,963255
II	59,26000	57,88571	0,65109	83	0,516785
1	67,26000	65,91429	0,46184	83	0,645404
2	60,48000	58,77143	0,56693	83	0,572294
3	64,70000	63,65714	0,30791	83	0,758925
4	68,60000	61,00000	2,44832	83	0,016459
5	69,56000	69,88571	-0,08478	83	0,932640
6	55,74000	55,20000	0,14979	83	0,881290
7	57,60000	59,71429	-0,57370	83	0,567724
8	55,26000	60,00000	-1,25373	83	0,213460
9	53,12000	57,45714	-1,28921	83	0,200906
10	53,50000	54,00000	-0,16163	83	0,871989

Из таблицы №4 видно, что при сравнении групп между собой наблюдается статистически значимый результат с высоким уровнем достоверности по шкале 4. Эта шкала измеряет способность индивида спонтанно и непосредственно выражать свои чувства. Отсюда можно сделать вывод, что способность к спонтанному и непосредственному выражению своих чувств у испытуемых в экспериментальной группе выше, чем у испытуемых в контрольной группе.

Таким образом, опыт переживания состояния любви способствует самоактуализации личности и развитию таких способностей и качеств человека, как способность жить «здесь и сейчас» и переживать всю полноту жизни, независимость в своих поступках, стремления руководствоваться в жизни собственными целями, способность к более гибкому поведению, способность к рефлексии по отношению к собственным потребностям и чувствам, способность к спонтанному и непосредственному выражению своих эмоций и чувств, способность ценить свои достоинства, положительные свойства характера и уважать себя за них, способность к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов с людьми, к субъект – субъектному общению.

Литература

1. *Вахромов Е.Е.* Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. – М.: Международная педагогическая академия, 2001.
2. *Гозман Л.Я., Кроз М.В., Латинская М.В.* Самоактуализационный тест. – М.: Российское педагогическое агентство, 1995.
3. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. – СПб., 1997.
4. *Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 1999.
5. *Леонтьев Д.А.* Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. С. 13-46.

Н.Ю. Шалаева

Другой человек как зеркало проекции

Научный руководитель А.А. Гудзовская

Актуальность данной темы определяется тем, что начиная с раннего детства, и в течение всей жизни, в психике человека возникают и развиваются механизмы, традиционно называемые «психологические защиты», «защитные механизмы психики», «защитные механизмы личности». Эти механизмы выполняют функцию предохранения осознания личностью различного рода отрицательных эмоциональных переживаний и перцепций, способствуют сохранению психологического гомеостаза, стабильности, разрешению внутриличностных конфликтов и протекают на бессознательном и подсознательном психологических уровнях.

Термин «психологическая защита» был введен в психологию известным австрийским психологом Зигмундом Фрейдом.

Более полно концепция механизмов психологических защит представлена А. Фрейд, в частности в ее работе «Психология Я и защитные механизмы». Рассматривая психологические защиты как один из механизмов адаптации и интеграции личности, она полагала, что они есть бессознательные, приобретенные в процессе развития личности способы достижения Я компромисса между противодействующими силами Оно или Сверх-Я и внешней действительностью. Механизмы психологической защиты направлены на уменьшение тревоги, вызванной интрапсихическим конфликтом. А. Фрейд (вслед за своим отцом З. Фрейдом) считала, что защитный механизм основывается на двух типах реакций: 1) блокирование выражения импульсов в сознательном поведении; 2) искажение их до такой степени, чтобы изначальная их интенсивность заметно снизилась или отклонилась в сторону [Демина, Ральникова, 2000].

В свою очередь, Ф. Перлз выделяет четыре защитных механизма, препятствующих развитию самосознания и достижению человеком психологической зрелости: слияние, ретрофлексия, интроекция и проекция. Эти механизмы можно было бы назвать дефектами самосознания, поскольку они играют деструктивную роль в развитии психики: избавляя психику от состояния дискомфорта, они одновременно лишают человека возможности адекватно оценивать себя и свое место в мире [Вачков, 2009].

В отечественной психологии концепции защитных механизмов также неоднозначны. Один из концептуальных подходов к психологическим защитами, представлен Ф.В. Бассиным. Здесь психологическая защита рассматривается как важнейшая форма реагирования сознания индивида на психическую травму [Бассин, Бурлакова, Волков, 1988]. Другой подход содержится в работах Б.Д. Карвасарского. Он рассматривает психологическую защиту как систему адаптивных реакций личности, направленную на защитное изменение значимости дезадаптивных компонентов отношений – когнитивных, эмоциональных, поведенческих – с целью ослабления их психотравмирующего воздействия на Я – концепцию [Карвасарский, 1985]. По их мнению, этот процесс происходит, как правило, в рамках неосознаваемой деятельности психики с помощью целого ряда механизмов психологических защит, одни из которых действуют на уровне восприятия (например, вытеснение), другие – на уровне трансформации (искажения) информации (например, рационализация). Устойчивость, частое использование, ригидность, тесная связь с дезадаптивными стереотипами мышления, переживаний и поведения, включение в систему сил противодействия целям саморазвития делают такие защитные механизмы вредными для развития личности. Общей чертой их является отказ личности от деятельности, предназначенной для продуктивного разрешения ситуации или проблемы.

Вместе с тем, в современных публикациях, посвященных обсуждаемой проблеме, единодушно признается тот факт, что механизмы защиты находятся между потребностью личности и ее удовлетворени-

ем. Отсюда – защита есть зеркальное отражение возможного, но не реализованного личностью процесса мотивации или отражение неосуществленных, но в прошлом желаемых целей. Тогда непродуктивность для личности действия психологических защит связана с несовпадением целей и средств их достижения в поведении человека или нарушением меры в соотношении мотива и сил, затраченных на его реализацию, или поведением человека прямо противоположным целям.

Таким образом, психологическая защита – это естественное противостояние человека окружающей среде. Она бессознательно предохраняет его от эмоционально-негативной перегрузки [Демина, Ральникова, 2000].

Мы задались целью проанализировать проявления защитных механизмов личности при оценивании личностных качеств человека.

Для этого нами были сформулированы несколько задач, одной из которых являлось проведение эмпирического исследования проявления защитных механизмов личности при оценивании личностных качеств человека.

Мы исходили из следующей гипотезы: люди с разными механизмами психологических защит по-разному оценивают людей. Так, человек с механизмом психологической защиты *проекция* будет приписывать свои отрицательные личностные качества физически непривлекательным людям. Другой задачей исследования была проверка часто встречающегося в публикациях утверждения о том, что физически привлекательным людям в целом приписываются более положительные личностные качества, чем непривлекательным.

В качестве **методов исследования** были определены: опросник Плутчика-Келлермана-Конте, стимульный материал теста восьми влечений Л.Сонди, методика многофакторного исследования личности Р.Кеттелла (16 PF – опросник), констатирующий эксперимент.

В качестве **метода** обработки данных был использован: коэффициент ранговой корреляции Пирсона, U – критерий Манна-Уитни, расчеты производились с помощью программы SPSS.

Другой человек как зеркало проекции

В исследовании приняли участие 72 человека (студенты 2-5 курсов очного и заочного отделения специальности Психология СМИУ и СамГУ), в возрасте от 18 до 33 лет.

Итак, каждому респонденту был предложен бланк с тремя заданиями.

Задачей *первого* задания являлось выявление механизмов психологических защит участников эксперимента, а именно: механизм защиты замещение, подавление, регрессия, интеллектуализация, компенсация, реактивное образование, проекция и отрицание реальности.

Задачей *второго* задания являлось определение физически привлекательных и непривлекательных лиц для каждого участника эксперимента, оценка личностных качеств людей. А также определение типа личности испытуемых или определение значимых потребностей индивидов (испытуемых).

Для этого испытуемым предлагались портреты, которые были взяты из теста восьми влечений Л. Сонди. Последний высказал предположение, что наиболее выраженную силу и психодиагностическое значение имеют портреты, которые соответствуют наиболее значимым потребностям индивида и соответствуют его генетически обусловленным и динамически актуальным склонностям. В данном случае это сексуальная недифференцированность, агрессивность, проявляющаяся садо-мазохистическими тенденциями, эпилептоидные черты, истерические, кататонические проявления, паранойяльность, депрессия, маниакальное состояние.

К каждому портрету прилагалось 48 характеристик (личностных качеств), которые были подобраны следующим образом: по 3 положительных и по 3 отрицательных качества из каждого предложенного Л. Сонди типа. Предлагалось оценить качества по шкале от -2 (данное качество полностью отсутствует) до 2 (данное качество полностью присутствует).

В дальнейшем, при обработке данных, данная шкала была пере-
 нумерована от 0 (данное качество полностью отсутствует) до 4 (дан-
 ное качество выражено максимально сильно).

Предполагается, что человек, выбирая наиболее физически при-
 влекательные изображения портретов людей и наиболее непривлека-
 тельные, идентифицирует их с собой. По тесту Сонди каждому из
 предложенных им типу людей изображенных на картинках соответст-
 вуют определенные характеристики личности.

Основной задачей *третьего* задания являлось выявление лично-
 стных черт испытуемых, с целью соотнести выявленные черты с при-
 писываемыми качествами, или с факторами влечений по Сонди. Для
 этого была проведена диагностика участников эксперимента с помо-
 щью 16-факторного опросника личности Р. Кеттелла.

В результате анализа полученных данных по защитным механиз-
 мам личности выявлено: большинство испытуемых (55,5%) не имеют
 одного ведущего или ярко выраженного механизма защиты.

Остальные (32 чел.), которые имеют выраженные психологиче-
 ские защиты, были разделены на восемь групп в зависимости от до-
 минирующего механизма защиты. Наиболее многочисленной группой
 оказалась та, в которой доминирующий механизм «проекция» (15,2%
 всей выборки), следующая за ней «отрицание» (9,7%), и далее «ком-
 пенсация» (6,9%), рационализация (4,1%), вытеснение и регрессия (по
 2,7% соответственно), замещение и гиперкомпенсация – по одному
 человеку в каждой группе или по 1,3%.

Большинство испытуемых как в группе без выраженных меха-
 низмов защит, так и в группе испытуемых с защитами в качестве при-
 влекательного портрета выбрали портрет (№3), который соответству-
 ет фактору *e* – эпилептоидные тенденции, а в качестве непривлека-
 тельного портрета выбрали портрет (№2), который соответствует
 фактору *s* – садизм-мазохизм.

Таким образом, мы увидели, что нет больших различий в выборе
 привлекательных и непривлекательных портретов в группе испытуе-

Другой человек как зеркало проекции

мых с выраженными защитами и в группе испытуемых с невыраженными защитами. Им свойственны одинаковые влечения личности и их проявления, а именно эпилептоидные и паранойяльные тенденции и склонности, а также отвергаемые садомазохистские склонности, кататонические проявления и истерические склонности.

Далее, с помощью метода ранговой корреляции Пирсона, мы обнаружили и проанализировали взаимосвязь между различными признаками. А именно: взаимосвязь между выраженностью защитных механизмов личности и выраженностью отдельных черт личности, между особенностями приписывания различных качеств другим людям и чертами личности оценивающего, а также между выраженностью защитных механизмов личности и особенностями приписывания различных качеств другим людям. Данный анализ проводился отдельно по «симпатичным» и по «несимпатичным» портретам. А также отдельно по группе испытуемых с доминирующим защитным механизмом «проекция».

В заключении мы распределили между собой конституционные факторы (черты личности) и качества, относящиеся к различным факторам влечений для того, чтобы соотнести их между собой. Но так как практически все наши респонденты выбрали портрет 3-е и 2-с, то мы больше акцентировали свое внимание на факторе влечения е + и s-.

В результате, было получено множество взаимосвязей между исследуемыми признаками. Остановимся лишь на наиболее интересных результатах.

Анализируя личностные качества, приписываемые людям с различной физической привлекательностью, мы отобрали те портреты, которые наиболее «непривлекательные» и наиболее «привлекательные». Затем, с помощью критерия Манна-Уитни мы нашли значимость различий в оценке этих портретов.

Итак, были обнаружены значимые различия по следующим качествам: качества теплота, нежность, кокетливость, объективизм, доброта, сострадание, рациональность, осторожность, восхищенность,

НАПРАВЛЕНИЕ 6. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ...

энтузиазм, щедрость, искренность, верность, консерватизм, приветливость, добродушие испытуемые склонны приписывать именно физически привлекательному человеку.

Качества холодность, агрессивность, злонамеренность, мстительность, гневливость, эгоистичность, властность, сухость, высокомерность, завистливость, враждебность, алчность, скупость испытуемые склонны приписывать именно физически непривлекательному человеку.

По остальным качествам значимого различия обнаружено не было, это субъективизм, подверженность внешнему влиянию, ранимость, упорство, самоуверенность, покорность, правдолюбие, фантазирование, стремление показать себя, эмоциональная вовлеченность, стыдливость, лживость, боязливость, рассудочность, реалистичность, суетливость, прихотливость, неустойчивость, – т.е. эти качества приписываются людям вне зависимости от их физической привлекательности или непривлекательности.

Анализ результатов исследования показал, что респонденты, вошедшие в группу испытуемых с выраженным механизмом защиты *проекция*, приписывают «симпатичным» портретам качество *покорность*, имея у себя ярко выраженную черту личности *доминантность*. Можно предполагать, что проявляя доминантность, респонденты таким образом скрывают или вытесняют свою подчиненность (по Кеттеллу) или покорность (по Сонди), т.к. этим испытуемым присущ фактор s-, одной из его характеристик является – покорность, которую респонденты не желают принимать в себе. И при этом они приписывают данное отрицательное качество «симпатичным» портретам.

Такие качества как *доброта* и *сострадание* они приписывают «несимпатичным» портретам, имея у себя выраженную черту – *общительность*, которая характеризуется качествами доброта, сострадание и др. Т.е. свои положительные черты они приписывают «несимпатичным» портретам.

Другой человек как зеркало проекции

Анализ различий приписываемых качеств привлекательным и непривлекательным портретам показал, что в целом респонденты склонны приписывать качества *доброты* и *сострадания* именно физически привлекательным людям. По качеству *покорность* значимого различия обнаружено не было.

Мы выявили, что людям с разными личностными чертами свойственны различные механизмы защит. С другой стороны, люди с различными механизмами защит, оценивая человека, приписывают ему различные качества «с учетом» собственных личностных черт.

Влияния на приписывание личностных качеств другим людям у людей с преобладанием некоторых черт личности не обнаружено, это такие черты, как сдержанность, высокая нормативность поведения, смелость, чувствительность, практичность и самоконтроль.

У респондентов, помимо выраженного механизма защиты *проекция* при оценивании личностных качеств другого человека, проявляются и другие защиты, такие как гиперкомпенсация и замещение, вытеснение и регрессия. В целом, при оценке «несимпатичного» портрета было выявлено больше дополнительных механизмов защит, чем при оценке «симпатичного». Таким образом, нами обнаружены и проанализированы определенные различия в приписывании личностных качеств «симпатичным» и «несимпатичным» портретам в группе испытуемых с выраженным защитным механизмом проекция.

Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что гипотеза частично подтвердилась. То есть люди с разными механизмами психологических защит по-разному оценивают личностные качества людей, однако статистически значимые значения обнаружены не по всем видам защит.

Наше предположение о том, что человек с механизмом психологической защиты *проекция* будет приписывать свои отрицательные личностные качества физически непривлекательным людям не подтвердилось, т.к. группа респондентов с выраженным защитным механизмом проекция приписала непривлекательным людям свои поло-

жительные качества личности, а привлекательным – свои отрицательные. Хотя до конца непонятно, какое субъективное значение имеют приписываемые черты. Возможно, они и воспринимаются самими «оценщиками» в соответствии с логикой приписывания. Возможно, что «добрые» люди вполне могут раздражать фактом своего существования, так как являются тем, с кем можно сравнивать проявления собственной доброты.

Наше предположение о том, что физически привлекательным людям в целом приписываются более положительные личностные качества, чем непривлекательным, полностью подтвердилось.

Анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать ряд **выводов**:

1. При анализе распределения оценок между «привлекательными» и «непривлекательными» портретами выявлено, что более высокий уровень оценок положительных качеств по «симпатичным» портретам выше, чем по «несимпатичным».

2. Группа испытуемых без выраженных механизмов защит оценивает «симпатичные» и «несимпатичные» портреты более ровно, более одинаково по сравнению с респондентами, отнесенными к группам с выраженными защитными механизмами.

3. Обнаружено наличие статистически значимого различия между оценкой «привлекательных» и «непривлекательных» людей.

Возможно, что при проведении подобных исследований с использованием других диагностических методов и на более многочисленной выборке, будут получены другие результаты.

В заключении хочется сказать, что поскольку фактически любой психологический процесс может быть использован в качестве защиты, никакой обзор и анализ защит не может быть полным. Феномен психологической защиты имеет множество аспектов, требующих углубленного изучения и если в моноличностном плане он разработан достаточно полно, то межличностные таят в себе огромные возможности для приложения исследовательского потенциала.

Литература

1. *Бассин Ф.Б., Бурлакова М.К., Волков В.Н.* Проблемы психологической защиты // Психол. журнал. 1988. № 3.
2. *Вачков И.* Защитные механизмы в гештальт-терапии. – М., 2009.
3. *Демина Л.Д., Ральникова И.А.* Психическое здоровье и защитные механизмы личности. – Алтай: Изд-во Алтайского государственного университета, 2000.
4. *Карвасарский Б.Д.* Психотерапия. – Л., 1985.

В.В. Шпунтова

Становление ценностей личности: раннее детство – подростковый возраст

Общественное бытие на каждой ступени своего развития задает общие принципы восприятия и интерпретации мира, формирует направленность на определенные ценности. Появляясь на свет, человек входит в социокультурное пространство, постигает себя и раскрывает собственные возможности через других людей. Это действительно так: «Нельзя вообразить человека одинокого, без окружения, без целого культурного наследия, мира понятий, ценностей, норм поведения, без богатства чувственной жизни, развивающейся между ним и обществом» [*Кемпински*, 1998, с. 179].

Изначально общество располагает гораздо более широким спектром нравственных и социальных ценностей, чем тот диапазон возможностей, который имеется у человека. Нормы общества выступают первичными по отношению к индивидуально–психологическим ценностям, не являясь при этом абсолютными. Согласно Л.И. Анцыферовой (1989), нормы общества имеют зонную природу, их границы в той или иной степени размыты, а развивающаяся личность уже на первых этапах своего жизненного пути – активный субъект формиро-

вания собственных индивидуально–личностных эквивалентов этих норм. В процессе социализации она знакомится с этикой коллективной среды, интериоризирует культурно–историческое наследие в элементы внутренней организации. Личность формирует картину мира, наделяет значением объекты действительности и собственные действия, оценивает их для–себя как для–другого, смотрит на них и на себя–смотрящую, выстраивает свое отношение к предметам.

Будучи субъектом жизненного пути, личность присваивает опыт мировосприятия предшествующих поколений и активно воспроизводит социальные связи. Следует отметить, что данный процесс «присвоения» не происходит автоматически, он требует «произвольных осознанных усилий, специально организованной деятельности» [Буякас, Зевина, 1997, с. 44]. Стараясь понять себя и окружающее бытие духовных и материальных символов, личность переоткрывает значение той или иной вещи/явления, она в какой–то степени *сама* порождает новые ценности, «находит в вещах лишь то, что *вложила* в них» [Ницше, 2005, с. 35, 340]. Эти ценностные «вклады» постепенно опредмечиваются в материальной и духовной культуре, отражаются в поведении, деятельности, растворяются в универсалиях общества и усваиваются следующим поколением как социальные. Так происходит каждый раз — ценности словно движутся по спирали: от общества к человеку, от человека к обществу.

Социум выступает неисчерпаемым резервуаром людских судеб и жизненных путей, сотворенных конкретными историческими личностями, а общечеловеческие ценности есть готовый, «снятый» результат (Б.С. Братусь) живого культурного процесса. При этом ценности не являются застывшим, изначально заданным и застывшим «слепком» (общество не является «кунсткамерой ценностей прежних поколений, сводом законов, норм, готовых истин» [Степанов, 1996, с. 117]), они выступают как открытая система, подверженная влиянию субъекта, который, понимая и присваивая нравственные нормы общества, воздействует на их возникновение и развитие.

Вслед за Л.С. Выготским (2000), И.Ф. Клименко (1992) и Б.С. Кругловым (1988) будем считать, что значения и смыслы, зарождаясь в отношениях между людьми, «вращиваются» в сознание человека посредством *интериоризации*. Интериоризация ценностей представляет собой процесс, предполагающий наличие у человека способности выделить из множества явлений те, которые имеют для него определенное значение, а затем «превратить» их во внутреннюю структуру в зависимости от условий существования, ближних и дальних целей жизни, возможностей их реализации и т.п. Индивидуально интерпретированный и насыщенный модальностями личностных эмоций, осмысленный в диалогах с реальными и идеальными собеседниками внешний мир, в котором дифференцированы функциональные области разными уровнями значимости, становится миром внутренним (Л.И. Анцыферова). Он содержит намеченные планы и нереализованные замыслы; он движется между полюсами отвергаемого и притягательного, соответственно сближающими или отодвигающими друг от друга в психологическом пространстве те или иные события, социальные группы, сферы деятельности личности [Анцыферова, 1992]. Именно во внутреннем мире разворачивается ценностное противоречие. Также обратим особое внимание на условия формирования ценностей личности: родители, семья, школа, референтная группа, сам человек, – будучи несогласованными между собой, они могут нарушить внутреннюю целостность и пошатнуть едва установившийся баланс в иерархии ценностей; их влияние на формирующиеся ценности может быть негативным, может вызвать внутреннее противоречие, которое человек еще не способен разрешить.

Представления о хорошем или плохом впервые возникают в раннем возрасте. Ребенок определяет, что ему нравится, а что нет, используя так называемую «организмическую оценку» и опираясь на физиологические реакции. В период от полутора до двух лет закладываются критерии нормы для оценки явлений и поступков [Массен, 1987, с. 67–73]. Их усвоение далее осуществляется в процессе на-

блюдения за реакциями родителей, выступающих в качестве модели поведения.

Согласно Л.С. Выготскому (2000), в дошкольном возрасте формируется личность–индивидуальность, которая состоит из фиксированных культурой ценностей. Развивающаяся личность «врастает» в социальный мир, постепенно отказываясь от базовых мотивов; она овладевает пространством коллективного опыта с помощью игровых и реальных отношений с близкими людьми, усваивает значения и оценки, опосредующие физическое состояние. В.С. Мухина (1985) также считает, что эталоны оценки постигаются ребенком через совместное со взрослым рассудочное и эмоциональное общение: интериоризируя правила внешнего поведения, а также нормы, приписываемые социальным ролям, он развивает способность к общественно одобряемым действиям.

Представители психоаналитической школы замечают, что интернализированная версия общественных норм и стандартов поведения концентрируется в Супер–Эго [Killborn, 2004]. Так, например, З. Фрейд постулировал факт приобретения детьми Сверх–Я благодаря взаимодействию с родителями, посредством идентификации с их ценностями. Отец и мать несут нравственные ориентиры своего пола, и ребенок, усваивая их, проходит через стадии отождествления, присвоения и моделирования. Супер–Эго ребенка конструируется по модели Супер–Эго родителей: оно наполняется тем же содержанием, становится носителем традиций и норм, которые передаются следующему поколению: «Каждый ребенок в итоге становится моральным и социальным. Это укрепление Сверх Я является в высшей степени драгоценным психологическим достоянием культуры. Те лица, в которых совершился этот процесс, из противников культуры становятся ее носителями. Чем больше их число в культурном кругу, тем прочнее эта культура» [Фрейд, 1997, с. 369].

Получается, что движущей силой процесса перевода общественных ценностей в личностные является стремление ребенка сохранить

любовь окружающих взрослых. Следовательно, основными трансляторами социальных и культурных норм, главными фигурами, влияющими на решение нравственных задач, были и остаются *родители*. Родители выступают необходимым *условием* приобретения ценностей ребенком, «воздействуют на усвоение общественных, религиозных и политических ценностей, помогают понять происходящее, учат состраданию» [Райс, 2000, с. 404]. Однако, если мать и отец придерживаются противоположных принципов и методов воспитания, чувствуют себя неуверенно в роли родителей, или их система ценностей находится в противоречии с общепринятой в данной культуре стратегией поведения, то возникает атмосфера неопределенности, двусмысленности (К. Хорни, Э. Эриксон). Внутренняя диссоциация родителей, неприязнь или условное принятие ребенка способствуют развитию у него «фальшивого Я» (Д. Винникот): под маской демонстрируемого нереалистичски идеализированного и грандиозного Эго скрывается истинная – ослабленная и беспомощная идентичность, нуждающаяся в защите и подавлении. По мнению В.В. Столина (1983), взрослый человек может сжиться с этой расщепленностью и обладать как бы двумя самосознаниями, но в детском, подростковом и юношеском возрастах последствия подобного рассогласования могут привести к дезинтеграции личности, к ее разрушению. Переживая противоречивую ситуацию, ребенок испытывает недоверие, которое может стать стилем его жизни. Как отмечал Э. Эриксон, человек, объясняющий внешний мир и относящийся к нему с позиций данного чувства, приостанавливается в развитии: «Все основные конфликты периода детства не исчезают и в какой-то форме проявляются в зрелом возрасте. Наиболее ранние стадии остаются в самых глубинных слоях психики» [Эриксон, 1996, с. 92].

Оценивая роль родителей в процессе социализации, нельзя не отметить *семью*, которая непосредственно связана с социальными структурами, ибо воспроизводит нормы и правила, характерные для данного общества. Супружеская подсистема имеет жизненно важное

значение для развития ребенка. Предоставляя модель интимных взаимоотношений, проявляющихся в повседневных взаимодействиях, она демонстрирует примеры того, как выражать привязанность и любовь, как относиться к партнеру, испытывающему стресс, и как преодолевать конфликты на основе равноправия. Отношения между мужем–женой (отцом–матерью) становятся частью нравственных ориентиров и ожиданий ребенка, когда он вступает в контакт с внешним миром. Можно сказать, что ребенок познает окружающую действительность и привносит в свой дом все то, что соответствует системе семейных ценностей. Он – посредник между семьей и социальной средой, «выискивающий» в обществе те ценности, которые укладываются в рамки его представлений о них.

Интересной представляется точка зрения К. Витакера (1998), предлагающего рассматривать человека как фрагмент семьи. Молодая пара, будучи представителями двух кланов родни, живет вместе согласно психосоциальному договору и ориентируется на ценности своих родителей. Когда один из супругов диктует нормы, а другой их принимает, отвергает, корректирует, рождается «ячейка общества». В результате нравственные ориентиры родителей ассимилируются, возникают новые ценности, которые, в свою очередь, будут привиты детям и модифицированы ими. С. Минухин и Ч. Фишман (1998) также считают, что в основе всех семейных традиций лежат определенные ценности, которые были усвоены супругами в их семьях.

Таким образом, семья – это некий организм, управляемый правилами [*Эйдемиллер, Юстицкис, 1999*]. Если последние являются противоречивыми, то диаметрально противоположная информация, поступающая в сознание ребенка, на фоне его одинаковой зависимости от отца и матери, создает проблемную ситуацию, для разрешения которой ребенок не обладает еще интеллектуальным, волевым и экзистенциальным ресурсом. В таких ситуациях, согласно С.В. Березину и О.В. Шапатиной (2006), неизбежно возникает кризисная ситуация, которая, будучи трудноразрешимой, нередко становится психологи-

ческим тупиком. Человек не справляется с многообразием нравственных ориентиров, – он выстраивает единственно «верную» для себя модель реальности, придерживается одного пути, одной системы ценностей. Изменения в ценностных предпочтениях дезорганизуют личность, делают реализацию жизненного замысла трудноосуществимой.

Следующим, не менее важным условием формирования ценностей личности, является *школа* – связующее звено между ребенком и внешним миром. Подтверждая, корректируя нравственные предпочтения, привитые родителями, учителя ориентируют ребенка в обществе, помогают адаптироваться к быстроизменяющейся реальности. Они демонстрируют возможности выбора стилей поведения в сложных ситуациях в зависимости от следования той или иной универсалии, подводят учащихся к осознанию необходимости принять общезначимую систему нравственных принципов, разглядеть и отторгнуть псевдоценности. Если ценности, провозглашаемые преподавателями, не идут вразрез с родительскими, ребенок усваивает их быстрее и лучше. Однако в случае несовпадения возникает противоречие, которое, в свою очередь, порождает неуверенность, тревожность и внутренний конфликт. Растущий человек теряется в ценностях, не понимая, каким категориям морали стоит следовать: «Если школа, открывающая детям окно во взрослый мир, умалчивает о существовании основополагающих понятий, то ребенок быстрее забудет уроки нравственности, полученные дома, и окажется во власти подростковой субкультуры» [Allport, 1961, p. 215].

В возрасте 12–16-ти лет подросток ориентируется на несколько общественно-групповых картин мира одновременно. Он знакомится с социальным миром через столкновение с ценностными предпочтениями, которые порой противоречат семейным нормам. И если раньше он мог отнестись к ним несерьезно, мог «не заметить», старательно следуя нравственным ориентирам родителей, то теперь он вынужден считаться с ними, строить свою будущую жизнь, опираясь на них. С одной стороны, такая ситуация позволяет человеку увеличить воз-

возможности свободного самоопределения, а с другой стороны, повышает опасность дезорганизации индивидуальной системы ценностей.

Помочь самоопределиться, отдать свое предпочтение тому или иному жизненному пути могут родители и учителя. Не случайно А. Адлер называл школу продолжением семьи [Адлер, 1997, с. 151]: преподаватели осуществляют очень важную задачу, прививая детям уважение к общечеловеческим ценностям; они облегчают процесс вхождения в новое информационное пространство, приоткрывают правила функционирования социума. Однако ценности, демонстрируемые родителями и школой, не всегда признаются и выбираются молодыми людьми в качестве индивидуальных опор: «Не все социальные нормы, осознаваемые и признаваемые субъектом, реально ассимилируются и становятся личностными» [Леонтьев Д.А., 2003, с. 230]. Как справедливо отмечает Д.А. Леонтьев, для подобной трансформации положительного отношения к ценности недостаточно: человек должен включиться в коллективную деятельность, направленную на реализацию соответствующей ценности. Э.А. Арутюнян (1979) предполагает, что промежуточным звеном, опосредующим процесс «превращения» социальных ценностей в личностные, выступает система норм и предпочтений *референтной малой группы*.

В подростковый период большое влияние на формирующуюся систему ценностей личности оказывает значимая микросреда. Родители как центр ориентации и идентификации отступают для юношей и девушек на второй план: молодые люди «отходят» от нравственных приоритетов семьи, школы и «ищут пристанища» в традициях, стереотипах поведения, преломляющихся через призму референтной группы. Способствуя сохранению и развитию определенного стиля жизни, ценности подростковой компании предохраняют общественные нормы от воздействия «стихийного социума» (Б.Т. Лихачев), который намного превосходит позитивное влияние воспитателей, педагогов и родителей. Выступая своеобразным «решетом» культурных ценностей («фильтром», по Л.И. Антилоговой), нравственные правила

подросткового сообщества «просеивают» ориентиры, отбирая из них те, которые соответствуют целям и задачам группы. Под влиянием значимой микросреды юноши и девушки заменяют детские представления новыми убеждениями, активно осваивают нормы и стили взрослого поведения, новые критерии оценки себя и других людей.

Таким образом, особую значимость для подростков приобретают ценности группы сверстников. Вместе с тем, в данный возрастной период впервые возникает возможность формирования собственной непротиворечивой системы ценностей, которая, по справедливому замечанию И.С. Кона (1984), определяется развитием способности к критической переоценке принципов внешней, «взрослой» морали. Все чаще в самосознании подростка возникает раскогласование ценностей: вырабатывая свое представление об универсалиях, переосмысляя нормы, усвоенные в семье, школе, он формирует индивидуальный набор ценностных ориентиров, который воспринимается им как «подлинный», как точка отсчета для хорошего и плохого. В течение некоторого времени система ценностей не является стабильной и создает напряженное состояние, которое легко актуализируется и приводит к внешне наблюдаемому поведению: молодые люди становятся непоследовательными в поступках, они нарушают закон, совершают противоправные действия. Наблюдая за реакцией общества, некоторые юноши и девушки заменяют родительские ценности собственными. Согласно Л.И. Анцыферовой (1989), девиантность и нормотворчество являются двумя полюсами выхода личности за границы социальных предписаний. Подобные «выходы» позволяют расставить приоритеты — можно/нельзя, плохо/хорошо; помогают заявить о себе и попробовать себя в качестве субъектов собственной жизни.

Особенно интересной и сложной представляется ситуация, с которой столкнулись подростки российского общества 90-х годов XX века. Социум, к которому готовили юношей и девушек, стал отличным от реальности предыдущего поколения. Подобное осознание «непохожести» [Кон, 1984] и радует, и пугает молодежь. Пребывая

между двух огней, она «разрывается» между требованиями родителей и изменяющимися условиями жизни, обнаруживает, что общепринятые нравы и способы мышления больше не обеспечивают безопасности. Согласно проведенным исследованиям [Аргентова, Тополова, 2004; Киселева, 2006; Кривцова, 1997; Лысогорская, 2001; Собкин, Кузнецова, 1998 и др.], подростки ощущают себя в отрыве от окружающей действительности, чувствуют, что их никто не понимает и сталкиваются с одиночеством.

Исследуя проблему изменений в природе Супер–Эго, Дж. Франкл называет современное общество «обществом без отца». Он обращает внимание на то, что роль культуры, создающей модель и помогающей формировать личность подростка, резко изменилась, сместившись «от авторитарной и репрессивной к пустой и бессмысленной в своей вседозволенности» [Дж. Франкл, 1998, с. 31]. Из–за собственной неуверенности родители не в состоянии передать детям нормы и принципы, необходимые для формирования собственного Эго. Следовательно, в поиске целей и принципов, которые придадут смысл и направленность жизни нового поколения, молодые люди выбирают «пассивный путь» – догматизм или конформизм и отказываются от сознания себя. Единицы находят силы для более глубокого познания «Я» и начинают рассматривать собственное существование по–новому. Они овладевают более совершенными способами преобразования окружающей действительности, выступая субъектами интрапсихического мира (Л.И. Анцыферова, В.А. Петровский). Эти подростки строят свое, отличное и одновременно основанное на системе мировоззрения предыдущего поколения, бытие ценностей.

Завершая анализ основных этапов формирования системы ценностей личности, приходим к выводу, что в подростковый период человек выбирает путь дальнейшего развития, становится либо пассивным объектом, либо подлинным субъектом жизненного пути.

Литература

1. *Адлер А.* Наука жить. – К.: Port–Royal, 1997. – 288 с.
2. *Анцыферова Л.И.* Личность в динамике: некоторые итоги исследования // Психол. журн. 1992. Т. 13. №5. С. 12–26.
3. *Анцыферова Л.И.* Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук. – М., 1989. – С. 426–433.
4. *Аргентова Т.Е., Тополова Е.В.* Внутриличностные конфликты современных подростков // Сибирская психология сегодня / Под ред. М.М. Горбатовой, А.В. Серого, М.С. Яницкого. – Кемерово, 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://www.spf.kemsu.ru/portal/psy2004/1.16.htm>
5. *Арутюнян Э.А.* Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности // Образ жизни и ценностные ориентации личности. – Ереван: Изд–во АН Арм. ССР, 1979. – С. 49–61.
6. *Березин С.В., Шапатуна О.В.* Актуализирующая неопределенность // Психологические исследования: сб. научн. трудов. Вып. 3 / Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Изд–во «Универс–групп», 2006. – С. 143–151.
7. *Буякас Т.М., Зевина О.Г.* Опыт утверждения общечеловеческих ценностей – культурных символов – в индивидуальном сознании // Вопр. психол. 1997. №5. С. 44–56.
8. *Витакер К.* Полночные размышления семейного терапевта. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 208 с.
9. *Выготский Л.С.* Психология. – М.: Изд–во ЭКСМО–Пресс, 2000. – 1008 с. (серия «Мир Психологии»).
10. *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. – М.: Изд–во «Совершенство», 1998. – 320 с.
11. *Киселева А.В.* Внутренний ценностный конфликт как фактор агрессивности поведения в юношеском возрасте // Психол. в вузе. 2006. №4. С. 16–22.
12. *Клименко И.Ф.* Генезис ценностных ориентаций, исследование отношения к норме социального поведения на разных этапах социаль-

НАПРАВЛЕНИЕ 6. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ...
ного развития человека // К проблеме формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности. – М., 1992. С. 3–12.

13. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.

14. *Кривцова С.В. и др.* Подросток на перекрестке эпох. – М.: Генезис, 1997. – 288 с.

15. *Круглов Б.С.* Роль ценностных ориентаций в формировании личности школьника // Психологические особенности формирования личности школьника. – М., 1988. С. 4–11.

16. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.

17. *Лысогорская М.В.* Типы родительской семьи и особенности внутриличностного ценностного конфликта у подростков // Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2001. – 21 с.

18. *Массен П., Конгер Дж., Каган Дж.* Развитие личности ребенка. – М.: Прогресс, 1987. – 272 с.

19. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 304 с. (Библиотека психологии и психотерапии).

20. *Мухина В.С.* Детская психология. – М.: Просвещение, 1985. – 272 с.

21. *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная Революция, 2005. – 880 с.

22. *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: «Питер», 2000. – 624 с.

23. *Собкин В.С., Кузнецова Н.И.* Российский подросток 90–х: Движение в зону риска. Аналит. доклад. – М.: ЮНЕСКО, 1998. – 120 с.

24. *Степанов С.Ю.* Рефлексивно–гуманистическая психология сотворчества. – М.; Петрозаводск: Ин–т рефлексивной психол. сотворчества, 1996. – 170 с.

25. *Столин В.В.* Самосознание личности. – М.: Изд–во Моск. ун–та, 1983. – 284 с.

26. Франкл Дж. Неизведанное Я. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1998. – 246 с.

27. Фрейд З. Основной инстинкт. – М.: Олимп; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. – 656 с.

28. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999. – 656 с. (Серия «Мастера психологии»).

29. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Издат. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

30. Allport, G.W. Pattern and growth in personality. – New York: Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1961. – P. 200–220.

31. Killborn B. Superego Dilemmas // Psychoanalytic Inquiry. Vol.24. №2. 2004. P. 175–182.

НАПРАВЛЕНИЕ 7. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ

С.В. Березин

Пространство мифа – пространство бессознательного

Психология всегда интересовалась мифом. В различных направлениях современной психологии этот интерес выражен по-разному, в наибольшей степени проявляя себя в психодинамическом направлении, восходящем к идеям З. Фрейда, и культурно-исторической психологии. Так, одним из центральных понятий психоанализа является Эдипов комплекс, а К.Г. Юнг настаивал на том, что процесс индивидуации, являющийся, с его точки зрения, высшей целью человеческого существования, реализуется через ряд «испытаний» типологически сходных с архаическими посвящениями [Юнг, 1996].

Миф интересен психологии как объект интерпретации, поскольку является умственным и словесным следом «не только того, о чем думал и что чувствовал древний человек, но и того, как он думал» [Дьяконов, 1990, с. 13]. С этой точки зрения, анализ мифов есть средство выявления первичных структур сознания, исходной и искомой «анатомии» человеческого ума.

Как показал К. Леви-Стросс, ведущую роль в семантике мифа играют бинарные оппозиции (верх – низ; мужское – женское; жизнь – смерть и др.). С.З. Агранович и И.В. Саморукова в своих исследованиях обосновывают предположение о том, что и культура базируется на асимметричных бинарных оппозициях, соединенных медиативным

элементом [Агранович, Саморукова, 2001]. У нас есть основания полагать, что и сознание структурно основывается на асимметричных бинарных оппозициях [Агранович, Березин, 2005]. Мы убеждены, что совпадение это неслучайно и объясняется строением головного мозга человека, важнейшее отличие которого от мозга высших животных заключается в функциональной асимметрии его полушарий [Там же]. Не исключено, что именно функциональная асимметрия головного мозга человека является причиной бинарности и сознания, и семантики мифа, и кардинальных кодов культуры.

Миф интересен психологии и как инструмент интерпретации, поскольку, как показали, используя разную доказательную базу К.Г. Юнг и М. Элиаде, архаические мифы являются внеисторическими архетипическими сюжетами, участвующими в детерминации поведения современного человека [Элиаде, 2000; Элиаде, 2002; Юнг, 1996]. Например, многие особенности поведения детей в пространстве современного города наилучшее объяснение находят, если рассматривать их как закрепившиеся в детской субкультуре реликты архаическим инициаций и связанных с ними мифов [Осорина, 1999; Чередникова, 2002].

В последние несколько десятилетий интерес психологии к мифу возрастает, что в значительной степени связано с психотерапевтическими возможностями мифа и архаических инициаторных практик. К слову сказать, психотерапевтическая функция мифа в древних обществах неоднократно отмечалась культурологами [Армстронг, 2005] и религиоведами [Элиаде, 2000; Элиаде, 2002].

Освоение психотерапевтического потенциала архаических мифов для *современного* человека в самой психологии находится в начальной стадии и иницировано не столько логикой развития науки, сколько потребностями практики. Примерами такой практики могут быть экзистенциально-инициальная психотерапия [Дюркхайм, 1992], культурно-антропологическая семейная психотерапия [Зельцер, Зельцер, 2002], в том числе и ландшафтная аналитика, опыт которой мо-

жет быть использован как аргумент в пользу тезиса о психотерапевтическом потенциале мифа.

Ландшафтная аналитика – это метод групповой психотерапии, основанный на рефлексии и анализе мыслей, эмоций и чувств, возникающих у человека в процессе сосредоточенного контакта с ландшафтным объектом [Березин, Исаев, 2009].

Отечественная психология лишь совсем недавно обратилась к изучению проблемы «ландшафт и человек». Будучи одним из аспектов фундаментальной проблемы пространства, она до недавнего времени находилась на периферии психологических исследований. Несмотря на то, что категория *пространство* и семантически связанные с ней категории *поле*, *среда*, *граница*, *территориальное поведение* активно используются в различных направлениях и отраслях психологии, человек и его экзистенциальные отношения с ландшафтом остаются мало изученными.

Есть все основания предполагать, что проблема пространства со временем займет в психологии одно из центральных мест. И дело не только в динамичном развитии различных направлений средовой психологии (психологии среды). Не за горами то время, когда психология обратится к реальному изучению того, что называется внутренним миром личности. Если при этом понимать внутренний мир именно как мир, а не как совокупность каким-то образом взаимосвязанных психологических феноменов, то очевидно, что без использования категории *пространство* описать этот мир будет практически невозможно.

Ландшафт как пространство. Пространство, в котором живет человек, всеобъемлюще. М. Хайдеггер выразил эту мысль точно и просто: от пространства «нельзя отвлечься, перейдя к чему-то другому». Однако, само пространство может быть воспринято благодаря тому, что элементы наблюдаемого ландшафта выступают как опорные точки его структурирования. Разница в восприятии звездного ночного и безоблачного дневного неба очевидна. Ночное небо вос-

принимается как сфера, как свод, как имеющее протяженность, глубину, направление и даже форму благодаря наблюдаемым на нем звездам. Восприятие географического пространства осуществляется во многом благодаря восприятию формы, величины, взаимного расположения ландшафтных объектов, их удаленности и направления, в котором они находятся. Для человека природное пространство – это прежде всего ландшафт. Именно компоненты ландшафта, как вмещающего человека пространства, были той исходной данностью, которая использовалась для выживания и подлежала осознанию. Процессы осознания естественного ландшафта начались с сакрализации и мифологизации его элементов. Приобретая семантику и образность, природный ландшафт преобразовывался в коллективном сознании, все больше и больше превращаясь в ландшафт-текст.

Со временем, «обрастая смыслами», ландшафтные объекты приобретали смысловую нагрузку. Гора переставала быть просто горой, она становилась жилищем богов или местом шабаша нечистой силы; пещера переставала быть жилищем людей и стала восприниматься как вход в царство мертвых... Некоторые ландшафтные объекты одушевлялись и воспринимались как живые существа. Например, родники, ключи, источники... Римская цивилизация знаменита своими техническими достижениями. Однако водоразборные колонки, строившиеся по всему Риму для снабжения населения водой, не имели кранов. Иногда это создавало значительные неудобства, но краны на колонки не ставили. Кран как устройство был изобретен римлянами давно. Краны не ставились, потому что источник мыслился живым, и закрыть кран означало бы пресечь его жизнь, то есть убить.

Постепенно природный ландшафт в коллективном сознании становился все более и более подробным текстом, запечатлевшим мифологию связанного с ним и формирующегося в нем человеческого коллектива. С другой стороны, глаз путешественника, как глаз-репейник, выискивает в ландшафте следы присутствия человека. Эти следы многое могут *рассказать* о ментальности тех, кто их оставил. Нако-

нец, восприятие ландшафта всегда несвободно от проецирования на него субъективного содержания. Эти процессы визуального и сенсорного проецирования бессознательны. Мало кто отдает себе отчет в *таком* акте видения. Воспринимая ландшафт и его объекты, человек одновременно проецирует на них свою культурно обусловленную субъективность. Мы читаем ландшафт-текст в зависимости от того, как нас научили читать его универсальные знаки.

В ландшафтной аналитике всегда важно и коллективное, и индивидуальное прочтение ландшафта.

Культурный ландшафт, а точнее было бы сказать *природно-культурный ландшафт*, возникает в результате синкретического взаимодействия природы и культуры. Предки человека жили в природном ландшафте и были его частью. Существовавшее изначально в виде сакрализации и мифологизации, осознание ландшафта наполнило его ментальными смыслами и артефактами. Не исключено, что любой ландшафт, даже казалось бы дикий, является для человека культурным, то есть насыщенным и насыщаемым образами и смыслами.

Преобразование естественного ландшафта в культурный выражается в изменениях растительного и животного мира, рельефа, климата и других компонентов, исходно принадлежащих природному ландшафту. Однако преображаясь порой весьма существенно, природа оставляет в ландшафте всегда заметный след, она пребывает в нем вечно либо в виде рельефа, либо в виде продуктов ментальной активности: топонимы, этнонимы, ассоциации. Природа пребывает всегда не только в культурном ландшафте, но и в творениях самой культуры. Ландшафт в преобразованном виде «живет» в архитектуре культовых сооружений. Как пишет И. Можейко в книге «1185», «индийский храм произошел от горы и пещеры в ней. Такое происхождение легко прослеживается в самой архитектуре храма. Индийский средневековый храм внешне выглядит грузно, массивно, тяжело, его фасады раздроблены и измельчены украшениями и скульптурами. Невольно создается ощущение испещренной трещинами скалы. Внутри этой ог-

ромной горы, под ее многотонной тяжестью находится низкая, темная пещера – внутреннее помещение храма». Совсем по-другому тот же автор описывает храмы Бирмы. Однако и здесь в устройстве храма легко обнаруживается присутствие ландшафта, выраженное в идее границы. «Храмы Бирмы внешне выглядят очень просто. Само здание имеет форму куба, над которым ступенчатой пирамидой поднимается крыша с сикхарой наверху. Стены здания – светлые и чистые – украшены пышными порталами. Внешний облик храма резко контрастирует с его внутренним убранством. Входящий внутрь храма попадает в темный, тесный, загадочный мир с узкими коридорами и небольшими помещениями. Статуи богов и святых стоят в полумраке и лишь узкие полоски света подают на их загадочно улыбающиеся лица. Резкий контраст между внешним – светлым, простым, открытым, понятным – и внутренним – темным, сложным, закрытым, загадочным – устройством храма подчеркивает отличие между внешним миром и миром души. Пересекающий границу миров неизбежно оказывается в ином состоянии сознания» [Можейко, 1989, с. 115].

Размышляя о взаимодействии и взаимообусловливании культуры и природы, И.И. Свирида пишет: «Естественный ландшафт повлиял на структуру лабиринта – одну из наиболее многозначных пространственных архитектурных форм. Его происхождение связано как с ландшафтными элементами, так и с мифологией. Она сама обнаруживает зависимость от ландшафта и его рельефа, о чем свидетельствовала крито-микенская культура с ее легендарным, как полагают ученые, Кносским лабиринтом и мифом о Минотавре» [Свирида, 2007, с. 23]. Отметим, кстати, что лабиринт в коллективном сознании является поздним (и потому уже отчасти структурированным) воплощением хаоса, встреча с которым и для человека, и для человеческого коллектива всегда сопровождалась если не драматическими последствиями, то уж драматическими переживаниями точно [Агранович, Березин, 2005].

Еще раз обратим внимание на то, о чем говорит И.И. Свирида: зависимость мифологии от ландшафта и его рельефа. Если иметь в виду, что архаическое сознание существовало в форме мифа [Дьяконов, 1990], то можно предположить наличие глубинной генетической связи между ландшафтом (ландшафтными объектами мифа) и сознанием. Мы полагаем, что эти связи являются архетипическими конструктами, доступ к которым открывается в процессе *переживания* контакта с ландшафтными объектами.

С другой стороны, разнообразные продукты ментального освоения ландшафта не только фиксируют природное в культуре, но и опосредуют восприятие природы. Локус интимного соединения культурного и природного начал, похоже, располагается в индивидуальном сознании. Именно здесь встречаются природный ландшафт как пространственная среда и природный ландшафт как объект и результат восприятия. Здесь естественный ландшафт служит основой и стимулом для генерации новых образов и смыслов. «Естественный ландшафт, – пишет И.И. Свирида, – включен в экзистенциальные отношения природы и культуры, служит их полем и порождающим началом, в результате выступая в функции субъекта» [Свирида, 2007, с. 11].

Субъективизация ландшафта. Проецирование субъективного содержания на внешние, в том числе и ландшафтные объекты, наполняет их субъективностью; они начинают восприниматься как живые и наделенные чувствами и способностью реагировать. Целый «список» фантазий и бессознательных комплексов и страхов проецируются на природные объекты, оживляя их. Процесс этот не носит одностороннего характера. Речь идет именно о взаимодействии человека и ландшафтных объектов. В условиях ландшафтной аналитики отмечаются схожие поведенческие и эмоциональные изменения у совершенно разных людей, возникающие в процессе их контакта с конкретным объектом. Наиболее выраженная динамика поведения и состояний наблюдается в ситуации контакта человека с теми объектами, которые еще со времен архаики служили сакральными символами различ-

ного уровня. Это отдельно стоящие или выделяющиеся каким-либо признаком холмы и горы, скалы и камни, внушительных размеров деревья, пещеры, источники воды и др. Сходная эмоциональная динамика, направленность которой определяется ландшафтным объектом и не зависит от других мыслимых переменных, не оставляет сомнений в том, что является ее источником.

Проблема субъективизации ландшафтных объектов, конечно, еще ждет своей психологической разработки. Возможность субъективной позиции природного объекта в системе «индивид – среда» обоснована в работах С.Д. Дерябо и В.А. Ясвина [Дерябо, 1995; Дерябо, Ясвин, 1996]. Однако, процесс субъективизации, как нам кажется, нуждается не столько в обосновании его возможности и/или необходимости, сколько в его объяснении.

Размышляя о взаимоотношении человека и природы, В.И. Панов обосновывает идею «целостного представления системы «индивид – среда» как единого, совокупного «субъекта», реализующего в своем становлении самоосуществление общеприродных закономерностей становления форм материального бытия» [Панов, 1998]. В этом случае, по мнению В.И. Панова, тип взаимодействия между компонентами системы «индивид – среда» можно обозначить как субъектно-порождающий. Развивая рассуждения в этом направлении, мы могли бы придти и к обоснованию, и к объяснению порождающей функции ландшафта. Мы этого делать не будем. Для нас это важный, но слишком *общий* вопрос. Мы скажем о другом. Некоторые ландшафтные объекты, а именно те, которые использовались в практике инициации и шаманских посвящений, которые сакрализировались еще во времена глубокой архаики и как важная часть вошли в структуру мифов и ритуалов, порождают эмоциональные переживания и смыслы вполне конкретной направленности. Даже если представить себе человека каким-то фантастическим образом избежавшего знакомства с мифами, сказками, выросшего в стерильной и механической языковой среде, где речевые сообщения носили исключительно прагма-

тический смысл, то и в этом случае мы вряд ли ошибемся, попытаюсь представить себе какие эмоции и мысли будут толпиться в его голове на вершине горы; при входе в пещеру; на перекрестке дорог... Есть основание полагать, что некоторые ландшафтные объекты обладают по отношению к современному человеку выраженной *смыслопорождающей* функцией, сформировавшейся в процессе антропосоциогенеза. Находясь в контакте с таким объектом, человек испытывает вполне предсказуемые переживания.

Контакт со смыслопорождающим ландшафтным объектом заставляет человека обратить внимание на те стороны его существования, которые в обычной жизни «зашумлены» социальной и бытовой активностью. В таких столь разных событиях обыденной жизни как развод, выход на пенсию, увольнение, провалы в карьере, уход детей из семьи, расставание с любимым человеком, переезд в другую местность, кризис среднего возраста очень сложно рассмотреть то общее, что присутствует в связанных с ними переживаниях – страх перед неизбежностью собственной смерти, одиночеством и абсолютной непредсказуемостью существования. «Факт смерти разрушает нас, идея смерти может нас спасти» [Ялом, 2005, с. 320]. Вытесняя из сознания неизбежность собственной смерти, человек вытесняет и идею смерти, осознание и принятие которой означало бы большую ответственность за каждое мгновение жизни [Там же].

Пещера воплощает в себе идею смерти непосредственно. Контакт с пещерой актуализирует у человека переживания, которые, по мнению И. Ялома, являются «наиболее действенным пограничным опытом». Нередко в таких переживаниях человеку открываются новые смыслы его бытия. Наши исследования показывают, что мощным смыслопорождающим потенциалом обладают ландшафтные объекты, которые включены в структуру ритуала, мифа, часто предстают в сновидениях, упоминаются в религиозных текстах, легендах, сказках и других фольклорных жанрах, использовались в практике инициаций, то есть, те объекты, которые *живут* в культуре.

В качестве возможных ориентиров активности в условиях ландшафтной аналитики могут быть предъявлены переживания смерти, одиночества, близости, искренности и подлинного участия. Возможность такого предъявления открывается благодаря особой смыслопорождающей функции ландшафта, сформировавшейся в процессе антропосоциогенеза.

Можно было бы сказать, что ландшафтная аналитика – это таинство встречи человека и гипертекста культуры.

Размышляя о месте и роли природного ландшафта в культуре и становлении человеческого сознания, И.И. Свирида пишет: «Ландшафт служит частью не только внешнего, но и внутреннего пространства человека» [Свирида, 2007, с. 23]. Встреча с такими ландшафтными объектами всегда сопровождается тонкими и глубокими переживаниями, рефлексия которых актуализирует в сознании человека содержание, которое в «суете городов и в потоке машин» (В. Высоцкий) вытесняется на его периферию. Вместе с тем, встреча с таким содержанием и связанными с ним переживаниями могут таить в себе некоторую угрозу для человека. Помещая их в фокус своего сознания, человек, конечно же, рискует. Этот риск связан с расширением осознания, а значит, и с преодолением границ определенности, и с встречей с собой другим. Углубляя контакт со смыслопорождающим ландшафтным объектом, человек совершает действия, подвигающие его за границы себя наличного к себе возможному. Пьер Жане назвал бы это «успешным подвигом». Заметим, что такие подвиги схематично очень близки к подвигам героев мифов. Совершающий подвиги становится Героем. Понимание того, что пространство мифа имеет ту же топику, что и пространство бессознательного, открывает возможность превратить путешествие по естественному ландшафту в путешествие по ландшафту собственной души.

Литература

1. *Агранович С.З., Березин С.В.* Homo amphibolos: Археология сознания. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2005. – 344 с.
2. *Агранович С.З., Саморукова И.В.* Двойничество. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.
3. *Армстронг К.* Краткая история мифа. – М.: Открытый мир, 2005.
4. *Березин С.В., Исаев Д.С.* Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2009.
5. *Дерябо С.Д.* Природный объект как «значимый другой». – Даугавпилс, 1995.
6. *Дерябо С.Д., Ясвин В.А.* Экологическая педагогика и психология. – Ростов-на-Дону, 1996.
7. *Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. – М.: Наука. Гл.редакция вост.лит-ры, 1990.
8. *Дюркхайм К.* О двойственном происхождении человека. – СПб.: Импакс, 1992.
9. *Зельцер В.Дж., Зельцер М.Р.* Культурно-антропологический подход к семейной психотерапии: мифы и магия // *Вопр.психол.* 2002. № 6. С. 93-103.
10. *Можейко И.* 1185. – М.: «Наука», 1989.
11. *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 1999.
12. *Панов В.И.* Психические состояния как объект и предмет психологического исследования // *Мир психологии.* Научно-методический журнал. – М.: Психолого-социальный институт НПО «МОДЭК», 1998.
13. *Свирида И.И.* Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора. В кн.: ландшафты культуры. Славянский мир. – М.: Прогресс-Традиция, 2007.

Пространство мифа – пространство бессознательного

14. *Чередникова М.П.* Голос детства из дальней дали... (Игра, магия, миф в в детской культуре). – М.: Лабиринт, 2002.

15. *Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы, Священное и мирское. – М.: Ладомир, 2000.

16. *Элиаде М.* Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002.

17. *Юнг К.Г.* Структура психики и процесс индивидуации. – М.: Наука, 1996. – 200 с.

18. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. – М.: Независимая фирма «Класс», 2005.

НАПРАВЛЕНИЕ 8. ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

Е.В. Литягина

«Ящик для письменных принадлежностей» Милорада Павича: контент-анализ, проведенный студентами-психологами¹

На одном из учебных курсов дисциплины специализации студентам было дано задание проанализировать художественное произведение с использованием метода контент-анализа. Из предложенных вариантов была выбрана работа Милорада Павича «Ящик для письменных принадлежностей».

Предлагаемые студентам для анализа произведения, и выбранное в том числе, можно охарактеризовать как «гипертексты» (Роберт Куввер), т.е. произведения, напечатанные классическим способом, но художественная ткань которых при этом обладает свойствами гипертекста (электронного, интерактивного и многоголосного, существующего в нелинейном пространстве). По мысли Ясмینی Михайлович, «Структуру рассказов Павича можно условно сравнить с компьютерной видеоигрой. В них пространство с виду не ограничено, так что создается иллюзия бесконечности. Переходом с уровня на уровень, вперед-назад, влево-вправо решаются загадки и собираются сведения, чтобы из мозаики получилось целое, а это могут лишь мастера игры» [Павич, 2005, с. 199].

¹ В статье были использованы результаты исследований студентов психологического факультета Самарского государственного университета Е.А. Бессоновой, Е. Паниной, Н.А. Букреевой, И.Г. Шайхрамовой, Д.М. Горновитовой, Е. Чукиной.

«Ящик для письменных принадлежностей» Милорада Павича: контент-анализ ...

Каждый художественный текст выступает рефлексивным зеркалом по отношению к другому тексту, наполняя и обогащая его собственными мыслями и ассоциациями [Петренко, 2005]. В текстах Павича «просвечивают» прототексты мифологии, религии, истории, через смысловые контексты которых только и возможно понимание.

Для произведений Павича характерно дематериализация пространства и нелинейность времени, читатель вынужден буквально пробиваться к пониманию произведения через толкование его глубинных смыслов. Подобная многоуровневость в организации смысловых контекстов, где наиболее глубинным пластом выступают архетипические структуры, специфична, в частности, для мифологического сознания. Многозначность, присущая всем произведениям этого писателя, многовариантность сюжета при субъективном его понимании как нельзя более подходит для проведения психологического анализа.

Нам было интересно исследовать, какие категории будут выбраны студентами для анализа текста, что покажется наиболее интересным, какие смысловые линии они обнаружат в этом неисчерпаемом источнике самопознания.

Итак, студентам было дано задание проанализировать одну главу из книги М. Павича «Ящик для письменных принадлежностей», используя метод контент-анализа.

Контент-анализ в психологии является методом выявления и оценки специфических характеристик текстов и других носителей информации, в которых в соответствии с целями исследования выделяют определенные смысловые единицы содержания и формы информации: психологические характеристики персонажей из средств массовой коммуникации, виды взаимодействия людей, жанры сообщений и т.п. Контент-анализ, в отличие от элементарного содержательного анализа, позволяет получать более объективные и надежные данные [Словарь ..., 2005].

НАПРАВЛЕНИЕ 8. ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

Кроме учебной задачи – освоения метода контент-анализа, мы преследовали еще одну задачу – знакомство с произведением, подобным этому. К сожалению, студенты мало читают. А студентам-психологам совершенно необходимо не только с культурной, но и с профессиональной точки зрения знать определенные художественные произведения.

Роман М. Павича содержит множество тем и подтекстов, которые создают объем произведения. Открывая один за другим ящики, где хранятся почтовые открытки, прядь волос, глиняная трубка или судовой журнал, мы проникаем сквозь время, смысл и энергетику вещей, чудом сохранившихся в этом старинном дорожном ящике, мы восстанавливаем путь, пройденный главным героем романа. Причем в любой момент мы можем остановиться или просто не открыть один из ящиков и тогда сюжет книги приобретает совершенно новое и неожиданное звучание (Д. Горновитова).

Студентами было предложено множество тем и категорий анализа текста романа, которые мы обобщили и представили в виде таблицы 1.

Наиболее часто для анализа текста романа студенты выбирали тему «запах» и «цвет», включенные нами в категорию «Ощущение и восприятие» (запах, цвет, вкус, звук).

Запах создает необходимый контекст восприятия. Основной сценарий романа описывает очень конкретную и прагматичную в действиях Мадам, но запахи, создающие определенный контекст, позволяют воспринимать внешнюю прагматичность лишь как текст в контексте иллюзорного. Тема «запахов» служит поддержкой темы «телесности», дополняя и расширяя ее до постановки вопроса о близости и сексуальности. Возможно, обилие запахов и ароматов в начале книги есть элемент провокации, который предлагает читателю выйти за рамки привычного восприятия мира, не видеть и замечать, а чувствовать, воспринимать мир естественно и бессознательно (Н. Букреева).

Таблица 1.

Категории и темы анализа текста романа
М. Павича «Ящик для письменных принадлежностей»

	Категории анализа романа	Темы	Количество выборов студентами темы	Количество выборов категорий
1.	Ощущение, восприятие	Запах	10	20
		Цвета	8	
		Вкус	1	
		Звук	1	
2.	Гендерная	Женщина	7	12
		Мужчина	4	
		Отношения между мужчиной и женщиной	1	
3.	Чувственно-эмоциональная сфера, телесность	Любовь, страсть	3	7
		Эротическая тема	2	
		Эмоции	1	
		Телесность, сексуальность	1	
4.	Время	Время	4	6
		Смерть	1	
		Жизнь	1	
5.	Пространство	Внешняя обстановка	2	5
		Предметы	1	
		Описание комнат	1	
		Природа	1	
6.	Еда	Еда	4	5
		Символическое описание блюд	1	
7.	Части речи	Глаголы, прилагательные, существительные, числительные	3	3
8.	Другие темы	Философия жизни (афоризмы); названия и описания (названия и марки) и др.	Единичные темы, не вошедшие в какую-либо отдельную категорию	

По результатам анализа первой части «Верхний уровень ящика для письменных принадлежностей», проведенного И. Шайхрамовой

НАПРАВЛЕНИЕ 8. ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

по двум категориям – цвет и запах, обнаружилось преобладание ольфакторных характеристик в описании героев над цветовыми. Наиболее часто в произведениях авторы используют цвет для подчеркивания образа героя. В данном романе автор использует запахи для создания целостного и многомерного образа персонажей. В исследовании проверялось предположение о том, что тема запахов используется для усиления образов мужчины и женщины, а также для образов окружающего их пространства; сравнивалась выраженность цветовых и ольфакторных (ароматических) способов в описаниях героев и окружающего их пространства.

И. Шайхрамова обратила внимание на символическую нагрузку запахов. Так, например, запах корицы встречается несколько раз, и в романе он связан с взаимоотношениями с мужчиной (в частности, с любовником героини – майором Бейли). Во всем мире и во все времена эфирное масло корицы считалось маслом мужского гигантизма – продуктом, стимулирующим половую активность мужчины. Запах корицы также сравнивают с теплым покрывалом, которое согревает как физически, так и эмоционально.

В тексте романа есть довольно объемный фрагмент, в котором не встречается ссылка на запахи. По сюжету этот момент связан с расставанием героини с мужем. Видимо, отсутствие запаха (как наиболее интимной сферы в отношениях, сферы телесности) говорит о полном и окончательном разрыве между супругами. В жизни мы часто встречаем выражение: «Чтобы духу твоего здесь не было». Исчезновение запаха как точка в близких отношениях (И. Шайхрамова).

Отмечается бедность использования цветов при описании героев. Что касается цветового описания пространства, то используются весьма нетрадиционные цвета. Пространство описывается через материалы, имеющие свой трудно описываемый, индивидуальный оттенок: дерево, металл, стекло. Цветовой ряд монохромный: белый – пепельный или черный – темный. Можно предположить, что этот прием автор использует для достижения концентрации внимания на героях,

«Ящик для письменных принадлежностей» Милорада Павича: контент-анализ ...

а также, чтобы представления о цвете не мешали обонятельному представлению, а дополняли его. Доказательством предположения может быть то, что цвет пространства появляется вместе с запахами мужскими и женскими. Использование цвета в пространстве встречается в начале ситуации или события. Цвет появляется при описании верхнего уровня ящика, перед встречей с любовником, при выборе квартиры, то есть цвет вводит читателя в новую ситуацию, а не сопровождает ее (И. Шайхрамова).

На втором месте по частоте использования тем для анализа стоит категория, которую мы назвали «гендерная» (тема мужчины, женщины, взаимоотношения полов). Чаще других используется «женская» тема. Согласно результатам исследования Е. Бессоновой, в восьмой главе тема Женщины больше представлена личными местоимениями, а в девятой главе эта тема раскрывается автором через ссылки на плодovitость и женскую функцию.

Впрочем, отнести роман к «женскому» или «мужскому» представляется затруднительным. В подтверждение этого вывода можно привести отрывок из работы Е. Бессоновой: «Мне кажется, все содержание этого романа наполняет одна фигура. И пока я не могу решить, то ли это мужчина, который познакомился со своей внутренней женщиной, то ли это женщина – встретившая своего внутреннего мужчину... Это существо я назвала условно Литие... Ящик для письменных принадлежностей – это целая жизнь Литие, которая попала в руки для описания лицу, от чего имени ведется рассказ. Поэтому, чем дальше или глубже ящик, тем взрослее это существо. Ведь годы идут парами...»¹.

Сложность отнесения к мужской или женской теме объясняется тем, что в романе нет четко выделенного главного героя, преобладания женского или мужского. Е. Панина, исследуя частоту встречаемости слов и фраз, относящихся к женской и мужской сфере, установи-

¹ Выражение «годы идут парами» заимствовано из романа М.Павича «Ящик...»

НАПРАВЛЕНИЕ 8. ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

ла, что в тексте романа упоминание о мужском и женском запахе встречается одинаково часто (коэффициент корреляции 1).

Тема «Отношения между мужчиной и женщиной» преобладает над другими темами (философия жизни, названия и описания) во второй части романа «Средний уровень ящика для письменных принадлежностей», причем, это зачастую любовные отношения (Е. Чукина).

Тема телесности (сексуальности) вообще очень интересно представлена в романе. Мы отнесли ее к категории «Чувственно-эмоциональная сфера», выделив отдельно «телесность». По мнению Н. Букреевой, автор изначально устанавливает эту тему в качестве центральной. Далее, на протяжении всего романа тема телесности активно проявляется, в том числе и через другие тематические линии (например, тема времени и связи времен) раскрывается через обращение к телесности.

Анализ первой части «Сорок восемь почтовых открыток», проведенный по двум категориям: обоняние (восприятие мира через запахи) и телесность / сексуальность (восприятие мира через телесную сферу) показал преобладание темы телесности / сексуальности над темой обоняния и запахов (Н. Букреева). Для проверки гипотезы исследователем был использован U-критерий Манна-Уитни (в качестве единичного случая была выбрана страница в книге; общее число случаев – 28). Результаты проведенного математического анализа показали, что тема телесности преобладает над темой запахов и обоняния на уровне достоверности $p < 0,05$ ($p = 0,018$). При небольшом количестве случаев этот уровень достоверности можно считать значимым.

По данным исследования восьмой и девятой главы романа, проведенной Е. Бессоновой, можно сказать, что эротическая тема, включенная в категорию «Чувственно-эмоциональная сфера», раскрывается автором как в виде прямых высказываний (преимущественно, в восьмой главе), так и в виде фраз, несущих скрытый (символический) смысл (глава девять).

В произведениях М. Павича большое место уделяется времени как очень важной категории, где прошлое-настоящее-будущее время как таковое, «ибо нет резкой грани между прошлым, которое растет, поглощая настоящее, и будущим, которое, судя по всему, отнюдь не является неисчерпаемым и непрерывным, но с какого-то мгновения начинает уменьшаться и проявляться импульсами» (М. Павич, Пейзаж, нарисованный чаем). Тема времени четко прослеживается на всем протяжении текста романа «Ящик для письменных принадлежностей». Она выражается в таких конструктах, как любовные часы, в рассуждениях о конце света, в монологах о времени и пространстве (Д. Горновитова).

В категорию времени мы включили также тему жизни-смерти. По данным исследования Е. Бессоновой, тема жизни преобладает в девятой главе (символический мир), а тема смерти в восьмой главе.

По мнению Д. Горновитовой, все произведение в целом построено в рамках неких систем координат пространства и времени, где каждый отрезок, ящичек, вещь наполнены смысловым содержанием, снами, переживаниями героев, кулинарными приключениями и лингвистическими переходами от языка к языку, от одного стиля речи к другому.

При сопоставлении тем «времени» и «еды», проведенной Д. Горновитовой, обнаружилось, что данные темы статистически достоверно отличаются друг от друга ($p < 0,004$, использовался t-критерий Стьюдента для зависимых выборок); тема времени встречается в среднем в трех смысловых конструктах каждого абзаца, а тема еды в одном-двух словах. Несмотря на этот факт, тема еды была часто использована студентами для анализа, если не прямо, то косвенно, находя свое отражение через другие темы и категории.

Интересный анализ символики ингредиентов блюд был проведен Е. Бессоновой. Анализировались главы восемь: «Ящик из древесины ореха» и девять: «Отделение, обитое зеленым шелком» по четырем

НАПРАВЛЕНИЕ 8. ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

основным темам (категориям): эротическая, женская, смерти и жизни. Результаты этого исследования мы приводим ниже.

Символика первого блюда: *устрицы с грибами*. *Устрица* является хранительницей жемчуга, т.е. это символ чего-то скрытого, потаенного, возможно запретного, вожделенного и утонченного. Также устрица может символизировать краткое земное удовольствие. А вскрытая раковина означает душу, которая готова покинуть земную оболочку. В китайской символике устрица означает чрево, творческую силу женского принципа, рождение и возрождение, плодовитость, посвящение, справедливость и закон космической жизни. *Гриб* можно рассматривать как символ пениса. По китайской символике – долголетие, бессмертие и упорство. Приснившиеся *яблоко* выступило символом плодородия, любви, мудрости одновременно с обманчивостью и смертью.

Блюдо второе: *зайчатина в соусе из красной смородины*. *Заяц* олицетворяет возрождение, возвращение юности, а также интуицию и свет во тьме. Часто заяц ассоциируется с жертвенным огнем и жизнью, прошедшей через смерть. Это символ плодовитости, он олицетворяет женские менструальные циклы. Здесь плодовитость соединяется с похотью. *Смородина* или ягода (ягоды) символизирует выпуклости женской фигуры – груди и ягодицы. В романе смородина *красная*, что подчеркивает любовь, страсть, энергию, возможно жестокость, сексуальное возбуждение, здоровье и силу наряду с гневом, мстостью и великодушием.

Блюдо третье: *суп из пива*. Пиво и вино обычно связано с беременностью и рождением детей. Струя напитка (влага жизни, откровение) символизирует семяизвержение.

Учитывая выше описанную символику ингредиентов, Е. Бессонова дает следующую трактовку основного блюда «устрицы с грибами»: «Следует взять одну крупную устрицу (*хранилище жемчужины*), сварить в кипящем красном вине (*влаге жизни*), куда следует опустить один грецкий орех в скорлупе (*возращивание*), лимон (*знак*

«Ящик для письменных принадлежностей» Милорада Павича: контент-анализ ...
верной любви) и ложку золы (*смертность*). А грибы подержать над паром морской соли, листа чая и дольки апельсина. Устрицу подают вместе с грибами на большом веере (*жизненный опыт человека*) из бумаги (*символ женщины или женских половых органов*). Сверху все это украсить бананом (*символ пениса*).

Еще одна категория анализа текста – «Части речи», используется в основном как вспомогательная, через которую раскрываются, например, женская тема (см. исследования Е. Бессоновой) или особенности описания пространства. Последнее, в частности, рассматривалось в исследовании Е. Чукиной. Она проводила контент-анализ второй части романа «Средний уровень ящика для письменных принадлежностей». Анализ показал, что, описывая комнаты, автор использует в большинстве случаев существительные, затем глаголы, и только потом прилагательные, отсюда можно сделать вывод, что автору важнее предметная сторона, детали, а не их описание. В целом же во второй части текста существительных больше, чем глаголов и прилагательных. Таким образом Павич раскрывает в тексте предметную сторону и лишь затем действие, движение. При этом интересен тот факт, что при первичном прочтении текста сохраняется субъективное чувство преобладания в тексте описательной стороны, т.е. прилагательных. Особенностью текста романа является то, что для передачи сюжетного развития действия совсем не обязательно использовать глаголы; а для описания комнаты совсем неважно изобилие прилагательных. В этом, по мнению Е. Чукиной, заключается писательский стиль Павича: раскрытие действия и описания через опредмечивание.

Безусловно, приведенные здесь категории и темы анализа романа «Ящик для письменных принадлежностей» далеко неполно охватывают все возможные варианты. Неисчерпаемость смыслового содержания произведений Милорада Павича, многоуровневость, многовариантность сюжета дают возможность каждому читателю найти свое собственное содержание, и смысловое толкование, важное только для него. Что же касается выводов, наблюдений, экспериментальных фак-

НАПРАВЛЕНИЕ 8. ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

тов, полученных студентами в своих исследованиях и описанных в данной работе, то все это можно использовать для дальнейшего анализа не только этого романа, но и других произведений М. Павича.

Литература

1. Словарь практического психолога / В.Шапарь. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2005.
2. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 2005.
3. *Павич М.* Ящик для письменных принадлежностей. – СПб.: Азбука – классика, 2005.
4. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. – СПб.: Питер, 2005.

НАПРАВЛЕНИЕ 9. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

М.Ю. Шейнис

Изучение доминирующих мотивов профессиональной деятельности государственных служащих

Ментальность – это образ мысли, склад души человека. Ее основа – потребностно-эмоциональная сфера. Произошла ли у наших людей переориентация с ценностей духовных, на материальные? Стали ли деньги основой ментальности государственных служащих современной России?

Для эмпирической проверки этого предположения были выбраны сотрудники таможни, непосредственно занятые в процессе таможенного оформления. Выбор именно этой категории государственных служащих обусловлен средней по региону зарплатой и ее незначительной разницей в зависимости от квалификации. Выборка составляет 400 человек, что составляет 79,5% генеральной совокупности.

Вся деятельность человека обусловлена его потребностями. Предметом потребности является мотив. Деятельность человека как правило является полимотивированной. При этом ведущий мотив образует личностный смысл, а второстепенные мотивы-стимулы порождают эмоции. Поэтому для изучения внутреннего плана деятельности необходимо проанализировать, какой личностный смысл имеет для человека каждое из требований к условиям работы, каждая терминальная ценность в жизни вообще и в профессиональной деятельности в частности.

НАПРАВЛЕНИЕ 9. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Гипотезы: 1) Профессиональная сфера деятельности для данной категории государственных служащих является ведущей. 2) Высокая оплата труда не является основным требованием к условиям работы. 3) Высокое материальное положение – не является ведущим мотивом профессиональной деятельности. 4) Высокое материальное положение – не является ведущей терминальной ценностью.

Методики:

1. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) автор – И.Г. Се-нин. – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1991 г.

2. Методика изучения удовлетворенности условиями работы – при ее разработке использован принцип, взятый из книги Г.В. Аконо-ва «Социальная психология высшего образования» – Самара: Изд-во СамГПИ, 1993 – 212 с.

3. При обработке использовался критерий Фридмана χ^2_r , при сопоставлении трех показателей (отражающий стремление к высокой материальной обеспеченности, а также один показатель, превышаю-щий его по значению, и третий – имеющий значение ниже или про-межуточное между первыми двумя.) Описание критерия дано Сидо-ренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: СПЦ, 1996 – 350 с.

Результаты.

1. Исследование значения сфер жизни и жизненных терминаль-ных ценностей (см. таблицу 1-3).

Таблица 1.

Сферы жизни

№	Наименование сфер жизни	сумма баллов	сумма рангов
1	Профессиональная жизнь	5836	169,5
2	Обучение и образование	5811	167
3	Семейная жизнь	5421	255,5
4	Общественная жизнь	5145	
5	Увлечения	4950	

Изучение доминирующих мотивов профессиональной деятельности ...

Разница между тремя ведущими сферами жизни является достоверной на уровне $p < 0.01$, т.к. критерий Фридмана $\chi^2_r = 17,718$ (Для выявления различий по трем показателям при обследовании 100 человек критическое значение при $p = 0,01$ $\chi^2_r = 9,210$). Таким образом, гипотеза №1 не подтвердилась.

Таблица 2.

Терминальные ценности

№	Наименование терминальных ценностей	сумма баллов	сумма рангов
1	Духовное удовлетворение	3616	148,5
2	Достижения	3549	
3	Развитие себя	3545	
4	Высокое материальное положение	3376	190,5
5	Широкие социальные контакты	3370	
6	Сохранение собственной индивидуальности	3332	
7	Собственный престиж	3308	
8	Креативность	3084	258

Разница между показателями значимости духовного удовлетворения, высокого материального положения и креативности является достоверной на уровне $p < 0.01$, т.к. критерий Фридмана $\chi^2_r = 49,065$ (Для выявления различий по трем показателям при обследовании 100 человек критическое значение при $p = 0,01$ $\chi^2_r = 9,210$). Таким образом, гипотеза №4 подтвердилась.

Таблица 3.

Терминальные ценности в профессиональной сфере

№	Наименование терминальных ценностей	сумма баллов	сумма рангов
1	Развитие себя	832	140
2	Духовное удовлетворение	797	
3	Достижения	792	
4	Собственный престиж	773	179
5	Сохранение собственной индивидуальности	729	
6	Широкие социальные контакты	693	
7	Креативность	638	
8	Высокое материальное положение	601	284,5

НАПРАВЛЕНИЕ 9. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Разница между показателями значимости развития себя, собственного престижа и высокого материального положения является достоверной на уровне $p < 0.01$, т.к. критерий Фридмана $\chi^2_{\Gamma} = 127,605$ (Для выявления различий по трем показателям при обследовании 100 человек критическое значение при $p = 0,01$ $\chi^2_{\Gamma} = 9,210$). Гипотеза №3 подтвердилась.

2. Исследования требований к условиям трудовой деятельности (см. таблицу 4).

Таблица 4.

Требования к условиям работы

№	Наименование требований	Сумма баллов	Сумма рангов
1	Хорошие отношения в коллективе	790	154,5
2	Высокая оплата труда	633	202
3	Возможность профессионального роста и должностного передвижения	519	246,5
4	Хорошая организация чередования труда и отдыха	501	
5	Хорошие условия (температурный режим, освещение и т.п.)	491	
6	Возможность общения в процессе работы	409	
7	Большая самостоятельность в ходе выполнения работы	393	
8	Разнообразие выполняемой работы	303	
9	Обеспеченность в полной мере необходимой техникой	287	
10	Низкая напряженность работы	167	

Различия между первыми тремя требованиями являются статистически значимыми. Критерий Фридмана $\chi^2_{\Gamma} = 54,365$ $p < 0,01$ (Для выявления различий по трем показателям при обследовании 100 человек критическое значение при $p = 0,01$ $\chi^2_{\Gamma} = 9,210$). Гипотеза №2 подтвердилась.

Выводы.

1. Высокая оплата труда не является основным требованием к условиям работы. Высокое материальное положение не является ве-

Изучение доминирующих мотивов профессиональной деятельности ...

душим мотивом. Ни в профессиональной деятельности, ни в жизни вообще.

2. Духовное удовлетворение является основной терминальной ценностью. И хотя ведущий мотив в профессиональной сфере – развитие себя, на втором месте все же духовное удовлетворение. Такой результат объясняется спецификой работы, которая заключается в постоянной смене нормативных документов и большим объемом разнопрофильных знаний, необходимых в процессе трудовой деятельности. Этим же можно объяснить и то, что профессиональная сфера отошла на второе место, уступив первое сфере обучения и образования.

Основное требование к условиям работы – хорошие отношения в коллективе.

Таким образом, с большой достоверностью можно сделать вывод о примате духовного над материальным в потребностно-мотивационной сфере обследуемых.

Резюме. В статье изложены результаты исследования потребностно-мотивационной сферы сотрудников таможни. Выборка состоит из 400 человек, что составляет 79,5% генеральной совокупности. Гипотезы №1 и №3 подтверждены при уровне статистической значимости $p < 0,01$. Гипотеза №2 была опровергнута при том же уровне значимости. При обработке результатов использовался критерий Фридмана (χ^2_{fr}).

Кроме того, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в потребностно-мотивационной сфере обследуемых духовные потребности преобладают над материальными.

М.Ю. Шейнис

**Исследование влияния типа базового
образования на эффективность
профессиональной деятельности
после переквалификации**

Принято считать, что социализация – это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, с другой стороны, – процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивида за счет его активной деятельности. первая сторона процесса социализации – это характеристика того, как среда воздействует на человека, вторая его сторона характеризует момент воздействия человека на среду через его деятельность. Социализация – процесс и результат усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности, а шире – в жизнедеятельности в целом.

В разных научных школах представление о социализации получило различную интерпретацию: в необихевиоризме оно трактуется как социальное научение, в школе символического интеракционизма – как результат социального взаимодействия, в гуманистической психологии – как самоактуализация «Я»-концепции. Н. Смелзер определяет социализацию как процесс накопления людьми опыта и социальных установок, соответствующих их социальным ролям [Громов, Мацкевич, Семенов, 1996].

Явление социализации многоаспектно, и каждое из научных направлений акцентирует внимание на одной из сторон изучаемого феномена. Например, с точки зрения концепции развития личности Ч. Кули, в основе социализации лежит представление человека о том, как его оценивают другие; по мнению Дж.Г. Мид [Там же], социали-

Исследование влияния типа базового образования на эффективность ...

зация, включающая в себя несколько стадий, связана с принятием на себя роли других людей и формированием двух компонентов человеческого «Я»: «Я-сам» и «Я-меня», где «Я-сам» – это реакция личности на воздействия других людей и общества в целом, а «Я-меня» – осознание человеком себя с точки зрения других значимых для него людей. Психодинамические теории видят источник социализации в преодолении закономерных кризисов – конфликт между «Оно» и «Сверх-Я» у З. Фрейда или возрастные кризисы в теории Э. Эриксона. Ж. Пиаже [Пиаже, 1963] рассматривал процесс социализации как прохождение последовательных стадий овладения познавательными навыками. Л. Колберг [Громов, Мацкевич, Семенов, 1996] понимал социализацию как нравственное развитие личности, включающее несколько последовательных стадий развития познавательных способностей и понимания чувств других людей.

В отечественной психологии описываемый феномен рассматривается в рамках культурно-исторической теории [Выготский, 1984; Кулюткин, 1978; Рубинштейн, 1989; Рубинштейн, 1973] и др., согласно которой главная закономерность онтогенеза психики состоит в интериоризации индивидом структуры его внешней социально-символической (т.е. совместной с другими и опосредованной знаками) деятельности.

Несмотря на несхожесть различных авторов, отметим, что ряд их положений позволяет сформулировать следующее: психическая среда (ситуация) является интериоризированной собственностью субъекта, где объектом интериоризации является социальная среда. Причем процесс накопления интериоризированного опыта (знаки, значения, символы, роли, мораль и нравственность и т.д.) носит активный познавательный характер интеллектуально-чувственной природы.

Таким образом, конструкт «социальное» есть производная психической реальности, и адаптация к нему становится, в таком случае, приспособлением субъекта не столько к внешним реалиям, сколько к их отражению.

НАПРАВЛЕНИЕ 9. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Процесс труда предполагает построение идеального плана деятельности с учетом своих потребностей и всей ситуации, в которой приходится действовать. Процесс построения этого плана и его использование протекает в форме ориентировочно-исследовательской деятельности, строящей ориентировочный образ [Решетова, 1985]. Ее главное содержание, отмечает П.Я. Гальперин, составляет обследование ситуации, в которой приходится действовать: исследование ее новых объектов, их свойств и взаимосвязей в их значении для деятельности. С их учетом субъект должен действовать: наметить план реализации действий, регулировать, видоизменять их по ходу выполнения, оценивать промежуточные и конечные результаты; самое важное в жизни – правильно сориентироваться в ситуации, требующей действия, и правильно ориентировать его исполнение.

А, собственно, в этом и заключается основное содержание высшего профессионального образования.

Любые психические функции: познавательные, эмоциональные, волевые – представляют собой разные формы ориентировочной деятельности, необходимо возникающие перед субъектом при решении специфических задач. В этой ориентировочной функции – главная сторона каждой формы психической деятельности и всей психической жизни в целом [Гальперин, 1976].

Социальная ориентировка, как известно, – это психическая ориентировка в условиях некоторой общественной ситуации, в которой субъекту необходимо осуществлять поведение [Социальная психология, 1975]. Задачей такой ориентировки (как основы становления поведенческого акта) является категоризация ситуации, ее оценка и определение (выбор) мотива, целей, операций, будущего действия, поступка. Очевидно, такая ориентировка может быть в большей или в меньшей степени адекватна условиям ситуации по характеру используемых в ней знаний (научных или житейских, эмпирических), так и по уровню умения ориентироваться в ситуации данного типа (по уровню способности выделить в ситуации подлинно существенные ее

Исследование влияния типа базового образования на эффективность ...

признаки). Психологическое содержание ориентировочной деятельности (функции, структура) рассмотрено П.Я. Гальпериним [*Гальперин, 1966*].

Ориентировка – особый вид деятельности, по своему характеру исследовательский, формирующий «психический образ». И поскольку образ несет ориентировочную функцию в любой утилитарной деятельности, то он, как ее отражение, «слепок», только в ней и может формироваться и функционировать. Т.о., ориентировка составляет неотъемлемый компонент любой деятельности субъекта. Ориентировка, выражая собой психологическую реальность «сознания», оказывает влияние на деятельность не извне, а изнутри, как ее отражательный и регулятивный компонент, без которого деятельность лишается своего психологического содержания и превращается в совокупность реакций.

Социальная ориентировка выполняет функцию координации двух планов психической деятельности (внешнего – ориентировка в окружающем мире и внутреннем, когда субъективное «Я» становится объектом самопознания, самоанализа, самокоррекции), служит, по видимому, тем опосредующим звеном, с помощью которого в отдельных поведенческих актах (в ценностных выборах) и реализуются глубинные характеристики личности: особенности образа «Я», иерархии мотивов, потребность персонализации [*Андреева, 1977; Петровский, 1982*]. Для выполнения такой роли в профессиональной сфере способ социальной ориентировки должен включать в себя: специальные знания, на основании которых формируется умение выделять существенные характеристики ситуации; правильное понимание ролевых требований, согласованность личных целей и целей организации; соответствие «Я»-концепции и социальной роли.

Именно так определяется та сфера сознания личности, которая связана с профессией, т.е. сознание профессиональное. В широком плане понятие профессионального сознания Н.Н. Нечаев [*Нечаев, 1987*], а за ним и Г.В. Акопов [*Акопов, 1993*] определяют как все те

НАПРАВЛЕНИЕ 9. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

проявления сознания личности, которые связаны с ее профессиональной деятельностью. Они определяются местом и значением данной профессии в профессиональной структуре общества, отношениями личности к данной профессии, ее представителям и к себе как профессионалу; профессиональными идеалами; уровнем профессиональных знаний и умений; выраженностью профессиональных способностей; профессиональными перспективами и достижениями; переживаниями успехов и неудач в профессиональной деятельности [Акопов, 1986].

Если Н.Н. Нечаев ограничивается динамическими характеристиками профессионального сознания, а Г.В. Акопов, наряду с динамикой, изучает его структуру и пути оптимизации формирования в ВУЗе, то И.Б. Ханина и Е.Ю. Артемьева, диагностируют «профессиональное видение мира», изучая, что же конкретно от профессии вносится в образ мира человека [Ханина, 1990].

Н.Н. Нечаев центральной категорией высшего профессионального образования определяет профессиональное сознание [Нечаев, 1985]. При этом сознание он рассматривает в широком смысле, как всю психику человека.

Поэтому правомерно предположить, что от вида и профиля профессионального образования сотрудника таможни будет зависеть его трудовая эффективность в отделе таможенного оформления и таможенного контроля.

Как оказывает анализ кадрового состава таможенных органов, достаточно много сотрудников имеют военное и педагогическое образование. Это вполне объяснимо с точки зрения современной социально-экономической ситуации в России. В связи с изменением внешней политики идет сокращение Вооруженных сил. Массовый отток учителей из средних школ обусловлен низкой заработной платой и большой сложностью, напряженностью труда.

Сравнительный анализ этих двух категорий сотрудников интересен еще и тем, что профессиональное общение в военной среде построено на беспрекословном подчинении старшему начальнику, а ос-

Исследование влияния типа базового образования на эффективность ...

новной задачей педагогики в ее современном понимании является развитие личности учащегося. То есть, социализация в профессиональной сфере военного основана на жесткой иерархии и точном выполнении приказа, а задачей педагога является развитие инициативы, творчества, в конечном счете, субъектности учащегося.

При этом возникает вопрос, насколько в данном случае тип учебного заведения влияет на успешность профессиональной деятельности сотрудника ОТО и ТК. Нужно ли при этом учитывать мотив выбора учебного заведения и степень субъектности индивида в процессе этого выбора.

Эмпирическое исследование влияния особенностей проф. социализации на успешность деятельности сотрудника ОТО и ТК проводилось на базе шести таможен Приволжского регионального таможенного управления.

Выборка была сформирована из должностных лиц перечисленных таможен, непосредственно участвующих в таможенном оформлении. В исследовании приняли участие:

наименование таможни	всего обследовано
Самарская таможня	105
Саратовская таможня	236
Оренбургская таможня	315
Марийская таможня	69
Мордовская таможня	65
Чувашская таможня	64
ИТОГО	851

Наиболее систематическая классификация методов психологии осуществлена Б.Г. Ананьевым [Выготский, 1984]. В рамках этой классификации в работе использован сравнительный метод организации исследования.

Использованы **методики**: 1) ГОЛ – определение проф. успешности; 2) личные дела сотрудников ОТО и ТК – для определения половой принадлежности и профиля ВУЗа, в котором сотрудник получил базовое образование.

НАПРАВЛЕНИЕ 9. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Анализ полученных результатов проводился с помощью углового преобразования Фишера (φ^*).

Анализ различий в успешности сотрудников ОТО и ТК в зависимости от мотивов выбора ВУЗа, так же значимой разницы не выявил.

Отсутствие прямого влияния на успешность профессиональной деятельности профиля высшего профессионального образования объясняется достаточно большим набором педагогических, а особенно военных ВУЗов, представленных в полученной выборке.

Это подтверждается исследованием О.А. Макаревой, проведенным в форме дипломной работы на факультете психологии Самарского ГПИ, под руководством профессора Г.В. Аكوпова «Исследование самооценки, механизмов психической защиты и учебно-профессиональных установок студентов экономического профиля, обучающихся в разных ВУЗах». Результатом этого исследования было установление значимых различий учебно-профессиональных установок студентов экономического профиля, обучающихся в разных ВУЗах. Выборка формировалась из учащихся педагогического, технического и «классического» университетов. В нашем случае, высшее образование сотрудники таможи получали в большом количестве ВУЗов, отличных друг от друга как по территориальному, так и по ведомственному признакам.

Возможно, профиль ВУЗа влияет не прямо, а опосредованно. Таким образом, гипотезу о влиянии профиля высшего профессионального образования на продуктивность трудовой деятельности, необходимо конкретизировать. Возможно профиль ВУЗа влияет на представления работника о тех качествах, которыми должен обладать идеальный таможенник (в нашем случае), на его самооценку, выбор наиболее эффективного стиля профессионального общения. А эти качества, в свою очередь, сами по себе или в сочетании с другими свойствами личности определяют успешность работы специалиста.

Литература

1. *Акопов Г.В.* Психологические аспекты формирования профессионального сознания студентов // Роль высшей школы в проведении реформы общеобразовательной и профессиональной школы: Сб. – Куйбышев, 1986. – С. 63-71; С. 63.
2. *Акопов Г.В.* Социальная психология высшего образования. – Самара: Изд-во СамГПИ, 1993. – 212 с.
3. *Андреева Г.М.* Методологические проблемы и практика социально-психологических исследований // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. Сб. ст. под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 205 с.
4. *Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. соч. т. 6. – М.: «Педагогика», 1984. – 400 с.
5. *Гальперин П.Я.* Метод срезов и метод поэтапного формирования в исследовании детского мышления // Вопр. психол. 1966. № 4. – С. 3-12.
6. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 150 с.
7. *Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная теоретическая социология. – СПб.: Питер, 1996.
8. *Кулюткин Ю.Н.* Психологическая природа деятельности педагога // Творческая направленность деятельности педагога. – Л., 1978. С.7-10.
9. *Нечаев Н.Н.* Психолого-педагогические аспекты подготовки специалистов в ВУЗе. М.: МГУ, 1985. – 112 с., С. 12.
10. *Нечаев Н.Н.* Профессиональное сознание как центральная категория высшего образования // Социальные и психологические проблемы активизации человеческого фактора в народном хозяйстве: Тез. докл. всесоюз. науч.-практ. конф. 29 сент. – 10 окт. 1987. ч. 2. – М.: МГУ, 1987.
11. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.

НАПРАВЛЕНИЕ 9. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

12. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта // Избранные психологические труды. – М., 1963. – 360 с.

13. *Решетова З.А.* Психологические основы профессионального обучения. – М.: МГУ, 1985. – 207 с.

14. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – М.: «Педагогика», 1973. – 424 с.

15. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: в 2-х тт. – М.: «Педагогика», 1989.

16. Социальная психология. Краткий очерк / Под ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковина. – М.: Политиздат, 1975. – 319 с., С. 94.

17. *Ханина Н.Б.* К вопросу о профессиональной составляющей в структуре образа мира // Вестник МГУ. Сер.14: Психология. 1990. №3. С. 42-50.

АВТОРЫ

Агафонов А.Ю. – заведующий кафедрой общей психологии и психологии развития Самарского государственного университета, профессор, доктор психологических наук.

Алирзаева С.М. – студентка 4 курса факультета психологии Самарского государственного университета.

Ахмадеева А.Д. – студентка 3 курса факультета психологии Самарского государственного университета

Бакишутова Е.В. – доцент кафедры социальной психологии Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

Брегидова К.Е. – студентка 4 курса факультета психологии Самарского государственного университета.

Березин С.В. – заведующий кафедрой социальной психологии Самарского государственного университета, доцент, кандидат психологических наук.

Бурина Е.А. – аспирантка кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций факультета психологии СПбГУ.

Ворожейкин И.В. – ассистент кафедры общей психологии Самарского государственного университета.

Гайдуллина Т.В. – студентка 5 курса (выпускница) факультета психологии Самарского государственного университета.

Гусева Е.С. – ассистент кафедры общей психологии Самарского государственного университета.

Доронина К.Ю. – студентка 4 курса факультета психологии Самарского государственного университета.

Ежова О.Н. – доцент кафедры психологии развития Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

Заманаева Ю.В. – старший преподаватель кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций факультета психологии СПбГУ, кандидат психологических наук.

Зоткина Е.А. – старший преподаватель кафедры психологии развития Самарского государственного университета.

Канунникова Ю.С. – студентка 5 курса (выпускница) факультета психологии Самарского государственного университета.

Карпинская В.Ю. – старший преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии СПбГУ, кандидат психологических наук.

Козлов Д.Д. – старший преподаватель кафедры социальной психологии Самарского государственного университета.

Куделькина Н.С. – старший преподаватель кафедры общей психологии Самарского государственного университета.

Литягина Е.В. – доцент кафедры психологии развития Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

Панина Е.С. – студентка 5 курса (выпускница) факультета психологии Самарского государственного университета.

Самыкина Н.Ю. – доцент кафедры психологии развития Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

Скачкова А.Л. – руководитель психологической службы Центра помощи семье и детям Центрального р-на Санкт-Петербурга, психолог-консультант.

Титенков А.В. – студент 5 курса факультета психологии Самарского государственного университета.

Трофимова Н.А. – студентка 5 курса факультета психологии Самарского государственного университета.

Ушмудина О.А. – ассистент кафедры социальной психологии Самарского государственного университета.

Шалаева Н.Ю. – соискатель кафедры общей психологии Самарского государственного университета.

Шейнис М.Ю. – доцент кафедры психологии развития Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

Шпунтова В.В. – старший преподаватель кафедры общей психологии Самарского государственного университета, кандидат психологических наук.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Высшее образование

Квалификация – психолог, преподаватель психологии.

Специализации – психологическое консультирование, социальная психология, организационная психология и психология менеджмента.

Формы обучения – очная, заочная, вечерняя.

Срок обучения – 5 лет, 6 лет.

Телефон приемной комиссии СамГУ – 334-54-24.

Электронный адрес – www.ssu.samara.ru.

Второе высшее образование

Квалификация – психолог, преподаватель психологии.

Специализации – психологическое консультирование, социальная психология, организационная психология и психология менеджмента.

Формы обучения – заочная, вечерняя.

Срок обучения – 2,9 года.

Контактный телефон – 278-09-80.

Абитуриенту

Школа психологических знаний: время занятий – с 18.00 до 20.30, один раз в неделю, с сентября по май.

День открытых дверей в СамГУ – первое воскресенье октября, первое воскресенье апреля.

Тематические олимпиады для поступающих – март, апрель.

Подготовительные курсы по предметам (обществознание, русский язык и литература, биология, информатика).

Телефон приемной комиссии СамГУ – 334-54-24.

НАШИ АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ

Самарский Государственный университет

г. Самара, ул. Ак. Павлова, 1. тел. 278-09-80, 334-54-00.

www.ssu.samara.ru, lisecky@ssu.samara.ru

СПЕЦИАЛИСТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СамГУ

Агафонов Андрей Юрьевич – заведующий кафедрой общей психологии СамГУ, профессор, доктор психологических наук. Тел. 278-09-80.

Березин Сергей Викторович – заведующий кафедрой социальной психологии СамГУ, доцент, кандидат психологических наук, семейный психолог (супружеские и родительно-детские отношения). Тел. 224-70-69.

Березовский Андрей Эдуардович – старший преподаватель кафедры психологии развития СамГУ, врач-психотерапевт. Тел. 265-41-19.

Богдан Наталья Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, практикующий психолог в области межличностных проблем. В том числе коучинг, консультирование по вопросам ВИЧ. Тел. 261-97-87, 8-9276-025-225.

Бутаков Данила Борисович – старший преподаватель кафедры общей психологии СамГУ, кандидат психологических наук, психолог-консультант (работа с детьми и подростками, профилактика и психокоррекция девиантного поведения). Тел. 958-69-69.

Ежова Олеся Николаевна – доцент кафедры психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, специалист по вопросам сохранения и поддержания психического здоровья. Тел. 8-9277-356-240.

Зоткин Николай Васильевич – заместитель декана по научной работе, доцент кафедры общей психологии СамГУ, кандидат психологических наук, специалист по психодиагностике, психологии среднего возраста, психологии эмоций и мотивации. Тел. 263-57-18.

Зоткина Елена Александровна – старший преподаватель кафедры психологии развития СамГУ, специалист по речевым техникам, психологии голосового общения, арт-терапевт, возрастнопсихологическое консультирование, специалист по работе с детьми с нарушениями психического развития. Тел. 263-57-18.

Исаев Дмитрий Станиславович – старший преподаватель кафедры психологии развития СамГУ, врач-психотерапевт (психосоматические расстройства, неврозы, депрессии, помощь тяжелобольным). Тел. 261-97-87, 8-9272-028-626.

Козлов Дмитрий Дмитриевич – старший преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, специалист по математической обработке результатов научных исследований. Тел. 278-09-80.

Камаева Ирина Олеговна – доцент кафедры психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, психоаналитик, семейный консультант. Тел. 332-93-95, 267-04-44, 8-9272-614-636, www.psytraining.ru, office@psytraining.ru.

Литягина Елена Викторовна – доцент кафедры психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, специалист по разрешению подростковых и юношеских проблем и конфликтов. Тел. 278-09-80.

Лисецкий Константин Сергеевич – декан психологического факультета, профессор кафедры психологии развития СамГУ, кандидат педагогических наук, психолог-консультант, специалист в области организационного консультирования, трансперсональной психологии. Тел. 334-54-00.

Макаров Антон Валерьевич – старший преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, кандидат психологических наук, консультант по развитию и обучению персонала, бизнес-тренер. Тел. 272-83-13.

Мышкина Марина Сергеевна – доцент кафедры социальной психологии СамГУ, кандидат психологических наук, психолог-консультант по работе с детьми младенческого и раннего возраста. Тел. 8-9033-042-282.

Самыкина Наталья Юрьевна – доцент кафедры социальной психологии СамГУ, кандидат психологических наук, психолог-консультант, специалист по разрешению подростковых и юношеских проблем и конфликтов. Тел. 278-09-80.

Пыжикова Жанна Владимировна – доцент кафедры психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, специалист по оценке и подбору персонала. Тел. 278-09-80.

Ушмудина Оксана Александровна – преподаватель кафедры социальной психологии СамГУ, психолог-консультант, специалист по разрешению подростковых и юношеских проблем и конфликтов. Тел. 278-09-80.

Шапатина Ольга Валерьевна – доцент кафедры психологии развития СамГУ, кандидат психологических наук, психолог-консультант по работе с детьми дошкольного возраста. Тел. 224-70-69.

Корректор В.В. Трифонова
Компьютерная верстка, макет В.И. Никонов

Подписано в печать 28.12.09

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 22,25. Уч.-изд. л. 16,92. Тираж 100 экз. Заказ № 1834

Издательство «Универс групп», 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано на УОП СамГУ